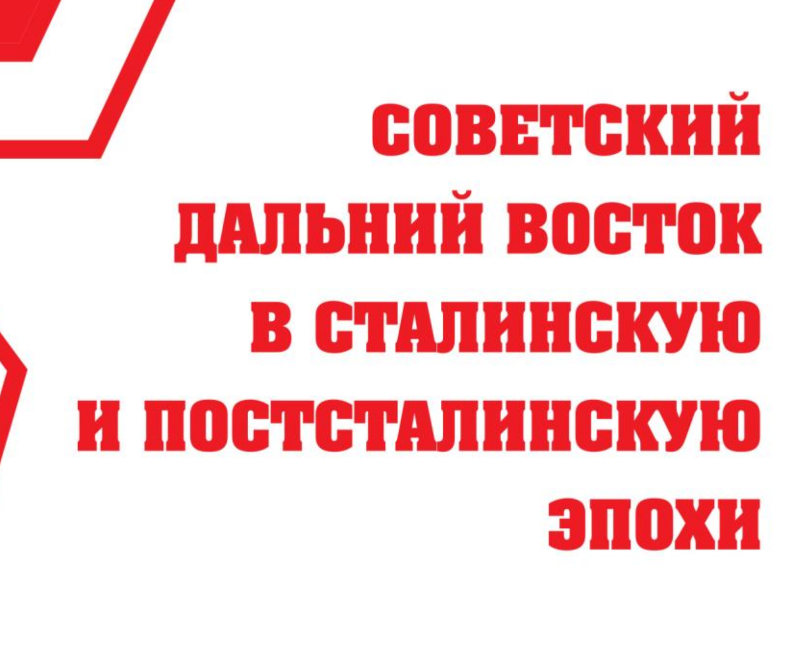

СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СТАЛИНСКУЮ И ПОСТСТАЛИНСКУЮ ЭПОХИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СТАЛИНСКУЮ И ПОСТСТАЛИНСКУЮ ЭПОХИ

Сборник научных статей

Владивосток
2014

УДК: 947.084.5/.088(571.6)

Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 334 с.

ISBN: 978–5–905239–16–8

В настоящую книгу вошли статьи участников одноименной региональной научной конференции, состоявшейся в 2013 г. во Владивостоке. Все они объединены одной целью: провести сравнительный анализ развития Дальнего Востока в рамках двух этапов истории советского общества – сталинского и постсталинского. Данный ракурс позволил авторам дать свежий взгляд по широкому кругу проблем – политики и экономики, общества и власти, народонаселения и миграций, идеологии и культуры, истории повседневности и др., что в целом способствует более глубокому пониманию природы российского общества. В научный оборот введен обширный фактический материал по данной проблематике.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, советское общество, сталинизм, постсталинизм, история, культура, идеология, межэтнические отношения.

The Soviet Far East in Stalin and post-Stalin periods: collection of articles. Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2014. – 334 p.

This book contains the articles by the participants of the eponymous regional scientific conference that took place in Vladivostok in 2013. All the articles are united by one goal: to make a comparative analysis of the development of the Far East within the framework of the two phases of the history of the Soviet society – Stalinist and post-Stalin ones. This view allows the authors to give a fresh view on a range of issues – politics and economy, society and authority, population and migration, ideology and culture, the history of everyday life etc., to promote deeper understanding of nature of Russian society. A lot of factual material on this issue is introduced into scientific study.

Key words: the Russian Far East, Soviet society, Stalinism, post-Stalinism, history, culture, ideology, inter-ethnic relations.

Рецензенты:
д-р ист. наук Л.И. Галлямова, д-р ист. наук Е.Ю. Бондаренко.

Утверждено к печати Ученым советом института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

ISBN: 978–5–905239–16–8

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

THE SOVIET FAR EAST IN STALIN AND POST-STALIN PERIODS

Collection of articles

Vladivostok
2014

Содержание

II. ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

CONTENTS

Предисловие

Данная книга представляет собой сборник статей участников региональной научной конференции «Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи», состоявшейся 25–26 июня 2013 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Конференция была приурочена к 60–летию переломных для российского общества событий 1953 г., когда смерть казавшегося «вечным» И.В. Сталина и последовавшая смена режима власти разделили советскую историю на две эпохи – сталинизм и постсталинизм. Оба этапа развития советского строя имели свои специфические черты.

Цель конференции – сконцентрировать внимание научного сообщества на сравнительном анализе развития советского Дальнего Востока в рамках обозначенных этапов. Перед участниками были поставлены задачи: выявить специфику протекавших в дальневосточном регионе процессов в различных сферах жизнедеятельности, их поступательную и рецессивную динамику, показать исторические достижения и потери, ответить на вопрос, насколько продуктивно на региональном уровне советское общество использовало поворотную точку развития середины 1950-х гг. и каковы были региональные особенности деструктивных явлений советской системы.

Конференция привлекла внимание широкого круга исследователей: в ней приняли участие более 50 чел., в т.ч. 10 докторов и 31 кандидат наук, из них на пленарных заседаниях и секциях выступили 36 чел., представили стендовые доклады 8 чел. Организаторов порадовало, что предложенная проблематика заинтересовала не только ученых–дальневосточников (из Владивостока, Хабаровска, Комсомольска–на–Амуре, Благовещенска, Южно–Сахалинска, Петропавловска–Камчатского, Магадана), но и наших коллег из западных регионов страны (Москва, Санкт–Петербург, Екатеринбург). Для расширения возможности личного участия иногородних исследователей в рамках конференции был организован телемост Владивосток – Благовещенск – Магадан.

Авторы предложили для обсуждения широкий спектр докладов по проблемам политического и экономического развития, общества и власти, народонаселения и миграциям, идеологии, культуры, истории повседневности, на основе которых состоялись интересные и плодотворные дискуссии. Участники выразили единодушие в оценке важности теоретических и конкретно–исторических разработок, связанных с темой конференции, рас-

ширении методологических и концептуальных подходов, признавая как их научную, так и общественно–практическую актуальность. В принятом итоговом документе было отмечено следующее.

«1. Детальный анализ реализации проявлений сталинизма и постсталинизма в конкретных регионах страны призван углубить понимание особенностей развития не только советского, но и современного российского государства, глубинных причин и истоков его взлетов и падений, трансформаций и потрясений, выявить всю цельность и множественность связей и элементов, составляющих ткань взаимоотношений власти и общества, центра с перифериями и между регионами.

2. Заслушанные научные доклады имеют важное практическое значение для процесса завершения фундаментального труда по истории Дальнего Востока. Были представлены новые концепции региональной истории: социально–политической безопасности, пределов десталинизации в регионе, многослойности социально–психологического и культурного режима сталинизма, проявления наследия сталинизма в постсталинский период, а также его влияния на политику соседних стран. Научное сообщество получило новые сведения о ряде событий, расширив знания по экономической, социально–политической, культурной и идеологической жизни в регионе.

3. Конференция успешно выполнила также координирующую функцию, обозначив аспекты, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Дискуссии показали, что к таким проблемам относятся: региональные проблемы реализации налоговой политики, особенности проявления «оттепели», актуальные вопросы историографии, выявление новых источников и др.

4. Конференция рекомендует: а) научным руководителям активнее привлекать молодых исследователей, аспирантов и соискателей к разработке проблематики конференции; б) использовать материалы конференции в подготовке обобщающих исследований по истории советского общества и Дальнего Востока, а также в преподавательской практике в учебных заведениях».

Сборник состоит из разделов, соответствующих темам секций конференции – «Экономика, власть, общество» и «Идеология, культура». Статьи весьма разнообразны не только по проблематике, но и по характеру и форме изложения: среди них имеются как теоретически обобщающие работы со «сквозной» хронологией, так и посвященные конкретным частным аспектам, некоторые из них носят дискуссионный характер. Редколлегия не во всех случаях разделяет точку зрения авторов. Тем не менее считает возможным предложить вниманию читателей весь спектр заявленных на конференции позиций, знакомство с которыми, как мы надеемся, позволит углубить наше общее понимание отечественной истории.

Редколлегия

I. Экономика, власть, общество

Л.А. МОИСЕЕВА

СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1938 – ИЮНЬ 1941 г.): ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XXI в.

В статье рассмотрен исторический рывок в развитии тяжелой промышленности Дальнего Востока СССР во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., ставший результатом реализации планов третьей пятилетки, основанных на принципах структурно–отраслевой комплексности, масштабности капитальных вложений, мобилизации ресурсов. Сделан вывод о важности исторического опыта комплексного подхода государства к развитию Дальнего Востока на современном этапе.

Ключевые слова: комплексное развитие, тяжелая промышленность, капитальные вложения, мобилизация ресурсов, Дальний Восток России.

Сегодня как бы историки ни оценивали сталинский период советской эпохи, очевидно одно: имя Сталина неотделимо от рождения нового общественного устройства в Советском Союзе и за его пределами. Общественная и экономическая структура, связанная с его личной диктатурой, пережила своего создателя.

В известном «Открытом письме Сталину» Ф.Ф. Раскольников писал: «Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры от диктатуры пролетариата»[1]. Это было «теоретическое послание», опиравшееся на идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург, А. Грамши, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Д. Лукача. Согласно их теории после свержения капитализма следует переходный период – диктатура пролетариата, задачей которой является развертывание строительства социализма. Структуру общества середины 1930-х гг. Сталин стал называть социализмом, что не мешало ему называть эту систему и диктатурой пролетариата.

Сталин гордился построением централизованной диктатуры, организованной сверху по правилам строгой иерархии, на вершине которой был он, обладавший неограниченной властью. «Административная система» хозяйствования – это стержень и оригинальность социализма сталинского образца. Однако хотелось бы остановиться на тех сторонах сталинизма, которые стали базой наращивания промышленной мощи Советского Союза.

Чтобы понять как модернизационные процессы вообще, так и происходящие сегодня на российском Дальнем Востоке, очень важно проследить исторический сценарий советской индустриализации 1920–1930-х гг. как формы советского типа модернизации. Тогда был разработан и осуществлен совершенно новый метод развития тяжелой промышленности с целью реконструкции всего народного хозяйства на базе новой техники. Ускоренное комплексное развитие тяжелой промышленности самых отдаленных районов страны – отличительная черта нового метода. На примере Дальнего Востока наиболее ярко видно, как побеждали принципы планомерного хозяйственного освоения обширной территории с высокой концентрацией природных богатств.

Выполнение задач третьей пятилетки (1938–1942 гг.) шло под лозунгом: выиграть историческое соревнование с капитализмом, догнать и перегнать в экономическом отношении развитые капиталистические страны. С этой целью преимущественное развитие тяжелой промышленности предполагало увеличение объема продукции всей промышленности СССР на 92%[2]. В те годы впервые была поставлена задача комплексного развития Дальнего Востока: «На примере Дальнего Востока особенно видно, что без комплексного развития основных экономических очагов страны нельзя обеспечить самых важных государственных интересов. Дальний Восток должен иметь у себя на месте всё необходимое по топливу, металлу, машиностроению, по цементу, лесу и вообще по строительным материалам»[3], – было записано в решении XVII съезда ВКП(б).

Огромный фронт работ в условиях неразвитости строительной базы, создание новых отраслей тяжелой промышленности и подтягивание отсталой топливно–энергетической базы при постоянной нехватке специалистов, а также необходимость решения на месте сложнейших технических проблем – всё это потребовало от краевых партийных и управленческих структур разного уровня поиска организационных форм и методов, которые, естественно, соответствовали и политическому режиму, и командно–административной системе управления.

Важно заметить, что высшее политическое руководство тех лет настояло на том, чтобы развитие отраслей тяжелой промышленности Дальнего Востока сопровождалось постепенным преодолением диспропорций в размещении предприятий тяжелой и легкой промышленности, а также на ликвидации одностороннего деления регионов на производящие и потребляющие, хотя это противоречило теоретическим построениям и рекомендациям экономистов (А. Гинзбурга, С. Берштейна–Когана и др.) по размещению индустрии в СССР. По их мнению, промышленность необходимо было сосредоточить в центральных районах страны, а развитию тяжелой промышленности на Дальнем Востоке должен предшествовать длительный период заселения и культурного освоения этой территории[4].

Кроме того, для решения поставленных задач в регионе партийное руководство широко использовало как идеологическую, так и национальную политику. Партноменклатурная элита также учитывала сосредоточение непосредственно на дальневосточной границе СССР почти миллионной японской Квантунской армии и фактор постоянной угрозы ее нападения, необходимость укрепления обороноспособности Дальнего Востока и активно использовала мобилизационный механизм привлечения в регион новых трудовых ресурсов.

Третий пятилетний план, являясь органическим продолжением первых двух, в комплексном развитии Дальнего Востока должен был стать решающим. Для этого на капитальное строительство было выделено 19,2 млрд руб. против 8,8 млрд руб. (в ценах 1926/27 г.) во второй пятилетке[5]. Для освоения этих огромных (по тем временам) средств партийные и хозяйственные структуры Дальнего Востока сумели использовать массовый трудовой героизм советских людей.

Основной упор был сделан на несколько крупных новостроек, куда выделялось более ¾ всех средств. Такими были прежде всего г. Комсомольск–на–Амуре, где одновременно возводилось 18 крупнейших объектов (заводы «Амурсталь», нефтеперегонный, химический, кирпичный, самолетостроительный, судостроительный завод им. Комсомола и др.), 39 угольных шахт в Приморском крае («Дальшахтстрой»), 10 угольных шахт в Хабаровском крае («Бурейшахтстрой»), нефтепромысел Катангли и новые нефтескважины Охи и Эхаби на Сахалине, Владивостокская ГРЭС, Хабаровская и Комсомольская ТЭЦ, Горюновская ГРЭС, строительство электростанции «Дэсна» в Советской Гавани, машиностроительный завод в Арсеньеве, стройки цветной металлургии («Ургалмашстрой», «Синанчаоловострой») и горнорудной промышленности Дальнего Востока («Дальстрой»), сооружение нефтепровода Оха–Софийское с переходом через Татарский пролив[6]. Было проведено дооборудование и реконструкции 8 крупнейших заводов тяжелой промышленности Дальнего Востока: хабаровские заводы «Дальдизель», «Энергомаш», машиностроительные заводы им. С.М. Кирова, им. Г.К. Орджоникидзе и им. М. Горького, нефтеперерабатывающий завод, в Приморье – «Дальзавод», «Металлист» и Спасский цементный завод.

Исследование стиля и характера официальных документов того времени, в частности, постановлений, материалов по подготовке и обсуждению вопросов, организации контроля нпд их выполнением позволяет судить о настойчивости, оперативности и всевозрастающем опыте руководства новостройками тяжелой промышленности.

К тому же в 1937–1939 гг. произошло изменение структуры управления промышленностью в СССР. Была проведена децентрализация комплексных хозяйственных наркоматов тяжелой и оборонной промышленности и образованы отраслевые наркоматы авиационной, нефтяной, судостроительной, угольной, химической промышленности, боеприпасов, вооружения, машиностроения, цветной металлургии, черной металлургии, электростанций и электрической промышленности, промышленности стройматериалов[7]. В рамках реформы управления в 1938–1940 гг. создавались специализированные строительно–монтажные тресты «Дальэнергострой», «Дальшахтстрой», «Дальнефтестрой», трест № 2 «Амуртяжстроя» и «Госстройтрест» № 6 и др.

Реорганизация управления значительно приблизила партийно-хозяйственное руководство к проблемам промышленных новостроек на Дальнем Востоке. Ярким примером является история строительства в Комсомольске–на–Амуре. Удельный вес всех строек этого города в системе «Главдальстроя», например, в 1940 г. составлял 80%, среди них особо важным был завод «Амурсталь»[8].

Низкая организация труда и использование рабочих не по специальности приводили к тому, что рабочие уходили со стройки до окончания срока договора. За 4 года с начала строительства из 310,6 млн руб. сметной стоимости было освоено только 43,9 млн (13,9%)[9]. И это несмотря на то, что Комсомольску отправлялось все необходимое в первую очередь. ЦК ВКП(б) особо контролировал партийную организацию этого объекта (Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по обеспечению строительства и капитального ремонта в черной металлургии» от 2 июня 1940 г. и «О строительстве дальневосточного завода «Амурсталь» от 2 февраля 1941 г.[10]). Эти документы предусматривали меры внедрения новых методов организации труда, основанных на принципе скоростного строительства, и определили окончательно сроки пуска завода.

Основной особенностью скоростного строительства стало сведение всех видов работ в один комплекс, увязка поступления необходимых материалов с имеющейся рабочей силой и графиком стройки, строгая последовательность работ, безукоризненная организация рабочего места и умелое использование строительных механизмов в сочетании с мускульной рабочей силой. Вмешательство ЦК партии способствовало тому, что «Наркомчермет» наладил бесперебойное снабжение «Амурстали» строительными материалами, оборудованием. Начался монтаж прокатных станов силами заводов–поставщиков («Уралмашем» и Краматорским металлургическим заводом). Большое значение в скоростном строительстве «Амурстали» имело решение Пленума ЦК ВЛКСМ 1940 г. о шефстве комсомола над стройкой[11]. В результате организации комсомольских постов на железнодорожных узлах и станциях грузы для «Амурстали» пошли значительно быстрее. Так, если из г. Горького грузы для стройки шли 100–110 дней, теперь они доходили за 40 дней. По существу, в 1940 г. на строительстве «Амурстали» было сделано столько же, сколько за предыдущие 5 лет[12]. И, несмотря на то, что начавшаяся Великая Отечественная война потребовала от советских людей новых усилий, специализированный строительно–монтажный трест №2 «Амуртяжстроя», преобразованный в 1941г. в Особую строительно–монтажную часть №2 Наркомстроя СССР, наращивал темпы возведения завода. 15 февраля 1942 г. страна, заводы тяжелой и оборонной промышленности Дальнего Востока получили первые 90 т амурской стали.

Не менее важными были и другие результаты. Для нужд металлургического завода началось интенсивное разведывание и промышленное использование железной руды в Уссурийском и Мало-хинганском районах, магнезитовых руд у бухты Ольга, известняка у ст. Лондоко и т.п. Создавались новые промышленные центры, оживали целые районы. Скоростное строительство было основным методом при возведении промышленных объектов Комсомольска – машиностроительного, самолёто– и судостроительного, химического, нефтеперегонного, кирпичного заводов, ТЭЦ–2 и др. Темпы

строительства в предвоенные годы стали базой того, что за один 1942 г. в Комсомольске были введены в действие 5 крупных заводов– «дублеров» тяжелой оборонной промышленности, что позволило городу давать фронту и тылу промышленной продукции в 3,4 раза больше, чем до войны[13].

Скоростной метод в годы третьей пятилетки в различных отраслях проявился по–своему. Так, скоростное бурение в нефтеперерабатывающей промышленности стало основой быстрейшего ввода в эксплуатацию новых скважин, что имело важное оборонное значение. Раньше всех его применили в 1938 г. на Охинском нефтепромысле треста «Сахалиннефть». В декабре 1940 г. на этот метод перевели все нефтескважины Сахалина, что было осуществлено во многом за счет трудовой активности коллективов[14]. Уже в 1939 г. нефтяники увеличили прирост эксплуатационного фонда на 7,3%. Это позволило добыть нефть на 32% больше, чем в 1938 г.

В годы третьей пятилетки чрезвычайно остро стоял вопрос о повышении темпов строительства угольных шахт и рудников на Дальнем Востоке. Для руководства угольной промышленности региона в августе 1939 г. было создано Управление уполномоченного Наркомата угольной промышленности СССР на Дальнем Востоке, в состав которого вошли тресты «Артемуголь», «Сучануголь», «Сахалинуголь», а также Ворошиловское, Липовецкое, Подгородненское шахтоуправления и приморский завод «Металлист». Если к началу третьей пятилетки были построены только 8 шахт, то за третью пятилетку – 10 шахт в Хабаровском крае и 39 шахт – в Приморском. При этом благодаря скоростному методу срок строительства шахты сократился с 3–4 лет до 10 месяцев[15].

В те годы решалась и самая животрепещущая проблема – подготовка рабочих кадров, для чего на предприятиях был реализован метод «наставничества» и создана широкая сеть училищ (ФЗУ) для подростков из местного населения. Заслуживают особого внимания методы работы с молодежью. Вошли в легенды подвиги комсомольцев, строивших заводы в Комсомольске–на–Амуре, в непроходимой тайге, где возводилось с нуля решительно все: бараки, клубы, больницы, школы, промышленные предприятия.

Советская система смогла обеспечить выход Дальнего Востока на одно из первых мест в стране по темпам прироста ассигнований на комплексное строительство. Удельный вес капиталовложений СССР поднялся на Дальнем Востоке с 6,2% во второй пятилетке до 10% в третьей.

Делу ускоренного комплексного развития тяжелой промышленности Дальнего Востока было придано общесоюзное значение. Судостроители Ленинграда и Николаева, нефтяники Грозного и Баку, машиностроители Урала, металлисты Москвы и Горького приходили на помощь дальневосточникам в горячие дни пуска новых предприятий тяжелой и оборонной промышленности.

Рост тяжелой промышленности Дальнего Востока был достигнут за счет многосторонней деятельности ее партийных организаций, мобилизовавших массово–политическую работу, обеспечивших широкую поддержку и популярность передовых начинаний, передачу опыта новаторов производства. Авангардная роль самих коммунистов на производстве и их органичная связь с рабочими коллективами способствовали широкому развертыванию трудового соревнования, всех его новых форм: совмещение профессий,

многостаночное движение, скоростные методы труда, движение по составлению стахановских технических планов и т.д. Опираясь на принципы личной материальной и моральной заинтересованности, партийные организации смогли укреплением трудовой дисциплины на производстве воспитать в массах рабочего класса добросовестное отношение к труду.

Основной исторический результат всей организационной и мобилизационной деятельности партийного управления – это то, что перед войной Дальний Восток имел у себя на месте развитые машиностроительную, металлообрабатывающую, топливно–энергетическую, горнодобывающую, судостроительную, металлургическую, нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую и лесную отрасли. Промышленность региона за три года третьей пятилетки дала самый большой относительный прирост продукции по стране, при этом по тяжелой промышленности темпы роста были значительно выше. Если крупная промышленность по стране в 1940 г. превышала уровень 1913 г. в 12 раз, то на Дальнем Востоке – в 14,5 раза[16]. Добыча угля за 3 года третьей пятилетки в СССР увеличилась на 20%, в РСФСР – на 41%, а на Дальнем Востоке – на 50%, нефти – соответственно на 9%, 22,5% и 42%, электроэнергии – на 33%, 32% и 117%[17].

Успех комплексного развития тяжелой промышленности Дальнего Востока раскрыл в советской политике возможности выбирать основные звенья в решении множества специфических дальневосточных проблем. Одним из таких звеньев была необходимость мобилизовать массы, найти талантливых организаторов, которые могли бы приводить в действие творческий потенциал трудящихся.

В словосочетании «Дальний Восток» определяющим словом остается слово «дальний», однако во втором десятилетии XXI в. задача усиленного развития региона, поставленная уже новым российским правительством, закрепила приоритеты «восточной» политики страны, суть которой определил президент РФ В. Путин на заседании Президиума Государственного совета, состоявшегося в Ново–Огареве 29 ноября 2012 г.: «Мы не имеем права рассматривать дальневосточные регионы как исключительно сырьевые..., нужны новые, более эффективные подходы к вопросам планирования и управления»[18].

Однако в действительности поиск подходов к реализации государственной политики сводится, по сути, к «бумажной» работе и созданию управленческих структур. Так, в 2006 г. прошло заседание Совета безопасности по развитию Дальнего Востока, в 2009 г. появилась стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., в 2012 г. сформированы Министерство и Фонд по развитию Дальнего Востока, капитализированный до 100 млрд руб., создана государственная корпорация, действующая в рамках министерства.

В апреле 2013 г. программа «Социально–экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.» была подписана председателем правительства Д. Медведевым. «Программа» содержит две федеральные целевые программы и 12 подпрограмм, 23 комплексных инвестиционных проекта. Общий объем финансирования – 10,6 трлн руб.

Вместе с тем В.И. Ишаев (тогдашний полпред президента РФ, министр по развитию Дальнего Востока) подчеркивал: «Начинается теку-

щая рутинная работа»[19]. В этой связи на определенные размышления наводит интересная статистика. В целях развития макрорегиона правительством принималось четыре программы: в 1930 г. «Формирование на Дальнем Востоке военно–промышленного комплекса» (выполнена на 130%), 1976 г. – «Меры по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического региона и Читинской области» (80%), 1987 г. – «Долговременная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (30%), 1996 г. – «ФУП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на 1996–2005 гг.» (10%)[20].

Идеология новой программы – комплексный подход к развитию региона, основанный на концепции интересов власти, бизнеса, населения, каждый из которых находится в состоянии разной степени несовершенства:

– *««несовершенство Власти»* проявляется в коррумпированности и сложившейся системе управления – усилившейся вертикали власти – и оставшейся слабой горизонтали местного самоуправления;

– *«несовершенство Бизнеса»* проявляется в псевдорыночной среде (к рыночным отношениям эксперты относят не более 15% отношений в системе хозяйствования России), в которой вертикаль власти отодвинула бизнес как субъект развития территории на второй план;

– *«несовершенство Населения»* проявляется в полном крахе социальной политики в современной России, в которой одна часть несовершенного населения заполняет функциональные места во властных структурах, в бизнесе, усиливая их несовершенство, оставшаяся часть населения, по сути, почти молча вымирает, мигрирует и деградирует»[21].

Вместе с тем анализ динамики данной напряженной «бумажной» работы министерств и ведомств, причастных к решению проблемы развития Дальнего Востока, проведенный специально сформированной рабочей группой из представителей федеральных ведомств, региональных властей, экспертов показал, что государственная идеология комплексного развития территории, не имея сущностного характера, в этой «бумажной» работе не просматривается. И это в условиях, когда каждый из 9 субъектов РФ на Дальнем Востоке уже определил свои «кластеры» (точки роста), основываясь на необходимости объединения перспектив развития в целом Дальнего Востока. Стержневой задачей «кластерной модели» развития является модернизация Транссиба, Северного морского пути, БАМа, автомобильного и авиационного сообщений, многообещающего проекта Транскорейской железной дороги – эти проекты направлены на развитие энергетики, полезных ископаемых и других различных экономических сфер как в России, так и в странах Азии и Европы[22].

Таким образом, только в переходе российского общества от модели демобилизации к модели мобилизации всех имеющихся трудовых ресурсов и возможностей реален стратегический выход из сложившейся ситуации. На примере советской политики мобилизации всех ресурсов общества через самоотверженный героический труд людей в годы третьей пятилетки видно, что можно совершить новый прорыв в развитии Дальнего Востока современной России.

1 Цит. по: Белади Л., Краус Т. Сталин / пер. с венгер. В.Л. Леонидова, Д.В. Мусатовой. М.: Изд–во полит. лит–ры, 1990. С. 310.
2 XVIII съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М., 1939. С. 650.
3 Там же. С. 359.
4 Бернштейн–Коган С. К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. М.–Л., 1952. С. 15.
5 Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока. 1933–1937 гг. Владивосток, 1975. С. 89.
6 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–35. Оп. 1. Д. 22. Л. 179.
7 РГАЭ (Российский гос. арх. экономики). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 147–а. Л. 17; Д. 187. Л. 16.
8 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 950. Л. 38.
9 РГАЭ. Ф. 9496. Оп. 1. Д. 83. Л. 59; Д. 128. Л. 32.
10 Там же. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3513. Л. 59; Д. 3519. Л. 121.
11 Там же. Ф. 9464. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
12 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 911. Л. 36; Ф. П–49. Оп. 1. Д. 4. Л. 39 – 48.
13 Там же. Ф. П–242. Оп. 2. Д. 109. Л. 7.
14 Сахалинский нефтяник. Оха, 1949. 25 дек.
15 Красное знамя. Владивосток, 1939. 17 июня; 9, 36 сент.
16 История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 58.
17 Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. С. 106, 108.
18 Цит. по: Ларина А. Партитура для «восточного прорыва» // Дальневосточный капитал. Владивосток 2012. № 12. С. 8.
19 Дальневосточный капитал. Владивосток 2013. № 4. С. 11.
20 Жиронкина Л. Веры не теряем // Дальневосточный капитал. 2013. № 5. С. 10.
21 См. подробнее: Галлямов Ф.Ф. Кризис… катастрофа… катарсис // Восточный базар, Владивосток 2009. № 118. URL: http://www.bazar2000.ru/index.php?article=2973 (дата обращения: 03.03.2013).
22 См. подробнее: Моисеева Л.А. Развитие инвестиционной привлекательности Дальнего Востока как фактор интеграции России в АТР (1999–2011 гг.) // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 69–75.

А.В. МАКЛЮКОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (ПЕРВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН 1928–1932 гг.)

В статье рассматриваются основные аспекты и проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока СССР в годы осуществления первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.). Автор приходит к выводу, что экономика региона развивалась в условиях жесткого дефицита электроэнергии.

Ключевые слова: энергетическая база, энергетическая система, промышленный район, выработка электроэнергии, Дальний Восток.

После завершения восстановления экономики в СССР началась её реконструкция. На XIV съезде ВКП(б) в апреле 1926 г. была выдвинута развернутая программа индустриализации страны. Поставленные в ней задачи по развитию народного хозяйства требовали подъема электроэнергетики как отрасли, предопределявшей техническое перевооружение всех отраслей экономики: промышленности, транспорта, сферы коммунально–бытовых услуг, сельского хозяйства. Поэтому с началом осуществления первого пятилетнего плана по всей стране развернулось крупное энергетическое строительство.

Электроэнергетика Дальнего Востока базировалась на мелких разобщенных и морально устаревших электростанциях, построенных для нужд отдельных потребителей. В годы восстановления энергетика региона развивалась экстенсивно за счет восстановления и расширения старых предприятий, в то время как в стране уже начался переход к централизованному энергоснабжению от крупных районных электростанций. Такое положение Дальневосточного края было связано с общими проблемами экономического развития региона в восстановительный период, а также с тем, что край не включили в государственную программу энергостроительства – план ГОЭРЛО. В результате к началу реконструкции народного хозяйства Дальнего Востока нарушился главный принцип плана ГОЭРЛО – опережающий рост электроэнергетических мощностей и условие пропорционального развития экономики.

На IX Дальневосточной краевой партийной конференции, прошедшей в феврале–марте 1929 г., был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства края, в котором ставились задачи по реконструкции и пе-

реоснащению старых предприятий, строительству новых заводов, фабрик, шахт и рудников, созданию собственной топливно–энергетической базы[1]. В этих условиях вопросы развития электроэнергетики выступали на первый план. Между тем состояние этого сектора экономики не отвечало требованиям не только новых, но и текущих задач. Поэтому уже с началом выполнения первого пятилетнего плана в регионе началась разработка направлений развития электроэнергетики. В 1928 г. при Дальневосточном краевом совете народного хозяйства (ДКСНХ) был создан особый сектор по электрификации (энергетике) края[2]. В постановлении Президиума ДКСНХ от 6 ноября 1930 г. этому сектору поручалось разработать перспективный план электрификации Дальнего Востока не только на ближайшие годы, но и на последующую пятилетку. Для этого в декабре 1930 г. в сектор энергетики пригласили высококвалифицированных специалистов из Москвы и других городов[3].

Постановлением Президиума ДКИК от 20 марта 1931 г. была создана специальная комиссия для разработки генерального плана электрификации ДВК. Заседание комиссии проходило с 29 апреля по 9 мая 1931 г. во Владивостоке, в нем приняли участие 119 специалистов разных направлений, в т.ч. видные ученые Дальневосточного политехнического института – профессора В.П. Вологдин, В.С. Пак, Ф.И. Трухин и др. Созданная рабочая группа рассматривала вопросы энергетического строительства в крае, перспектив исследования и использования энергетических ресурсов. Говорилось о необходимости строительства на Дальнем Востоке 30 тепловых электростанций на крупнейших угольных месторождениях и 19 гидроэлектростанций[4].

Однако с самого начала при составлении плана электрификации ДВК возникло немало трудностей. Главная из них заключалась в слабой изученности энергетических ресурсов региона, особенно гидроресурсов, ученым они были известны лишь приблизительно. Составители генплана не имели четких представлений о перспективах промышленного развития Дальнего Востока, месторасположении будущих крупных предприятий, для которых требовалось строительство электростанций. Поэтому составленный к началу 1932 г. в приблизительном варианте «Генеральный план электрификации ДВК» на деле практической значимости не имел. Многие электростанции, упомянутые в нем (за исключением АртемГРЭС на юге Приморья), не только не были построены, но и не имели точной географической привязки[5]. Таким образом, попытки разработать в кратчайшие сроки план развития электроэнергетики в ДВК не привели к положительному результату.

Предпринимались также усилия по организации начавшегося энергетического строительства в регионе. Президиум ДКИК в постановлении от 6 июня 1931 г. указывал на необходимость создания на Дальнем Востоке районного управления по энергетике и строительству – Дальэнергоцентра. В его обязанности должны были входить контроль над строительством электростанций в крае, регулирование энергохозяйства всех отраслей промышленности, прием в эксплуатацию строящихся станций и районных электроцентралей и т.д.[6] Однако районное управление «Далькрайэнерго» появилось только в конце 1932 г., когда начиналось строительство первых крупных электростанций в регионе – АртемГРЭС и Хабаровской электростанции.

Электроэнергетика на Дальнем Востоке с самого начала пятилетки развивалась децентрализованно и нерационально, без какого–либо пла-

на и понимания общих задач строительства как со стороны краевых, так и центральных властей[7]. В основе этого был ведомственный подход: каждое ведомство для своих предприятий строило и расширяло собственные маломощные электростанции, не увязывая планы с другими ведомствами. Строительство электростанций на Дальнем Востоке начиналось вместе со строительством новых и реконструкцией старых промышленных предприятий. Задачи сооружения этих электростанций исходили из общих планов развития соответствующих промышленных объектов. Строительство, финансирование, управление и эксплуатация промышленных электростанций осуществлялись тем ведомством, которому подчинялось предприятие. Сооружались, как правило, силовые тепловые электростанции, работавшие на местном угле, дизельные и локомобильные станции.

Возведение одной из первых электростанций на Дальнем Востоке началось в угольной промышленности. В апреле 1929 г. военизированный батальон приступил к сооружению центральной электростанции треста «Сучануголь» (г. Сучан Приморского края, совр. Партизанск), первая мощность которой (2000 кВт) была введена в эксплуатацию в сентябре 1931 г.[8] В том же году в Приморье развернулось строительство электростанций Спасского цементного завода, Сихотэ–Алиньского полиметаллического комбината «Сихали» (п.г.т. Кавалерово), Иманского (совр. Дальнереченск) лесопильного завода и др., а также практически на всех крупных предприятиях региона.

С началом бурного строительства новых фабрик и заводов всесоюзного и республиканского значения в дальневосточных городах возник острый дефицит электроэнергии. Коммунальные электростанции, построенные еще в начале XX в., оказались неспособны принять промышленную нагрузку. Особенно сильно это ощущалось в Хабаровске, где с началом сооружения крупных предприятий (нефтеперерабатывающего завода им. Орджоникидзе, судоремонтно–судостроительного завода им. Кирова, авторемонтного завода им. Кагановича и др.) резко возросла потребность в электроэнергии. Своевременное строительство и введение новых промышленных объектов в эксплуатацию сдерживалось слабостью энергетических мощностей. Острый дефицит электроэнергии в Хабаровске приводил к тому, что в вечернее время для работы на предприятиях пользовались даже керосиновыми лампами, а жилые кварталы города регулярно отключались от сети[9].

В целях преодоления дефицита в 1931–1932 гг. проводились работы по реконструкции коммунальных электростанций в городах Дальнего Востока. Так, во Владивостоке к октябрю 1932 г. мощность городской электростанции за счет установки нового генерирующего оборудования была увеличена в два раза (с 4000 до 8000 кВт)[10]. Реконструкция электростанций также проводилась в Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске. Вместе с тем средства, выделявшиеся на развитие коммунальной электроэнергетики края, подчас расходовались нерационально. Так, 25 августа 1931 г. Президиум ДКИК принял постановление о переоборудовании Хабаровской электростанции в теплоцентраль для теплофикации города[11]. Это решение оказалось необоснованным и до конца не проработанным, в результате чего работы по теплофикации Хабаровска в эти годы не были завершены, а финансовые средства заморожены.

Несмотря на все принимавшиеся меры, с самого начала осуществления первого пятилетнего плана электроэнергетика на Дальнем Востоке значительно отставала от темпов развития народного хозяйства края. В то время как рост общих капиталовложений в 1930 г. против 1929 г. выражался в 225%, а в 1931 г. против 1930 г. – в 275%, рост электрификации края (в кВт установленной мощности) составил соответственно 53 и 54%. В результате самые неотложные производственные и социальные потребности в электроэнергии в 1931 г. едва покрывались на 50%[12]. В конце 1931 г. ДКИК констатировал, что в Хабаровском районе из–за критического состояния энергохозяйства создалась угроза срыва промышленного производства[13].

В августе 1931 г., изучив состояние электроэнергетики региона, Дальневосточная рабоче–крестьянская инспекция (ДРКИ) сделала вывод, что неудовлетворительное состояние энергохозяйства края (маломощные и устаревшие энергоустановки, на 70–75% оставшиеся еще с дореволюционного времени) тормозили все народное хозяйство. ДРКИ признала, что развитию электроэнергетики мешают ведомственная автономность и параллелизм, распылявшие материальные и денежные средства, что в итоге снижало эффективность капиталовложений в сферу энергетики. Отмечалось также, что энергетическое строительство в крае находится на самотеке, без какого–либо планового на него воздействия со стороны Дальплана и ДКСНХ[14].

Необходимо отметить, что большая территориальная разобщенность, невысокий уровень хозяйственной освоенности территорий Дальнего Востока, слабая изученность топливно–энергетических ресурсов и удаленность формирующихся промышленных центров от топливных баз создавали сложности в строительстве крупных районных электростанций, которые могли бы в полной мере обеспечить электроэнергией промышленность края. Например, исторически так сложилось, что один из крупнейших центров региона – Хабаровск – располагался в значительной отдаленности от ближайших месторождений угля, поэтому долго считалось нерациональным строить здесь крупную тепловую электростанцию, которая бы работала на привозном топливе. В то же время в других регионах страны с первых лет индустриализации разворачивалось строительство мощных электростанций, таких как Кузнецкая ТЭЦ мощностью 50 000 кВт в Западной Сибири[15]. На Дальнем Востоке только на юге Приморья были условия для строительства мощной тепловой электростанции АртемГРЭС на базе месторождения бурого угля, расположенного недалеко от крупнейшего промышленного центра – Владивостока.

Проектирование и строительство крупных электростанций требовало значительных капиталовложений. В первой пятилетке ДВК не был включен в число интенсивно развивавшихся регионов страны. И только в годы осуществления второго пятилетнего плана в регионе развернулись масштабные индустриальные процессы, вместе с которыми началось строительство первых крупных энергетических объектов – АртемГРЭС, Хабаровской электростанции, ТЭЦ–2 в Комсомольске–на–Амуре, ГЭС ДЕСНА в Советской Гавани.

Таким образом, развитие электроэнергетики на Дальнем Востоке в годы первой пятилетки шло не по линии создания крупных электростанций и теплоцентралей, как в других регионах страны, а по линии расширения энерге-

тической базы за счет строительства промышленных и реконструкции коммунальных электростанций. Маломощные энергетические предприятия не могли в полной мере покрыть всевозрастающие нагрузки, вследствие чего дефицит электроэнергии в регионе продолжал расти из года в год.

Тем не менее определенные успехи были достигнуты. Общая мощность всех электростанций края к 1932 г. по сравнению с 1928 г. увеличилась более чем в 2 раза (с 11,2 тыс. до 23,7 тыс. кВт), а производство электроэнергии – почти в 3 раза (с 19,6 млн до 58,0 млн кВт/ч)[16]. Изменения произошли и в структуре производства и потребления электроэнергии. Если в 1928 г. промышленными электростанциями производилось 29% от общего количества электроэнергии в регионе, то в 1932 г. – уже 46%, а потреблялось промышленностью соответственно 38 и 61% от всей производимой в крае электроэнергии. Это свидетельствовало о высокой роли электроэнергетики в промышленности Дальнего Востока и отражало генеральную линию развития всего народного хозяйства края – процесс индустриализации.

Однако темпы развития энергетики Дальневосточного края оставались ниже среднего уровня по стране. Генерирующие мощности в среднем по СССР за пятилетку выросли на 145,4%, в то время как на Дальнем Востоке – только на 111,1% (см. табл. 1).

Таблица 1

Мощность электростанций и выработка электроэнергии в годы первой пятилетки в СССР и на Дальнем Востоке[17]

	1928	1929	1930	1931	1932
Мощность электростанций СССР (тыс. кВт).	1905	2296	2875	3972	4677
Мощность электростанций Дальнего Востока (тыс. кВт)	11,2	14,3	21, 5	22,1	23,7
Удельный вес региона в общей мощности станций страны (в %)	0,57	0,62	0,74	0,55	0,50
Выработка электроэнергии в СССР (млн кВт/ч).	5 007	6 224	8 368	10 686	13 540
Выработка электроэнергии на Дальнем Востоке (млн кВт/ч).	19,6	26,4	35,2	41,2	58,0
Удельный вес региона в общем производстве энергии в стране (в %)	0,39	0,42	0,42	0,38	0,42

Электрификация промышленности Дальнего Востока также находилась на низком уровне: электротехническая вооруженность предприятий была в 2 раза ниже общесоюзной. Если в 1932 г. на предприятиях края на один рабочий час приходилась 0,67 кВт/ч, то в среднем по СССР – 1,28 кВт/ч[18]. К концу первой пятилетки мощность электростанций при расчете на одного жителя региона была на 47% ниже, чем в среднем по СССР[19].

Таким образом, по уровню развития электроэнергетики и электрификации народного хозяйства Дальний Восток в годы первой пятилетки заметно отставал от других регионов страны. Его слабая и децентрализованная энергетическая база, состоявшая из мелких разрозненных ведомственных предприятий, была неспособна в полном объеме обеспечить всевозрастающие

потребности экономики в электроэнергии. Только крупное электроэнергетическое строительство могло вывести энергетику Дальнего Востока на новый качественный уровень. Поэтому в годы осуществления второго пятилетнего плана параллельно с возведением крупных промышленных предприятий развернулось строительство первых мощных электростанций и высоковольтных линий электропередач. Именно в эти годы была практически заново воссоздана электроэнергетическая база края и сформированы кадры дальневосточных энергетиков.

---

1 Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972. С. 81.
2 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 137. Оп. 4. Д. 5. Л. 183,195.
3 РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1412. Л. 121, 157.
4 ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 142. Л. 51, 184; ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 52. Оп. 8. Д. 1. Л. 1.
5 РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 35.
6 Сборник постановлений и распоряжений ДКИК за 1931 г. № 11. С. 18.
7 Тимофеев И.Н. Основы рационального энергостроительства и перспективы его развития в Дальневосточном крае: труды Дальневост. политехн. ин–та. Вып.7. Владивосток, 1931. С. 7.
8 Из отчета треста Дальуголь за 1931 г. // Электрификация СССР: документы и материалы. 1926–1932 гг. М., 1966. С. 355–356.
9 РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1075. Л. 11.
10 ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17а. Л. 2.
11 Сборник постановлений и распоряжений ДКИК за 1931 г. № 12. С. 4.
12 ГАХК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93.
13 Савченко С.Н, Шестаков А.В. План ГОЭРЛО и электроэнергетика Дальнего Востока в 1920–1938 гг. // Материалы 57–й научной конференции преподавателей и аспирантов ДГГУ, сотрудников Гродековского музея. Хабаровск, 2011. Т.2. С. 135.
14 ГАХК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93–94 .
15 Алексеев В.В. Электрификация Сибири: историч. исследование. Ч.1 (1885–1950). Новосибирск: Наука, 1973. С. 115.
16 Электроэнергетика районов: экономико–стат. справочник. М.–Л., 1935. С. 128–134.
17 Составлено по: РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 49; ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 142. Л. 334; Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93; ДВК в цифрах: стат. справочник на 1932 г. Хабаровск, 1932. С. 75; Развитие электроэнергетического хозяйства СССР: хронологич. указатель. М., Энергоатомиздат, 1987. С. 33–41; Электроэнергетика районов... С. 128–134.
18 Андросов П.И. КПСС во главе борьбы за претворение в жизнь ленинских идей электрификации народного хозяйства Дальнего Востока // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917–1975 гг.). Владивосток, 1976. С. 41.
19 Ткачева Г.А. Оборонно–экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005. С. 157.

В.П. МОТРЕВИЧ

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1940-х– НАЧАЛЕ 1950-х гг.

В статье в динамике показана валовая продукция сельского хозяйства СССР, вклад республик и регионов, в т.ч. Дальнего Востока, в продовольственный баланс страны в 1940–1952 гг. Делается вывод, что разница в сокращении размеров аграрного производства, вызванного войной, между бывшими в оккупации и остальными регионами часто была незначительной. В послевоенный период на Дальнем Востоке быстрее всего сельское хозяйство восстановилось в Амурской области, доказывается, что в это время активнее развивался колхозный сектор, увеличивалось производство в государственном секторе, а также в хозяйствах рабочих и служащих. Крестьянские же хозяйства переживали стагнацию, что обусловливалось особенностями аграрной политики тех лет и в первую очередь системой налогообложения.

Ключевые слова: валовая продукция, сельское хозяйство, Дальний Восток, стоимостные показатели, сопоставимые цены, аграрное производство, аграрная политика, колхозы, Великая Отечественная война, послевоенные годы.

Одной из неисследованных проблем истории Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет является вопрос о вкладе отдельных регионов СССР в продовольственный баланс страны. Если взять такие издания, как история отдельных областей и республик, то в них обязательно имеются специальные разделы, посвященные развитию сельского хозяйства и экономики региона в разные периоды. Их авторы приводят многочисленные данные, сколько в конкретной республике или области выпустили различных видов промышленной продукции, вырастили зерна, картофеля и т.д. Однако проблема заключается в том, что вся номенклатура производимой в стране продукции составляла десятки тысяч наименований, приводимых в натуральных показателях. В результате одна область вырастила больше зерна, а другая – картофеля. Закономерно встает вопрос: как сопоставить полученные результаты? Сделать это возможно только с применением стоимостных показателей.

Валовая продукция сельского хозяйства определяется в натуральных показателях и в стоимостной форме. Основным методом учета продукции является ее натуральное измерение в физических единицах. Однако нельзя ограничиваться только этим. Во–первых, разнообразие продуктов не позволяет суммировать результаты сельскохозяйственного производства и показать их в динамике. Во–вторых, наряду с готовой продукцией следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому в статистике сельского хозяйства важная роль отведена стоимостным показателям. Органами статистики валовая

продукция сельского хозяйства по стоимости рассчитывалась по областям, краям, республикам и стране в целом. При этом ее оценка производилась в текущих и сопоставимых ценах. Первые служили для установления стоимости валовой продукции за тот или иной календарный год. Вторые были нужны для того, чтобы показать динамику развития сельскохозяйственного производства. При этом в разные годы применялись разные сопоставимые цены. До 1952 г. в СССР базовыми являлись цены 1926/1927 гг.

Расчеты, произведенные по материалам ЦСУ СССР, свидетельствуют, что в 1940 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР в ценах 1926/1927 гг. составляла 22 млрд руб. Самым крупным ее производителем являлась Россия, на долю которой перед войной приходилось 56% валовой продукции сельского хозяйства. В эти же годы в РСФСР проживало 56% населения СССР. После России в порядке уменьшения объемов производства следовали Украина, Казахстан, Узбекистан и Белоруссия. Эти пять республик произвели в 1940 г. 90% валовой продукции сельского хозяйства СССР. На долю остальных 11 республик приходилась соответственно только десятая часть аграрного производства страны[1].

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб аграрному сектору. Если в последнем довоенном году стоимость произведенной в СССР сельхозпродукции составляла 22 млрд руб., то в 1941 г. – 17 млрд, 1942 г. – 12 млрд, 1943 г. – 11 млрд руб.[2] Таким образом, в 1943 г. объем этой продукции сократился в два раза. Если в других отраслях экономики 1942 г. стал переломным, то в сельском хозяйстве этого не произошло и в 1943 г. Некоторый подъем наступил лишь на заключительном этапе войны. При этом представляется, что реальное сокращение производства было еще значительнее. Дело в том, что из–за изношенности техники, дефицита горюче–смазочных материалов, нехватки кадров и снижения их квалификации потери на уборке урожая значительно возросли. В результате увеличился разрыв между «биологической» и фактической урожайностью. Однако в то время статистика этого факта не учитывала, а возросшие потери засчитывались в итоговый результат.

В отечественной историографии традиционно принято считать, что в годы войны в наибольшей степени пострадало сельское хозяйство оккупированных территорий. Так, в 1945 г. объем сельскохозяйственного производства в Азербайджане, Грузии, Киргизии и Узбекистане по сравнению с 1940 г. снизился на 30–35%, а в Туркмении – на 42%. В освобожденной Молдавии объем аграрного производства уменьшился на 66%, на Украине – на 45%, а в Белоруссии только на 38%[3]. В республиках Прибалтики производство сельскохозяйственной продукции даже возросло. Таким образом, из числа полностью оккупированных территорий больше всего пострадало сельское хозяйство в Молдавии, на Украине и в Белоруссии. При этом данные о валовом сельскохозяйственном производстве в стоимостном выражении свидетельствуют, что разница между оккупированными территориями и теми, где не было военных действий, часто была не столь значительной.

Изучение вклада отдельных территорий в продовольственный баланс СССР показывает, что, как и до войны, большую часть сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны производила Россия. В 1942 г. ее доля в аграрном производстве достигла своего максимума – 75%.

По мере освобождения оккупированных территорий, в первую очередь, Украины, доля России стала снижаться. В 1943 г. она составила уже 70%, в 1944 г. – 58%, 1945 г. – 55,9% (в 1945 г. этот показатель сравнялся с довоенным уровнем). В целом за годы Великой Отечественной войны Россия произвела 2/3 сельскохозяйственной продукции СССР[4]. Что касается вклада других республик СССР, то довоенная их иерархия практически не изменилась, за исключением Белоруссии. При этом роль Украины заметно снизилась, а доля Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья возросла.

В РСФСР лишь незначительная часть территории оказалась в зоне военных действий, но объем производства здесь сократился на треть. В европейской части России находятся ее основные сельскохозяйственные районы. Только на долю Центрально–Черноземного, Центрально–Нечерноземного и Северо–Кавказского районов до войны приходилось свыше половины всего аграрного производства России. Военные действия затронули также Север и Поволжье. Из регионов РСФСР в ходе военных действий сильнее всего пострадали Поволжье, Центральное Черноземье и особенно Северный Кавказ. Объем производства в них сократился в среднем наполовину. Из наиболее пострадавших в годы войны российских территорий следует отметить и Крымскую АССР, где в 1944 г. размеры сельскохозяйственного производства составили всего 34% от довоенных. В послевоенные же годы на полуострове происходило дальнейшее снижение производства, остановленное только в 1948 г. Однако и в начале 1950-х гг. довоенный уровень достигнут не был. Это связано как со специализацией сельского хозяйства, так и с изменением численности и состава проживавшего там населения.

Таблица 1

Валовая продукция сельского хозяйства регионов РСФСР в 1940, 1945, 1952 гг. (в % к общесоюзному производству)[5]

Регионы	1940	1945	1952
РСФСР в целом	56,0	55,9	51,3
Север	1,3	1,8	1,0
Северо–Запад	1,5	1,3	1,4
ЦНР	10,3	16,1	11,2
ЦЧР	7,3	6,3	6,7
Поволжье	7,2	6,1	6,3
Сев. Кавказ и Крым	9,4	6,6	9,7
Урал	6,6	7,3	5,3
Западная Сибирь	6,7	6,8	5,8
Восточная Сибирь	2,8	2,6	2,8
Дальний Восток	0,8	1,0	1,1
Не распределено	2,1	–	–

Среди тыловых районов России сильнее всего производство сократилось на Южном Урале и в Западной Сибири. Данные регионы являлись крупными производителями товарного зерна, сельхозпредприятия там были многоземельными, а нагрузка посевных площадей на работника в них очень высокой. Вести такое хозяйство можно было только при условии высокой механизации полевых работ. В военное же время, когда почти прекратилась

поставка запасных частей, остро недоставало горючего, часть техники и почти все механизаторы отправлялись на фронт, выполнять довоенные объемы работ стало практически невозможно. В результате из тыловых российских регионов именно высокомеханизированное зерновое хозяйство Западной Сибири и Южного Урала пострадало сильнее всего.

Более устойчивым оказался аграрный сектор в Центрально–Нечерноземном районе, хотя он частично оказался в зоне военных действий, и на Дальнем Востоке. Из дальневосточных территорий пик снижения аграрного производства в Хабаровском крае пришелся на 1944 г., в Приморском крае – на 1945 г. Таким образом, в годы войны в наибольшей степени сократилась доля оказавшихся в зоне военных действий западных регионов России. Одновременно, несмотря на сокращение абсолютных размеров сельскохозяйственного производства, возросла роль восточных районов – Западной Сибири, Урала и Дальнего Востока.

Таблица 2

Валовая продукция сельского хозяйства на Дальнем Востоке в 1940–1952 гг. (млн руб.)[6]

Год	Дальний Восток	В том числе			
		Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Сахалинская область
1940	174,9	92,7	82,2		
1942	197,3	79,3	118,0		
1943	160,3	67,2	93,1		
1944	135,7	61,6	74,1		
1945	136,2	56,7	79,5		
1946	143,1	56,1	87,0		
1947	170,6	77,1	84,6		8,9
1948	179,3	77,5	29,0	61,1	11,7
1949	205,0	80,1	34,0	79,8	11,1
1950	240,8	86,9	46,2	98,8	8,9
1951	253,5	99,8	62,0	77,2	14,5
1952	269,2	97,1	63,2	96,6	12,3

Примечание: Сахалинская (до 1947 г.) и Амурская области (до 1948 г.) находились в административном подчинении Хабаровскому краю, поэтому сведения по годам, предшествовавшим их выделению в самостоятельные административно–территориальные единицы, вошли в графу «Хабаровский край».

В первые послевоенные годы в стране не были решены коренные вопросы колхозно–совхозного строительства и, в первую очередь, налогообложения и оплаты труда. Негативную роль сыграла и натурализация экономических отношений между колхозами и государством в 1930-е гг. После войны стратегическая линия на полный отказ от товарных форм и переход к натуральному обмену остались неизменными. Все это снижало темпы подъема сельского хозяйства, тормозило его дальнейшее развитие. Находились и объективные причины отставания отрасли, связанные с нехваткой средств у государства. В результате по основным показателям сельское хозяйство страны план четвертой пятилетки не выполнило, превзойти довоенный

уровень производства в значительных размерах не удалось. Тем не менее происходило укрепление материально–технической базы отрасли, улучшалось положение с кадрами, больше внимания стали уделять агротехнике, организации и оплате труда. Все это привело к тому, что первое послевоенное пятилетие ознаменовалось немалыми положительными результатами в развитии сельского хозяйства. К 1950 г. оно было в основном восстановлено.

На территории Дальнего Востока аграрный сектор успешнее всего развивался в Хабаровском крае. Трехкратное снижение валовой продукции отрасли в Хабаровском крае в 1948 г. было вызвано выделением из его состава Амурской и Сахалинской областей. Однако в последующие три года там удалось удвоить объем сельскохозяйственного производства. Достаточно быстро развивался аграрный сектор и в Амурской области, где в течение 1949–1950 гг. стоимость произведенной сельскохозпродукции увеличилась примерно на треть. Несколько медленнее развивалась эта отрасль в Приморском крае, где её довоенные объемы были восстановлены только в 1951 г. (см. табл. 2).

Война изменила соотношение между различными категориями хозяйств аграрной специализации. Начиная с 1942 г., в стране отчетливо наметилась тенденция сокращения абсолютных размеров и удельного веса колхозного производства. Если в 1941 г. на его долю в СССР приходилось 68,3% валовой продукции сельского хозяйства, то в 1942 г. – 66,6%, а в 1945 г. – лишь 53,1%[7]. Особенно заметен этот процесс был в промышленно развитых областях страны. В государственном секторе, несмотря на резкое сокращение числа советских хозяйств, размеры производства оставались примерно на одном уровне. Ликвидация части совхозов компенсировалась интенсивным созданием подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений. Противоречиво в годы войны развивался индивидуальный сектор. Тяжелое положение с продовольствием вызвало быстрый рост числа огородников. В результате увеличилась доля продукции сельского хозяйства, производимой в индивидуальных хозяйствах рабочих и служащих.

Таблица 3

Валовая продукция сельского хозяйства на Дальнем Востоке по категориям хозяйств (млн руб.)[8]

Категории хозяйств	1940	1945	1952
Госхозы	34,0	35,3	56,6
Колхозы	101,1	61,0	146,4
Колхозники	19,0	15,4	22,7
Рабочие и служащие	20,5	24,4	43,4
Единоличники	0,3	0,1	0,1
Все категории	174,9	136,2	269,2

Аналогичные тенденции были характерны и для развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке (см. табл. 3). Данные ЦСУ СССР свидетельствуют о том, что за годы войны доля государственных хозяйств в совокупном объеме производимой сельскохозяйственной продукции осталась на довоенном уровне. Колхозное же производство пострадало от негативного воздействия войны в наибольшей степени и уменьшилось на 40%. Несколько сократилось на Дальнем Востоке производство в индивидуальных хозяйствах колхозников и единоличников, однако доля хозяйств рабочих и слу-

жащих заметно возросла. При этом расчеты показывают, что в годы войны, несмотря на сокращение масштабов своей деятельности, на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, колхозы по–прежнему оставались главными производителями сельхозпродукции. За ними в порядке убывания следовали государственный сектор, хозяйства рабочих и служащих, а затем индивидуальные хозяйства колхозников.

В первые послевоенные годы быстрее всего восстанавливается колхозный сектор, что было обусловлено принятием мер по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели. Достаточно быстро росло аграрное производство и в государственном секторе, а также в хозяйствах рабочих и служащих. А вот индивидуальные крестьянские хозяйства переживали стагнацию из–за специфики аграрной политики тех лет в первую очередь из–за системы налогообложения.

Исследуя проблему валовой продукции сельского хозяйства СССР и его отдельных регионов в 1930–1940-е гг., необходимо отметить, что материалы сельскохозяйственной статистики того времени имеют многочисленные недостатки. В частности, в исследуемый период колхозная продукция реализовывалась по разным ценам: заготовительным, контрактационным, рыночным. Кроме того, с 1935 по 1953 г. статистика урожаев определялась по т.н. видовой урожайности. Это означало, что валовой сбор урожая определялся не по фактическому сбору, а по его видовой оценке на корню. Определение т.н. биологического урожая завышало реальный объем продукции растениеводства.

Таким образом, совершенно очевидно, что существующие статистические показатели валовой продукции сельского хозяйства не точны по своим абсолютным показателям. Но при этом они дают возможность выявить основные тенденции развития аграрного производства. Они позволяют также ориентировочно определить и вклад отдельных регионов в продовольственный баланс страны, и, кроме того, выяснить роль отдельных категорий хозяйств (колхозов, совхозов, подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий, индивидуальных хозяйств рабочих и служащих, колхозников и единоличников) как в производстве в целом, так и по отдельным видам продукции.

---

1 Подсчитано по: РГАЭ (Российский гос. арх. экономики). Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1 – 40.

2 Там же. Л. 1, 2; Оп. 324. Д. 481. Л. 2, 4; Д. 639. Л. 73, 74; Д. 969. Л. 1, 2.

3 Там же. Оп. 323. Д. 48. Л. 1 – 4, 40; Оп. 324. Д. 481. Л. 10 – 11; Д. 689. Л. 73 – 75; Д. 969. Л. 6 – 7; Д. 1492. Л. 100 – 105.

4 Там же.

5 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1 – 4, 40; Оп. 324. Д. 1492. Л. 100 – 105; Д. 4174. Л. 17 – 20.

6 Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1 – 4, 40; Оп. 324. Д. 481. Л. 10 – 11; Д. 689. Л. 73 – 75; Д. 969. Л. 6 – 7; Д. 1492. Л. 100 – 105; Д.1870. Л. 36 – 38; Д. 2270. Л. 23 – 26; Д. 2692. Л. 23 – 26; Д. 3236. Л. 27 – 30; Д. 3752. Л. 24 – 27; Д. 3776. Л. 13 – 17; Д. 4174. Л. 17 – 20.

7 Там же. Оп. 324. Д.481. Л. 10 – 11; Д. 689. Л. 73 – 75; Д. 969. Л. 6 – 7; Д. 1492. Л. 100 – 105.

8 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1 – 4, 40; Оп. 324. Д. 1492. Л. 100 – 105; Д. 4174. Л. 17 – 20.

А.В. ИВАНОВ

СТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В 1925–1953 гг.

В статье проанализирована динамика плановых переселений на Дальний Восток СССР, имевших большей частью сельскохозяйственный характер, организованных государством в сталинский период. Приведены статистические данные по прибытию, выбытию и результативности этой формы миграций. Показана их роль в развитии сельского хозяйства Дальнего Востока.

Ключевые слова: миграция, сельскохозяйственные переселения, Дальний Восток СССР.

Советское правительство в указанный период уделяло большое внимание развитию Дальнего Востока. Важной задачей считалось увеличение численности населения этого края, уменьшение его текучести, рациональное использование трудовых ресурсов для получения максимального экономического эффекта. В качестве одной из форм пополнения трудовых ресурсов региона стало использоваться плановое переселение. Его начало как массового процесса было положено Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальневосточной области», причем освоению и экономическому развитию Дальнего Востока отводилась центральная роль. Представление о размерах сельскохозяйственного переселения по годам дают данные таблицы 1.

Таблица 1

Масштабы переселения на Дальний Восток в 1925–1930 гг.[1]

Годы	Прибыло (чел.)	Убыло (чел.)	Осталось (чел.)	Отток (%)
1925/26	12 796	1 156	11 640	9
1926/27	27 989	2 600	25 389	9,3
1927/28	36 271	7 219	29 052	19,9
1928/29	33 160	13 688	19 472	41,3
1929/30	12 412	8 704	3 708	70,1
Итого	122 628	33 367	89 261	27,2

Приведенные данные показывают, что уже в первые годы после того, как было принято постановление, переселение на Дальний Восток пошло хорошими темпами. Вместе с тем обращает на себя внимание неуклонный рост «об-

ратничества» и высокий средний за пятилетие (1925–1930 гг.) процент (26,6) покидающих места вселения. Переселялась в основном беднота. Согласно имеющимся у нас данным по районам выхода, в 1926 г. среди мигрантов безлошадных было 37,6%, с одной лошадью – 41,1%, беспосевных – 13,1%, с посевом до двух десятин – 60%, располагали не более чем 250 руб. на семью – 58,9%[2].

С 1930 г. начинается красноармейское переселение. На Дальний Восток перебираются семьи воинов ОКДВА и других соединений Красной Армии. С 1930 до весны 1932 г. сюда прибыло 32 926 красноармейцев и членов их семей. Всего таким образом с 1925 по 1932 г. переселенцев на Дальний Восток прибыло 155 554 чел. Из этого числа с мест вселения (в основном за пределы края) к 1932 г. ушли 60 198 чел., или около 40%. В действительности процент выбывших был еще выше, т. к. с 1930 г. их перестали учитывать. Между тем переселенцы уходили не сразу, а постепенно. Об этом свидетельствуют следующие данные: к началу 1929/30 гг. из общего числа прибывших в 1924/25 гг. осталось 19,2%, в 1925/26 – 44,5%, 1926/27 – 60,6%, 1927/28 – 74,4%, 1928/29 – 89,9%[3].

В годы второй пятилетки предполагалось направить на Дальний Восток до 80–100 тыс. семейств. Однако эта цифра оказалась нереальной, и переселение было осуществлено в довольно скромных размерах. В 1933–1937 гг. в ДВК, включая Еврейскую автономную область, прибыли 9 216 семей (44 312 чел.) из 77 304 семей (347 866 чел.), ставших участниками организованных сельхозмиграций в целом по Союзу[4].

Великая Отечественная война временно отодвинула на второй план задачи мирного хозяйственного строительства, в т.ч. и плановое переселение на Дальний Восток, масштабы которого резко уменьшились: лишь 2 105 семей в 1943 г. были отправлены в Камчатскую область.

Переселение возобновилось после окончания войны, снова были созданы соответствующие учреждения. 24 июля 1949 г. организуется Главное переселенческое управление при СМ СССР[5]. Несколько позднее учреждаются должности районных инспекторов по переселению.

В начале 1950 г. советское правительство осуществило ряд мер по изучению трудовых ресурсов страны. В частности, планово–экономический отдел Главного переселенческого управления определил потребность в дополнительной рабочей силе колхозов ряда районов страны на 1951–1953 гг. Считалось, что для использования всех пригодных для пахоты земель в районах Сибири и Дальнего Востока надо направить примерно 400 тыс. семей, в т.ч. в Приморский край – 10 тыс., Хабаровский край – 8 тыс., Амурскую область – 9 тыс.[6] Был разработан пятилетний план переселения, по времени это совпало с подготовкой директив по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.

Переселение в послевоенный период (1949–1953 гг.) шло в следующих направлениях и объемах: в районы Дальнего Востока, Сибири, Севера и Урала – 74,2 тыс. семей (17,8%), Поволжья, Северного Кавказа, Юга – 136,9 тыс. (32,7%), орошаемого земледелия Средней Азии и Закавказья – 119,7 тыс. (28,7%), из зон затопления – 53,9 тыс. (12,9%), в лесную промышленность – 32,8 тыс. (7,9%).

Всего за пять лет, начиная с 1949 г., в организованном плановом порядке были переселены по Союзу 417,5 тыс. (по данным Министерства сельского хозяйства – 417 тыс.) семей, или 1,7 млн чел.[7] Из этого числа на прежние места жительства за указанный срок возвратились 49 тыс. семей – 11,7% общего числа переселившихся.

На основании статистических сведений Главного переселенческого управления и произведенной нами перегруппировки масштабы переселения определяются следующим образом: с 1946 по 1953 г. включительно в организованном плановом переселении участвовала 49 841 семья. Начиная с 1949 г., учитывался количественный состав семьи и число трудоспособных. За пять лет (1949–1953) на Дальний Восток, по нашим подсчетам, переселено, включая прием на месте, 149 786 чел., из них 83 502 трудоспособных. Удельный вес Дальнего Востока в общем объеме переселения в стране был значителен – 8,4% (по количеству семей), а в отдельные годы еще выше. В абсолютных цифрах масштабы переселения на Дальний Восток представлены в табл. 2 и 3[8].

Таблица 2

Масштабы переселения на Дальний Восток в 1949–1953 гг. (чел.)

Годы	Число переселившихся	Из них трудоспособных
1949	29 320	16 883
1950	44 248	24 829
1951	20 610	11 255
1952	34 565	18 670
1953	21 043	11 865

Таблица 3

Размеры переселения по краям и областям в 1949–1953 гг. (чел.)

	Число вселившихся	Из них трудоспособных
Амурская область	35 652	19 645
Приморский край	37 760	20 834
Сахалинская область	39 380	22 584
Хабаровский край с Камчатской областью	37 094	20 439

Особенно интенсивной в послевоенный период была миграция на Сахалин. В первые годы после окончания войны (1946–1948) сюда прибыло новоселов больше, чем в любую другую область или край Дальнего Востока, – 11 998 чел. Первенство Сахалинской области в этом отношении сохранялось и в последующие годы.

Особенность планового переселения на Дальний Восток в 1949–1953 гг. заключалась в том, что оно имело сельскохозяйственный характер. Из 149 786 прибывших только 37 302 чел. (24,9% от их общего числа) были заняты не в сфере сельскохозяйственного производства (леспромхозы, рыболовецкие колхозы, кирпичные заводы и т.п.)[9]. Процент промыслового и промышленного переселения для Амурской области и Приморского края в 1949–1953 гг. был ниже, чем в среднем по Дальнему Востоку, и составил соответственно 4% и 15%.

Одним из показателей организации и осуществления, а в известном смысле и эффективности, переселения могут служить сведения об обратных выездах (см. табл. 4).

Таблица 4

Масштабы «обратничества» на Дальнем Востоке в 1949–1953 гг.[10]

Место вселения	Прибыло семей	Убыло			
		Всего	В т.ч. за пределы района вселения	% ухода с мест вселения	% ухода за пределы края
Амурская обл.	7894	1206	952	15,3	12,1
Приморский край	9060	1742	979	19,2	10,8
Хабаровский край	8736	1778	1037	20,4	11,9
Сахалинская обл.	9423	2157	292	22,9	3,1

Как видим, наибольший их процент приходился на Амурскую область, наименьший – на Сахалинскую. Абсолютное большинство «обратников» Амурской области уходило за пределы области, а Сахалинской – внутри области. Сказывалось ее островное положение.

Одной из главных причин «обратничества» являлась хозяйственная неустроенность значительной части переселенцев. В частности, в среднем за 1949–1953 гг. план подготовки домов для них был выполнен в Амурской области на 87,3%, Приморском крае – 84,4%, Сахалинской области – 66,3%, в Хабаровском крае – 79,8%[11]. Другим обстоятельством, отрицательно влиявшим на приживаемость новоселов, являлось нарушение правил отбора переселенцев: в их число нередко включались семьи, не имевшие в своем составе двух трудоспособных, а также искусственно составленные семьи. Иногда переселенцам не предоставлялась работа по специальности. Отмечались случаи, когда в колхозы переселялось городское население, не знакомое с сельскохозяйственным производством. Осложняли адаптацию и другие факторы, в частности, резкое отличие районов выхода и вселения по хозяйственной специализации и природным условиям.

Перераспределение рабочей силы в больших масштабах стало возможным благодаря плановому регулированию, а также всесторонней поддержке и помощи советского государства. Из 11 областей и республик страны, учтенных нами, переселявшиеся на Дальний Восток (не считая Читинской области) имели более предпочтительные условия: размер ссуды (кредита) на хозяйственное строительство был выше, условия и сроки погашения кредитов – более льготные и т.д. Постановление СМ СССР от 19 февраля 1953 г. «О льготах по переселению» устанавливало дифференцированные ставки единовременных денежных пособий, размер кредитов на строительство домов, надворных построек и приобретение скота. При этом учитывались климатические и другие особенности внутри отдельных краев. Успеху переселе-

ния на Дальний Восток содействовало также ознакомление в местах выхода с климатическими и природными особенностями края, а также условиями жизни на новых местах.

Масштабы этой работы могут характеризовать следующие данные: центральные и местные органы РСФСР в 1950 г. издали и направили в области и республики выхода 234 360 плакатов, листовок, специальных номеров газет, в 1951 г. – 358 900[12]. Примерно пятая часть этого материала посвящалась Дальнему Востоку.

Организованное переселение, осуществленное в послевоенный период, содействовало развитию производительных сил Дальнего Востока. Увеличились посевные площади и урожайность сельскохозяйственных культур, улучшилось качество сельскохозяйственных работ, росло поголовье общественного скота, создавались новые коллективные хозяйства, укреплялись в организационно-хозяйственном отношении созданные ранее колхозы. Дальнейшее развитие получило, в частности, сельское хозяйство Приморского края, где в колхозах к началу 1953 г. насчитывалось больше 30% переселенческих хозяйств. Они включали в себя 40% всего числа трудоспособных. Хотя число трудоспособных в крае к 1953 г. и не достигло довоенного уровня, тем не менее посевные площади значительно расширились. Так, если в 1940 г. они составляли 261,9 тыс. га, то в 1952 г. – уже 349,9 тыс. га, т.е. возросли на 33,6%. Увеличилось и поголовье крупного рогатого скота: с 53,9 тыс. голов в 1940 г. до 94,4 тыс. в 1953 г.

Увеличение трудовых ресурсов за счет переселения способствовало росту сельскохозяйственного производства и в Хабаровском крае, включая Еврейскую автономную область (см. табл. 5). В 1950–1952 гг. в крае было организовано 12 колхозов, которые в значительной степени состояли из переселенцев.

Таблица 5

Данные о сельскохозяйственном развитии колхозов ЕАО[13]

	1948	1951
Посевная площадь (га)	19 752	41 539
Посевы картофеля и овощей (га)	2 532	5 817
Поголовье крупного рогатого скота	4 951	9 213
Поголовье свиней	2 571	6 156

Получило дальнейшее развитие сельское хозяйство Амурской области – житницы Дальнего Востока. Посевные площади колхозов и совхозов к середине 1952 г. по сравнению с 1940 г. увеличились здесь на 24%, поголовье крупного рогатого скота – на 56%, овец – на 182%, свиней – на 83%. Резко повысились валовой сбор зерна и продуктивность скота[14]. Возросла стоимость трудодня. Так, в 1949 г. на трудодень выдавалось от 150 г до 2 кг зерна, а в 1950 г. – от 4 до 8 кг.

Эффективность переселения видна на примере колхоза им. Ильича Тамбовского района Амурской области (см. табл. 6). В 1950 г. это хозяйство приняло 18 семей переселенцев, в результате чего трудоспособное население в указанном году увеличилось на 61%. Колхоз стал больше сеять, время уборочных работ сократилось.

Таблица 6

Показатели роста хозяйства колхоза им. Ильича в 1949–1950 гг.

	1949 г.	1950 г.
Посев зерновых (га)	900	1088
Поднятые пары (га)	560	680
Поголовье скота	155	188
Сдано зерна (т)	3702	6074

После разгрома империалистической Японии и создания Сахалинской области стали быстро развиваться промышленность и сельское хозяйство этого богатого в природном отношении острова. Переселение сыграло далеко не последнюю роль в развитии экономики новой области. К концу 1949 г., т.е. в течение сравнительно короткого времени после принятия Советом министров СССР в 1946 г. Постановления «Об организации на Сахалине колхозов и переселения сюда колхозников», в области из переселенцев было организовано 54 сельскохозяйственных колхоза. За ними закрепили 45 981 га пашни[15].

Значительно выросла посевная площадь Камчатской области. Если в 1925 г., согласно переписи, она составляла 73 га, то в 1950 г. – уже 3543 га, особенно быстро увеличившись в годы Великой Отечественной войны. В 1940 г. в сельскохозяйственных колхозах посевная площадь составляла 1362 га, а в 1946 г. – уже 2276 га. Переселение на Камчатку не прекращалось, как мы отметили ранее, и в годы войны. Нет сомнения, что данное обстоятельство сыграло немаловажную роль в развитии производительных сил этой восточной окраины страны.

1 Таблица составлена по: РГАЭ (Российский гос. арх. экономики). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 138. Л. 5.
2 Там же. Д. 2. Л. 86.
3 Там же. Д. 138. Л. 5.
4 Там же. Д. 185. Л. 1.
5 Там же. Д. 387. Л. 7.
6 Там же. Д. 429. Л. 151.
7 Там же. Д. 759. Л. 126.
8 Таблицы составлены на основе материалов планово–финансового отдела Главного переселенческого управления при СМ СССР (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678).
9 Подсчитано на основе статистических сведений по переселению (РГАЭ. Ф. 5676. Оп. 1. Д. 678. Л. 69 – 70, 112 – 113).
10 Таблица составлена на основе данных Главного переселенческого управления (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 679).
11 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 679. Л. 146, 169, 180.
12 Там же. Д. 505. Л. 9.
13 Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 622. Л. 73 – 74.
14 Амурская правда. Благовещенск, 1952. 11 июня.
15 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 401. Л. 26.

Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ТРУДООБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР: ПРИНУЖДЕНИЕ, МОБИЛИЗАЦИЯ, РЫНОК ТРУДА

В статье проводится сравнительный анализ трех основных методов трудообеспечения Дальнего Востока СССР и тесно связанных с ними форм миграций (свободных, планово–организованных и пенитенциарных) в сталинский и послесталинский периоды. Показано, что эта система, носившая в 1930–1940-е гг. высоко централизованный, мобилизационно–принудительный характер, несколько смягчилась в 1950-е гг. В дальнейшем произошла её частичная децентрализация и либерализация, особенно в пенитенциарном сегменте. Значение организованных и принудительных форм неуклонно падало, но власть предпринимала попытки их модификации с учетом реалий времени.

Ключевые слова: миграции, трудообеспечение, Дальний Восток, сталинский период, послесталинский период.

На протяжении всего советского периода основными оселками региональной государственной политики на Дальнем Востоке выступали два фактора: расширение добычи природно–сырьевых ресурсов и укрепление военного потенциала. В свою очередь, эти процессы находились под воздействием решения общегосударственных задач ускоренной модернизации, что обусловило опору на мобилизационные методы управления. В условиях недостаточной заселенности региона и экстенсивного характера экономики основной стратегической линией трудообеспечения Дальнего Востока оставалась организация массовых переселений. Правда, с переходом от одного периода к другому несколько менялись политические и социальные императивы, влиявшие на обновление тактики и форм перераспределения трудовых ресурсов. Чтобы проследить эту эволюцию, рассмотрим конфигурацию и особенности трех основных методов трудообеспечения региона и тесно связанных с ними форм миграций – свободных, планово–организованных и пенитенциарных (здесь мы не будем останавливаться на внешних миграциях).

В сталинский период характерными чертами этой сферы были жесткая централизация, пренебрежение социальными последствиями. Показателем перехода к такой модели служит резкое снижение доли самотечных переселений на Дальний Восток: в 1920-е гг. среди юридически свободных граждан они составляли 56%, в 1930–1940-е гг. 38–40%[1].

Ограничительными факторами свободных миграций и трудоустройства являлись введение единой паспортной системы (с обязательной пропи-

ской), территориальных режимных зон, невыдача паспортов колхозникам, поражение в гражданских правах ряда слоев общества, массовые принудительные миграции др.

Государство было заинтересовано в развитии организованных форм, позволявших сосредоточивать трудовые ресурсы в «нужных» регионах и отраслях, что соответствовало мобилизационному характеру экономики. Среди приоритетных в этом плане был и Дальний Восток с его горнодобывающей, лесозаготовительной и рыбной отраслями, индустриальным и военно–оборонительным строительством. Насыщение региона людскими ресурсами в сталинский период велось главным образом в планово–организованных и пенитенциарных формах.

Первые включали в себя оргнабор рабочих, красноармейские и сельскохозяйственные переселения, общественные призывы, заселение Еврейской автономной области и др. В организованных формах в 1930-е гг. в регион направлялось 52% юридически свободных мигрантов, в 1940-е гг. – 49% (максимальные показатели за весь советский период). Ведущую роль среди них играл оргнабор (27,5 и 21,8%), вторым по значению был перевод, вызов предприятиями (13,6 и 16,0%), третьим – сельхозпереселения (9,0 и 6,6%)[2].

Наибольшая же степень трудовой мобилизации приходилась на ее специфическую форму – в рамках военных контингентов. Формировались специальные производственные части целевым назначением для Дальнего Востока – особые корпуса (военно–строительный, железнодорожных войск, колхозный), автобатальоны. Они принимали активное участие в возведении БАМа и других железных дорог, городов, заводов, фортификационных и гидротехнических сооружений, производстве сельхозпродукции и т.д. К сожалению, точных данных о масштабах применения такого труда до сих пор не выявлено, но известно, что это были десятки тысяч военнослужащих. Например, Особый колхозный корпус, созданный в 1932 г. в составе ОКДВА, насчитывал 60 тыс. чел. В сентябре 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение сформировать из военнообязанных две бригады численностью по 15 тыс. чел. для дорожного строительства в регионе. Одна бригада Особого корпуса военно–строительных частей Минтяжпрома СССР в составе 11 батальонов (более 10 тыс. чел.) с конца 1933 г. работала в Комсомольске–на–Амуре[3]. В 1935–1936 гг. на различных производственных объектах в ОКДВА было занято до 60 тыс. чел.[4]

Значимым источником трудовых ресурсов стала пенитенциарная система. Основными поставщиками принудительного труда выступали новые, созданные при Сталине институты исполнения наказания: исправительно–трудовые лагеря и спецпоселения. В начале 1930-х гг. государство организовало на Дальнем Востоке более 100 спецпоселков и три ИТЛ (Дальневосточный, Северо–Восточный, Байкало–Амурский; в 1937–1938 гг. они стали крупнейшими в стране). К концу 1930-х гг. в регионе насчитывалось более 500 тыс. заключенных ИТЛ и 27 тыс. спецпоселенцев[5]. Кроме того, использовался труд узников более мелких институтов исполнения наказания (местного значения) – исправительно–трудовых колоний и бюро принудительных работ без содержания под стражей, в каждом из которых в разные годы предвоенного десятилетия отбывали наказание до 8 тыс. чел.[6] По нашим ориентировочным подсчетам, суммарная доля всех пенитенциарных категорий в населении

Дальнего Востока составляла примерно 20%, а среди промышленно–производственных кадров – не менее 25% (для сравнения: в 1926 г. в ДВК было 5,1 тыс. заключенных, или 0,8% населения[7]). Принудительный труд стал основным в горной промышленности и железнодорожном строительстве, весьма существенным – в капитальном и коммунальном строительстве, заготовке леса, промысле рыбы.

Наибольшая масса заключенных и спецпоселенцев (в абсолютных показателях) находилась в южной зоне региона, особенно много в Хабаровском крае. Однако на Северо–Востоке принудительный метод колонизации и трудообеспечения был доведен почти до абсолюта: там использовалась чрезвычайная система управления территорией (Дальстрой), а основной категорией рабочей силы стали заключенные Северо–Восточного лагеря. Их доля в общей структуре работников ДС в 1933–1940 гг. не опускалась ниже 83–90% (спецпереселенцев до 1945 г. сюда не направляли)[8].

Хорошо известно, что социальная составляющая миграционной политики в те годы была отодвинута далеко на задний план, все ресурсы государства концентрировались на промышленной и военной сферах, образ жизни советского населения носил аскетический характер. Более того, в сложившейся системе взаимоотношений с властью человек как личность, его гражданские права и сама жизнь особой ценности не представляли.

В наиболее ужасающие условия попадали узники Гулага. Однако и добровольно–плановым мигрантам в сфере труда и быта приходилось немногим лучше, что являлось типичным для всей страны в сталинский период. Для мотивации переселений на Дальний Восток власть использовала налоговые льготы, материальные и финансовые стимулы. Но при этом транспортировка и обустройство мигрантов организовывались чрезвычайно плохо. Людям приходилось около месяца добираться до места назначения в т.н. телячьих вагонах. Регион встречал новоселов острым жилищным кризисом, дефицитом продовольствия и предметов первой необходимости, нехваткой учителей, врачей, медикаментов. Завербованные рабочие и их семьи жили чрезвычайно скученно, как правило, в бараках, землянках и палатках. Сельхозпереселенцы также постоянно сталкивались с отсутствием обещанных им домов. Зачастую не хватало самого элементарного – воды, света, тепла и т.п. Наблюдались частые вспышки инфекционных заболеваний, от которых особенно страдали дети. Все это провоцировало развитие обратничества.

С другой стороны, планы переселений никогда полностью не выполнялись, т.к. потребность в рабочих руках испытывали и другие регионы страны, где разворачивалась форсированная индустриализация. Стоит отметить, что и сама миграционная политика на Дальнем Востоке в предвоенное десятилетие отличалась противоречивостью: наряду с вселениями здесь были проведены и массовые принудительные выселения по превентивным геополитическим соображениям[9]. Тем не менее трудоресурсный фактор оказался решающим, что позволило государству добиться увеличения численности населения Дальнего Востока с 1282 тыс. чел. в 1926 г. до 2750 тыс. в 1940 г., или в 2,1 раза. Этот прирост на ¾ был обеспечен миграциями[10], однако он достигался за счет высоких миграционных оборотов.

Сложившаяся модель в общих чертах действовала до конца сталинской эпохи с некоторыми поправками на военные годы. В послевоенный пе-

риод с новой силой возобновились организованные переселения, масштабы которых особенно выросли в первой половине 1950-х гг. Но в отличие от довоенного времени все большее число рабочих по оргнабору вербовалось не за пределами региона, а внутри него. Например, в 1953 г. на долю последних приходилось 63%[11].

Произошли некоторые подвижки и в гулаговском сегменте. В связи с изменением геополитической обстановки в АТР советское руководство практически отказалось от «зачисток» дальневосточной территории, но продолжило её снабжение пенитенциарными категориями работников. При этом численность заключенных здесь сократилась до 200–300 тыс. чел., а спецпереселенцев, наоборот, – стала резко расти, достигнув к 1952 г. пика в 94,6 тыс. чел. с одновременным расширением ареала их расселения на северные и островные районы. Но абсолютные и относительные значения принудительного труда в общем трудоиспользовании уменьшились. Так, в Дальстрое в 1946–1952 гг. доля заключенных в структуре рабочих кадров составляла 43–55%, спецпоселенцев – в среднем 12%, т.е. не превышала 67%[12]. А в целом по региону этот показатель снизился примерно до 10%.

Таким образом, в позднесталинский период появились признаки некоторого смягчения мобилизационно–принудительного характера системы трудообеспечения Дальнего Востока, однако кардинально она не изменилась.

После смерти Сталина в развитии рассмотренных процессов начался переломный этап. Несмотря на то, что основные цели государственной политики на Дальнем Востоке оставались прежними, начавшаяся либерализация политического режима, а также новый этап модернизационных процессов потребовали от властных структур поиска новых концептуальных оснований в организации переселений на территории активного хозяйственного освоения. В сфере перераспределения рабочей силы ставка стала делаться на добровольные формы – как планово–организованные, так и стихийные.

При этом руководство страны не могло не учитывать менявшуюся систему ценностей, желание населения повысить комфортность жизни. В стимулировании восточного вектора миграций использовались не только сугубо материальные факторы в виде комплекса льгот и надбавок к зарплате. Большое внимание стало уделяться массовому жилищному строительству и в целом развитию социальной инфраструктуры восточных районов, позволившему постепенно сглаживать разницу в уровне жизни по сравнению с западными регионами[13], хотя она и оставалась значительной.

Однако в последней трети советской истории в стране обнаружился повсеместный дефицит миграционных ресурсов, связанный с общим замедлением демографического роста. Все это привело к уменьшению объемов миграций. Заметную конкуренцию Дальнему Востоку в количестве новоселов стали создавать развитые центры европейской части страны и Западная Сибирь, где развивался крупнейший нефтегазовый комплекс[14]. Тем не менее в регион удалось привлечь новые переселенческие потоки.

В послесталинский период расширились правовые возможности свободного трудоустройства и передвижения граждан. Кроме того, развитие новых технологий вступало в противоречие с мобилизационными методами трудообеспечения, с помощью которых рекрутировалась в основном малоквалифицированная рабочая сила. Учитывая это, государство стало прибе-

гать не только к прямому управлению миграциями, но и к мерам косвенного воздействия, стимулируя движение в регион. В частности, в 1960-е гг. т.н. северные льготы стали предоставляться рабочим и служащим, прибывшим на Дальний Восток не только в организованном порядке, но и самостоятельно.

Все это предопределило дальнейшее и притом ощутимое развитие тенденции, которая обозначилась уже в 1940-е гг., – увеличение самотечных миграций. Их доля в структуре переселений на Дальний Восток в 1960-е гг. возросла до 52%. Однако эта тенденция внутри региона проявлялась неравномерно – значительно сильнее в экономически более развитой и климатически благоприятной южной зоне и гораздо слабее на «северáх»[15], что объяснялось не только малой комфортностью проживания на территории последних, но и преобладанием там добывающих отраслей, для которых были характерны сезонность работ и б*о*льшая зависимость от организованных форм трудоснабжения.

В 1970–1980-е гг. дальневосточные предприятия в основном стали обеспечивать себя работниками путем вольного найма[16], он преобладал в структуре форм набора кадров даже на «ударных комсомольских стройках»[17]. Соответственно происходило вытеснение мобилизационных форм.

Общая тенденция в сфере перераспределения трудовых ресурсов характеризовалась стабильным снижением роли оргнабора. Если в 1930-1940-е гг. с помощью данного метода было набрано 22,4 млн рабочих, то в 1960-е гг. – 1,2 млн[18]. На Дальнем Востоке их численность в 1960–1964 гг. составляла 70 тыс. чел., 1965–1970 гг. – 25,9 тыс., 1970-е гг. – 8–10 тыс., 1980-е гг. – 3,5–5,5 тыс., а удельный вес оргнабора в структуре форм прибытия мигрантов снизился с 14,4% в 1950-е гг. до 10,5% в 1960-е гг. и 3–5% в 1980-е гг.[19] Особенно заметно эта тенденция проявлялась в южной части Дальнего Востока.

Все более ярко выраженный отказ предприятий от оргнабора был вызван не только объективными условиями развития свободных миграций и трудового найма, но и серьезными недостатками в самой организации этой формы пополнения трудовых ресурсов, из–за чего постоянно вставал вопрос о её целесообразности. Принимающие организации не обеспечивали рабочих нормальным жильем и другими бытовыми условиями, особенно в отраслях с сезонным характером производства. К тому же при ощутимых финансовых затратах на перевозку и обустройство рабочих профессиональный уровень последних оказывался низким, большей частью они не имели навыков труда в тех отраслях, куда проводился набор. Среди таких работников была наибольшая текучесть и самая низкая трудовая дисциплина[20].

Несмотря на то, что общая численность занятых в экономике Дальнего Востока неуклонно росла, проблема трудодефицита и большого оборота рабочей силы продолжала оставаться острой. В середине 1960-х гг. текучесть кадров в дальневосточной индустрии составляла в среднем около 30%, строительстве – 40–60%, рыбной промышленности – 50–80%. Во многих отраслях промышленности не хватало от трети до половины списочного состава работников[21].

Проблемы трудообеспечения территорий активного хозяйственного освоения во многом были связаны с тем, что к середине 1950-х гг. истощился социальный ресурс, игравший роль основного источника рабочей силы на этапе форсированной индустриализации, – крестьянство. Власти пришлось

корректировать мобилизационную политику в сфере труда, делать ее более тонкой и гибкой. Новым источником мобильных трудовых ресурсов стала молодежь[22]. В сфере организованных миграций это выразилось в широком использовании комсомольского призыва и развитии стройотрядовского движения студентов, являвшихся модифицированными формами оргнабора и сезонных работ.

Общественный призыв приобрел наибольшую масштабность именно в период последней трети советской истории, когда практически все значимые народнохозяйственные объекты объявлялись «ударными комсомольскими стройками». По сравнению со сталинским периодом несколько изменились и его организационные основы: повысился уровень планомерности, возникли новые формы взаимодействия между комсомольскими, производственными и региональными структурами, больше внимания уделялось квалификации работников, с одной стороны, и их жизненным запросам – с другой.

На Дальнем Востоке список ударных комсомольских строек того времени включал в себя как промышленные, так и сельскохозяйственные объекты. Кроме широко известного БАМа среди них были: в Хабаровском крае – целлюлозно–бумажный комбинат и машиностроительный завод в г. Амурске, Эльбанский механический завод, массивы естественных сенокосных угодий, Хорский гидролизно–дрожжевой завод; на Камчатке – Паужетская геотермальная электростанция; в Магаданской области – ЛЭП Певек–Билибино, Билибинская атомная электростанция, Колымская ГЭС; в Приморском крае – Приморская ГРЭС, порт Восточный, Всесоюзный пионерский лагерь «Океан», инженерные рисовые системы и др.

Однако ударные стройки можно было назвать комсомольскими с определенной долей относительности. На Восточном участке БАМа, например, основные работы проводились силами военных строителей и частично пенитенциарных категорий населения[23]. Что касается гражданских строителей, то на примере ГлавБАМстроя видно, что наибольшая часть работников (от 56,3% в 1975 г. до 73,2% в 1985 г.) трудоустроилась по вольному найму, на втором месте был перевод из других организаций. И лишь третье место занимал прием по комсомольским путевкам, при этом его доля со временем уменьшалась: лишь в первом году набора (1974) она составила 48%, а в дальнейшем колебалась между 24% (1975) и 5% (1984)[24].

Несмотря на высокий мобилизационный потенциал общественного призыва и поистине ударный труд многих юношей и девушек, этот метод не стал устойчивой формой трудообеспечения, а выполнял свою функцию благодаря высокому миграционному обороту. Так же, как и при обычном оргнаборе, планы направления молодежи полностью не выполнялись, плохой была и закрепляемость комсомольских кадров. Условия труда и быта первостроителей, хотя и были намного лучше, чем в 1930–1950-е гг., но всё же не соответствовали запросам времени[25]. Нельзя не согласиться с выводом современных историков о том, что в советской экономике 1960–1980-х гг. главный возобновляемый ресурс мобилизационного развития – молодежь – использовался расточительно[26].

В послесталинский период в советской плановой системе перераспределения трудовых ресурсов продолжало использоваться и сельскохозяйственное переселение, но его объемы также сокращались: если в 1951–1955 гг. в РСФСР было переселено 111,2 тыс. семей, а в 1956–1960 гг. – 106,2

тыс., то в последующие две пятилетки – 64,2 тыс. и 55,8 тыс. семей[27]. Однако на Дальнем Востоке эта тенденция действовала только до середины 1960-х гг. Во второй половине 1950-х гг. сюда было переселено 27,2 тыс. семей, а в 1961–1965 гг. – 14,6 тыс. В дальнейшем же динамика пошла по восходящей, достигнув пика в 1970–1975 гг. (30,1 тыс. семей) и стабилизировавшись в 1975–1985 гг. на уровне 26–27 тыс. за пятилетку[28].

Почти все эти мигранты направлялись в южную часть региона, наибольшее число семей прибыло в Амурскую область и Приморский край – районы с относительно более развитым сельским хозяйством. Поэтому в общерегиональной миграционной структуре удельный вес сельхозпереселений отличался малыми значениями (в 1960-е гг. – 2,3%), но в южной зоне он был достаточно ощутим и сопоставим с оргнабором: по данным на середину 1960-х гг., в Хабаровском крае – 10,3%, Приморском крае – 9,5%, Амурской области – 7,3%[29].

За 25 лет (1960–1985) в колхозы и совхозы региона в организованном порядке было переселено 115,8 тыс. семей. Если в довоенный период основным социальным ресурсом таких миграций были колхозники и уволенные в запас военные, то, начиная с 1950-х гг., разрешалось привлекать к этому жителей городов и районных центров, в т.ч. и самого Дальнего Востока. Постепенно несельскохозяйственное население в этих потоках стало доминирующим[30]. Однако данный фактор, способствуя наращиванию количественного показателя миграций, одновременно ослаблял их адаптивный потенциал.

Плановое переселение большей частью «работало» на замещение «утечки» сельчан, которая шла довольно высокими темпами параллельно притоку новоселов. Поэтому существенного роста сельского населения не происходило, и проблему дефицита кадров в сельском хозяйстве, несмотря на некоторое её смягчение, в целом решить не удалось. Например, в совхозах и колхозах Амурской области в середине 1970-х – первой половине 1980-х гг. ежегодно не хватало 9–11% рабочей силы, в т.ч. от 16 до 40% трактористов–механизаторов[31].

Наиболее серьезные изменения рассматриваемой сферы в послесталинский период произошли в пенитенциарном секторе. Принципиальным шагом по пути гуманизации общества была ликвидация Гулага и отказ от массовых принудительных миграций. На Северо–Востоке вместо мобилизационных структур управления были созданы обычные партийные, советские, хозяйственные руководящие органы. Экономика Магаданской области пережила болезненную замену принудительного труда вольнонаемным.

С середины 1950-х гг. система исполнения наказания в СССР была кардинально реформирована. Вместо крупных исправительно–трудовых лагерей основным типом ее учреждений стали относительно небольшие исправительно–трудовые колонии. Все они были поставлены перед необходимостью развивать собственную производственно–техническую базу, а также передавать заключенных в гражданский сектор экономики по контрагентским договорам (как правило, это было строительство). Продолжала действовать практика, когда руководители стройтрестов обращались в крайкомы и обкомы партии с ходатайствами об открытии ИТК в тех или иных населенных пунктах с тем, чтобы обеспечить конкретные стройки дополнительной рабочей силой, но масштабы этого явления, по сравнению со сталинским периодом, резко уменьшились.

Одним из растущих источников принудительной рабочей силы стал институт условно–досрочного освобождения (УДО). С 1960-х гг. такая форма смягчения наказания предполагала обязательное привлечение к труду, в народе оно называлось переводом «на химию». «Химики» находились под надзором спецкомендатур, проживали в специальных общежитиях и прикреплялись для работы к конкретным предприятиям, большей частью в строительстве[32]. По сути, это была вариация аналогичного института сталинского периода – исправительных работ без содержания под стражей. Ее расширенное применение в послесталинский период обусловливалось сочетанием двух факторов: развитием пенитенциарного законодательства по пути его либерализации и возрастанием в стране дефицита рабочих ресурсов.

Показателен в этом плане пример Приморского края, где трудоустройство в пенитенциарной системе шло через три института исполнения наказания: ИТК, УДО и колонии–поселения. В 1960–1980-е гг. в крае действовало 10 колоний и около 50 спецкомендатур для «химиков». Среднегодовая численность осужденных в каждом из этих двух сегментов составляла примерно по 10–20 тыс. Колоний–поселений было только две – в пос. Восток–2 и в с. Галенки. По грубым прикидкам, суммарная доля подопечных исправительных учреждений в общей численности жителей края составляла около 2%, а в структуре занятого населения – 4%.

Труд осужденных использовался в разных отраслях производства, но наиболее всего – в строительстве, где его доля доходила до 20%[33]. Зачастую ИТК и спецкомендатуры создавались именно под конкретные строительные объекты: заводы, пирсы, комбинаты, жилье, школы, больницы и т.д. Так было в Большом Камне, Славянке, Врангеле, на Востоке–2 и др. Осужденные работали также на лесозаготовках (пос. Зеленый), производстве железобетонных конструкций (пос. Заводской), металлоизделий (ст. Приморская, пос. Волчанец), в сельском хозяйстве и других отраслях.

Руководство ИТУ обязано было обеспечить заключенных рабочими местами, однако далеко не всегда имелась возможность полной трудовой занятости, т.к. связанные с этим проблемы рассматривались как ведомственные, а не как общегосударственные. Из–за непредоставления работы тысячи осужденных в стране оставались без заработка[34]. Не был исключением в этом плане и Приморский край. Например, в 1975 г. в ИТК и ЛТП края содержалось 12,7 тыс. чел., из них было трудоустроено 10,4 тыс., в т.ч. на собственном производстве ИТУ – 5,9 тыс., на контрагентских работах – 4,5 тыс. Поэтому в 1970–1980-е гг. особое внимание уделялось развитию собственной производственной базы ИТУ, освоению новой продукции. Поощрялось развитие кооперации с предприятиями края, от которых колонии получали производственные заказы. Со второй половины 1970-х гг. этот процесс стал носить преимущественно плановый характер. План согласовывался с руководителями заводов и утверждался на заседании крайкома партии и крайисполкома. Практически за всеми ИТУ и ЛТП были закреплены определенные заводы и ведомства[35].

Подведем итоги. В сталинский период система трудообеспечения Дальнего Востока носила высоко централизованный, мобилизационно–принудительный характер с некоторым его смягчением в послевоенное десятилетие. В послесталинскую эпоху произошла частичная децентрализация

и либерализация этой системы, особенно в пенитенциарном сегменте. Роль самотечных переселений и свободного трудоустройства неуклонно поднималась, а организованных форм – падала. Последние в условиях плановости экономики и непреодоленности ее экстенсивного характера полностью себя не исчерпали, но власть предпринимала попытки их модификации с учетом реалий времени. Тем не менее в течение всего советского периода сохранялась системная черта мобилизационной экономики, заключавшаяся в том, что людские ресурсы использовались расточительно, с большими социальными издержками.

Основной проблемой оставалась плохая закрепляемость новоселов, текучесть и дефицит кадров на Дальнем Востоке, что было обусловлено многими причинами, но прежде всего существовавшими принципами хозяйствования, когда развитие социальной сферы переносилось на второй план, что влекло общее отставание в уровне жизни от западных регионов. Перекосы экономического и социального развития, связанные с сырьедобывающей специализацией и военно–стратегическим значением региона, в советский период оказались непреодолимыми.

Несмотря на противоречивость советской миграционно–трудовой политики на Дальнем Востоке, результаты ее были впечатляющими. Численность населения здесь выросла с 1282 тыс. чел. в 1926 г. до 6948 тыс. в 1990 г., или в 5,4 раза. Ни один из крупных регионов бывшего СССР в советские годы не имел таких темпов демографического роста. Кризис советского общества конца 1980-х гг. сломал развитие всех рассмотренных тенденций, система целенаправленного трудообеспечения Дальнего Востока рухнула.

---

1 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 97.
2 Там же.
3 Краснознаменный Дальневосточный. Хабаровск: Кн. изд–во, 1979. С. 99–101; Дубинина Н.И. Дальний Восток Яна Гамарника: документ.–историч. повествование. Хабаровск: КГУП «Хабаровск. краевая типография», 2011. С. 242.
4 История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней). В 4 т. Кн.7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922–1937 гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1977. С. 136.
5 См.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 133–134.
6 Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья вторая // Свободная мысль – XXI. 1999. №9. С.121; Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. / Т.1. 1900–1993. М.: РОССПЭН, 2000. С. 312–313, 327.
7 Чернолуцкая Е.Н. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Известия РГИА ДВ. Т.3. Владивосток, 1998. С. 95–107.
8 Рассчитано по: Широков А.И. Государственная политика на Северо–Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки. Томск: Изд–во Том.ун–та, 2009. С. 185.
9 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции… С. 167–332.
10 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока… С. 113.
11 Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.4). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 137, 140.
12 Там же. С. 166.

13 Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986. С. 27; Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 122–128; Свидерская В.В. Демографическая политика в условиях наращивания экономического потенциала Дальневосточного региона в 60–80-е годы XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 134, 136; и др.
14 Россия перед лицом демографических вызовов: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. М.: UNLP, 2009. С. 80.
15 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока… 97, 98.
16 Костиков Г.Н. Основные источники и формы обеспечения предприятий рабочей силой и текучесть кадров в промышленности Дальнего Востока // Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов Дальнего Востока. Владивосток: ДВГУ, 1975. С. 26; Амурская область в 1981 г.: краткий стат. сб. Благовещенск, 1982. С. 28, 45.
17 Медведева Л.М. Кадры рабочих и служащих Байкало–Амурской железнодорожной магистрали (1974–1980 гг.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1983. Рукопись. С. 67.
18 Подсчитано по: Костиков Г.Н. Основные источники… С. 30.
19 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока… С. 97; Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60–80-е годы). Владивосток, 1992. С. 49.
20 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока … С. 90.
21 Платонова Н.М. Трудовой дефицит в промышленном комплексе Дальнего Востока РСФСР (1965–1985): исторический аспект // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 94; Костиков Г.Н. Основные источники… С. 37; Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 116–117.
22 Мироненко В.И. Комсомол в период реформации советского общества: 1985–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2000. URL: http://www.dissercat.com/content/komsomol–v–period–reformatsii–sovetskogo–obshchestva–1985–1991–gg#ixzz2Mv7iwIum (дата обращения: 06.03.2013).
23 Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 51.
24 Деревянко А.П., Медведева Л.М. Проблемы комплектования и состав кадров строителей БАМа. Владивосток, 1990. Препринт. С. 9; Медведева Л.М. Кадры рабочих и служащих… С. 67.
25 Деревянко А.П., Медведева Л.М. Проблемы комплектования… С. 12, 13.
26 Мироненко В.И. Комсомол в период реформации…
27 Миграция населения РСФСР. М.: Статистика, 1973. С. 81.
28 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока… С. 89, 92.
29 Там же. С. 94, 97.
30 Пискунов С.А. Особенности политики сельскохозяйственного переселения на Юг Дальнего Востока СССР в послевоенный период (вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. XX в. // Демографическая ситуация в Приамурье: состояние и перспективы: материалы регион. науч.–практ. конф. Благовещенск, 2006. С. 109.
31 ГААО (Гос. арх. Амурской области). Ф. 22. Оп. 3. Д. 183. Л. 105, 108; Данные текущего учета Отдела по труду Амурского облисполкома за 1970–1985 гг.; Борчанинова В.Е. Социальная структура населения… С. 101.
32 Евтушенко И.И. Условно–досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация. Волгоград: ВолгГТУ, 2005. С. 31–34.
33 Власов С.А. Жилищное строительство… С. 122.
34 1960–1980-е гг.: Советская исправительно–трудовая система.URL: http://isfic.info/ispol/exten90.htm (дата обращения: 30.09.2013).
35 Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Т. 2. Владивосток: Издат. группа «Восток–Контракт», 2011. С. 119–216; см. также: URL: http://www.25.fsin.su/structure /Histori/ (дата обращения: 13.05.2013).

Л.А. ДУДАРЬ

КОММЕРЧЕСКАЯ И ОБРАЗЦОВО–ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1930–1940-е гг.

В статье рассматривается история дальневосточной торговли конца 1920–1940-х гг. Большую часть этого периода в СССР действовала система нормированного распределения товаров по карточкам. Тогда же возникла сеть государственных коммерческих и «образцово–показательных» магазинов, в которых продавались товары по повышенным ценам. На основе архивных материалов анализируются вопросы организации торговли, ценообразования, формирования ассортимента товаров в коммерческой торговле, а также ее роль в системе снабжения различных категорий населения Дальнего Востока.

Ключевые слова: карточное распределение, коммерческая торговля, «образцово–показательная» торговля, коммерческие цены.

Возникновение коммерческой торговли в СССР тесно связано с историей карточного снабжения населения сначала в период 1928–1934 гг., а затем в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. впервые в советской истории в мирное время была создана система нормированного распределения продуктов, в которой каждой категории населения отводилось свое место. Право определять это место и соответствующий характер снабжения присвоил себе партийно–государственный аппарат. В первой половине 1930-х гг. эта система постоянно совершенствовалась и приспосабливалась к создаваемой экономической структуре тоталитарного государства. Карточное распределение распространилось не только на продукты питания, но и почти на все основные промышленные товары.

Вслед за нормированным снабжением государство ввело дифференцированную систему розничных цен. Она включала: 1) розничные цены нормального фонда города – наиболее низкие цены, по которым товары отпускались по карточкам; 2) цены коммерческого фонда (выше цен нормального фонда), по которым товары продавались любому покупателю без карточек (они подразделялись на среднекоммерческие и более высокие коммерческие); 3) цены нормального фонда села, которые мало чем отличались от коммерческих цен; 4) цены образцовых универмагов, которые превышали коммерческие; 5) цены Торгсина[1].

В океане закрытых пайковых распределителей государство было вынуждено сохранять островки открытой торговли. Одними из них были государственные коммерческие магазины, начавшие работу почти одновремен-

но с введением карточек. В июле и октябре 1929 г. в коммерческую продажу поступило по 16,4 т сахара. С декабря 1929 г. началась продажа чая, кондитерских изделий и консервов, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, платков, трикотажа, готового платья. В 1930–1932 гг. в коммерческой торговле в основном продавались непродовольственные товары, составлявшие 60–85% от ее общего объема.

Нельзя сказать, что продажи по высоким ценам были в полной мере свободными. Часто коммерческая торговля оказывалась включенной в карточное снабжение. Некоторые остродефицитные товары, поступавшие в розничную сеть для продажи по коммерческим ценам, отпускались только по специальным ордерам, оказавшись таким образом в сфере нормированного распределения[2].

Обороты коммерческой торговли росли быстрыми темпами. К примеру, по 12 наименованиям промышленных товаров фонды коммерческой продажи в городах составили в 1930 г. 225,5 млн руб., а в 1932 г. – 1260,2 млн руб. Однако на селе в 1932 г. по коммерческим ценам было реализовано товаров на 403,6 млн руб., что почти в 3 раза меньше, чем в городе. Таким образом, коммерческая реализация промтоваров получила большое распространение и занимала значительное место в удовлетворении потребностей населения, особенно городского. Но люди прибегали к услугам коммерческих магазинов для приобретения не только промтоваров, но и продуктов питания. Всего в городах в 1930 г. по коммерческим ценам было продано планируемых продовольственных товаров на 251,5 млн руб., в 1931 г. – 349,4 млн руб.[3]

Весьма интенсивным был рост коммерческой продажи хлеба. Ее удельный вес в 1934 г. достиг по отношению к нормированной торговле 44%[4]. В 1933 г. молодой рабочий ленинградского завода «Красный треугольник» записал в своем дневнике: «Хлеба, получаемого по карточкам, не хватает и приходится прикупать коммерческий по 2 руб. 50 коп. за 1 кг». В том же источнике мы находим данные о коммерческих ценах на некоторые другие продукты: колбаса – от 20 до 30 руб. за 1 кг, сахар – 15 руб., мясо – 10 руб.[5]

В коммерческих магазинах Владивостока в 1933 г. сливочное масло первого сорта стоило 24 руб. за 1 кг, второго сорта – 22 руб., а его отпускная цена для распределителей составляла соответственно 3 руб. 36 коп. и 2 руб. 93 коп.[6] Приобрести сливочное масло по карточкам было весьма проблематично. Еще в 1929 г. сразу после введения карточек в ДВК Далькрайисполком определил норму в 150–300 г жиров или сливочного масла в месяц на работающего, иждивенцам и этого не полагалось. Причем оговаривалось, что масло можно было получить, если оно оказывалось в наличии, иначе его заменяли жирами[7].

Цены на товары в коммерческой торговле в первой половине 1930-х гг. постоянно менялись, в основном в сторону повышения. Однако на некоторые товары в 1931–1934 гг. их несколько раз снижали[8]. Коммерческая торговля была своего рода государственной спекуляцией. В первой половине 1930-х гг. она выполняла важные функции, позволяя государству получать дополнительные денежные средства за счет торговли по высоким ценам, удовлетворяя избыточный покупательский спрос в городе и сбивая цены колхозного рынка.

Говоря о коммерческой торговле первой половины 1930-х гг., нельзя обойти вниманием весьма близкую ей, по сути, разновидность торговли по повышенным ценам, получившую название «образцово–показательная торговля». Если коммерческая торговля была свернута с отменой карточной системы и реформой цен, то образцово–показательная торговля, появившаяся в первой половине 1930-х гг., сохранилась и получила дальнейшее развитие и после отмены нормированного снабжения. В 1933 г. по всей стране в больших городах стали открываться образцовые универмаги, показательные продуктовые магазины систем «Гастроном» и «Бакалея» и специализированные показательные магазины промышленных наркоматов[9]. Правительство специально утвердило прейскуранты для образцово–показательных магазинов. Они торговали только высококачественными товарами, ассортимент которых был довольно широким[10]. Эти магазины должны были стать образцом для торгующих организаций всех других систем. За время господства карточного распределения и продавцы, и покупатели отвыкли от красивых витрин, просторных и чистых торговых залов, от возможности свободного выбора товаров. Конечно, создать такие магазины в условиях всеобщего дефицита и огромного неудовлетворённого спроса можно было, только подняв цены на такую высоту, которая была бы недоступна большинству горожан. Цены в образцовых универмагах были выше, чем в коммерческих магазинах.

В июле 1934 г. открылся владивостокский ГУМ, ставший одним из крупнейших образцово–показательных магазинов на Дальнем Востоке. В 1934 г. во Владивостоке работали два магазина «Гастроном». Накануне и сразу после отмены в стране карточек торгующие организации «ГУМ» и «Гастроном» занимали монопольное положение в торговле дефицитными продовольственными и промышленными товарами высшего качества, благодаря чему они имели наибольший удельный вес в товарообороте крупных дальневосточных городов. Так, во Владивостоке эти магазины обеспечили около 41% от всего городского товарооборота в 1935 г. и около 43% за первые 9 месяцев 1936 г.[11]

Для поддержания высоких показателей поступления в государственный бюджет денег от образцово–показательной торговли власти прилагали значительные усилия, направленные на обеспечение магазинов необходимым ассортиментом товаров и квалифицированными кадрами, на формирование новой трудовой этики торговых работников. В декабре 1934 г. бюро Приморского обкома ВКП(б), рассмотрев вопрос о работе Владивостокского ГУМа, приняло постановление, в соответствии с которым при ГУМе была организована школа ученичества на 60 чел. Для теоретических занятий будущих продавцов выделялись аудитории в кооперативном техникуме. Постановление обязывало дирекцию образцово–показательного универмага оборудовать помещение гладильни, в десятидневный срок очистить магазин от пыли, озеленить торговые залы и «повысить требования к продавцам в деле обращения с покупателем»[12].

В Хабаровске образцово–показательный универмаг был открыт в июле 1937 г. Он располагался в центре города в отлично оборудованном помещении и имел несколько специализированных отделов, в т.ч. галантерейный, парфюмерный, ковроводрапировочный, трикотажный и др.[13]

В годы Великой Отечественной войны коммерческая торговля была возобновлена. На Дальнем Востоке карточки ввели осенью 1941 г. Жестко нормированное карточное распределение гарантированно обеспечивало советских людей минимальным набором продуктов питания в самые тяжелые периоды войны[14]. Но в стране существовали группы населения, которым было доступно приобретение товаров по высоким ценам. В связи с этим правительством в 1944 г. было принято решение кроме карточной торговли по твердым пайковым ценам осуществлять и коммерческую торговлю товарами по повышенным ценам, которая стала важным дополнительным источником снабжения населения. Коммерческая торговая сеть уже к концу 1944 г. была и в розничной торговле, и в общественном питании. На Камчатке, например, коммерческую торговлю вели магазины рыболовецкой потребительской кооперации – рыбкоопы. В Магадане открытую коммерческую сеть, включавшую в себя рестораны и фабрику–кухню, имела система Горпищепрома, дававшая большую выручку[15]. Во Владивостоке с 1 ноября 1944 г. начала деятельность Владивостокская контора «Особторг». В ее ведении был один коммерческий магазин и два коммерческих ресторана – «Золотой Рог» и «Челюскин»[16].

Открытию коммерческой торговли во Владивостоке предшествовала большая подготовительная работа. Начиная с 20 сентября 1944 г., производились ремонт и оборудование предоставленных «Особторгу» помещений и набор штата сотрудников. В конце октября во Владивосток прибыло 19 вагонов с товарами различного ассортимента. Были получены товары и по договорам с местными поставщиками. Все это позволило с 1 ноября 1944 г. начать в городе коммерческую торговлю в хорошо подготовленных помещениях с полным штатом сотрудников и достаточным ассортиментом товаров. Уже к концу 1944 г. стали заметны результаты: за два месяца все предприятия «Особторга» перевыполнили план товарооборота почти на 32%, в т.ч. коммерческий магазин – на 37%, обеспечив выручку в сумме 48 млн руб. вместо 35 млн руб. плановой[17]. С первых же дней работы магазин стал пользоваться большой популярностью. За ноябрь – декабрь 1944 г. жители Владивостока приобрели в бакалейном отделе товаров на 5,4 млн руб., кондитерском – 7,7, гастрономическом – 12, винно–табачном – на 22,7 млн руб., что значительно превышало плановые показатели[18]. Но не все продукты в коммерческой торговле пользовались широким спросом. Из–за непомерно высоких цен, превосходивших цены колхозных рынков Владивостока, в коммерческом магазине плохо шла продажа мяса, птицы, сахара, молочных продуктов и сыра[19]. В связи с этим мясо–рыбный отдел магазина выполнил план лишь на 30%. В конце 1944 г. 1 кг мяса на рынке стоил 140–150 руб., а в коммерческом магазине – 320–330 руб., 1 кг кеты 50–60 руб. и 140–160 руб. соответственно[20]. При такой разнице, несмотря на достаточный ассортимент товаров в магазине, покупатель предпочитал приобретать эти продукты на рынке.

В 1945 г. коммерческая торговля расширилась. Во Владивостоке, например, это произошло за счет открытия торговых точек в театрах и кинотеатрах, развертывания лоточной сети. С ноября 1944 г. по октябрь 1945 г. товарооборот коммерческой торговли Владивостока составил почти 334 млн. руб.[21]

Карточная система распределения продолжала существовать и в первые послевоенные годы. Причиной ее сохранения до 1947 г. был острый недостаток потребительских товаров на внутреннем рынке страны. Уровень

производства промтоваров в 1945 г. составлял лишь 59% по отношению к довоенному 1940 г. В 1946 г. он поднялся до 67%, а в 1947 г. – до 87%[22]. За годы войны резко выросли цены на товары. Средний индекс государственных розничных цен и цен колхозного рынка в 1945 г. составил 325% от среднегодового уровня 1940 г. Реальная заработная плата из–за этого снизилась и составила 40% по отношению к уровню 1940 г.[23]

Как и в годы войны, главной повседневной заботой населения было отоваривание карточек. Во многих случаях отпуск продовольствия по карточкам производился несвоевременно, пайковые нормы были скудными. В магазинах, осуществлявших нормированную, или т. н. «универсальную» торговлю, дальневосточники вообще не могли приобрести многих необходимых продуктов. Например, в первом полугодии 1946 г. в Приморском крае для распределения по карточкам совсем не было мяса и сливочного масла, а качество большинства остальных продуктов было не выше второго сорта[24].

Все это вынуждало дальневосточников пользоваться услугами коммерческой торговли, и органы власти расширили её сеть. В первой половине 1930-х гг. и в годы войны коммерческая торговля осуществлялась в государственной розничной сети и сети общественного питания, в меньшей степени – в потребительской кооперации. К примеру, из 1770 действовавших в системе потребкооперации Дальнего Востока в 1932 г. магазинов и лавок только один магазин был коммерческим[25]. После войны в соответствии с постановлением СМ СССР от 9 ноября 1946 г. потребкооперация стала активнее открывать коммерческие магазины и чайные[26]. В 1946 г. такие чайные Хабаровского крайпотребсоюза перевыполнили план товарооборота на 67%[27]. Правда, далеко не всегда это обеспечивалось повышением качества и увеличением ассортимента блюд. В некоторых коммерческих чайных потребкооперации до 50% товарооборота давали алкогольные напитки[28].

В 1946 г. большинство коммерческих магазинов во Владивостоке, Ворошилове (совр. Уссурийск), Артеме, Сучане (совр. Партизанск) находились в подчинении Приморской краевой конторы «Особгастроном». Несмотря на очень высокие цены, особенным спросом в коммерческих магазинах пользовались колбасные изделия и мясо, сливочное масло и свежая рыба, крупа и мука, кондитерские и хлебобулочные изделия. За водкой, пряниками и хлебом часто были очереди[29].

Снижение коммерческих цен (проведенное по решению СМ СССР 16 сентября 1946 г. в рамках мероприятий по подготовке к отмене карточной системы) способствовало увеличению в коммерческих магазинах покупок жиров, сыров, круп, водки, мяса, мясных консервов, хлебобулочных и молочнокислых продуктов. В хлебобулочных, кондитерских, винно–водочных, бакалейных, гастрономических отделах ежедневно выстраивались огромные очереди. Каждого вида товаров не хватало на целый день торговли, поэтому руководство магазинов «Особгастронома» распорядилось пускать их в продажу в течение дня не одновременно, а постепенно[30].

Средняя стоимость покупки в коммерческих магазинах и ресторанах Владивостока в 1946 г. составляла 120–150 руб.[31] Конечно, далеко не все дальневосточники могло себе это позволить. Источники свидетельствуют, что среди покупателей коммерческих магазинов преобладало городское население, в т.ч. военнослужащие и моряки Дальневосточного морского пароходства.

Коммерческая торговля первых послевоенных лет, как и в период карточного распределения 1928–1934 гг. и военных лет, являлась узаконенной государством формой перераспределения, позволявшей удовлетворить избыточный спрос высокооплачиваемых групп населения. Она просуществовала вплоть до денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г., сопровождавшихся установлением новых единых государственных поясных розничных цен.

---

1 Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль.,1964. С. 146.
2 Там же. С. 167.
3 Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М.: Изд–во АН СССР, 1961. С. 327.
4 Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Изд–во ЛГУ, 1964. С. 315.
5 Маньков А.Г. Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. 1994. №5. С. 136, 137.
6 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 45. Оп. 1 Д. 4. Л. 25, 65.
7 РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока. Ф. Р–2413. Оп. 2. Д. 273. Л. 39.
8 Малафеев А.Н. История ценообразования… С. 192.
9 Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли… С. 314.
10 ГАПК. Ф. 620. Оп. 2. Д. 4. Л. 35.
11 Там же. Ф. 183. Оп. 3. Д. 9. Л. 64.
12 Там же. Ф. 620. Оп. 2. Д. 4. Л. 3, 35.
13 Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1937. 28 июля. С. 4.
14 Подробнее см.: Дударь Л.А. Система нормированного снабжения дальневосточников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в конце 1917–50-е гг. XX в.: сб. науч. статей. Кн.2. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 62–81.
15 Исаков А.Н. Советская торговля на Северо–Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 34.
16 ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 82. Л. 13.
17 Там же. Л. 17, 18.
18 Там же. Л. 18.
19 Там же. Д. 90. Л. 18.
20 Там же. Д .82. Л. 18.
21 Там же. Д. 93. Л. 278.
22 Малафеев А.Н. История ценообразования… С. 239.
23 Там же. С. 235.
24 ГАПК. Ф. 337. Оп. 1. Д. 93. Л. 4.
25 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 719. Оп. 5. Д. 3. Л. 26.
26 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т.3. С. 350–362.
27 ГАХК. Ф. 1742. Оп.1. Д. 52. Л. 11.
28 ГАПК. Ф. 621. Оп. 5. Д .35. Л. 3.
29 Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 93. Л. 4–5.
30 Там же. Д. 94. Л. 22–23.
31 Там же. Л. 63.

С.Г. КОВАЛЕНКО

УПРАВЛЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1945–1965 гг.: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья раскрывает особенности советских управленческих реформ 1945–1965-х гг., их реализацию на Дальнем Востоке. Послевоенная трансформация управления на региональном уровне, создание Советов народного хозяйства и возвращение к министерской системе представлены как закономерные этапы государственной политики.

Ключевые слова: управление, управленческая политика, министерства, Советы народного хозяйства, Дальний Восток СССР.

Управленческая политика И.В. Сталина в послевоенное время, в отличие от чрезвычайных военных условий, базировалась на своеобразной «конверсии» высшей власти, подавлении инициативы, воли членов Политбюро, низведении их статуса до положения исполнителей. Именно этим объясняются многочисленные кадровые перестановки и спровоцированные главой государства конфликты, способствующие ослаблению влияния его ближайших сторонников: В.В. Молотова, А.И. Микояна, Л.П. Берии, А.А. Жданова и др. Кроме того, наметилась тенденция введения в высший эшелон руководства новых лиц с высоким уровнем профессионализма и лояльности, но с меньшим авторитетом и, следовательно, менее опасных для вождя. Суть кадровой политики нашла отражение в документах XIX съезда ВКП(б) – знакового события для партии и страны, прошедшего через 30 лет после XVIII съезда в октябре 1952 г.

В отношении высшего руководства было принято два чрезвычайно важных решения. Вместо Политбюро избрали многочисленный президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов, что негативно сказалось на положении наиболее влиятельных лидеров: новые лица представляли потенциальную угрозу, являясь резервом для государственных и партийных постов[1].

Серьёзные намерения Сталина по кардинальному обновлению кадрового состава руководства страны нарушили сложившийся баланс между традиционными группировками. Продолжая отстранение от власти старых соратников, глава государства образовал неуставной орган – Бюро Президиума ЦК. В него не были включены наиболее заслуженные и влиятельные Молотов и Микоян, а на первом октябрьском (1952 г.) Пленуме нового ЦК Сталин подверг их критике, одновременно пытаясь вывести из высшего руководства страны. Об этих переменах Н.С. Хрущёв впоследствии скажет: «Президиум фактически не собирался, все вопросы решало Бюро». Подбор кадров в новую структуру осуществлялся субъективно на основе личного доверия: из 36 чел. 24 были достаточно хорошо знакомы вождю.

Перемены коснулись не только центрального уровня власти. В послевоенный период политика правительства в отношении дальневосточных территорий претерпела изменения. Находясь в русле общегосударственных тенденций, регион имел ряд особенностей, вызванных паттерном его развития и предопределивших специфику реализации управленческих реформ: приграничное положение, удаленность от центра, сырьевая направленность экономического развития, сложная демографическая ситуация.

Дальневосточное направление в политике государства развивалось с учетом итогов Второй мировой войны. В докладе Н.А. Вознесенского на первой сессии ВС СССР (март 1946 г.) о пятилетнем плане (1946–1950 гг.) говорилось, что основной задачей страны является восстановление районов, пострадавших от войны. Правда, в этом же выступлении подчёркивалось: «В районах Дальнего Востока намечается всестороннее развитие народного хозяйства, особенно металлургии, электроники, топливной промышленности и судостроения, обеспечивается развитие всех видов транспорта, расширяется сельскохозяйственное производство в целях сокращения завоза продовольствия из других регионов»[2]. Однако такие цели в отношении дальневосточного региона не могли быть достигнуты из–за нехватки ресурсов, которые в первую очередь шли на поднятие из руин экономики западных районов[3].

Тем не менее для оптимизации управления предпринимался ряд шагов, первым из которых стала децентрализация в рамках министерской системы. На принятие этой реформы повлияли чрезмерная бюрократизация и оторванность министерств от нужд предприятий, расположенных в отдалённых регионах, а также экономические факторы – рост добычи полезных ископаемых, топлива и т.д. Поэтому правительство решило перейти к управлению некоторыми основными отраслями хозяйства по территориальному принципу: в 1946 г. наркоматы угольной, нефтяной и рыбной промышленности были разделены на наркоматы западных и восточных районов СССР.

Такая частичная реорганизация не могла быть успешной по ряду причин. Дробление министерств нарушило сложившуюся кооперацию отраслей и предприятий, что, естественно, сказалось на качестве их работы. Неудача подобной политики побудила правительство искать другие пути для совершенствования системы управления на региональном уровне. Возникшие трудности в координировании интересов центральных и региональных органов власти сыграли свою роль в осуществлении укрупнения и централизации управления народным хозяйством на региональном уровне (1948 г.). В результате из 12 министерств осталось 6. На Дальнем Востоке минрыбпромы ликвидировали в 1949 г.

Третья попытка управленческих реорганизаций, предпринятая после смерти Сталина, касалась не только промышленности, но и сельского хозяйства. Большинство из действовавших промышленных министерств были сокращены (вместо 51 их стало 25), а некоторые ликвидированы (министерства геологии и автомобильного транспорта). Но и новые структуры оказались очень громоздкими. Так, Министерство машиностроения объединило 4 бывших самостоятельных министерства. Судя по всем признакам, правительство видело в этой реформе средство для оптимизации управления и сокращения аппарата, хотело придать ей долговременный характер.

К середине 1950-х гг. советское руководство оказалось перед выбором: нужно было либо переходить к более либеральной модели модернизации, либо продолжать следовать сталинской политике с её экстенсивным характером развития экономики, жестким приоритетом общегосударственных интересов над региональными, тотальным контролем общественной жизни. В непростой внутриполитической ситуации выбор был сделан в пользу частичной трансформации советской управленческой системы[4].

В первую очередь хрущевские реформы, обратившиеся к проблеме перераспределения полномочий, затронули интересы номенклатуры и её социальной базы – управленцев различного уровня. Постановления СМ СССР 1955 г. «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик» и «О передаче решений некоторых вопросов Советам министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, городам республиканского подчинения» свидетельствуют о том, что для обеспечения управляемости территорий центр не возражал против усиления роли хозяйственников на местах. Еще в 1955 г. СМ СССР принял Постановление «О расширении прав директоров предприятий», как говорилось в преамбуле документа, он был направлен на устранение чрезмерной централизации. Правительство стремилось повысить статус хозяйственной номенклатуры в регионах, в т.ч. и дальневосточном. Так, на руководство возлагалась обязанность по улучшению культурно–бытовых условий труда рабочих и служащих предприятий. Ответственность за развитие социально–бытовых условий одновременно увеличивала значимость хозяйственников этого ранга. Директор получил право «утверждать и изменять структуру и штаты цехов, отделов заводоуправлений, численность служащих и инженерно–технических работников», но при этом обязан был руководствоваться типовыми штатными расписаниями.

Реформа 1957 г. перераспределила часть управленческих функций на региональный уровень. Следует подчеркнуть, что в центральных органах власти (Госплане, Совете министров, ЦК КПСС) существовали подразделения, курировавшие деятельность Советов народного хозяйства и практически заменявшие собой министерства, так как организация их работы строилась на отраслевом принципе. Этот принцип действовал и на местном уровне в виде отраслевых управлений совнархозов.

Н.С. Хрущёв, намечая курс перехода на совнархозовскую систему, надеялся, что в реализации реформ основную роль сыграет среднее звено управленцев. Тем более что в регионах они отнеслись к реформе совсем по–другому, нежели ряд партийных функционеров, начинавших карьеру в сталинские времена и руководивших из «московских кабинетов». Как и ожидал Хрущев, со стороны местной партийной и хозяйственной элиты возражений не возникало. Эта группа видела в реформе справедливую возможность для расширения своих полномочий, так как министерский диктат существовал на всех территориях. Например, до начала реформы предприятия промышленности в Приморском крае подчинялись 18 министерствам.

В то же время не могла не проявиться и другая политическая тенденция, имевшая всеобщее распространение в СССР, потенциально опасная для центра: стремление некоторых региональных элит приобрести как можно большее влияние в сложившейся властной иерархии. Это проявлялось через

попытки изменить административно–территориальное деление страны, что способствовало бы повышению статуса местной элиты. В центр отправлялись письма с предложениями различных вариантов, дальневосточники не стали исключением. Например, в отчёте, направленном Хабаровским крайкомом партии в ЦК КПСС, отмечалось, что «не раз на партийной конференции и на собраниях советского актива высказывались мнения о необходимости объединения Приморского, Хабаровского краёв, Сахалина, Камчатки и Амурской области с центром в г. Хабаровске». Мотивировалось это предложение тем, что укрупнение станет важным условием для успешного решения поставленных задач. Но подобные инициативы не могли быть поддержаны другими дальневосточными руководителями, и этот сценарий не реализовался[5].

Однако за создание совнархоза в своём административно-хозяйственном районе высказывался каждый из руководителей, надеясь на относительную самостоятельность в хозяйственной и управленческой деятельности, а также на минимальные ограничения своего влияния в сложившейся системе власти. Центр принял такой вариант реформирования системы управления хозяйством страны, который сохранял иерархию подчиненности и диктат управленцев московского уровня.

Создание новой структуры положительно влияло на экономику региона. Наиболее значимые темпы роста промышленного производства продемонстрировали Сахалинская и Камчатская области, которые в предыдущие годы фактически не развивались. Реформирование управленческой системы привело к изменению роли региональной управленческой элиты в структуре управления страной. От места этой элиты во властной вертикали зависела «доля присвоения собственности», а СНХ способствовали повышению роли хозяйственников в регионе.

Централизация управленческих структур, призванная устранить недостатки в работе совнархозов, началась с 1960 г. Сначала были созданы республиканские Советы народного хозяйства, координировавшие деятельность остальных совнархозов, расположенных на территориях республик. В 1962 г. провели укрупнение самих совнархозов, их число в СССР сократилось со 107 до 47 (в РСФСР – с 67 до 24).

Переход на территориальные принципы управления и процедура разработки перспективного планирования повлекли за собой изменения и в сложившемся экономическом районировании. В апреле 1961 г. были выделены крупные экономические районы, в т.ч. и Дальневосточный. В них организовывались Советы по координации и планированию совнархозов. В соответствии с Указом ПВС РСФСР «Об образовании экономических районов РСФСР» от 25 декабря 1962 г. Совет министров республики постановил провести реорганизацию на Дальнем Востоке: Приморский, Сахалинский и Камчатский СНХ объединились в Дальневосточный совнархоз, Амурский вошёл в состав Хабаровского. С одной стороны, это позволило улучшить координацию хозяйственного управления на территориях, но с другой – увеличило количество бюрократических структур. Как только совнархозы укрепили свои позиции, партийным функционерам пришлось прикладывать больше усилий для контроля над хозяйственной бюрократией, что вызывало (хотя и скрытое) недовольство усилением «хозяйственников».

Первоначально управления совнархозами создавались в небольшом составе: председатель, заместители, руководители отраслевых отделов. Этот аппарат на территориях состоял всего из 11–15 чел., но позже стал расширяться. Например, в номенклатуру Приморского совнархоза в 1957 г. входило 129, а к моменту его ликвидации – 558 должностей. Хотя в дальневосточном регионе были аппараты совнархозов и с меньшим штатом, например, Магаданский.

Новые управленческие структуры отличались от совнархозов 1957–1962 гг., самым существенным изменением стало выведение значительной части промышленности из–под юрисдикции СНХ, начался новый этап ведомственного переподчинения местной хозяйственной бюрократии. В соответствии с решением СМ РСФСР от 28 января 1962 г. совнархозы лишились функции руководства строительством. Так, Хабаровский СНХ передал свои строительные предприятия и организации Главному управлению по строительству в Хабаровском экономическом районе Министерства строительства РСФСР. В состав совнархоза вошло 238 промышленных единиц, численность работников аппарата управления достигла 564 чел. Непосредственно совнархозу подчинялось крупнейшее предприятие региона – завод «Амурсталь». В состав Дальневосточного СНХ не вошли: часть предприятий по производству строительных конструкций и материалов, строительные организации и местная промышленность Приморского края, Сахалинской и Камчатской областей. СНХ объединял 212 предприятий, в аппарате управления насчитывалось уже 648 чел.[6]

В 1962 г. вводится новая структура, работники которой должны были централизованно управлять укрупненными совнархозами, – Совет народного хозяйства СССР, а в следующем году – Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ). Образование новых звеньев в управлении неизбежно приводило к росту хозяйственной бюрократии. В централизованном аппарате СНХ СССР по штатному расписанию на 1 января насчитывались 12 самостоятельных отделов с 39 подотделами, 31 управление со 159 отделами и 3 группами. Численность работающих составляла 1890 чел. В основную структуру входило 64 штатных сотрудника: руководство СНХ СССР – 5., начальников управлений – 30, начальников отделов – 13, руководителей управления по межреспубликанским поставкам – 12, начальников главных управлений по комплектованию оборудования – 4. Разумеется, все руководители были членами КПСС и 60 (из 64) имели высшее образование.

Одновременно с созданием новых управленческих структур в 1963 г. при Госплане СССР образовались плановые комиссии, целью которых стало изучение развития хозяйства регионов, выявление дополнительных ресурсов для увеличения производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. В русле этих мер создавалась плановая комиссия Дальневосточного экономического района, состоявшая из 25 сотрудников.

Таким образом, основным условием повышения роли хозяйственников на местах стало создание совнархозов, что дало старт разделению управленцев. Процесс фрагментации углублялся по мере проведения реформы партийных органов, хотя эта реорганизация не распространялась на все территории. Из 76 крайкомов и обкомов КПСС 42 разделились на промышленные и сельские структуры. На Дальнем Востоке в число реорганизованных вош-

ли только Приморский и Хабаровский края, но это привело к усложнению номенклатурной системы на этих территориях[7].

В регионах, которых не коснулось разделение (в Амурской, Магаданской и Камчатской областях), партийная бюрократия сдерживала процесс фрагментации, но вынуждена была провести реорганизацию собственных отделов. Например, в аппарате Сахалинского обкома партии создали отдел рыбной промышленности, а отдел строительства и строительных материалов преобразовали в отдел строительства и городского хозяйства. В начале 1960-х гг. прошли организационные изменения и в отраслевых управлениях Магаданской области, например, в топливно–энергетической отрасли. Повсеместно были проведены реформы в управлении сельским хозяйством.

Постоянные организационные новшества способствовали тому, что бюрократия активизировалась, защищая свои интересы и ценности, среди которых не последнее место занимала стабильность. Это сыграло свою роль при снятии со всех постов Н.С. Хрущёва.

Ликвидировав совнархозы, правительство вернулось к традиционной министерской системе управления. Но реформирование управленческой системы по территориальному признаку привело к изменению роли управленческой элиты. Как только она получила гарантии неприкосновенности, у нее появился соблазн присвоения собственности. Это сыграло ключевую роль в процессе «обмена властных полномочий на деньги», т.е. в формировании бюрократического рынка.

---

1 Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 гг. Новосибирск, 2000. С. 75.
2 Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М., 1979. С. 456.
3 Подробнее см.: Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток, 2010. С. 34–37.
4 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–67. Оп. 5. Д. 144. Л. 98.
5 РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально–политической истории). Ф. 5. Оп. 3. Д. 132. Л. 87–89.
6 ГАПК. Ф. П–67. Оп. 3. Д. 205. Л. 342.
7 Там же. Оп. 5. Д. 145. Л. 273.

Е.Ю. СЕЛЕЗНЕВА

НАЛОГИ КАК ЧАСТЬ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (СЕРЕДИНА 1940-Х – НАЧАЛО 1960-Х ГГ.)

В послевоенные годы советское правительство с помощью налогов регулировало перераспределение национального дохода в соответствии с существовавшей распределительной моделью. В статье проанализированы особенности этого процесса на уровне дальневосточного региона. Изучение данного аспекта взаимоотношений государства и общества в историческом контексте является одним из способов найти правильные подходы к решению многих современных финансовых и социально–экономических проблем.

Ключевые слова: налоговая политика, финансовая система, налоговые органы, бюджет, налоги, распределение, население.

В послевоенные годы налоги оставались одним из важнейших инструментов формирования государственного бюджета и использовались партийно–советским руководством страны для регулирования социальных отношений. Основными источниками доходов государственного бюджета были налог с оборота (НСО) и платежи из прибыли предприятий. Налог платили колхозы и население, в частности, существовали следующие налоги: подоходный, с холостяков и малосемейных граждан, сельскохозяйственный. Местные налоги включали госпошлину, налог со строений и земельную ренту, налог со зрелищ, сборы с владельцев скота и транспортных средств, разовые сборы на колхозных рынках и самообложение. Государство также изымало часть доходов населения посредством косвенных налогов через установление определенного уровня розничных цен, хотя советскими экономистами это явление отрицалось[1].

Финансовые органы по поручению министерств и ведомств изымали в централизованном порядке платежи по отчислениям от прибылей предприятий. Государственная казна пополняла счет подоходного налога с рабочих и служащих и налога в составе НСО на водку и масложировую продукцию. Ежегодно предприятия дальневосточного региона (свыше 20 отраслей) отчисляли 95–99% поступлений налога с оборота в союзный и республиканский бюджеты и только 1–5% – в местные бюджеты. Почти 80% поступлений обеспечивали ликероводочные предприятия[2]. На Сахалине существенными были налоги от реализации нефтяной, табачной, сахарной, кондитерской продукции[3]. В начале 1950-х гг. удельный вес отчислений по НСО, например, только Приморского края составил 1,7% суммы этого налога в доходной части госбюджета СССР, а налоги с населения Приморского края – 1,1% от об-

щей суммы налогов с населения страны, при этом доля жителей Приморья составляла примерно 0,5% от численности населения страны[4].

В годы первого послевоенного десятилетия на Дальнем Востоке наибольшие поступления по НСО и отчислениям от прибылей в госбюджет обеспечивали предприятия Приморского и Хабаровского краев. Во второй половине 1950-х гг. предприятия Камчатской, Магаданской и особенно Сахалинской областей лидировали в регионе по выполнению плановых заданий по налоговым платежам. Камчатская область вдвое перевыполняла план по НСО, а Сахалинская область – по отчислениям от прибылей предприятий[5]. В этих районах Дальнего Востока отмечался наивысший душевой доход среди городского населения.

В послевоенный период правительство внесло существенные изменения в подоходное налогообложение, которое оставалось основным звеном советской налоговой политики. В сентябре 1946 г. был повышен необлагаемый минимум для рабочих и служащих со 150 до 260 руб. в месяц, в 1951 г. увеличены ставки подоходного налога с доходов некооперированных кустарно–ремесленных промыслов[6].

В 1947–1960 гг. поступления по налогам с населения дальневосточного региона в краевые и областные бюджеты составили около 16 млрд руб.[7] Через систему подоходного налога государство изымало у каждого дальневосточника от 6 до 7% дохода[8]. В 1948–1960 гг. население Приморского края перечислило в госбюджет по этой статье 73,4% краевых налоговых поступлений[9], Хабаровского края – 75%[10]. По Сахалинской области этот показатель был меньше, что обусловливалось трудностями становления советской налоговой системы на территории острова[11].

В годы первой послевоенной пятилетки по подоходному налогу с рабочих и служащих и налогу с холостяков лидировали Камчатка и г. Магадан, что объяснялось демографическим составом населения и ростом «контингентов» Дальстроя. Ушедшие в запас военослужащие воины и сельское население тоже платили налог с холостяков, причем сельское население – по более высоким ставкам, чем городское. В начале 1950-х гг. ставки разнились почти вдвое. Наибольшую сумму по подоходному налогу с прочих плательщиков, разовым сборам на колхозных рынках и госпошлине платило население Хабаровска – крупнейшего города на Дальнем Востоке[12]. Самые большие суммы по налогу со строений перечисляла Амурская область[13], имевшая наиболее высокую долю индивидуальных построек. Хабаровский край часто перевыполнял план поступлений по налогу со зрелищ в основном за счет мелких, но многочисленных киноустановок Дальстроя, ведомственных киноустановок Комсомольского, Вяземского и других районов. Основными плательщиками подоходного налога были рабочие и служащие, растущая численность которых на Дальнем Востоке стабильно обеспечивала пополнение налогооблагаемой базы.

Жесткое регулирование уровня заработной платы дальневосточников давало возможность государству «закладывать» размер уплачиваемого подоходного налога в качестве элемента в оплату труда. Таким образом увязывалась региональная политика заработной платы и государственные интересы сбалансирования финансовой системы. Уже в первые послевоенные годы подоходный налог с рабочих и служащих составлял около 95% всех налогов, взимаемых с дальневосточников.

Правительство, учитывая проблему закрепляемости населения на Дальнем Востоке, регулировало среднюю ставку подоходного налога с рабочих и служащих на данной территории. Например, для Приморского края средний процент изъятия налога установили в размере 6,5% или 45,5 руб. при среднемесячной заработной плате 700 руб. Этот показатель для дальневосточного региона был ниже среднего по стране, составлявшего 8–13%[14].

Для определенных групп рабочих и служащих установили разные налоговые льготы. Например, для тех, кто имел на иждивении более трех человек, размер подоходного налога по месту основной работы снижался на 30%. Вместе с тем доходы всех остальных физических лиц, занятых т.н. индивидуальной деятельностью, облагались по особо высоким ставкам, достигавшим для кустарей и ремесленников 81% (с суммы, превышающей 7 тыс. руб. годового дохода). Для работников сферы искусства (аналог – лица свободных профессий) необлагаемый минимум не применялся, но тоже действовала прогрессия ставок. Налог исчислялся из годового заработка по ставкам в размере 1,5–13%. Например, при годовом доходе 300 тыс. руб. размер налогового изъятия достигал 34,7%[15]. Необлагаемые льготы на иждивенцев при обложении этой группы не были установлены.

Правительство применяло шкалы обложения с различной прогрессией ставок для разных групп населения. Самые высокие налоговые ставки были для служителей религиозного культа и лиц, занимающихся частной практикой[16]. Кроме того, служители культа платили самообложение по наиболее высокой «добровольной» ставке в размере 150 руб. Категория «прочих плательщиков» подоходного налога, куда входили последние, постоянно пересматривалась и дополнялась. Так, по заниженным ставкам облагались доходы старателей золотой и платиновой промышленности, предприятий по добыче и переработке редких металлов и доходы от сельского хозяйства в городских поселениях. Льготно облагались выигрыши по облигационным займам и лотерейным билетам, проценты по облигациям и вкладам в сберкассах. Полностью освобождались от уплаты налогов сельские уполномоченные, налоговые агенты – как вознаграждение за сбор средств по госзаймам, военнослужащие, лауреаты премий – Ленинской и Ленинского комсомола – с сумм этих премий, инвалиды – по зрению и инвалиды Великой Отечественной войны. Участникам ВОВ предоставлялась скидка по налогу в размере 50% по всем видам получаемых доходов[17].

Финансовые органы индивидуально определяли платежи с фактического дохода «прочих» плательщиков. Их обложение производилось по декларациям, составлявшимся ежегодно к 15 января. Инспекторы государственных доходов не реже одного раза в месяц проводили обследования «контингента». Вследствие таких мер кустари часто прекращали деятельность и нанимались на работу в государственные и кооперативные организации или переходили на другие территории для поддержания своего промысла. Так население приспосабливалось к налоговой системе.

В первые послевоенные годы на Дальнем Востоке наблюдались небольшие поступления налогов с «прочего» населения, поскольку кустарно–ремесленными промыслами занималась здесь незначительная часть населения. В 1947 г. во время внезапных ревизий городских рынков налоговые инспекторы выявляли кустарей и ремесленников, работавших под вывеской государ-

ственных и кооперативных организаций. Финансовым работникам не всегда удавалось установить реальные доходы этой категории плательщиков, поэтому в краевых и областных финансовых отделах разрабатывались ориентировочные нормы доходности по отдельным видам деятельности.

В послевоенные годы из–за повышения необлагаемого минимума по подоходному налогу значительно сократилась численность плательщиков налога с холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, который фактически превратился в простое дополнение к подоходному обложению. В 1949 г. правительство повысило ставки этого налога с сельского населения, лишь частично компенсировав увеличение удельного веса льгот по сельхозналогу. При этом с сельчан, не имевших детей, налог взимался по ставке 150 руб., имевших одного ребенка – 50 руб., двоих детей – 25 руб[18]. В целом в 1948–1958 гг. удельный вес налога с холостяков в подоходном налоге постепенно снизился с 30 до 23,2% при сохранении ежегодного процента прироста отчислений. Большая часть налога поступала в республиканский и союзный бюджеты (65–85%)[19], а в местные – лишь 15–35% общей суммы. От поступившей суммы подоходного налога с населения в местный бюджет перечислялось всего 15%[20].

В послевоенные годы государство продолжало изымать огромные материальные и финансовые ресурсы из деревни, сохранив действие наиболее строгих налоговых распоряжений военного времени. Колхозники облагались и сельскохозяйственным, и подоходным налогом с колхозов, платили самообложение и осуществляли обязательные поставки, которые имели налоговый характер. Объектом обложения сельскохозяйственного налога был совокупный доход крестьянского хозяйства или двора. Так, в 1949 г. в Приморском крае сумма налога на одно хозяйство колхозника составила 949 руб.[21], превысив в 4,4 раза аналогичный показатель по центрально–черноземным областям[22]. Определенная часть колхозников в ответ на растущие после войны налоги покидала деревню или не участвовала в колхозном производстве[23].

Указами ВС СССР от 13 июля 1948 г., 7 августа 1950 г. и 1 августа 1951 г. сельскохозяйственный налог претерпел незначительные изменения, которые коснулись увеличения прогрессии в обложении и процентах изъятия доходов, сокращения льгот по налогу и порядка предоставления льгот[24]. Размер сельхозналога увеличился при тех же источниках на 30% по сравнению с 1947 г. Средняя сумма налога на единоличное крестьянское хозяйство в два раза превысила сумму обложения колхозного двора. Налог на хозяйство колхозника в Приморье составил 949 руб., рабочего – 450 руб., единоличника – 2 372 руб.[25] В конце 1940-х гг. средняя сумма сельхозналога на одно хозяйство в Приморском крае и Амурской области была одной из самых высоких по СССР и достигала 1066 и 1049 руб. соответственно[26].

В 1948 г. в половинном размере начисленного налога стали облагаться хозяйства нетрудоспособных колхозников, а единоличные хозяйства вообще лишались такой льготы. Отменялась 15%–ная скидка с начисляемой суммы для хозяйств колхозников и единоличников, в составе которых при наличии одного трудоспособного члена семьи имелось не менее двух детей до 12 лет. Стали платить налоги в размере 50% от начисленного хозяйства военнослужащих, погибших или без вести пропавших во время войны, хозяйства партизан, в которых не было трудоспособных. Правительство в очередной раз пересмотрело нормы доходности и дифференцировало их в территориальном

разрезе с учетом уровня цен. Рост норм доходности увеличивал среднюю сумму сельхозналога при одновременном снижении суммы облагаемого дохода. Так, в 1948 г. в Приморском крае при уменьшении суммы облагаемого дохода на одно хозяйство на 8,7% средняя сумма налога увеличилась на 14,2%[27].

В сентябре 1948 г. секретариат ЦК ВКП(б) принял Постановление «Об усилении налоговой работы и организации поступления сельхозналога», которое дало право местным партийным комитетам применять чрезвычайные меры. Финорганы, которые имели в своем составе налоговый аппарат, описывали имущество неплательщиков, а налоговые агенты получали платежи наличными. Налог исчислялся даже с трехмесячного поросенка. Не случайно во время сбора недоимок население иногда угрожало фининспекторам расправой.

В 1948 г. правительство «рекомендовало» колхозникам продать государству даже мелкий скот, держать который разрешалось колхозным уставом. За превышение норм в содержании скота и площадей приусадебных участков взимался денежный налог. Такие «нововведения» ложились тяжелым бременем на население, заставляли людей уничтожать скот, под корень вырубать сады, которые помогали им выжить.

Тяжелая экономическая ситуация в дальневосточной деревне послужила поводом для сохранения государственных принципов административного нажима на колхозы. К началу 1950-х гг. рост налогов опережал рост доходности дальневосточных колхозников и личных хозяйств, поэтому значительная часть платежей переходила в долги[28]. Плановые задания по сельхозналогу с трудом выполнялись отдельными краями и областями Дальнего Востока. Финорганы продолжали рассчитывать доходы от личных подсобных хозяйств по «высшей планке».

Налоговая политика государства середины 1940-х – начала 1950-х гг. тормозила развитие сельскохозяйственного производства в СССР. Несмотря на то, что налоги с крестьян были одним из источников снижения цен в 1947–1953 гг., политическое руководство страны осознало необходимость внесения изменений в систему сельскохозяйственного налога. Указом ПВС СССР от 7 мая 1952 г. в законодательстве о сельскохозяйственном налоге появились изменения: уменьшилось количество облагаемых объектов[29].

8 августа 1953 г. сессия ВС СССР приняла новый Закон о сельхозналоге[30], который предусматривал изменение принципов и порядка его начисления. Впервые подоходное налогообложение заменили погектарным, при котором налог стал исчисляться по твердым ставкам с каждой сотой гектара. Ставки сельхозналога, установленные в рублях, дифференцировались по союзным республикам и территориям с учетом их экономических особенностей. Например, в 1953 г. для Приморского края средняя ставка составляла 10,5 руб., с 0,01 га при предельной по РСФСР – 3–14 руб.[31] В том же году правительство вынужденно снизило разовый сбор на колхозных рынках на 30 %. Вскоре эта мера стала убыточной для государства и в 1955 г. была отменена, а средняя сумма исчисленного к уплате сельхозналога с одного хозяйства увеличилась на 35%[32]. В Приморском крае сумма скидки на приобретение крупного рогатого скота в 1954 г. составила 10% от всей исчисленной к уплате суммы сельхозналога[33]. В конце 1950-х гг. началось новое наступление на частника, и вышло постановление о запрещении держать крупный рогатый скот в городах[34].

В 1951 г. правительство внесло поправки в систему подоходного налога с колхозов и установило четыре ставки налога. Продукция для внутрихозяйственных нужд оценивалась по государственным заготовительным ценам и облагалась в размере 6% дохода. Контрактация и реализация продукции государственным заготовителям облагалась по ставке 9%; натуральная продукция и денежные суммы, распределявшиеся по трудодням среди колхозов, облагались из расчета 12% (государственная продукция в этих случаях оценивалась по удвоенным государственным закупочным ценам). Продукция колхозов, реализованная на рынке, облагалась в размере 15%, а денежные средства, полученные от продажи скота, частично включались в облагаемый доход[35].

В 1952 г. правительство в очередной раз внесло изменения в систему подоходного налога с колхозов, после чего плановые налоговые отчисления с колхозов Дальнего Востока увеличились при одновременном сокращении льгот. Колхозы Сахалинской области смогли выполнить план по подоходному налогу всего лишь на 48%. Убыточными для государства оставались многие МТС региона, как правило, получавшие завышенные плановые задания. Директора МТС вместе с председателями колхозов отчитывались о ходе выполнения государственных планов по денежным и натуральным доходам в краевых и областных сельскохозяйственных отделах и на заседаниях райисполкомов[36].

18 декабря 1958 г. ПВС СССР издал новый Указ о подоходном налоге с колхозов. Единую ставку этого налога, установленную в 1957 г. в размере 14%, снизили до 12,5% облагаемого дохода, что стало возможным при увеличении налогооблагаемой базы и повышении заготовительных цен[37]. В то же время новый указ не решил многих проблем. В частности, налог исчислялся из доходов прошлого года, а уплачивался из доходов текущего года, что не стимулировало сельскохозяйственное производство. В облагаемый доход включалась часть издержек производства, затраты на оплату труда и другие расходы. Таким образом, налог был направлен на изъятие не столько чистого дохода, сколько фонда оплаты труда.

В 1959 г. уровень подоходного налогообложения в регионе несколько снизился по причине расширения системы специальных льгот. Полностью освобождались от подоходного налога колхозы, состоявшие из коренных народностей Севера, и колхозы в любой местности СССР, занимавшиеся пушным звероводством. СМ СССР получил право устанавливать налоговые льготы, а СМ РСФСР – освобождать от налога колхозы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях[38].

В послевоенные годы сельское население Дальнего Востока облагалось т.н. добровольным платежом, взимаемым на основании действующего Постановления СНК СССР от 11 ноября 1937 г. «О самообложении сельского населения»[39]. Размеры взноса устанавливались общим собранием*. По каждому сельсовету утверждалась единая ставка для всех хозяйств колхозни-

* Но не выше следующих размеров: для хозяйств колхозников и постоянно проживавших в сельской местности рабочих, служащих, кустарей и ремесленников – не более 20 руб.; для единоличных крестьянских хозяйств, не имевших полевого посева и рабочего скота, некооперированных кустарей и ремесленников, не ведущих сельского хозяйства, – не более 40 руб.; для единоличных крестьянских хозяйств, имевших полевой посев или рабочий скот, – не более 75 руб.

ков, рабочих и служащих, кооперированных кустарей и ремесленников. Суммы самообложения, не уплаченные в установленные сроки, взыскивались сельским советом в судебном порядке.

Таким образом, послевоенный период налоговой политики советского государства по отношению к крестьянству включал два примерно одинаковых по продолжительности, но разных по содержанию этапа, рубежом которых оказался 1953 г. На первом этапе государство изымало из деревни не только прибавочный продукт, но и большую часть необходимого продукта. В начале 1950-х гг. потребность в реформировании сельскохозяйственного производства остро ощущалась на всех уровнях властной вертикали, в рамки которой уже не вписывались личные подсобные хозяйства, с которыми политическое руководство вынуждено было считаться вплоть до начала 1960-х гг. Налоговая политика советского типа сдерживала развитие сельскохозяйственного производства, хотя и обеспечивала устойчивость распределительной модели отношений в обществе.

XXI съезд КПСС (1959 г.) принял решение о постепенной отмене налогов для населения. Разработанный в соответствии с этим решением Закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» (май 1960 г.) предусматривал постепенное повышение необлагаемого минимума доходов и расширение налоговых льгот[40]. В третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде (1961 г.), предполагалась полная отмена налоговых платежей с населения, что фактически означало продолжение процесса трансформации советской налоговой системы.

Таким образом, к началу 1960-х гг. налоговые платежи практически потеряли характер многофункционального экономического инструмента и трансформировались в нормативные отчисления. Вместо подоходного налога функцию обеспечения социальной стабильности в обществе заняла система общественных фондов потребления (ОФП), при которой часть заработанных средств рабочих и служащих централизованно переводилась в ОФП и затем перераспределялась. В 1960 г. выплаты и льготы на душу населения, финансируемые из общественных фондов, в целом по стране достигали 441 руб. К доходной части бюджетов рабочих и служащих они добавляли около 40%[41]. Средняя сумма налогов на душу населения на Дальнем Востоке увеличилась в 1960-е гг. в 5 раз по сравнению с 1947 г. и достигла: в Приморском крае – 520 руб., в Хабаровском крае – 431 руб., на Сахалине – 979 руб. Средние налоговые выплаты на одного дальневосточника составили соответственно 45% от среднемесячной заработной платы в южной зоне Дальнего Востока и 51% – в северной[42]. Размер заработной платы в регионе в 1950–1958 гг. увеличился в 1,5 раза[43], а средняя сумма налога на душу населения по приблизительным подсчетам выросла в 2 раза, что свидетельствует об опережающем росте налогов в среднем на 25%. При этом наибольший разрыв показателей сложился на Сахалине (37%), наименьший – в Хабаровском крае (6%), средний – в Приморском крае (28,5%). Значительные изменения в объекте налогообложения во второй половине 1950-х гг., особенно на Сахалине, были вызваны усилившимся движением населения в регионе. Так, рабочие и служащие северных районов, получавшие надбавки к заработной плате в размере 60–100%, уезжали на материк[44], а у вновь прибывших, не имевших таких надбавок, зарплата была почти в два раза ниже.

Таким образом, в послевоенные годы государство в рекордно короткие сроки изымало денежные средства у населения дальневосточного региона даже в б**о**льших размерах, чем распределяло и пускало их снова в оборот. Советское правительство, манипулируя элементами налога и ценами, регулировало реальные доходы дальневосточников, предупреждало инфляцию, сдерживало потребление в регионе и надежно обеспечивало концентрацию финансовых ресурсов в распоряжении органов власти и управления.

Смена высшего руководства страны и проведение политических кампаний непосредственно отражались на деятельности советских налоговых органов. Во второй половине 1950-х гг. под влиянием государственного монополизма в сфере распределительных отношений налоговая политика приобрела сугубо фискальный характер. Ее регулирующую, стимулирующую и социальную функцию полностью заменили методами централизованного планирования.

В 1960-е гг. была предпринята попытка постепенного снижения налогообложения, вплоть до отмены налогов с заработной платы рабочих и служащих. В 1960–1964 гг. происходит частичная ликвидация налоговой системы, созданной на предыдущем этапе. Вносятся существенные изменения в формы и методы аккумуляции централизованных и децентрализованных денежных ресурсов. Основной доход госбюджета составили денежные накопления, поступающие от государственных предприятий и общественных организаций.

---

1 Ракитский Б.В., Шохин А.И. Закономерности формирования и реализации трудовых доходов при социализме. М., 1987. С. 178.
2 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 181. Оп. 14. Д. 502. Л. 121.
3 ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области). Ф. 144. Оп. 1. Д. 228. Л. 62.
4 Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. 1922–1972. М., 1972. С. 9.
5 ГИАСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 52. Л. 75 об., 265 об., 356; Д. 80. Л. 349; Д. 179. Л. 109, 283, 204; Д. 132. Л. 3; Д. 294. Л. 4 об.; Д. 333. Л. 59 об.; Д. 422. Л. 5; Д. 364. Л. 8 – 9; Д. 489. Л. 12.
6 Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964. С. 239; ГАПК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 81. Л. 86, 108.
7 Рассчитано по: ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 474. Л. 5; Д. 463. Л. 5; Д. 468. Л. 10; Д. 495. Л. 1; ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р–389. Оп. 2. Д. 314. Л. 129; Д. 362. Л. 5 об.; Д. 414. Л. 20; Д. 411. Л. 5 – 5 об; Д. 579. Л. 5 об., 6; Д. 832. Л. 20, 40 об; 787; Д. 788. Л. 42; Д. 669. Л. 9; Д. 642. Л. 5; Д. 925. Л. 35; Д. 996. Л. 1–3 об.; Д. 449. Л. 55; Оп. 14. Д. 526. Л. 9 – 11, 64; ГИАСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 31. Л. 20–22; Д.46. Л. 3 об., 4; Д. 52. Л. 170, 265 об., 356; Д. 80. Л. 29–32; Д. 98. Л. 3–3 об.; Д. 132. Л. 3–3 об.; Д. 525. Л. 27–27 об.; Д. 259. Л. 4–6; Д. 294 . Л. 4–4 об.; Д. 392. Л. 3; Д. 422. Л. 5–6; Д. 179. Л. 5, 109, 204–205, 349; Д. 364. Л. 8–9; Д. 333. Л. 5 об.; Д. 480. Л. 12.
8 Пансков В.Г. Налоги и налоговая система Российской Федерации. М., 2006. С. 274.
9 Рассчитано по: ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 474. Л. 5; Д. 463. Л. 5; Д. 468. Л. 10; Д. 495. Л.1.
10 Рассчитано по: ГАХК. Ф. Р–389. Оп. 2. Д. 314. Л. 129; Д. 362. Л. 5 об.; Д. 414. Л. 20; Д. 411. Л. 5–5 об; Д. 449. Л. 55; Оп. 14. Д. 526. Л. 9–11. Л. 64; Д. 579. Л. 5 об., 6; Д. 642. Л. 5; Д. 669. Л. 9; Д. 787. Л. 20; Д. 788. Л. 42; Д. 832. Л. 40 об.; Д. 925. Л. 35; Д. 996. Л. 1–3 об.

11 Рассчитано по: ГИАСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 31. Л. 20–22; Д. 46. Л. 3 об., 4; Д. 52. Л. 170, 265 об., 356; Д. 80. Л. 29–32; Д. 98. Л. 3–3 об.; Д. 132. Л. 3–3 об.; Д. 525. Л. 27–27 об.; Д. 259. Л. 4–6; Д. 294. Л. 4–4 об.; Д. 392. Л. 3; Д. 422. Л. 5–6; Д. 179. Л. 5, 109, 204–205, 349; Д. 364. Л. 8–9; Д. 333. Л. 5 об.; Д. 480. Л. 12.
12 Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40-е – 60-е годы): Препринт. Владивосток, 1991. С. 15.
13 ГАХК. Ф. Р–389. Оп. 2. Д. 332. Л. 80–81.
14 Пансков В.Г. Налоги и налоговая… С. 274.
15 Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964. С. 231.
16 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 452. Л. 2; Д. 468. Л. 2; Д.485. Л. 3; Д. 493. Л. 3.
17 Там же.
18 Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 12; ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 448. Л. 2.
19 ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 261. Л. 251.
20 Ведомости Верхового Совета СССР. 1949. № 12; ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 485. Л. 4; Д. 468. Л. 2.
21 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 437. Л. 1.
22 Зима В.Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечеств. история. 1994. № 3. С. 117.
23 Стрельцова Т.П. Проблемы использования и распределения трудовых ресурсов Амурской деревни (1946–1965 гг.) // Аграрное развитие Дальнего Востока: история и современность; материалы регион. науч.–практ. конф. Благовещенск: Даль ГАУ, 2004. С. 154.
24 Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 30; 1950. № 2; 1951. № 33.
25 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 437. Л. 1.
26 Попов В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социол. исслед. 1997. № 2. С. 105.
27 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 452. Л. 18; Д. 463. Л. 4; Д. 485. Л. 3–4.
28 ГИАСО. Ф.144. Оп. 1. Д. 80. Л. 30.
29 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 456. Л. 3.
30 Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 7; ГИАСО. Ф. 144. Оп. 6. Д. 97. Л. 7.
31 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 463. Л. 12.
32 ГИАСО. Ф. 144. Оп. 6. Д. 102. Л. 37.
33 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 463. Л. 12.
34 Ветераны финансовых органов Хабаровского края в документах и судьбах: (участники Великой Отечественной войны, труженики тыла, ветераны труда) / под общ. ред. А.С. Кацубы; науч. ред. А.Л. Анисимов. Хабаровск: Частн. коллекция, 2005. С. 93.
35 ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 468. Л. 20.
36 ГИАСО. Ф.144. Оп. 1. Д. 80. Л. 27; Д.179. Л. 205.
37 Стрельцова Т.П. Проблемы использования… С. 113.
38 Марьяхин Г.Л. Платежи кооперативных организаций и колхозов в госбюджет. М., 1960. С. 114.
39 Постановление СНК СССР от 11 ноября 1937 г. «О самообложении сельского населения». Консультант Плюс (копия документа). URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6140 (дата обращения: 14.07.2006).
40 Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 18.
41 Белоусов Р.А. История России: XX век. Кн. 5. Драматический кризис в конце столетия. М., 2006. С. 127.
42 Рассчитано по: ГИАСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 31. Л. 20–22; Д. 46. Л. 3 об., 4; Д. 52. Л. 170, 265 об., 356; Д. 80. Л. 29–32; Д. 98. Л. 3–3 об.; Д. 132. Л. 3–3 об.; Д. 525. Л. 27–27 об.; Д. 259. Л. 4–6; Д. 294 . Л. 4–4 об.; Д. 392. Л. 3; Д. 422. Л. 5–6; Д. 179. Л. 5, 109, 204–205, 349; Д. 364. Л. 8–9; Д. 333. Л. 5 об.; Д. 480. Л. 12.
43 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 52.
44 ГИАСО. Ф. 781. Оп.1. Д. 120. Л. 18.

П.В. ЖУРАВЛЁВ

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ РЕГИОНОМ РОССИИ (1938–1956 гг.)

В статье рассматривается история разделения в 1930–1950-е гг. Дальневосточного края на ряд краев и областей, равно подчиненных центру. Анализируются причины и последствия этих трансформаций.

Ключевые слова: управление, административно–территориальное деление, административно–территориальные реформы, Дальний Восток России.

Формирование полицентричной системы управления регионом началось с разделения единого Дальневосточного края. Важнейшими причинами этой реформы, на наш взгляд, можно считать следующие:

1) стремительный рост промышленного потенциала Дальнего Востока, увеличение населения, появление новых населённых пунктов и рост старых затруднили руководство экономикой и социальной сферой региона из одного центра;

2) существование огромного Дальневосточного края являлось, с точки зрения верховной власти, потенциальной угрозой единому внутриполитическому курсу, активно проводившемуся сталинской группировкой в 1930-е гг. Ослабление региональной элиты путём дробления крупных единиц на более мелкие виделось эффективным способом нейтрализации данной угрозы;

3) превращение Приморья в высокоразвитую в промышленном и аграрном отношении территорию, имевшую самую большую в регионе плотность населения, относительно развитую сеть коммуникаций и выгодно отличавшуюся климатическими условиями от более северных районов;

4) угроза войны с Японией, в случае которой Приморье оказывалось в невыгодной ситуации ввиду пограничного положения. Особенно очевидно это стало летом 1938 г. после конфликта у оз. Хасан – отныне центр должен был постоянно отслеживать все события в Приморье, что в условиях подчинённости региона Хабаровску создавало известные трудности.

20 октября 1938 г. ДВК был разделён на Хабаровский (центр – Хабаровск) и Приморский (центр – Владивосток) края. В состав Приморского края вошли: Приморская и Уссурийская области, Калининский и Красноармейский районы Хабаровской области, 26 сельсоветов Бикинского района Хабаровской области, присоединённые к Калининскому району. Хабаровский край включил в себя Хабаровскую (за исключением Калининского и Красноармейского районов), Амурскую, Нижне–Амурскую, Камчатскую (в составе

которой находились Корякский и Чукотский национальные округа), Сахалинскую области и Еврейскую автономную область. Оставшиеся 13 сельсоветов Бикинского района были присоединены к Вяземскому району Хабаровской области, и таким образом Бикинский район был упразднён[1].

Выделение Приморья естественным образом влекло за собой переименование оставшейся территории в новый край, поскольку он уже не включал в себя весь Дальний Восток. Название «Хабаровский», очевидно, было сочтено самым «удобным» и нейтральным с географической точки зрения.

В результате 1938 г. стал одной из важнейших вех административно–территориальной истории региона. Отныне центр имел дело с более мелкими и менее мощными образованиями, руководителям которых было гораздо легче навязать свою волю. Однако на этом дробление прежде административно единого регионального пространства не завершилось. Напротив, после окончания Второй мировой войны оно получило новый импульс, в силу осознания правительством ряда обстоятельств, среди которых была возможность для краевых властей обеспечить эффективную управляемость всей подведомственной им территории.

Большая протяжённость региона (с юга на север – 3950 км) и отсутствие надёжных коммуникаций (железные дороги проходили только в южной части края, причём имели широтное, а не меридиональное направление; для остальной территории наилучшим по скорости оставалось авиасообщение) не позволяли краевым структурам своевременно реагировать на происходящие вдали от партийно–административных центров события.

Так, сохранение Хабаровского края в том виде, в каком он образовался в 1938 г., означало серьёзное замедление социально–экономического развития обособленных от краевой столицы территорий, таких как Сахалин, Камчатка, или подконтрольных Дальстрою районов. Требование максимизации извлекаемой из них прибыли (особенно актуальное в условиях послевоенного восстановления экономики) вынуждало переходить от моноцентричной модели административно–территориального устройства к полицентричной с обязательным подчинением новых областей непосредственно Москве.

В условиях начавшейся «холодной войны» с США оборона Дальнего Востока приобретала для СССР исключительно важную роль. Военному руководству было ясно, что границы, особенно морские, должны хорошо охраняться. Однако обеспечить это требование при тогдашних средствах связи можно было только приближением властных структур к границам, что достигалось разукрупнением Хабаровского края.

Одновременно центр, как и ранее в 1930-е гг., опасался проявления самостоятельности со стороны региональных властей. Любое усиление их позиций входило в острое противоречие с основным принципом административно–командной системы – построением жёсткой вертикали власти с беспрекословным подчинением «низов» «верхам». Сильные, самостоятельные, экономически самодостаточные области и края Москве были не нужны. Её, напротив, устраивала ситуация, когда ряд более мелких, слабосильных и имеющих незначительное население административно–территориальных единиц выстроятся в очередь за государственными субсидиями, будут конкурировать друг с другом за право их получения и размер. Реформа 1938 г. была первым шагом на пути к ликвидации очередного территориального

«монстра» – Дальневосточного края, однако помешала Вторая мировая война. После её окончания центр вернулся к проблеме дробления теперь уже Хабаровского края, результатом чего и стало выделение из него новых областей.

Меры по «измельчению» областей и краёв имели общесоюзный характер. Они продолжались вплоть до смерти Сталина в 1953 г., что привело к значительному перевесу центра над регионами и существованию узкоспециализированных административно–территориальных единиц, являвшихся составными элементами мощных отраслевых «империй», таких как Дальстрой[2].

После завершения советско–японской войны (август – сентябрь 1945 г.) к СССР были присоединены территории Южного Сахалина и Курильских островов. 23 сентября 1945 г. при Военном Совете 2–го Дальневосточного фронта было образовано Гражданское управление Южного Сахалина. Оно занималось административно-хозяйственным регулированием жизни гражданского населения[3].

Реорганизация социально–экономического порядка на новых территориях требовала соответствующего административного статуса. Оставлять их в системе управления вооружёнными силами далее было невозможно (на Южном Сахалине проживало значительное число гражданского населения), а удалённость от краевой столицы и нестабильность коммуникаций с ним заставляли местные власти поднимать вопрос об организации новой административно–территориальной единицы, непосредственно подчинённой центру. В глобальном противостоянии СССР и США Сахалин и Курильские острова играли роль военной базы, на которой располагалась авангардная группировка советских вооружённых сил. В этих условиях непосредственное подчинение островов Москве становилось особо актуальным вопросом.

Начальник Гражданского управления Южного Сахалина Д.Н. Крюков разработал проект образования из присоединённых территорий новой области в составе Хабаровского края, предусматривая в перспективе придание ей статуса самостоятельной[4]. 2 февраля 1946 г. в составе Хабаровского края была образована Южно–Сахалинская область с центром в г. Тойохара, включавшая в себя территории Южного Сахалина и Курильской гряды[5]. Временным органом власти являлось Южно–Сахалинское управление по гражданским делам[6].

5 июня была произведена реорганизация административно–территориальной структуры области: Южный Сахалин был разделён на 11 районов, а Курильская гряда – на 3. При этом г. Тойохара был переименован в Южно–Сахалинск[7]. Тогда же сахалинские управленцы предложили проект объединения Сахалинской и Южно–Сахалинской областей[8]. К этому времени и в Южно–Сахалинске, и в Хабаровске созрело понимание невозможности дальнейшего сохранения двух искусственно разделённых административно–территориальных единиц, имевших столь много общего. Граница между ними – 50-я параллель – с включением Южного Сахалина и Курил в состав СССР утратила свою значимость и стала препятствием на пути развития экономики, коммуникаций и культурного обмена между двумя половинами единого острова. Помимо этого период становления советской власти на присоединённых территориях прошёл, помощь со стороны Хабаровска больше не требовалась.

2 января 1947 г. Южно–Сахалинская область была ликвидирована путём присоединения к Сахалинской области, а последняя, в свою очередь, выделя-

лась из состава Хабаровского края в непосредственное подчинение центральным органам власти РСФСР. Центром новой области с 18 апреля 1947 г. стал Южно–Сахалинск[9]. В феврале–апреле 1947 г. система управлений по гражданским делам была ликвидирована. К концу года система управления Сахалинской областью стала такой же, как и в любой другой области РСФСР[10].

2 августа 1948 г. Амурская область получила статус самостоятельной с непосредственным подчинением центральным органам власти РСФСР. Одновременно был изменён её территориальный состав: Верхнебуреинский район присоединён к Хабаровскому краю, а из Читинской области переданы Амурской шесть районов (Джелтулакский, Зейский, Зейско–Учурский, Нюкжинский, Сковородинский и Тыгдинский)[11]. В результате количество районов в новой области увеличилось с 18 до 23.

Такое изменение территории было вызвано соображениями экономического и коммуникационного порядка. Верхнебуреинский район находился, что называется, на отшибе Амурской области, и местному руководству было затруднительно им управлять. Напротив, хабаровским краевым властям было куда проще это делать, поскольку район располагался к ним ближе. Что касается районов, переданных Амурской области из Забайкалья (бассейн р. Зеи), надо отметить, что в хозяйственном и историческом отношениях они издавна больше тяготели к Амуру, нежели к Байкалу.

Вслед за периферийными территориями юга Дальнего Востока настала очередь и северных районов. Однако там вопрос о выделении новых областей осложнялся существованием Дальстроя. Он подчинялся непосредственно Совету труда и обороны и занимался организацией добычи и переработки полезных ископаемых на Северо–Востоке СССР.

Управлял проживавшим здесь гражданским населением Административно–гражданский отдел Дальстроя. На местах в качестве органов власти выступали районные политические либо отраслевые управления, в районах проживания аборигенов – политотделы[12]. При этом райисполкомы Ольского, Среднеканского и Северо–Эвенского районов одновременно подчинялись Хабаровскому крайисполкому, что создавало дополнительные для него трудности[13]. Положение осложнял узковедомственный подход руководства Дальстроя к решению проблем местного населения, озабоченность исключительно вопросами форсирования добычи полезных ископаемых. Эти пагубные тенденции в полной мере проявились уже в конце 1930-х гг.[14]

В дальнейшем ситуация с управлением Северо–Востоком лишь усугублялась. Аппарат Хабаровского крайисполкома не имел возможности влиять на политику Дальстроя по отношению к коренным жителям и русским поселенцам. Это не устраивало ни партийные, ни советские краевые власти, и они неоднократно ставили вопрос о создании на Северо–Востоке конституционных органов управления, подотчётных им[15].

Что касается центральной власти, то её к необходимости кардинальной реорганизации управления территорией бассейна Колымы подталкивало определенное обстоятельство – крайне замедленное социально–экономическое и культурное развитие подчинённых Дальстрою районов, обусловленное приоритетностью горнодобывающих отраслей и обслуживающей их инфраструктуры. Необходимость для Дальстроя заниматься организацией добычи полезных ископаемых в соседних районах отвлекала внимание его

руководства от Колымы, что негативно сказывалось на уровне жизни местного населения. Высокая доля заключённых в населении колымских районов (в конце 1930-х гг. – примерно 70%, в начале 1950-х гг. – около 50%[16]), также требовала реорганизации управления. Численно растущее юридически свободное население на территории Дальстроя всё чаще поднимало вопрос о формировании системы конституционных органов управления и об отказе от практики концентрации власти в руках немногочисленных лиц, имевших отношение к МВД[17].

Первоначально Чукотский национальный округ (ЧНО), имевший важное значение для горнодобывающей промышленности, был выделен из состава Камчатской области в непосредственное подчинение краевым властям (18 мая 1951 г.)[18]. Тем самым практически неограниченная власть Дальстроя над Северо–Востоком была подорвана.

Однако хабаровским управленцам вскоре стало ясно, что этого недостаточно и речь должна идти об образовании новой области. Соответственно встал вопрос о её наименовании и дальнейшей судьбе Дальстроя. Первоначальное название «Колымо–Чукотская» было сочтено хабаровским крайкомом «неудобным» ввиду того, что уже существовал ЧНО. В итоге остановились на варианте «Магаданская область» (август 1953 г.)[19]. Проект выделения будущей Магаданской области из состава края был выработан ещё в августе 1953 г. на заседании крайкома[20]. К тому времени и в центре, и на местах было очевидно, что особый статус Дальстроя себя исчерпал и необходимо от него отказаться.

Прежде всего, фактически с нуля создавалась сеть местных органов управления. Существовавшие здесь прежние райисполкомы реальной власти не имели[21]. Также был поставлен вопрос о реорганизации устаревшего административно–территориального деления, поскольку три района для такой огромной территории считались в начале 1950-х гг. явным анахронизмом: население возросло, а количество властных инстанций микроуровня осталось прежним. Тут позиции Хабаровского крайкома и Политуправления Дальстроя совпадали: нужно расширить районную «сетку» за счёт разукрупнения районов[22].

2 декабря 1953 г. в составе Хабаровского края путём разделения Ольского и Среднеканского районов были образованы: Сусуманский, Тенькинский и Ягоднинский районы; Иультинский (ЧНО) выделен из Чаунского, Чукотского и Анадырского районов Чукотского округа[23]. 3 декабря 6 районов краевого подчинения (Ольский, Среднеканский, Северо–Эвенский, Сусуманский, Тенькинский и Ягоднинский), г. Магадан и ЧНО (имевший теперь 6 районов вместо 5 прежних – Анадырский, Восточной Тундры, Иультинский, Марковский, Чаунский, Чукотский) были выделены в самостоятельную Магаданскую область с непосредственным подчинением Москве[24]. Несколько позднее (21 января 1954 г.) Дальстрой реорганизовали в обычное производственное объединение, входившее в структуру Министерства цветной металлургии[25].

Можно выделить следующие последствия образования Магаданской области: 1) новые областные власти стали уделять нуждам местного населения больше внимания; 2) увеличилось финансирование социально–культурной сферы из союзного бюджета: уже в мае – июле 1954 г. область получила

дополнительные ассигнования в размере 48 млн руб. на культурно–бытовое и жилищное строительство[26]; 3) улучшилось культурно–бытовое и экономическое положение коренных этносов: за 5 лет, с 1954 по 1959 г., инвестиции в данную сферу выросли с 5,58 до 10,17 млн руб. ежегодно. За тот же период доходы колхозов ЧНО возросли с 42,6 до 52,5 млн руб., а личные доходы колхозников – на 23,2%[27].

Последним актом в процессе дробления Хабаровского края стало выделение из его состава Камчатской области. Целесообразность этого акта для центра становилась всё более очевидной. Краевые руководители также были заинтересованы скинуть с себя бремя забот о далёком Северо–Востоке, поскольку им и собственных проблем хватало. После образования самостоятельной Магаданской области нелепость подчинения Камчатки Хабаровску стала очевидной: краевой центр потерял сухопутную связь с областью, а морские коммуникации с полуостровом были «завязаны» на Владивосток. Поэтому хабаровские управленцы выступили инициаторами передачи Камчатской области на попечение центра[28]. 23 января 1956 г. Камчатская область (включая КНО) была выделена из состава Хабаровского края с непосредственным подчинением центральным инстанциям[29].

Среди важнейших последствий административного дробления Дальневосточного края на два, Приморский и Хабаровский, и последнего – на ряд областей были и позитивные, и негативные.

К позитивным относится ряд организационно–управленческих обстоятельств: стала более оперативной и конкретной работа государственных и партийных структур по управлению жизнью местного населения[30]; улучшилось социально–бытовое обслуживание населения, прежде всего на Северо–Востоке, а также состояние коммуникационной сети и инфраструктуры; усилилось внимание к вопросу охраны границ как сухопутных, так и морских.

Негативными последствиями можно считать то, что экономика отдельных административно–территориальных единиц стала несамодостаточной. Это вынуждало областных/краевых властей заниматься проблемой форсированного развития тех отраслей, которые по каким–либо причинам отставали или не имели возможностей для нормальной деятельности*. Осложнились условия для завоза на Северо–Восток и Сахалин промышленных и продовольственных товаров, а также для переселения людей (удобнее всего это было делать посредством морских коммуникаций, центром которых оставался Владивосток, в административном отношении независимый от хабаровских властей, в то время как именно последние несли ответственность за положение дел на периферийных территориях)[31].

* К примеру, как свидетельствует А.К. Чёрный, в Хабаровском крае после отделения Амурской области осталось всего около 70 тыс. га пашни и расширение пахотного клина являлось насущной задачей. См.: Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником: воспоминания. Хабаровск: Этнос–ДВ, 1998. С. 141.

1 Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938–1975 гг. В 4 т. М.: Известия, 1975. Т.1. С. 85–86.
2 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI–XX века. М.: Наука, 2004. С. 387–388.
3 Савельева Е.И. История Гражданского управления на Южном Сахалине и Курильских островах в документах ГАСО (Гос. арх. Сахалин. обл.) // Исторические чтения: Труды ГАСО. № 2: Южный Сахалин и Курильские острова в 1945–1947 гг. Южно–Сахалинск: ГАСО, 1997. С. 348.
4 Ким И.П. Развитие территорий, присоединённых к СССР после Второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова). 1945 – первая половина 1949 гг.: дис. … канд. ист. наук. Южно–Сахалинск, 2010. С. 95
5 Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. 16 февр. № 5 (414). С. 4.
6 Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах (1946–1975 гг.): сб. док. и материалов. Южно–Сахалинск: Дальневост. кн. изд–во, Сахалин. отд-е, 1982. С. 8–10.
7 Там же. С. 12 – 13.
8 Ким И.П. Развитие территорий… С. 113
9 Там же. С. 114; Сборник законов СССР… Т.1. С. 94, 95.
10 Ким И.П. Развитие территорий… С. 105–106.
11 Сборник законов СССР… С. 95.
12 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 46.
13 Рощупкин Г.Г., Бубнис Г.К. К вопросу об административном устройстве и территориальном делении Колымы и Чукотки (1917–1967 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 9. Магадан: Кн. изд–во, 1972. С. 70.
14 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах. В 2 ч. Ч. 1 (1931–1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 101.
15 ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 353. Оп. 6. Д. 15. Л. 120–125, 133–135; Ф. 353. Оп. 6. Д. 15. Л. 88–90.
16 Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е – начале 50-х гг. (о роли «спецконтингентов»): Препринт. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1993. С. 19–20.
17 Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником: воспоминания. Хабаровск: Этнос–ДВ, 1998. С. 113.
18 ГАХК. Ф. 739. Оп. 7. Д. 2. Л. 140.
19 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области… С. 172.
20 Советы Северо–Востока: сб. док. и материалов. / под общ. ред. А.И. Крушанова. Магадан: Кн. изд–во, 1979. Ч. 2. (1941–1961 гг.). 1982. С. 219.
21 Об этом красноречиво говорят воспоминания первого председателя магаданского облисполкома П.Я. Афанасьева о ситуации на Колыме ко времени образования области. (Там же. С. 226).
22 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области… С. 172; Советы Северо–Востока… С. 227.
23 ГАХК. Ф. 739. Оп. 7. Д. 4. Л. 15.
24 Сборник законов СССР... С. 96.
25 Рощупкин Г.Г., Бубнис Г.К. К вопросу об административном устройстве… С. 73; Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области… С. 53.
26 Рощупкин Г.Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917–1953 гг.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1967. С. 259.
27 Там же. С. 273–275.
28 Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1998. 8 сент. С. 3.
29 ГАХК. Ф. 739. Оп. 7. Д. 6. Л. 7; Сборник законов СССР... С. 89.
30 Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917–1985 гг.). Петропавловск–Камчатский: Дальневост. кн. изд–во, Камчат. отд-е, 1986. С. 39.
31 ГАХК. Ф. 137с. Оп. 8с. Д. 12с. Л. 22–24 об., 147.

Е.Л. ЛЮШИЛИН

ФЕНОМЕН БОЕВЫХ БРАТСТВ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В 1918–1938 гг.

В статье рассматривается процесс возникновения боевых братств во время Гражданской войны как одного из видов неформальных социальных структур. Анализируется конкурентная борьба в среде их лидеров в ходе централизации управления войсками, вхождение части из них в состав военной элиты страны. Исследуются группы влияния, образованные на основе боевых братств в мирный период, и их место в репрессивной кампании 1937–1938 гг.

Ключевые слова: боевые братства, неформальные связи, Гражданская война, группы влияния, военная элита, репрессии.

В годы Гражданской войны на всей территории бывшей Российской империи действовало множество стихийно образовавшихся отрядов, наспех созданных вооружённых формирований, военных экспедиций. Некоторые терпели разгром, другие набирали силу, привлекая в свои ряды с каждой новой победой всё больше людей[1]. Рост их численности обычно останавливался, когда они достигали размеров полка или бригады, реже – дивизии (порою громко именовавшейся «армией»). Вместе пережитые опасности, лишения и утраты связывали сражавшихся бок о бок людей в единые боевые семьи, армейские братства во главе с военачальниками – «вождями», «атаманами», «батьками», которые, превратив небольшие формирования в грозную силу, становились для однополчан символом успеха и объектом преклонения.

В ходе кровопролитной борьбы из общей вооружённой массы в течение 1918–1919 гг. выделились «дивизионные семьи», спаянные «общей боевой славой, подвигами и совместно пролитой кровью»[2]. Узы боевых братств, характерные для личного состава данных подразделений, цементировали в большей мере командные кадры. Солдатская масса менялась в результате потерь и пополнений, в то время как находившиеся на командных постах лица продолжали совместно руководить боевым организмом в прежнем составе, за исключением, разумеется, случаев их гибели, болезни или тяжёлого ранения. Для функционирования боевых братств являлось важным прохождение совместной службы представителями сформировавшегося командного костяка и необязательно в пределах отряда, сделавшего их единой семьёй[3]. В этой связи представляется, что узы боевых братств были, по существу, одним из проявлений неформальных связей – т.н. локальных сетей[4] или сетей личных связей[5]. Люди, задействованные в них, могли находиться в разных концах страны, не имея никакой информации о судьбе соратников, но стоило им оказаться на одном поле деятельности (в данном случае – в одном отряде), как они, подобно эффекту мембраны, автоматически оказывались связанными между собой прежними неформальными отношениями.

Концентрация войск в Красной и Белой армиях приводила к укрупнению вооруженных формирований, образованию фронтов. В связи с этим менялся характер боевых действий, возникала необходимость их координации. В централизованном порядке она осуществлялась путём подчинения дивизий вновь формируемым управлениям корпусов, армий и фронтов. И сразу же разгорелась борьба за руководство ими, в которой активное участие приняли «атаманы»[6].

Повсеместные интриги, конфликты и брожение в войсках, вызванные распределением командных постов, хоть и приводили к нестабильности военной организации, но являлись позитивными с точки зрения государственного строительства симптомами. Борьба «за погоны» свидетельствовала о стремлении «вождей» участвовать в структуре управления вооружёнными силами, сформированной большевиками. Кандидаты на роль командующих армиями и фронтами, выставляемые средой «атаманов», в основном являлись командирами дивизионного звена и были примерно равнозначны между собой по количеству подчинённых им войск и заработанной на полях сражений репутации. В этой связи борьба между ними оказывалась своего рода фильтром, через который проходили лишь некоторые из «вождей», возвышаясь над остальными.

Ко времени окончания Гражданской войны наиболее высокое положение в военной иерархии из числа «атаманов» заняли И.Э. Якир, И.К. Грязнов, И.Н. Дубовой, В.М. Примаков, Г.И. Котовский, Н.Д. Каширин (на Украине), К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый (на Северном Кавказе), В.К. Блюхер (в Петрограде), М.К. Левандовский, И.Ф. Федько (в Средней Азии)[7]. Все они старались поддерживать постоянные отношения с бывшими однополчанами, помочь соратникам по боевым будням в разрешении неурядиц служебного и частного порядка, по мере сил способствовали их карьерному росту, становясь центром притяжения для прежних сослуживцев. В результате боевые братства получили возможность новой жизни, имея основу для своей трансформации в группы влияния – автономно функционировавшие общественно–политические институты в вооружённых силах, строившиеся на основе неформальных связей в среде командно–политического состава. Группа влияния – это своего рода административная команда, клиентела, контролировавшая определённый сектор власти.

Из существовавших армейских братств лишь единицы использовали предоставленный им потенциал развития. К примеру, все предпосылки для становления собственной группы влияния имели обособленно державшиеся кавалеристы, воевавшие на Украине под руководством В.М. Примакова – т.н. червонные казаки или примаковцы. В их число входили С.А. Туровский, Д.А. Шмидт, М.О. Зюк, И.Е. Никулин, М.А. Демичев, П.П. Григорьев, Ю.В. Саблин, И.Н. Игнатов, Н.А. Савко, И.Я. Самойлов, Ф.Ф. Кармалюк, А.М. Круглов–Ланда[8]. Но удержаться червонным казакам в качестве самостоятельной силы не удалось. У их лидера сложились неприязненные отношения с К.Е. Ворошиловым. «В 1920 г. под Бродами адъютанты Ворошилова и Будённого явились к нам. Звали Примакова в штаб Конной армии. А он сдуру, конечно, ляпнул: «Если им нужно, пусть едут ко мне!» [...] Что говорить – старые счеты!». Используя протроцкистские выступления Примакова, Ворошилов, возглавив оборонное ведомство, мешал его продвижению по службе: «Играет на том, что я колебался в 1924 г.»[9] В результате Примаков занимал второстепенные должности[10], так и не войдя в когорту ключевых руководителей армии. Как заметил в этой связи И.Н. Дубовой, «паны дерутся – у мужиков чуб трещит», указывая на то, что отношения между начальниками негативно отразились на положении червонных казаков в целом[11]. В итоге, так и не набрав самостоятельного веса, они оказались под опекой И.Э. Якира.

Собственный корпоративный дух имели выходцы из 45–й и 44–й стрелковых дивизий, бок о бок воевавшие под началом Якира и продолжавшие совместно служить на Украине. Серьезным авторитетом обладали И.И. Гарькавый, Г.И. Котовский, Н.Н. Криворучко, Д.А. Кучинский, К.Ф. Квятек. Исключительным доверием Якира как признанного лидера этого армейского братства пользовался И. Дубовой[12]. Среди представителей 45–й дивизии выделялись кавалеристы, служившие под началом Г.И. Котовского. Трансформации на Украине данного боевого братства в группу влияния во главе с Якиром способствовал карьерный взлёт М.В. Фрунзе – командующего расположенными на её территории войсками, который в марте 1924 г. занял должность зам. председателя РВС, а в январе 1925 г. – посты наркома по военным и морским делам и председателя РВС[13]. Он «быстро заменил высший командный состав РККА своими людьми с Украины»[14], видя в них свою кадровую опору. Возможно, это способствовало объединению данной группы в пределах Украинского военного округа вокруг Якира, которого Фрунзе назначил на пост командующего ВО.

С вступлением Ворошилова в должность военного наркома, вызванным внезапной смертью Фрунзе 31 октября 1925 г.[15], повторилась аналогичная ситуация, только расположением нового руководителя уже пользовались служившие под его и Будённого началом выходцы из 1–й Конной армии. Примаков, комментируя кадровые предпочтения Ворошилова, заметил: «Его душа лежит только к конармейцам»[16]. «К ним он относился крайне доброжелательно при назначении на должности, им отдавал преимущество при направлении на учебу, при представлении к наградам [...] В конце 20-х и в 30-е гг. наибольшее количество орденов Красного знамени имели командиры, носившие звание конармейца»[17].

При этом Якир не утратил своих позиций на Украине. В условиях внутрипартийной борьбы он всецело поддерживал нового наркома, являвшегося ставленником Сталина. Ворошилов фактически оставил Украинский ВО в кадровом плане в полном распоряжении его командующего, что обеспечивало мирное сосуществование двух групп влияния. В результате, несмотря на наличие разногласий в командном составе Украины, Якир достаточно прочно и практически единолично контролировал военные кадры на её территории. «Все буквально говорили, что на Украине абсолютная батьковщина, что туда никому не позволено, кроме якировцев ехать, что Якир не даст отозвать ни одного человека с Украины»[18].

Из многочисленных боевых братств смогли трансформироваться в полновесные группы влияния только 44-я и 45-я дивизии Якира и 1-я Конная армия Ворошилова – Будённого. В обоих случаях данное преобразование стало возможным благодаря кадровой политике наркомов обороны, выдвигавших на ответственные посты в войсках лиц из своего окружения. Без соответствующего ресурса власти оно не могло состояться. Представители остальных армейских братств, не имевшие подобной опеки, постепенно теряли связь между собой и утрачивали прежнюю корпоративную общность.

В некоторых случаях боевые узы оказались довольно прочными и продолжали связывать прежних сослуживцев довольно долгое время. Например, представители червонного казачества к 1937 г. сохранили обособленные позиции в кавалерии, дислоцированной на Украине[19], ощущая себя, как и ранее, в качестве членов одной семьи. По этому поводу С.А. Туровский (зам. командующего Харьковского ВО, комкор) говорил подчинённым: «Для вас

[полковника И.В. Дубинского], для Зюки [комбриг] я не начальник: сосали один сухарь в червонном казачестве»[20].

Однако это был довольно редкий случай. Даже командующий ОКДВА В.К. Блюхер находился на политической арене в одиночестве, так и не создав вокруг себя сколько–нибудь влиятельного окружения. Отсутствие своей клиентелы как важного политического ресурса делало его положение стабильно неустойчивым. В 1934 г. усилиями командующих, входивших в состав ОКДВА Приморской и Забайкальской групп войск, В.К. Путны и Б.С. Горбачёва «образовалась страшная фронда против т. Блюхера»[21], в результате которой войска, расположенные в Забайкалье, были выделены в отдельный военный округ. В 1936 г. уже стоял вопрос о снятии Блюхера ключевыми работниками ОКДВА: начальником Политуправления армии Л.Н. Аронштамом, начальником штаба К.А. Мерецковым, зам. командующего М.В. Сангурским, начальником ВВС А.Я. Лапиным[22]. Блюхер говорил: «Меня обвиняли в беспробудном пьянстве и составили врачебный акт под руководством Аронштама, буквально врачебный акт о моей неизлечимости, не хватало только меня в сумасшедший дом посадить». Как пояснил Сталин представителям военной элиты при обсуждении вопроса о Блюхере на самом высоком уровне: «Все вы были за снятие»[23]. Но Сталин не позволил этого сделать, оставив маршалу командование ОКДВА[24].

Ворошилов, используя полномочия наркома, постепенно расширял практику назначения «будёновцев» на ответственные посты в армии. Это вызывало негативную реакцию со стороны других высокопоставленных военных работников. Так, И.Р. Апанасенко говорил: «Меня назначили на Первый конный корпус. Как только Якир узнал, – как это Апанасенко? – там такой хай устроил». С этим же столкнулся Л.Г. Петровский, ставший в 1931 г. командиром 14–й кавалерийской дивизии: «Я приехал на Украину в 14–ю дивизию как буденовец и чувствовал себя отвратительно». Аналогичным образом не ладил с «конармейцами» командующий войсками Белорусского ВО И.П. Уборевич. По этому поводу вспоминал Г.И. Кулик (служил в своё время начальником артиллерии Конармии): «Когда я приехал из Испании, мне предложили пойти в замы к Уборевичу. Я сказал: "Лучше пойду ротой командовать"». В 1936 г. Апанасенко, будучи заместителем командующего Белорусского ВО, написал письмо Будённому: «Поработал я […] с этой сволочью [Уборевичем] и хватит […] Если вы меня не возьмёте оттуда […], то я приду пешком в Москву». Хотя до этого они были друзьями[25]. С отрицательным отношением сталкивались не только «будёновцы», но и большинство сторонников Ворошилова, не обязательно связанных с ним совместным боевым прошлым. К примеру, И.П. Белова они называли «ворошиловский фельдфебель», «ворошиловский холуй», Н.Д. Каширина, М.К. Левандовского и П.Е. Дыбенко – «ворошиловскими унтер–офицерами». Те отвечали взаимностью, Белов «даже говорил, что он прямо ненавидит, не может равнодушно смотреть на Уборевича»[26].

Не обладая политическим статусом, равнозначным положению Ворошилова, военные деятели, недовольные его кадровой политикой (заместители наркома обороны Гамарник и Тухачевский, командующие Украинским и Белорусским ВО Якир и Уборевич), начали сближаться для оказания дружного отпора наркому. Совместное противодействие в полной мере проявило себя в 1936 г. Ворошилов свидетельствовал: «В мае месяце у меня на квартире Тухачевский в присутствии тт. Сталина, Молотова и других бросил мне и другим обвинение в том, что я группирую вокруг себя людей, с ними

веду, направляю всю политику, неправильно эту политику веду и т.д.». После этого по предложению генсека было устроено заседание, на котором группа Якира, Уборевича вела себя довольно агрессивно. Уборевич ещё молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении него «очень скверно»[27]. Фактически эти выступления стали началом открытой борьбы, развернувшейся в высшем военном руководстве страны.

Данный раскол в его составе создал благоприятные условия для начала чистки военной элиты. Глава НКВД Ежов, усиливавший под покровительством Сталина позиции своего ведомства за счёт развёртывания репрессивной кампании, не преминул воспользоваться создавшейся ситуацией и инспирировал «дело Тухачевского» (май – июнь 1937 г.), в ходе реализации которого М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич и ряд менее значительных фигур военного ведомства были расстреляны, Я.Б. Гамарник застрелился[28]. Вслед за этим в стране широко развернулись репрессии в отношении командно–политического состава. Тогда вместе с большей частью военной элиты, возвысившейся в период Гражданской войны, были уничтожены местами сохранившиеся узы боевых братств. Удару подверглись и функционировавшие на их основе две группы влияния (Якира и Ворошилова – Будённого).

На Украине только среди высшего командного состава (без учёта окружных звеньев) были арестованы, по неполным данным, 8 командиров корпусов (включая авиационный), 21 командир дивизий (стрелковых и кавалерийских), 10 командиров бригад (авиационных и механизированных), 4 коменданта укреплённых района. Большинство из них были расстреляны[29]. В итоге группа влияния Якира перестала существовать организационно и физически.

Не избежало потерь и окружение наркома. Со слов Н.С. Хрущёва, больше всего недовольство проявлял тов. Ворошилов [...] Он больше других возмущался злоупотреблениями, особенно в отношении военных»[30]. После ареста командующего Уральского ВО Б.С. Горбачёва (03.05.37 г.) и зам. командующего Московского ВО Б.М. Фельдмана (15.05.37 г.) он «прямо говорил, что это ошибка, что этого не может быть, что всё это скоро выяснится[31]. Но «дело Тухачевского» фактически лишило наркома способности оказывать сопротивление репрессиям. Показания арестованных были продемонстрированы участникам заседания Военного совета при наркоме обороны СССР (1–4 июня 1937 г.). Они свидетельствовали о катастрофическом положении в военной сфере страны и тем самым дискредитировали Ворошилова как лицо, ответственное за поддержание порядка в вооружённых силах. В те дни «на нём, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел ещё больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплый». Напротив, органы НКВД, показавшие эту безотрадную картину, выглядели с наилучшей стороны[32]. В условиях падения авторитета Ворошилов вынужден был уступить и следовать в русле кадровой политики Ежова, давая санкции на аресты или согласовывая с ним назначения[33]. По словам Н.Г. Кузнецова: «Чем дальше, тем больше он терял своё лицо. Все знали, что если вопрос попал к Ворошилову, то быть ему долгие недели в процессе подготовки, пока хоть какое–нибудь решение состоится»[34].

В итоге Ворошилов, фактически лишённый ведомственной самостоятельности, не мог оказать сколько–нибудь эффективного сопротивления кампании уничтожения вверенных ему кадров. Под ударом оказались не только его прошлые оппоненты, но и опекаемые им конармейцы. Из числа последних в 1937–1938 гг. были репрессированы комкоры Б.С. Горбачёв,

И.Д. Косогов, комдивы Д.К. Мурзин, Н.В. Ракитин, С.М. Савицкий, Д.Ф. Сердич, К.И. Степной–Спижарный, Я.В. Шеко, комбриги Д.А. Вайнерх, П.Л. Рудчук, С.М. Кривошеин, А.И. Матузенко[35].

Значительная часть буденовцев осталась в военных рядах и сохранила или в недалёком будущем заняла высокие посты в вооружённых силах страны. К ним относились И.Р. Апанасенко, В.С. Голубовский, О.И. Городовиков, А.И. Еременко, С.А. Зотов, А.И. Лопатин, Л.Л. Клюев, Г.И. Кулик, Ф.Т. Ремизов, Д.И. Рябышев, С.К. Тимошенко, И.В. Тюленев, Р.П. Хмельницкий, А.В. Хрулев, Я.Т. Черевиченко, Т.Т. Шапкин, Е.А. Щаденко[36]. Но прежнюю сплочённость конармейцев подорвала политическая слабость и беспомощность их лидера Ворошилова в период Большого террора. Например, уже в июне 1937 г. Щаденко открыто проявлял неприязнь по отношению к Будённому, хотя был обязан ему карьерным ростом[37]. Неспособность наркома оказывать помощь и предоставлять защиту своим подопечным в условиях повальных арестов лишила рассматриваемую группу влияния цементирующего её фундамента и способствовало её распаду.

В итоге в ходе Большого террора в среде командно–политического состава вместе с большей частью возвысившейся в период Гражданской войны военной элиты были уничтожены некогда присущие ей узы боевых братств. Функционировавшие на их основе две группы влияния (Якира и Ворошилова – Будённого) также прекратили существование.

Таким образом, анализ феномена боевых братств позволяет эффективно исследовать эволюцию советской военной элиты на протяжении рассмотренного периода: формирование, образование в её среде групп влияния, деструктивные тенденции в организации высшего военного руководства, масштабные репрессии в отношении командно–политического состава в период Большого террора. Это стало возможным благодаря рассмотрению нового предмета исследования – неформальных отношений, что указывает на большой невостребованный потенциал данной сферы анализа для осмысления исторического процесса.

---

1 См., например: Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издат. дом «Огонёк»; Этапы большого пути / ред.–сост. В.Д. Поликарпов. М.: Воениздат, 1963. С. 140, 197; Будённый С.М. Пройдённый путь. В 3 кн. / Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 49–51; Якир И.Э. Воспоминания о гражданской войне / под ред. Е.А. Федосеева. М.: Воениздат, 1957. С. 13.

2 Минаков С. Сталин и заговор генералов. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 297.

3 См. о консолидации выходцев из 11–й армии: Соломин Н.И. Легенда о командарме. М.: Политиздат, 1989. С. 76; о воссоздании отряда «таманцев»: Этапы большого пути… С. 411; отряда «кишинёвцев»: Бабенко П. И.Э. Якир (очерк боевого пути). М.: Госполитиздат, 1963. С. 19–22, 43–44, 47–48; Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. С. 836; Дубинский И. Наперекор ветрам. М.: Воениздат, 1964. С. 7.

4 Мохов В.П. Номенклатурная организация власти: функциональные пределы // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2008. Вип. XXIII: Політична еліта в історії України. С. 47.

5 Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. С. 772–773.

6 См., например, ход борьбы за пост командующего Кубанской армией: Мартыненко Г.А. Комкор Дмитрий Жлоба: Документ.–биограф. повесть. М.: Воениздат, 1985. С. 45–46, 52–54, 71; Найти и обезвредить: Очерки и воспоминания о чеки-

стах Кубани / сост. А.И. Дергачев, В.А. Кулаков, Н.С. Новоставский. 2-е изд., доп. Краснодар: Кн. изд–во, 1985. С. 18–25.

7 Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1–го и 2–го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: биограф. словарь. М.: Кучково поле; Мегаполис, 2012. С. 12, 17, 18, 27, 30, 34, 75; Казаков В.Г. Красный комбриг (О Г.И. Котовском). М.: Политиздат, 1981. С. 86; Будённый С.М. Пройдённый путь… Кн.3. С. 316, 321–322; Этапы большого пути… С. 181; Акшинский В.С. Климент Ефремович Ворошилов: биограф. очерк. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1976. С. 265–266.

8 Дубинский И.В. Особый счет. М.: Воениздат, 1989. С. 74, 100, 111, 127, 184, 191, 192, 221; Его же. Наперекор ветрам… С. 247; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 190.

9 Дубинский И.В. Особый счет… С. 111–112, 197.

10 Этапы большого пути… С. 181.

11 Дубинский И.В. Особый счет… С. 111–112, 149–150.

12 Там же. С. 141, 217; Ракитова М. Две победы моей матери // Голокост і сучасність. 2009. № 1. С. 107; Бабенко П. И.Э. Якир… С. 19–23; Директивы Главного командования… С. 822, 836; Военный совет… С. 183–184, 331; Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА… С. 228–229.

13 М.В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М.: Воениздат, 1984. С. 202.

14 Павлюченков С.А. «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 203.

15 М.В. Фрунзе… С. 209.

16 Дубинский И.В. Особый счет… С. 197.

17 Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М.: Вече, 2003.

18 Военный совет… С. 112, 146.

19 Там же. С. 112.

20 Дубинский И.В. Особый счет… С. 110.

21 Военный совет… С. 157.

22 Там же. С. 272, 325–326.

23 Там же. С. 272, 326.

24 Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза; Эксмо, 2004. С. 566.

25 Военный совет… С. 112, 143–144, 146, 249.

26 Там же. С. 82–83, 112, 299.

27 Там же. С. 76.

28 Там же. С. 4–5, 11, 75.

29 Подсчитано автором по: Репрессированные военнослужащие Красной Армии / автор–составитель Д. Чураков. URL: http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/main.htm. (дата обращения: 01.02.2013).

30 Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материалы / ред. А.Н. Яковлев; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. М.: МФД, 1998. С. 119.

31 Военный совет… С. 79.

32 Там же. С. 7, 74.

33 Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999. С. 369.

34 Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. С. 418.

35 Будённый С.М. Пройдённый путь… Кн. 1. С. 108, 169–170, 431; Кн. 2. С. 33, 44, 76, 140, 166, 269, 284; Кн. 3. С. 110, 119; Тюленев И. В. Через три войны. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Воениздат, 1972. С. 75–76; Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА… С. 71–72, 84, 249–250, 266, 274–275, 280, 282–283, 301–302; Репрессированные военнослужащие Красной Армии…

36 Будённый С.М. Пройдённый путь… Кн. 1. С. 69, 108, 131, 134, 163, 167–169, 200, 228, 251–252, 266, 422; Кн. 2. С. 30, 31, 92, 98, 140, 164, 176; Кн. 3. С. 396.

37 Военный совет… С. 163; Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999.

В.А. ИВАЩЕНКО

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С «ВРЕДИТЕЛЯМИ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг. КАК СПОСОБ УДЕРЖАНИЯ РЕГИОНА В ЕДИНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТАЛИНСКОГО СССР

Статья посвящена участию Полномочного представительства ОГПУ по ДВК в государственных репрессивных акциях рубежа 1920–1930-х гг. против инженерно–технических работников региона, обвиненных в контрреволюционной вредительской деятельности. Автор показывает, что основное внимание дальневосточных спецслужб в этом направлении было уделено нахождению т.н. Краевого вредительского центра, участникам которого инкриминировали общий развал экономики и отторжение Дальневосточного региона от СССР.

Ключевые слова: сталинские репрессии, спецслужбы, инженерно–технические работники, советский Дальний Восток, Краевой вредительский центр.

Советская экономика унаследовала от дореволюционной России техническую отсталость: фактически страна имела аграрно–индустриальный облик. И, разумеется, эта ситуация не могла измениться в одночасье. На рубеже 1920–1930-х гг. государство взяло курс на индустриализацию, предприняв отчаянную попытку догнать развитые страны мира. Эта концепция развития СССР была обозначена в выступлении Сталина в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, где он заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1].

По существу, сталинский промышленный рывок и обеспечил интенсивное развитие советской экономики. И срыв этой программы поставил бы под угрозу само существование государства. Форсированная индустриализация требовала современнейшего оборудования и новых технологий. Для выбора поставляемой продукции и компаний–поставщиков за границу регулярно отправлялись закупочные комиссии, в состав которых входили ведущие специалисты в авиации, артиллерии, военно–морском деле, танкостроению, химической защите, станкостроению и других областях. Кроме того, для работы с поставляемым оборудованием тысячи молодых инженеров и учёных проходили стажировку и переучивание на предприятиях ведущих мировых концернов. Разумеется, зарубежные партнёры всеми способами стремились повлиять на распределение выгодных заказов и не брезговали такими методами, как подкупы, угрозы, шантаж.

Необходимо учитывать и специфику развития страны, закрепившуюся в ходе проведения НЭПа. Свободный въезд в СССР иностранных предпринимателей и их общение с видными представителями науки и культуры, советскими и партийными ответственными работниками разных уровней позволял военным и промышленным разведкам других стран создавать разветвлённые сети своей агентуры. Сумев внедриться и укрепиться, иностранная агентура приступила к активной подрывной деятельности в промышленности. Пользуясь нехваткой квалифицированных специалистов, а также технической безграмотностью населения СССР, иностранные спецслужбы организовали ряд крупных аварий на шахтах и заводах, приведших к человеческим жертвам и серьёзному ущербу для экономики страны. Поэтому правительство поставило перед ОГПУ СССР стратегическую задачу обеспечения безопасности при проведении индустриальной модернизации советской экономики.

Иногда чекистские органы играли роль слепого инструмента, не участвуя напрямую в определении конкретных объектов насилия. Так, они выселяли крестьянские семьи, объявленные кулацкими, однако списки выселяемых определялись и утверждались деревенскими сходами и сельскими советами[2]. Спецслужбы занимались организацией переселения корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию, отселения китайцев и немцев подальше от границы, но решения об этом принимались «наверху»[3]. Вместе с тем уже с начала 1930-х гг. местные чекисты сами стали активно выявлять «вредителей», а затем и «врагов народа».

Дальневосточное Полпредство ОГПУ, разумеется, не могло остаться в стороне от генеральной линии партии и своего руководства, проводивших политику борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. При ознакомлении с материалами по «разоблаченным» в те годы в ДВК «контрреволюционным вредительским организациям» становится очевидным, что часть из них возникла после прошедших в Москве аналогичных процессов, и дальневосточная «чистка» проводилась на их примере. Собственно, дальневосточные чекисты этого и не скрывали, указывая в донесениях, что выявленные ими контрреволюционные вредительские организации являются филиальной частью московского центра[4].

В 1928 г. ОГПУ раскрыло «контрреволюционную вредительскую организацию» московского клуба горных деятелей, а в 1930 г. Зейско–Алданский окружной отдел дальневосточного полпредства ОГПУ «обнаруживает» филиал этой организации в Зейском главном приисковом управлении, и возникает «Дело о контрреволюционной вредительской и шпионской организации в золотопромышленности ДВК».

В 1930 г. в Москве прошел процесс над Промпартией[*], разоблачивший «организованное вредительство» в промышленности, а в следующем году филиалы этой же «Промпартии» «выявляют» и на Дальнем Востоке. В результате заводятся дела «о контрреволюционных вредительских организациях» на Амуро–Якутской магистрали и в системе сельскохозяйственного креди-

* Промпартия (также именовалась Союз инженерных организаций, Совет Союза инженерных организаций), по данным следствия, являлась антисоветской организацией, которая в 1920-х гг. занималась вредительством в различных отраслях промышленности и на транспорте.

та и машиноснабжения на Дальнем Востоке. Затем вскрывается Краевой контрреволюционный инженерный вредительский центр, объединявший, по данным следствия, вредительские организации в различных отраслях экономики Дальнего Востока[5] и связанный с местным филиалом Союзного бюро РСДРП(м), также выявленным сотрудниками полпредства ОГПУ по ДВК[6]. По их донесениям, после окончательного установления советской власти на территории Дальнего Востока ряд представителей меньшевистской и эсеровской партий решили перевести свою борьбу с большевистским режимом в экономическую плоскость, стремясь сделать работу советских хозяйственных организаций ошибочной и неэффективной[7].

По мнению следователей госбезопасности, конечной целью Краевого вредительского центра являлось свержение советской власти на Дальнем Востоке[8]. По директивам из–за границы и Москвы участники заговора должны были особое внимание уделять транспортной инфраструктуре как становому хребту хозяйственной жизни советского Дальнего Востока. Поэтому, по данным следствия, наиболее мощная отраслевая организация в составе вышеназванного Центра была создана на Уссурийской железной дороге и её представители составляли большинство «вредительского сообщества» региона. Общий развал хозяйства и дальнейший экономический кризис должны были подготовить восстание против советского режима оппозиционно настроенного населения, имевшего немалый удельный вес в ДВК[9]. Предполагалось, что далее оно будет поддержано иностранной интервенцией.

Особые отделы ПП ОГПУ и ОКДВА, согласно их отчетам, выявили, что при «Краевой инженерной вредительской организации» были созданы военные группы из бывших царских и белых офицеров, задачей которых являлась подготовка повстанческих отрядов против Красной Армии в момент интервенции из Маньчжурии, а также устроение диверсионных актов, например в портах Владивостока и Николаевска–на–Амуре, на Амурском речном флоте[10].

В данном контексте стоит отметить отношение определенных кругов российской эмиграции к потенциалу «освободительного движения против коммунистов» на Дальнем Востоке, известное советским спецслужбам и, несомненно, влиявшее на эскалацию репрессий в СССР. Российские монархисты в Европе, в частности Парижский монархический центр («николаевцы»), не осознавали реальных возможностей и значения своего дальневосточного крыла. Поэтому вся работа белых в регионе, по их мнению, должна была сводиться только к концентрации сил и не носила политического характера[11]. Но руководство самого дальневосточного крыла рассуждало иначе. Здесь считали, что именно монархисты с Дальнего Востока инициируют возобновление антикоммунистической борьбы, а другие организации должны их поддержать.

Развернувшаяся компания по борьбе с вредительством под руководством Экономического управления ОГПУ привела к аресту большого числа высококвалифицированных специалистов. В настоящее время реальная степень их «преступной деятельности», отраженной в документах, выглядит неоднозначно. Среди арестованных по подозрению в шпионаже или контрреволюционных заговорах были, конечно же, лица, которых иностранные спецслужбы использовали «втёмную»: многие ответственные работники, сами того не подозревая, были втянуты в криминальные деяния их жёнами или любовницами, падкими

на дорогие подарки за «мелкие услуги» от иностранных агентов. Одни растрачивали производственные фонды на нецелевые объекты и срывали выполнение ответственного или оборонного заказа. Другие в нарушение приказов руководства занимались в рабочее время «непрофильной» деятельностью, чем затягивали сроки исполнения важных заданий[12]. В начале 1930-х гг. дальневосточным чекистам приходилось в массовом порядке расследовать уголовные дела по обвинению местных чиновников в хозяйственных и должностных преступлениях, вызванных халатным и нерадивым отношением к работе по социально–экономическому развитию своих районов в ДВК. Кто–то просто из–за особенностей характера или образования «не соответствовал занимаемой должности», а кого–то оклеветали пытающиеся уйти от наказания преступники. К сожалению, некоторые лица использовали проводимые ЭКУ ОГПУ мероприятия по борьбе с вредительством для устранения «неудобных» оппонентов и конкурентов, строча на них доносы и шельмуя в центральной печати. Разобраться же в производственных и научных спорах людям, в них не посвящённым, было сложно, порой просто невозможно. А время и обстановка в регионе были тогда неспокойными, с периодически возникавшими «горячими точками» (военный конфликт с Китаем на КВЖД, сражения с японцами в Монголии, разгром басмачей и их баз снабжения в Афганистане и т.д.), что накладывало особую ответственность на работников спецслужб.

Таким образом, борьба чекистских органов как с явными, так и мнимыми явлениями вредительства на Дальнем Востоке была подчинена общегосударственной политике удержания окраинных районов страны в едином советском политическом пространстве и контроля процессов унификации проводимых ВКП(б) и советским правительством реформ по социалистической модернизации всей страны.

---

1 Сталин И.В. Сочинения. Т.13. М., 1951. С. 39.
2 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8, 13–15.
3 Подробнее см.: Иващенко В.А. Исторический опыт деятельности органов ОГПУ по защите социально–экономической безопасности Советского государства на Дальнем Востоке в особых национальных условиях развития региона в 1920–1930-е гг. // Молодые учёные – Хабаровскому краю: материалы краевого конкурса молодых учёных и аспирантов. В 2 т. Хабаровск: Изд–во Тихоокеанского гос. ун–та, 2011. Т.1. С. 242–249.
4 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 298. Л. 234.
5 Там же. Л. 236, 242; Д. 483. Л. 105–105об.
6 Там же. Д. 298. Л. 236.
7 РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально–политической истории). Ф. 372. Оп. 1. Д. 255. Л. 75–75об.
8 ГАХК. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 298. Л. 236.
9 Иващенко В.А. Антисоветские настроения населения (по материалам оперативных данных ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 30–37.
10 ГАХК. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 298. Л. 236.
11 Там же. Д. 66. Л. 103.
12 Там же. Д. 483. Л. 259–263.

А.В. ПОЛУТОВ

ОЦЕНКА ЯПОНСКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР 1937–1938 гг.

На основе материалов из фондов японских архивов автор анализирует процесс сбора информации о политических репрессиях в СССР конца 1930-х гг. различными ведомствами Японии, в т.ч. дипломатическими учреждениями, военными, разведывательными, жандармскими службами и т.д. Показаны источники получения сведений и методы их анализа. Выявлено, что главной целью японского руководства в этой работе была оценка влияния политических репрессий на внутреннюю политику, экономику и военный потенциал СССР с тем, чтобы своевременно корректировать свою дипломатическую и военную стратегию.

Ключевые слова: политические репрессии в СССР, сталинское руководство, РККА, НКВД, дипломатические, военные и жандармские службы Японии, сбор информации.

Политические репрессии 1937–1938 гг. коренным образом изменили политическую и экономическую обстановку внутри страны и нанесли серьёзный ущерб военной мощи СССР. Япония, для которой СССР был основным вероятным противником на дальневосточном театре военных действий, внимательно следила за событиями в Советском Союзе того времени, пытаясь предугадать, какое влияние окажут политические репрессии на советскую дипломатию и военно–политическую стратегию, о чём свидетельствуют документы из архива Научно–исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО), Дипломатического архива Министерства иностранных дел (МИД) и Национального архива Японии.

В 1922–1945 гг. японские дипломатические, консульские учреждения и аппараты военных и военно–морских атташе на территории СССР и иностранных государств, японские военные миссии (ЯВМ) и органы военной жандармерии в Маньчжоу–Го и Корее, подразделения Особой высшей полиции метрополии и Управление государственной безопасности Маньчжоу–Го (УГБМ) занимались с легальных и нелегальных позиций сбором и добыванием разведывательных сведений о политической обстановке, экономическом потенциале и вооружённых силах СССР, в т.ч. о политических репрессиях 1937–1938 гг. Эта информация систематизировалась и анализировалась в исследовательском отделе МИД, Генеральном штабе (ГШ), штабах Квантунской и Корейской армий, Министерстве внутренних дел (МВД) и доводилась до сведения высшего политического руководства и военного командования Японии.

Департамент безопасности МВД Японии выпускал под грифом «секретно» и «совершенно секретно» ежемесячные бюллетени «Сообщения иностранного отдела полиции» и «Иностранный вестник Особой высшей полиции»[1], на страницах которых регулярно публиковались аналитические материалы и информация о политической и экономической ситуации в СССР, в т.ч. переводы документов, речей политических деятелей, официальных сообщений из открытой советской печати.

В 1937–1938 гг. в бюллетенях регулярно размещались документы и материалы о судебных процессах, репрессиях в вооружённых силах, НКВД, партийных и советских органах. Так, в «Сообщениях иностранного отдела полиции» №179 за июнь 1937 г. были опубликованы переводы докладов И.В. Сталина и В.М. Молотова на февральско–мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором была сформулирована установка на массовые политические репрессии[2]. По теме последних в бюллетенях печатались переводы из советской, иностранной и эмигрантской печати, например, статья из французского журнала о бонапартизме Сталина и борьбе НКВД с «врагами народа», троцкистами и иностранными шпионами, материалы газет «Правда», «Тихоокеанская звезда» и «Daily Herald» о расстрелянных в г. Свободном 44 работниках Амурской железной дороги по обвинению в шпионаже в пользу Японии, статья из выходившего в Париже «Социалистического вестника» о борьбе советских органов государственной безопасности против «врагов народа» с описанием допросов и пыток[3].

Информационный отдел кабинета министров Японии также получал из различных источников сведения о политических репрессиях в СССР. В бюллетене Отдела №6 за август 1937 г. со ссылкой на проверенные данные, полученные по телефону из Сеула, приводилась информация о репрессированных командующих, заместителях командующих и членах военных советов Московского, Белорусского, Киевского, Харьковского, Северо–Кавказского, Приволжского, Уральского, Среднеазиатского военных округов и ОКДВА[4].

Аппараты военных атташе Японии в СССР, Польше, Финляндии, Турции и прибалтийских государствах, используя собственную агентуру и связи с разведывательными органами указанных иностранных государств, собирали сведения о политических репрессиях в РККА. В июле 1937 г. помощник военного атташе Японии в СССР капитан Котани Эцуои начальник 5–го (СССР) отделения 2–го (разведывательного) отдела ГШ полковник Касахара Юкио представили на 99–м собрании Японской дипломатической ассоциации доклад о «деле Тухачевского», в котором излагались причины репрессий в РККА, описывалось противостояние и борьба за власть в наркомате обороны на почве реформ вооружённых сил и взглядов на военную стратегию между группировками во главе с М.Н. Тухачевским и К.Е. Ворошиловым, анализировались последствия репрессий, которые привели к «падению морально–политического состояния, ослаблению боеспособности и дезорганизации Красной Армии»[5].

В декабре 1937 г. военный атташе при дипломатической миссии Японии в Латвии направил на имя заместителя начальника Генерального штаба донесение, в котором со ссылкой на агентурные источники сообщил о репрессиях высшего командного состава РККА из числа латышей и членов

их семей, в частности, командующего ВВС РККА командарма 2–го ранга Я.И. Алксниса, начальника Автобронетанкового управления РККА комдива Г.Г. Бокиса и др.[6]

Наибольшую активность в сборе и добывании информации проявили органы военной разведки и военной жандармерии. Значительный массив сведений о политических репрессиях в вооружённых силах и органах государственной власти получили разведывательные и контрразведывательные органы Квантунской и Корейской армий, располагавшие в то время сильной агентурной сетью и резидентурами в консульских учреждениях Японии и Маньчжоу–Го на территории советского Дальнего Востока.

Важным источником сведений о репрессиях на Дальнем Востоке были перебежчики и захваченные агенты советских органов государственной безопасности и военной разведки, разведывательными опросами и допросами которых занимались ЯВМ, военная жандармерия и Управление государственной безопасности Маньчжоу–Го. В 1936–1938 гг. с Дальнего Востока СССР в Маньчжоу–Го перебежало 188 чел., в числе которых были военнослужащие РККА и погранвойск НКВД[7]. От них ЯВМ и военная жандармерия Квантунской армии получили важные сведения о политических репрессиях и их влиянии на морально–политическое состояние и боеспособность частей и соединений ОКДВА. Особое внимание обращалось на сведения о новых кадровых назначениях и перемещениях в результате репрессий[8].

Наиболее важные и достоверные сведения о политических репрессиях в СССР японская военная разведка, МВД и УГБМ получили от перешедших в 1938 г. в Маньчжоу–Го начальника артиллерии 36–й мотострелковой дивизии майора Г.Ф. Фронта и начальника Управления НКВД Дальневосточного края комиссара ГБ 3 ранга Г.М. Люшкова[9], который в 1934–1936 гг. непосредственно участвовал в расследованиях по нескольким делам (убийство С.М. Кирова, «кремлёвское» и «троцкистско–зиновьевского центра»).

В августе 1938 г. в «Иностранном вестнике Особой высшей полиции» были опубликованы извлечения из допросов Люшкова, который сказал, что в числе целей и задач политических репрессий на Дальнем Востоке СССР, значительная часть которых касалась непосредственно Японии, были: пропагандировать угрозу японской агрессии, укреплять обороноспособность Дальнего Востока и оказывать всемерную поддержку ОКДВА, ужесточить отношение к японским концессионерам, усилить меры по пресечению контактов японских консульских учреждений с советскими гражданами, подвергать арестам и допросам граждан, посещавших консульства, создать пояс запретных районов на Дальнем Востоке и запретить въезд иностранцев за исключением транзита, расстреливать перебежчиков за границу, усилить наблюдение за японскими частями, готовящими вторжение за пограничную полосу и в случае такового давать вооружённый отпор[10].

Документы и материалы о политических репрессиях в СССР и свидетельства перебежчиков широко использовались разведывательными и контрразведывательными органами Квантунской и Корейской армий для ведения идеологической войны против гражданского населения и военнослужащих Дальнего Востока СССР в целях дискредитации партийных и советских органов, нагнетания страха перед неизбежной войной, ослабления боеспособности частей и соединений армии и флота[11]. Этим же занимались

полицейские органы Японии и Маньчжоу–Го для идеологической обработки населения и ведения антисоветской агитации и пропаганды на территории метрополии, Маньчжурии и Корейского генерал–губернаторства, в т.ч. с целью организации протестов против сталинских репрессий[12].

Но информация о политической обстановке и репрессиях в СССР была необходима Японии прежде всего для оценки и своевременной корректировки дипломатической и военной стратегии в отношении СССР. МИД и Генштаб Японии занимались не только сбором и систематизацией, но и анализом информации о политических репрессиях и их влиянии на внутреннюю политику, экономику и военный потенциал СССР. В апреле 1938 г. Японская дипломатическая ассоциация составила доклад «Современная обстановка в СССР», одна из глав которого была посвящена репрессиям, а выводы в ней сводились к следующему. Целью политических репрессий в государственном аппарате и вооружённых силах было установление неограниченной власти Сталина. Молотов и Ворошилов стали проводниками его политики в наиболее важных сферах – дипломатии и вооружённых силах. В наркомате иностранных дел Молотов установил тоталитарный режим, который отрицательно сказывается на японо–советских отношениях, т.к. новый нарком лично принимает решения по любому вопросу. Ворошилов возглавляет наркомат обороны, но из его подчинения выведен вновь образованный наркомат ВМФ и ВВС РККА во избежание сосредоточения в одних руках власти над вооружёнными силами. Репрессии высшего и среднего командного состава вооружённых сил Сталин проводил для того, чтобы обезопасить себя и полностью подчинить себе армию, которую он стал ориентировать на вооружённое столкновение с Японией и одновременно проводить реформы вооружённых сил. Репрессии против командного состава существенно ослабили вооружённые силы СССР[13].

В январе 1939 г. Исследовательский отдел МИД Японии завершил работу над комплексным аналитическим докладом «Государственная мощь СССР», отдельная глава которого была посвящена истории политических репрессий, политическим и экономическим причинам их возникновения и влиянию на внутреннюю и внешнюю политику, идеологию, экономику, вооружённые силы, партийную и общественную жизнь СССР. Японские аналитики пришли к выводу, что сталинские репрессии существенно ослабили вооружённые силы СССР, так как «все командующие и члены военного совета округов, трое из пяти маршалов, свыше 60% командармов 1 ранга, свыше 80% командармов 2–го ранга, свыше 60% комкоров, все флагманы флота 1–го ранга, свыше 40% флагманов флота 2–го ранга, свыше 60% флагманов 1–го ранга были арестованы или расстреляны…»[14]. В качестве конкретного примера приводились результаты боёв у оз. Хасан, которые «показали очевидную слабость РККА, имевшей пятикратное преимущество и использовавшей, в отличие от японской армии, авиацию и танки, и в результате советское правительство срочно предложило заключить соглашение о прекращении боевых действий»[15]. Надо отметить, что аналогичной точки зрения придерживались японский Генштаб и командование Квантунской армии, окрылённые временными тактическими успехами во время пограничного инцидента на амурских Константиновских островах и боёв у оз. Хасан[16].

В докладе отмечалось: «Внутренняя обстановка в СССР свидетельствует о том, что страна не готова к большой войне… в результате политических репрессий государственная мощь СССР существенно ослабла… что позволяет сделать следующие выводы: СССР известно, что Япония задействовала значительные ресурсы в войне с Китаем и поэтому полагает, что империя не будет оказывать на него сильного давления; СССР известно о напряжённых отношениях Японии с США и Англией, и он, используя это обстоятельство, попытается оказывать давление на империю; СССР будет использовать антияпонские настроения для стабилизации политической и социально–экономической обстановки внутри страны, но он не сможет оказывать силовое давление на Японию из–за того, что у него нет для этого достаточной государственной мощи и народной поддержки и, следовательно, все попытки такого рода будут только лишь показной демонстрацией»[17].

Как показали дальнейшие события, в первую очередь вооружённый конфликт на Халхин–Голе, японские аналитики допустили серьёзные ошибки и просчёты в оценках государственной мощи и военного потенциала СССР, несмотря на то, что в их распоряжении имелись весьма достоверные данные по широкому кругу вопросов. В то же время они довольно объективно оценили последствия политических репрессий для советско–японских отношений.

Резюмируя, отметим, что политические репрессии 1937–1938 гг., важной идеологической составляющей которых была борьба с японским милитаризмом и шпионажем, существенно затормозили и ограничили дипломатические и торгово–экономические отношения и усилили взаимное недоверие и напряжённость между СССР и Японией.

---

1 Первым отечественным исследователем этих бюллетеней, который выявил их в Национальном архиве Японии и составил обзорное описание, является А.В. Трехсвятский.

2 Национальный архив Японии. Департамент безопасности МВД. «Сообщения иностранного отдела полиции». №179 (июнь 12–го года Сёва). С. 1–67. A04010406200. Яп. яз.

3 Там же. С. 119–126; №177 (апрель 12–го года Сёва), С. 168–172. Яп.яз.

4 Там же. Кабинет министров. Информационные материалы Информационного отдела кабинета министров. «Жертвы репрессий в Красной армии». A03024386000. Яп. яз.

5 Дипломатический архив МИД Японии. Сб. докладов на собраниях Японской дипломатической ассоциации. Т. 2. 99-е собрание Японской дипломатической ассоциации. 18. «Современная обстановка в СССР (Анализ дела Тухачевского)». Июль 12–го года Сёва. С. 6–34. B02030915600. Яп. яз.

6 Архив НИИО МНО Японии. Собрание секретных документов Военного министерства. 12–й год Сёва. Информация военного атташе при дипломатической миссии в Латвии о репрессиях в СССР. C01004397400. Яп. яз.

7 Документы разведывательной войны против СССР / под ред. Авая Кэнтаро, Такэути Кэй. В 4 т. Токио: Адзума сюппан кабусики кайся, 1999. Т. 2. (Документы Квантунской армии), С. 103–125. Яп. яз.

8 В ноябре 1939 г. штаб Квантунской армии на основе данных радиоперехвата и агентурной разведки, информации аппаратов военных атташе, материалов советских и зарубежных средств массовой информации и сведений перебежчиков составил список командного состава частей и соединений КДВФ и ТОФ, в котором были учтены последствия репрессий. См.: Архив НИИО МНО Японии. Собрание секретных документов армии в Маньчжурии. 14–й год Сёва. О рассылке списка командного состава Красной армии. C01007464200.

9 Нисихара Масао. Полная история Харбинской военной миссии: по следам разведывательного отдела Квантунской армии. Токио: Майнити симбунся, 1980. С. 143. Яп. яз.

10 Трехсвятский А.В. Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. №1. С. 94.

11 Один из командиров РККА, перешедший на сторону японцев во время боев у оз. Хасан, в своих радиообращениях и листовках подчёркивал, что в СССР «уничтожают ежедневно военных деятелей, маршалов и лучших людей нашей родины исключительно по заданию злейшего врага нашей родины Сталина». См.: Документы разведывательной войны против СССР… Т. 3. (Документы Корейской армии). С. 425–446. Яп.яз.

12 В ноябре 1937 г. корейская община Хакодатэ провела митинг протеста против насильственной депортации корейцев из Приморья и направила в адрес советского посольства в Японии резолюцию с требованием прекратить незаконные действия и репрессии в отношении корейского населения Дальнего Востока СССР. См.: Национальный архив Японии. Департамент безопасности МВД. «Иностранный вестник Особой высшей полиции». Ноябрь 12–го года Сёва. С. 121–122. A04010439600. Яп.яз.

13 Дипломатический архив МИД Японии. Сб. докладов на собраниях Японской дипломатической ассоциации. Т. 4. 99-е собрание Японской дипломатической ассоциации. 18. «Современная обстановка в СССР». Апрель 13–го года Сёва. С. 20–29. B02030920400. Яп. яз.

14 Дипломатический архив МИД Японии. Документы Исследовательского отдела. 14–й год Сёва. 1–й комплексный аналитический доклад «Государственная мощь СССР». Ч. 1. С. 112. B10070462500. Яп. яз.

15 Там же. С.118.

16 Coox A.D. The anatomy of a small war. The Soviet–Japanese struggle for Changkufeng/Khasan, 1938. Tokyo: Harasyobo, 1998. Pp. 17–18.

17 Дипломатический архив МИД Японии. Документы Исследовательского отдела. 14–й год Сёва. 1–й комплексный аналитический доклад «Государственная мощь СССР». Ч.1. С. 118–119. B10070462500. Яп.яз.

С.В. КИРЕЕВ

БЕРЕГОВАЯ БАТАРЕЯ № 908 СОВЕТСКО–ГАВАНСКОЙ ВОЕННО–МОРСКОЙ БАЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Взаимоотношения Советского союза и Японии в период 1931–1945 гг. многими историками оцениваются как состояние необъявленной войны. Обе стороны усиленно готовились к будущему широкомасштабному столкновению. Одним из аспектов этой подготовки было массовое строительство в СССР береговых батарей в районе Тихого океана. Прежде всего они возводились неподалеку от военно–морских баз, в том числе Советско–Гаванской, где первой стала батарея №908. Её орудиям не довелось открыть огонь по противнику в ходе скоротечной Советско–японской войны 1945 г., но она сыграла свою роль по сдерживанию японской военщины.

Ключевые слова: военное противостояние СССР и Японии, 1931–1945 гг., Советско–Гаванская военно–морская база, береговая батарея.

Отношения Японии с Россией, а затем с СССР всегда были достаточно сложны, и береговые батареи, расположенные по всему Тихоокеанскому побережью от Хасана до Чукотки, являются тому свидетельством. Несколько батарей было возведено и неподалеку от порта Советская Гавань. Строительство в этом районе обусловливалось тем, что по итогам Русско–японской войны 1904–1905 гг. южная часть Сахалина отошла к Японии и порт Советская Гавань (ранее Императорская Гавань) оказался напротив японской территории. По Татарскому проливу японский флот вполне мог дойти до глубоководного залива Де–Кастри, высадить там десант и переправить легкие плавсредства волоком в оз. Кизи, связанное с Амуром, а потом выставить поперек Амура минные заграждения, переправить туда войска и артиллерию. Это могло бы привести к блокаде с тыла устья Амура, включая Николаевск–на–Амуре.

С 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию и вышла на сухопутные границы СССР, обе стороны стали активно готовиться к будущей войне. Учитывая абсолютное господство на море японского флота, советское командование было вынуждено с 1932 г. развернуть работы по строительству береговых укреплений, предназначенных для отражения возможных десантов и недопущения противника в те точки побережья, откуда вели

* Автор выражает благодарность Н.Г. Хлебец за оказанную техническую помощь в полевых исследованиях, а также В.И. Калинину за ряд ценных замечаний и дополнений.

основные пути вглубь материка. В первую очередь батареи возводились во Владивостоке, Николаевске–на–Амуре, Де–Кастри, во вторую – в Советской Гавани (там предполагалось создать еще одну базу флота) и во Владимиро–Ольгинском районе, где батарея становилась промежуточной маневренной базой между Владивостоком и Советской Гаванью.

Первые береговые батареи в Советской Гавани ввели в строй в 1934 г. В их числе была и батарея № 908, вооруженная четырьмя 152–мм пушками системы Канэ и расположенная на п–ове Меншикова, на одноимённом мысе. Батарея открытая, просматривающаяся со стороны моря и призванная по своему расположению прикрывать подходы к бухте Ванина и заливу Советская Гавань[1].

Батарея относится к типу облегченных. Орудийные дворики расположены в один ряд двумя парами: расстояние между двориками внутри пары – 30 м, между парами – 40 м. Правее орудийных двориков в 80 м от крайнего орудийного дворика расположен командный пост. По флангам батареи в тылу огневой позиции на расстоянии 75 м находятся погреба боеприпасов. Оба оборудованы помещениями фильтровентиляционной установки на случай газовой атаки. Правофланговый выполнял также функции силовой станции, для чего в нём имелась дизель–генераторная установка. Погреба боеприпасов по своей конструкции одинаковы с погребами береговой батареи № 909. Все орудийные дворики, командный пост связаны между собой кабелем системы управления огнем, уложенным в траншею. От дизель–генераторной уложен силовой кабель к командному посту.

Орудийные дворики имеют подковообразную форму. Каждый опоясан бетонным бруствером диаметром 7,8 м, высотой 1,07 м (от дна дворика), толщиной 0,5 м. В центре дворика находится цилиндрическое бетонное основание диаметром 6,5 м с установочной тумбой в середине. На тумбе располагалась шестидюймовая пушка системы Канэ, принятая на вооружение русского флота и береговой артиллерии в 1891 г. Длина ствола – 45 калибров, затвор поршневой, заряжение раздельно–гильзовое. Углы вертикального наведения от –6 до +20 градусов. Дальность стрельбы со станка системы Канэ фугасным снарядом образца 1915 г. весом 41,46 кг при максимальном угле возвышения в 20 градусов достигала 14 450 м [2]. По флангам каждого дворика расположены две ниши–погреба для расходного комплекта боеприпасов. Ниша–погреб перекрывалась стальными двутавровыми балками со вставками из котельного железа.

Строился артиллерийский дворик по технологии, отработанной еще до революции 1917 г. Вначале отрывался котлован, в котором отливалось бетонное основание под орудие в виде цилиндра диаметром около 6 м и глубиной примерно 2 м, после чего орудие могло быть установлено и применено. Затем сооружался бетонный бруствер, имеющий ниши для установки принимающих циферблатов приборов управления артиллерийским огнем и артиллерийских принадлежностей. Кабели приборов были забетонированы непосредственно в бруствер, к которому примыкают ниши погреба, затем делалась стяжка между бруствером и орудийным основанием. Следовательно, орудийный блок являлся не единым массивом, а состоял из отдельных деталей, вплотную примыкавших друг к другу.

Командный пост батареи представляет собой заглублённую в землю казематированную постройку, состоящую из лестницы, тамбура, четырёх служебных помещений (там располагались приборы управления стрельбой системы Гейслера и телефонный узел), тамбура рубки, рубки управляющего огнём. Высота служебных помещений – 2,13 м, рубки – 1,98 м. Стены рубки имеют три смотровые щели, обращенные в сторону моря. Сообщение между тамбуром рубки и рубкой осуществляется через люк, сделанный в перекрытии. Двери между помещениями легкие, деревянные. Потолок перекрытия между этажами рубки имеет противооткольную одежду.

В погребе основного боезапаса расположены два входа размерами 0,76х2,05 м, прикрытые коленчатым сквозником. Капитальными стенами погреб делится на тамбур и четыре отдельных помещения. Первое с левой стороны использовалось под фильтровентиляционную установку, второе левое – как дизель–генераторная, о чем свидетельствуют остатки крепления дизеля на полу и выхлопная труба, выходящая за пределы сооружения. Вход в каждое из помещений прикрыт газонепроницаемой деревянной дверью, обитой железом. Потолок погреба также имеет противооткольную одежду в виде двутавровых балок со вставками из котельного железа.

Во время советско–японской войны 1945 г. батарея № 908 входила в состав 216–го Отдельного артиллерийского дивизиона Советско–Гаванской военно–морской базы. Открыть огонь по противнику ей не удалось, так как вместо отражения японского десанта советские вооруженные силы сами перешли в решительное наступление на южный Сахалин. Батареи Советской Гавани были разоружены в начале 1960-х гг. в связи с кардинальным сокращением береговой артиллерии. Несмотря на то, что они ни разу не открывали огонь по врагу, они сыграли свою роль по сдерживанию потенциального противника. Японский флот, имея опыт борьбы с береговыми батареями Порт–Артура и Циндао, во Второй мировой войне предпочитал не атаковать морские береговые крепости в лоб, а обходить их с суши, высаживая десант далеко в стороне (Сингапур), что сильно затягивало операцию. Поэтому можно предположить, что наличие береговых батарей в Советской Гавани также вынудило бы японское командование искать обходные пути, что было весьма не просто с учетом рельефа местности и отсутствия инфраструктуры в данном районе.

---

1 Калинин В.И., Воробьев С.А. Сталь и бетон против Микадо: Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Крепость Россия: историко–фортификационный сб. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 76–167.

2 Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии / под. общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2000.

А.С. ВАЩУК, А.Е. САВЧЕНКО

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РСФСР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1946 – СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.)

Система управления дальневосточной территорией и её обществом в период 1946 – середины 1960-х гг. представлена как государственная стратегия социально–политической безопасности советского типа. Выявлены общие для СССР черты этой стратегии и её «болевые точки» в дальневосточном регионе сквозь призму взглядов сталинского руководства и политической команды реформатора Н.С. Хрущева, а также с учетом пределов социально–политических изменений и реальных последствий управления, имевшего целью сохранение советской системы. Исторический материал сравнивается в форматах позднесталинского времени и первого десятилетия послесталинской эпохи.

Ключевые слова: Дальний Восток России, угрозы, государственная безопасность, социально–политическая безопасность, государственная граница, Дальстрой, социальные отношения, социальный контроль.

Предлагая такую постановку проблемы, авторы осознают, что политическая элита СССР ни в сталинский период, ни в другое время не оформляла документально свои намерения и стратегию по обеспечению социально–политической безопасности в виде специальных концепций, тем более относительно отдельного региона. Однако задача обеспечения государственной безопасности в СССР всегда считалась ядром внутренней политики и идеологии, основу которой составляла идея классовой борьбы. В период 1946 – середины 1960-х гг. идеологическая доктрина, осуществляемая советским руководством, была тесно связана с внутренней и внешней политикой. А вся система управления территориями и обществом выстраивалась как стратегия социально–политической безопасности, т.е. как важнейшая составляющая государственной безопасности. В советском политическом лексиконе термин «безопасность» появился еще до войны. Так, 3 февраля 1941 г. начал работу самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ) СССР[1].

Отличительной чертой понимания политической элитой проблемы безопасности в СССР была и сама форма выражения стратегии –значительное количество указов, постановлений, ведомственных инструкций по конкретным вопросам, часто принимаемых в качестве документов для служебного пользования либо совершенно секретных.

Главной управленческой структурой в СССР, которая должна была предотвращать внешние угрозы, естественно, являлась армия, в том числе пограничные войска, как, впрочем, в любом другом государстве. Специфика же советской модели обеспечения социально–политической безопасности заключалась в функционировании особых институтов по защите интересов

страны, прежде всего, её политического строя и социально–экономических отношений распределительно–нормированного типа.

Дальний Восток был включен в эту систему путем реализации жестких административных и мобилизационных мер, осуществленных с конца 1920-х по 1930-е гг. До войны в распределении власти по линии «Центр – регион» также сложилась своя иерархия. Дальневосточная номенклатура с учетом придания территории статуса «военной крепости», форпоста «приграничья и социализма» занимала в этой системе далеко не последнее место[2].

Основу стратегии, направленной на предотвращение угроз социально–политической безопасности в регионе, составляли централизованные меры по укреплению различных контролирующих институтов и инструментов распределительно–нормированных отношений. Война способствовала усилению этой стратегии, что выражалось в регулярных проверках предприятий, колхозов, учреждений снабжения и распределения, в которых были задействованы многочисленные партийные комиссии, уполномоченные, инструкторы, работники плановых, финансовых учреждений, ОБХСС.

В регионах, в том числе дальневосточном, созданная многоуровневая система тотального контроля в повседневной жизни отвечала за выполнение государственных хозяйственных заданий. Советские управленцы строго следили за соблюдением пропорций роста производительности и оплаты труда. В сфере регулирования общественных отношений, в первую очередь для укрепления трудовой дисциплины, власть использовала жесткие методы.

Перестановки в высших управленческих эшелонах, происходившие в ходе острой борьбы за власть после смерти Сталина, но остававшиеся тайной для большинства граждан СССР, сопровождались публичными мероприятиями в сфере регулирования трудовых отношений во всех регионах страны. Законы военного времени постепенно начали отменяться еще при Сталине.

На Дальнем Востоке до конца 1950-х гг. власти полностью контролировали ситуацию с трудовой дисциплиной, по–прежнему используя систему административных наказаний при нарушениях трудовых и финансовых норм. Хотя уже в 1954–1956 гг. правительство стало больше внимания уделять поощрительным мерам стимулирования роста производительности труда, что сразу же стало практикой на Дальнем Востоке. В первые три года лидерства Н.С. Хрущева на многих крупных дальневосточных предприятиях доля рабочих и служащих, имевших различные виды вознаграждений как моральных, так и материальных, оказалась выше, чем доля получивших административные взыскания[3].

Однако курс на либерализацию политического режима «коллективным руководством» после смерти Сталина столкнулся с угрозой дестабилизации социальной ситуации. В первую очередь это было связано с растущей преступностью, вызванной последствиями войны, а также с продовольственным кризисом и бытовыми практиками решения возникавших проблем путем нарушения установленных государством норм поведения. Более того амнистия 1953 г., проведенная по инициативе Л.П. Берии, и разные структурные реорганизации в системе управления органов милиции и прокуратуры осуществлялись партийной бюрократией[4] в основном с целью персональных перестановок и оказались неэффективными для региона, в котором существовали факторы, способствующие росту уровня преступности. Среди последних можно выделить: особенности миграционных процессов; специфику оргнабора,

состава переселенцев и их обустройства (например, проживание подавляющего числа приезжих в домах барачного типа); высокую степень алкоголизации населения, в том числе переселенцев; концентрацию пенитенциарных учреждений и оседание в регионе значительной части освобожденных из заключения криминальных лиц. К концу 1950-х гг. коэффициент преступности на Дальнем Востоке оказался выше, чем в среднем по РСФСР[5].

Повседневный социальный контроль осуществлялся на Дальнем Востоке в русле централизованной внутренней политики. Однако в регионе были проблемы, которым политический Центр придавал особое значение с точки зрения социально–политической безопасности. Они сгруппированы авторами статьи в три блока в рамках позднего сталинского и послесталинского периодов (см. табл. 1).

Таблица 1

Содержание проблем социально–политической безопасности на советском Дальнем Востоке[6]

Проблемы	Поздний сталинский период	Послесталинский период
Обеспечение статуса приграничья дальневосточной территории	Сохранение численности военнослужащих в регионе, создание Управления главнокомандующего войсками Дальнего Востока и трех военных округов, разделение ТОФ, интеграция Южного Сахалина и Курил в советско–политическое, социальное и экономическое пространство.	Реорганизация военных округов, смена командующих войсками округа, планы сокращения вооруженных сил на Дальнем Востоке, усиление военного присутствия в связи с обострением советско–китайских отношений и поддержкой СССР Вьетнама.
Контроль над региональными управленческими группами	Жесткий идеологический контроль, постоянная ротация кадров, в т.ч. первых секретарей, отдельные факты функционирования «судов чести», административные наказания за нарушения партийной дисциплины, уголовные наказания руководителей колхозного сектора за «разбазаривание» колхозных земель и имущества.	Отказ от репрессий при сохранении жесткого идеологического контроля и цензуры, постоянная ротация кадров, в т.ч. первых секретарей, замена за невыполнение планов первых секретарей на ДВ (Мельника, Чеплакова, Абабкова), административные наказания за нарушения партийной дисциплины, регулирование численности номенклатуры и заработной платы, кампании против злоупотреблений служебным положением.
Контроль над трудовыми ресурсами и численностью населения	Сохранение принудительных миграций, пополнение лагерного сектора новыми потоками рабочей силы, меры по преодолению кризиса в Дальстрое, использование труда военнопленных, сельскохозяйственная переселенческая политика, оргнабор.	Свертывание принудительных миграций, сокращение лагерного сектора и переход к планово–административной миграционной политике как стратегии управляемости, контроль над демографическим потенциалом.

Учитывая, что в дальневосточной литературе проблема контроля центра над трудовыми ресурсами в регионе уже достаточно освещена, более подробно остановимся на комментариях двух первых проблем, связанных с безопасностью управления территориями. Во–первых, после войны у политического руководства в азиатской части страны продолжала существовать серьёзная задача управления Дальстроем. Во–вторых, возникла еще одна задача по обеспечению государственной безопасности – необходимо было в крайне короткие сроки организовать охрану новых территорий и осуществить меры по интеграции Южного Сахалина и Курил в советское социально–политическое пространство. Власти предстояло обеспечить порядок присутствия значительного контингента военных, создать местные органы управления, которые бы отвечали за формирование единого политического режима и советского образа жизни.

В соответствии с приказами НКВД «О формировании морских частей» от 17 августа 1945 г. и «О принятии под охрану границы по побережью Южного Сахалина и Курильских островов» от 2 октября 1945 г. началось создание новых соединений морских частей на Дальнем Востоке. Для усиления охраны побережья Японского моря в 1952 г. в районе Советской Гавани на участке протяженностью 857 км военное командование сформировало новый пограничный отряд, имевший в составе 12 линейных застав и дивизион из 7 сторожевых кораблей и катеров. Увеличивалась средняя войсковая плотность по побережью Южного Сахалина и южной Курильской гряды, к 1951 г. она была доведена до 2 чел. на 1 км. Проблемным направлением оставалось чукотское, где непрерывно охранялось только 10% наиболее доступных участков границы. По мнению историка С.А. Кравчука, до конца 1950-х гг. в организации охраны морских границ на востоке имелось слабое звено: отсутствовали специальные типы катеров[7].

К сентябрю 1946 г. во всех 11 районах Южного Сахалина были созданы опергруппы НКВД–НКГБ, организованы борьба с уголовной преступностью, а также розыск находящихся на нелегальном положении отдельных чиновников и военных бывшей японской армии. Проводились акции по изъятию укрываемого оружия. Местное население и первые советские переселенцы были обеспечены продуктами по советским нормам, но с учетом наличия продуктов. Созданные советские и партийные органы принимали меры по охране важнейших промышленных объектов и железнодорожного транспорта.

На северо–востоке страны сталинское руководство сосредоточило все политико–административные ресурсы на поддержании гулаговского порядка в Дальстрое. К 1951 г. его территория составляла почти 3 млн кв. км и включала в себя не только будущую Магаданскую область, но и Чукотку, восточную половину Якутии, почти весь Корякский округ Камчатской области и северную часть Хабаровского края, а также некоторые объекты в портах Ванино (Хабаровский край) и Находка (Приморье). Органы власти санкционировали пополнение производственных структур новыми потоками рабочей силы. По сведениям Е.Н. Чернолуцкой, общее число принудительных мигрантов (включая ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, «особый контингент») достигло пика в 1952 г. и составило 109,9 тыс. чел.[8]

Но, несмотря на принимавшиеся меры по укреплению гулаговского порядка, в начале 1950-х гг. в Дальстрое назревал управленческий кризис[9]. Административный аппарат вынужден был отвлекаться от главной произ-

водственной задачи по выполнению плана добычи золота и других драгоценных металлов, занимаясь наведением порядка. Руководство центрального ведомства обязало управленцев не допустить социальной дестабилизации на Северо–Востоке, признаки которой появились в последние два года сталинской диктатуры. Об этом свидетельствовали следующие факты: рост преступности в районах деятельности ДС в 1952 г. составил 44% по сравнению с 1951 г. Наблюдалось морально–нравственное разложение работников МВД–МГБ, милиции и охраны. Лагерный бандитизм стал повседневной реальностью, генерал–лейтенант Г.С. Жуков образно сказал о нем следующее: «О лагерном бандитизме мы можем выразиться так: что сидим на острие ножа»[10]. Трудности в выполнении производственных заданий становились непосредственной угрозой существования лагерной экономики.

В 1953–1955 гг. создалась ситуация угрозы безопасности населения со стороны уголовных банд, ликвидация которых стала одной из главных задач органов МВД. Лагерный бандитизм распространился на территорию Хабаровского и Приморского краев. Если во многих центральных регионах СССР в короткие сроки удалось снизить уровень преступности, то на Дальнем Востоке она еще три года после амнистии оставалась фактором социальной напряженности.

Власти попытались провести реформы управления на северо–востоке страны. Их специфика состояла в том, что ДС как суперорганизация в 1953 и 1954 гг. подвергалась реорганизациям по линии ведомственной подчиненности, но порядок руководства лагерями и производством оставался прежним[11]. Гулаговские нормы жизни и управления уходили в прошлое медленно и постепенно в процессе образования Магаданской области и политической кампании осуждения массовых незаконных репрессий, инициированной докладом Н.С. Хрущева на XX съезде[12], а также по мере завоза рабочих по договорам и прибытия комсомольских эшелонов. Рубежом в десталинизации системы управления стал переход на совнархозный принцип управления.

Потребность СССР в золоте оставалась очень высокой, особенно с началом масштабных закупок продовольствия за рубежом. Работа совнархоза находилась под патронажем Совета министров РСФСР, ВСНХ РСФСР, Госплана РСФСР. Председателем Магаданского совнархоза был назначен Ю.В. Чугуев, ранее занимавший пост начальника Дальстроя. Непосредственное руководство добычей золота и олова возлагалось на Горное управление совнархоза (центр в г. Магадане), которое возглавил Н.С. Соколов. Большинство руководящих и инженерно–технических кадров, в т.ч. в золотодобывающей промышленности, составили работники Дальстроя[13].

Среди первых реформ, проводившихся политическим руководством во главе с Хрущевым, были преобразования в Советской Армии. На Дальнем Востоке укрупнили военные округа, одновременно предусматривая сокращение численности военных. Важно заметить, что первое послевоенное сокращение Вооруженных сил СССР состоялось во время перехода к мирной жизни (еще при Сталине в 1945–1953 гг.), но оно незначительно коснулось группировок, дислоцированных на Дальнем Востоке[14], хотя и там проводились реорганизации. Так, в мае 1947 г. образовано Управление главнокомандующего войсками Дальнего Востока в Хабаровске, в сентябре 1945 г. расформирована Северная Тихоокеанская военная флотилия, в январе 1947 г. Тихоокеанский флот разделён на две части: 5–й ВМФ (главная база – Влади-

восток) и 7–й ВМФ (главная база – Советская Гавань), которые после смерти Сталина в апреле 1953 г. вновь объединили. В позднесталинский период в регионе дислоцировалось около 400 тыс. военных, что составляло примерно 12% от общей численности его населения.

23 апреля 1953 г. два образованных ранее военных округа – Приморский и Дальневосточный – объединили в Дальневосточный ВО. Но при этом Главное командование войск Дальнего Востока как орган стратегического руководства дальневосточной группировки Вооружённых Сил СССР, существовавшее с 22 мая 1947 г., упразднялось[15]. Командующий войсками округа маршал Р.Я. Малиновский в 1957 г. стал министром обороны СССР (после снятия Г.К. Жукова). На должность Командующего войсками округа в 1956 г. назначили В. Пеньковского, после войны он был начальником штабов Приморского и Забайкальского округов, и стиль его управления исследователи оценивают по–разному[16].

На востоке страны также намечалось сокращение вооруженных сил, что соответствовало общесоюзной политике и ориентации Н.С. Хрущева на техническое перевооружение армии, в том числе на создание ракетно–ядерного подводного флота. Некоторые мероприятия по сокращению войск на востоке даже были реализованы. Так, до середины 1950-х гг. Забайкальский округ располагал достаточно мощной группировкой, в которую входила единственная в азиатской части России танковая армия. Но в период реформ этот округ лишился ее так же, как и воздушной армии. Если основываться на официальных записках Г. Жукова и В. Соколовского, направленных в ЦК КПСС (предложения по дальнейшему сокращению Вооруженных Сил СССР от 9 февраля 1956 г., записки от 9 февраля 1956 г. и 3 января 1958 г.) и отражавших ход выполнения постановления СМ СССР от 12 августа 1955 г. о сокращении численности Советской Армии, то в 1956–1959 гг. на Дальнем Востоке предполагалось сократить численность и расформировать ряд частей[17].

Тогда команда Хрущева, в том числе военные, не предполагала, что политика десталинизации будет иметь серьезные последствия для советско–китайских отношений. При этом слабым звеном в системе охраны государственной безопасности СССР оказалась проблема уточнений и определений участков принадлежности на советско–китайской границе. И только в ходе резкого обострения отношений с Китаем приостанавливалось сокращение вооруженных сил, дислоцированных на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Осенью 1960 г. были зафиксированы первые выходы китайцев на расположенные на нашей стороне границы острова р. Уссури. Советское правительство 17 мая 1963 г. предложило КНР провести двусторонние консультации о прохождении линии границы между государствами. Главой советской делегации был назначен П.И. Зырянов – начальник погранвойск КГБ при Совете министров, получивший статус зам. министра СССР и возглавлявший пограничные войска на исходе сталинской эпохи. Символично также и другое: Зырянов начинал служебный путь с должности начальника пограничного отряда в пос. Комиссарово, расположенном на границе с Китаем[18]. Но, как известно, консультации не завершились мирным путем, и события на о–ве Даманском в 1969 г. явились крупнейшими со времен Великой Отечественной войны боевыми действиями, которые вели советские войска, отстаивая свою территорию. В 1960–1970 гг. из европейской части страны в дальневосточный военный округ командование направило 10 дивизий, в т.ч. три

танковые. В 1979 г. было воссоздано Главное командование войск Дальнего Востока. Таким образом, в регионе продолжалось укрепление военного потенциала как главного условия обеспечения социально–политической безопасности и территориальной целостности страны.

Обращаясь к внутренним проблемам, необходимо отметить, что после 1953 г. вплоть до верхушечного переворота 1964 г. в высших политических кругах СССР складывалась далеко не простая обстановка, которая тщательно скрывалась от общества. Она была связана как с критикой культа Сталина, так и с попытками отстранить Хрущева от власти. Кроме того, в условиях официальной критики недавнего прошлого перед советским руководством возникла и другая, не предвиденная Хрущевым и его единомышленниками задача – обеспечить стабильность государственного аппарата и веру общества в коммунистическую идеологию. Для решения этих двух масштабных проблем власть стремилась сохранить лояльность постепенно избавлявшегося от страха общества, объявив политической целью рост материального благополучия советских граждан. Одновременно руководство страны вынуждено было реагировать и на дальневосточный фактор – отток населения из региона. Концепция демографического дисбаланса советского Дальнего Востока и Северо–Восточного Китая из сферы научных дискуссий перешла в практическую плоскость региональной политики. Партийное руководство стало больше внимания уделять очевидной потребности дальневосточников в повышении благосостояния, понимало необходимость обеспечения соответствующего экономического роста. Кроме того, политики начали поиски мотивации руководящей бюрократии взамен прежних репрессивно–карательных форм.

Команде Хрущева удалось в рамках распределительной системы добиться некоторых успехов по обеспечению роста уровня жизни дальневосточников. Однако в социальном отношении для номенклатуры сохранились прошлые «порядки» – дефицитные продукты, заказываемые в спецбуфетах, торговые базы с импортными товарами, льготные путевки в санатории, поездки за границу, а также многое другое.

Политическое руководство, отказавшись от репрессий как метода управления номенклатурой, продолжало развивать другие традиции и принципы в организации управленческого аппарата. В частности, проводились кампании по регулированию численности местной бюрократии, а также ее материального положения. Контроль над провинциальными руководителями оставался жестким как со стороны ЦК, так и нового политического лидера Н.С. Хрущева, что обеспечивало социально–политическую стабильность в регионах.

После смерти Сталина самые значимые политические перемены произошли на северо–востоке страны, где постепенно была унифицирована вертикаль власти по общей партийно–советской модели. Однако авторитет первого секретаря, к примеру, Т.И. Абабкова в Магаданской области, устанавливался постепенно, поскольку сильные политические традиции Дальстроя давали о себе знать. Уже в начале 1958 г. Абабкова сняли с поста в связи с тем, что партийному руководству области не удалось справиться с кризисом в промышленности и увеличить добычу золота[19].

Говоря о реформах в рамках концепции социально–политической безопасности, нельзя не остановиться на таком аспекте, как пределы десталинизации в механизмах власти. После непродолжительной кампании крити-

ки необоснованных репрессий условия для деятельности первых секретарей крайкомов и обкомов оказались благоприятными в отношении увеличения их роли на территориях. Но сдерживающим инструментом по–прежнему оставалась ориентация высшего руководства на преемственность в кадровой политике – принцип номенклатурной ротации. В то же время в дальневосточной практике при смене местных кадров немаловажную роль играли собственные оценки Хрущева. Проблемы политической безопасности в условиях разоблачения культа Сталина и зарождения конфликтных советско–китайских межгосударственных отношений заставили руководителя страны устанавливать личные контакты с первыми секретарями Дальнего Востока. Свои поездки по стране он начал фактически с Дальнего Востока. В целом по отношению к первым секретарям в этом регионе Хрущев сохранял лояльность. Кадры, назначенные при Сталине, заменялись постепенно. Да и переход от министерской системы к совнархозам произошел при сталинском поколении управленцев. Это был один из объективных демографических и политических ограничителей всего процесса десталинизации.

Важно обратить внимание на другой исторический момент. В период начала хрущевских реформ в западном политическом лексиконе появляется понятие «безопасность»: как официальный термин оно утверждается после создания Совета безопасности ООН. И в СССР приоритеты в обеспечении безопасности начинают несколько меняться. Идеологическое противостояние двух социально–политических и экономических систем повлияло на трактовку входящего в политический обиход термина. Эта ментальная черта отразилась в названии специального органа, созданного 13 марта 1954 г., – Комитета государственной безопасности при СМ СССР. Помимо ментального комплекса страха и идеологического воспитания кадров команда реформаторов, хотя и переориентировала КГБ на подавление внешних угроз, тем не менее сохранила позиции ведомства в контроле над идеологией внутри страны, и особенно над управленцами, что являлось главным условием обеспечения социально–политической безопасности.

Инициаторы реформ добились повышения роли и значения комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и соответствующих структур при крайкомах и обкомах как надзирающих органов за управленцами[20]. В этом центр также опирался на старую гвардию при формировании комиссий, осуществлявших надзор за соблюдением установленных норм поведения.

Однако в процессе десталинизации имели место события, не предвиденные центром: реформы в области управления неожиданно дали свободу для развития региональной части управленческого сословия, которое сформировалось при Сталине. Произошло это за счет утраты его монолитности и распада на определенные группы, постепенного усиления роли хозяйственников–прагматиков в номенклатурной системе территорий и ослабления позиций идеологов.

Таким образом, послесталинскому руководству, несмотря на риски, исходившие от реформ, которые расшатывали систему управления, ослабляя политический режим, в целом удалось путем политического контроля и привлечения старых сталинских кадров провести реформу гулаговской системы в регионе, интегрировать присоединенные территории. В краткие сроки была унифицирована система управления на Дальнем Востоке, способствовавшая обеспечению общей социально–политической стабильности. Но в

другой политической «повестке дня» после смерти Сталина, ставившей задачу обеспечить высокие темпы экономического развития, Дальний Восток середины 1950-х – начала 1960-х гг. оставался периферийным регионом, т.е. не формирующим региональную стратегию, но шедшим в её фарватере.

---

1 Министерство государственной безопасности. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 01.06.2013).
2 Люшилин Е.Л. Красный Олимп. Советско–партийное руководство Дальневосточного края в процессе социально–экономического развития региона: 1926–1938 гг. Хабаровск: Издат. дом «Арно», 2011. С. 47–196; Ващук А.С. Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 1. С. 21–28.
3 Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 240.
4 Государственная безопасность России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2003. С. 588, 598, 600 и др.; Советская милиция: история и современность. 1917–1987. М.: Юрид. литература, 1987. С. 187–188.
5 Мир после войны… С. 458.
6 Таблица составлена А.С. Ващук.
7 Кравчук С.А. Обеспечение безопасности морских пограничных пространств СССР на Тихом океане в послевоенный период (40–80-е гг. XX в.) // Вестник Военного университета. 2010. № 1. С. 71–73.
8 Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 451.
9 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо–Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ, 2002. С. 169; Широков А.И. Государственная политика на Северо–Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск: Изд–во Том. ун–та, 2009. С. 324–446; Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо–Востока России в 30–50-е гг. XX в. Магадан: «Кордис», 2004. С. 161.
10 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения… С. 172.
11 Там же. С. 177.
12 Никита Сергеевич Хрущев «О культе личности и его последствиях»: доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. Архивировано из первоисточника 19 мая 2012 г. URL: http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt_with–big–pictures.html (дата обращения: 01.06.2013).
13 Зеляк В.Г. Развитие золотодобычи в Магаданском совнархозе (1957–1962) // Россия и АТР. Владивосток, 2012. № 4. С. 50.
14 Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1946–1991). Томск. Изд–во Томского ун–та, 2004. С. 6.
15 Дятлов В.В. От наместничества до регионального командования // Военно–исторический журнал. 2008. № 2. С. 11.
16 Безик И.В. Приморье: Времена «оттепели». 1953–1964 гг. Кн. 1. Владивосток. Мор. гос. ун–т, 2007. С. 22.
17 Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Советская Армия… С. 17–20.
18 Лободюк Н. Остров Даманский. М.: Граница, 2009, С. 28–29.
19 ГАМО (Гос. арх. Магаданской области). Ф. П–21. Оп. 5. Д. 141. Л. 203–205.
20 РГАНИ (Российский гос. арх. новейшей истории). Ф. 6. Оп. 6. Д. 1212. Л. 2–6, 8–13, 18; Д. 1229. Л. 3–13, 31; Д. 1240. Л. 2, 4, 9, 11; Д. 1244. Л. 19, 26–27.

Е.В. БУЯНОВ

ПАРТИЙНО–ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОМЕНКЛАТУРА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953 г.: ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

В статье анализируется политическая обстановка в Амурской области в 1953 г. Отмечается, что отношение к Сталину в среде местной партийно–государственной номенклатуры было достаточно сдержанным и носило характер ритуального почитания. Сразу после смерти вождя публичные проявления культа личности были большей частью свернуты. Местной номенклатуре важно было знать, кто возглавит страну в ближайшее время. На основе архивных документов исследуется, как на региональном уровне отражалась борьба за власть, идущая в руководстве СССР. Сделан вывод, что за внешней сдержанной лояльностью местных элит уже давно вызревало недовольство политикой Сталина. Это обстоятельство помогло Хрущеву устранить противников, которые воспринимались как продолжатели сталинского культа.

Ключевые слова: культ личности Сталина, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, партийно–государственная номенклатура, региональная элита, борьба за власть в руководстве СССР.

Современная отечественная историография не богата на публикации о послевоенном времени. Последний всплеск интереса в научных кругах к указанному периоду приходится на вторую половину 1980-х гг. Тогда, в годы перестройки, внимание ученых и общества было сосредоточено на политических процессах в стране, репрессиях, выяснении природы сталинизма, поиске новой модели социализма. Попутно исследовалась роль партийно–государственной номенклатуры, причины и обстоятельства формирования командно–административной системы, характер изменений в правящей элите. Однако широкие хронологические рамки, охватывающие более 30 лет советской истории, специфический подход к изучению тех событий (политическая ангажированность, часто сопровождаемая эмоциональностью) не позволили уточнить некоторые важные и актуальные вопросы. В их числе можно указать реакцию региональной номенклатуры на смерть И.В. Сталина и последовавшие события в центре, главными из которых были арест Л.П. Берии 26 июня 1953 г., а также выдвижение Н.С. Хрущева на позиции первого лица в государстве в сентябре того же года.

На Дальнем Востоке в 1990-е гг. – начале XXI в. эту проблему изучали А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, Е.В. Буянов и др. Необходимость указанных

исследований не вызывает сомнений. Именно после политического кризиса 1953 г. сформировались тот политический курс и та система ценностей и ориентации элиты, которые закономерно привели к краху КПСС и распаду СССР. Это направление, впитавшее некоторые традиции западной демократии, заметно и сегодня.

Исчерпывающе отразить все изменения, произошедшие в московской и региональных элитах до и после Сталина, достаточно трудно. Сохранилось мало источников, характеризующих образ мыслей, менталитет, поведение, настроения партийного и государственного руководства в СССР на переломе эпох. Для достижения поставленной цели были проанализированы материалы пленумов Амурского обкома КПСС за 1953 г.

В начале 1950-х гг. система государственного управления в Амурской области была неотъемлемой частью и одновременно точной копией всего политико–административного механизма Советского Союза. Областная номенклатура поневоле усвоила стиль и манеру управленческой работы, сложившейся в те годы. Тогда руководители, специалисты среднего звена, а часто и рядовые исполнители засиживались на службе далеко за полночь. Такие порядки установились из–за того, что Сталин, как известно, работал во второй половине дня, прихватывая и ночные часы. На Дальнем Востоке из–за разницы во времени с Москвой приходилось сидеть в кабинетах чуть ли не до утра, только чтобы всегда быть под рукой у вышестоящего начальства.

В обыденной жизни проявления культа встречались повсеместно. В газете «Амурская правда» в каждом номере на первой странице публиковался большой фотографический портрет Сталина, на второй – бесчисленные рапорты «великому вождю» от трудовых коллективов и отдельных передовиков по случаю тех или иных побед и успехов, и только на третьей и четвертой полосах можно было прочитать о событиях внутренней и международной жизни. Имя Сталина постоянно упоминалось на всевозможных тожественных заседаниях, посвященных праздничным датам, и прочих собраниях. Для большинства амурчан, как и граждан всего СССР, смерть вождя стала величайшей трагедией. В Амурской области узнали о произошедшем из сообщений радио рано утром 6 марта 1953 г. На производстве и в учреждениях начались траурные митинги, были отменены занятия в учебных заведениях.

Однако в среде номенклатуры отношение к Сталину было достаточно сдержанным, даже нейтрально–суховатым. Оно носило характер скорее ритуально–дружеского почитания, не имевшего излишней аффектации. 3 февраля 1953 г. состоялся III пленум обкома КПСС с обычной повесткой дня: «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в Амурской областной партийной организации». С докладом выступил первый секретарь обкома партии А.И. Собенин: «Наши вожди Ленин и Сталин учат, что одним из условий полной победы коммунизма является мощный подъем культурного уровня и политического сознания всех советских людей, всех трудящихся»[1]. Далее он обратился к работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и процитировал фразу: «Необходимо… добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных

способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными всю жизнь в силу существующего разделения труда к одной какой–либо профессии»[2]. Докладчик подчеркнул, что решения XIX партийного съезда, труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» повысили интерес коммунистов, беспартийных, интеллигенции к изучению марксистско–ленинской теории. По материалам съезда, по работе тов. Сталина задается много вопросов. Слушатели спрашивают о деятельности коммунистических и рабочих партий, о неизбежности войн при империализме, просят подробно раскрыть сталинские положения об основных предварительных условиях перехода от социализма к коммунизму, задают вопросы о перспективах развития Амурской области. К концу доклада Собенин добавил, что работа лекторской группы обкома КПСС перестроена на чтение лекций по работе тов. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», материалам и решениям XIX съезда КПСС. Если не считать нескольких неконкретных отсылок к указаниям Сталина, еще двух–трех упоминаний вышеназванного труда и соответствующего заключения, то это, пожалуй, все, что прозвучало в докладе А.И. Собенина в связи с именем руководителя страны. Ситуацию можно объяснить обычной бюрократической рутиной, сложившейся при жизни Сталина, многолетней трафаретной практикой проведения подобных партийных мероприятий.

Имеется протокол IV пленума Амурского обкома КПСС, состоявшегося 17 марта 1953 г., с плановой повесткой дня «Задачи областной партийной организации в подготовке и проведении весеннего сева и улучшения массово–политической работы на селе»[3]. Удивительно, но в сохранившемся документе не содержится никаких упоминаний о смерти Сталина или о событиях, связанных с ней, не отражается отношение к произошедшему ни руководства, ни населения области. Складывается впечатление, что о кончине вождя в Приамурье никто не слышал. Конечно, это не так.

Ровное течение пленума можно объяснить только поступившим сверху строгим указанием свернуть всю пропагандистскую шумиху вокруг личности вождя. Местные руководители понимали: наверху началась борьба за власть. Сталин воспринимался уже как перевернутая страница истории. Гораздо важнее было понять, кто теперь возглавит страну. Этим можно объяснить эпизод, имевший место на V пленуме обкома КПСС 26 мая 1953 г. с повесткой дня «О состоянии и мерах партийно–организационной работы в областной партийной организации»[4]. Естественно, на пленуме отсутствовало даже минимальное славословие в адрес Сталина. Вызывает интерес одна часть доклада Собенина, в которой он критикует партийную организацию товарищества художников Благовещенска. Первый секретарь обкома заявил, что учеба коммунистов организована неудовлетворительно. Занятия в кружке первого года обучения проходят нерегулярно, допускаются частые срывы. До сих пор не закончено изучение доклада тов. Маленкова на XIX съезде партии[5]. Подобное высказывание можно объяснить только тем, что тогда Г.М. Маленков, занявший должность Председателя СМ СССР, казался самой предпочтительной фигурой на роль первого лица государства и многими уже воспринимался именно так.

Вскоре новые события уточнили расстановку сил в партийном аппарате. В конце июня 1953 г. был отстранен от всех руководящих постов Л.П. Берия. 13–14 июля 1953 г. состоялся VI пленум Амурского обкома КПСС с повесткой дня «Об итогах пленума ЦК КПСС от 2–7 июля 1953 г.»[6]. Выступивший с докладом А.И. Собенин сообщил присутствовавшим, что пленум ЦК рассмотрел вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», и попытался объяснить происходящее. Он заявил: пленум с большим вниманием заслушал доклад Маленкова по главному вопросу. Выступили Хрущев, Молотов, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов, которые «…рассказали членам ЦК о враждебной работе Берия, о том, как Президиум ЦК КПСС за короткий период времени, прошедший после смерти И.В. Сталина, шаг за шагом разоблачал этого предателя и, наконец, окончательно сорвал с него маску. Президиум ЦК партии до конца разоблачил этого врага партии и народа, принял решительные меры к его обезвреживанию и созвал пленум ЦК для решения этого вопроса. Каким образом этот человек, чуждый партии и народу, обманным путем пролезший в партию, оказался в руководстве партии и начал творить свои гнусные, коварные и заговорщические дела? Это объясняется тем, что Берия тщательно маскировался, действовал исподтишка, тайно, подбирал угодных себе помощников. Разоблачить его было очень трудно. После смерти И.В. Сталина он стал наглеть, торопиться, и тогда членам Президиума ЦК удалось сорвать с него маску, накопив достаточно фактов и данных, при помощи которых враг был приперт к стенке»[7]. Но какие именно были «факты и данные», Собенин не уточнил. Скорее всего, и на пленуме ЦК об этом не говорилось. Единственное конкретное обвинение касалось морального поведения Берии, который вел развратную и разгульную жизнь, вступал в связи со случайными женщинами, периодически лечился от венерических заболеваний[8].

Выступавшие в прениях члены Амурского обкома КПСС клеймили нового «врага народа» однотипными фразами из официальных источников и никак не комментировали обстановку на местах. Только первый секретарь Шимановского райкома КПСС В.Д. Куликов сказал: «С глубоким возмущением трудящиеся Шимановского района встретили сообщение ЦК КПСС о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия. В этот день, когда трудящиеся узнали о вредительских действиях Берия, были непрерывные звонки коммунистов района в райком партии, которые в своих разговорах выражали возмущение. Они просили дать совет, что делать, какую работу в связи с этим проводить, какие выводы делать?»[9]. Надо полагать, что подобное происходило в других районах и городах области.

Некоторые члены обкома пытались как и в былые времена произнести привычные фразы в честь И.В. Сталина. Так, председатель Амурского облсовпрофа М.А. Нестерюк написал в тексте своего выступления: «XIX съезд КПСС подвел итоги всемирно–исторических побед нашего народа, руководствуясь указаниями тов. Сталина, изложенными в его гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», наметил величественную программу борьбы за победу коммунизма»[10]. В черновике выступления эта фраза перечеркнута, она отсутствует и в окончательном тексте протокола пленума обкома[11].

О завершении борьбы за власть в СССР свидетельствуют итоги сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. О них амурским коммунистам рассказал А.И. Собенин на пленуме обкома КПСС, состоявшемся 2 октября 1953 г. Он сообщил, что очередной пленум ЦК проходил с участием всех первых секретарей обкомов КПСС. Пленум обсудил и принял решение по докладу секретаря ЦК Н.С. Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», а также по предложению Президиума ЦК, внесенного Маленковым, избрал Хрущева первым секретарем ЦК КПСС. Пленум единодушно с большим удовлетворением встретил и обсудил доклад Хрущева как программу дальнейшего развития СССР[12].

Таким образом, на примере Амурской области можно сделать вывод, что на уровне региональных элит уже давно бытовало известное несогласие с политикой Сталина. За внешней, впрочем, сдержанной лояльностью скрывалось недовольство руководством страны. Это обстоятельство значительно помогло Хрущеву устранить его противников, которые ассоциировались с продолжением сталинского курса.

---

1 Гос. арх. Амурской области (ГААО). Ф. П–1. Оп. 15. Д. 1. Л. 4.
2 Цит. по: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 68–69.
3 ГААО. Ф. П–1. Оп. 15. Д. 4. Л. 1.
4 Там же. Д. 6. Л. 1.
5 Там же. Л. 4, 13.
6 Там же. Д. 10. Л. 1.
7 Там же. Л. 3, 4, 5.
8 Там же. Л. 5.
9 Там же. Д. 9. Л. 20–21.
10 Там же. Д. 10. Л. 49.
11 Там же. Д. 9. Л. 25–29.
12 Там же. Д. 11. Л. 1, 6.

С.А. ВЛАСОВ

РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СТАЛИНСКУЮ И ПОСЛЕСТАЛИНСКУЮ ЭПОХИ

Автором исследованы жилищная политика и решение жилищной проблемы в СССР в годы правления Сталина и последующую эпоху. Выявлено, что в этот период жилищная политика дифференцировалась по отношению к различным социально–профессиональным группам советского общества, и жилье предоставлялось в первую очередь партийно-хозяйственным руководителям, отдельным представителям инженерно–технической интеллигенции и рабочего класса. С конца 1950-х гг. был взят курс на массовое жилищное строительство. Государство обязалось обеспечить жильем каждую советскую семью независимо от её социального положения и профессиональной принадлежности её членов.

Ключевые слова: жилищная политика, жилищное строительство, жилищная проблема, ведомственное и муниципальное жильё, крупнопанельное домостроение.

Жилищная политика является частью социальной и осуществляется государством с целью обеспечить граждан жильем как путем прямого участия в строительстве или субсидирований, так и с помощью создания эффективных механизмов, способствующих самостоятельному решению гражданами жилищной проблемы. В годы советской власти государственная жилищная политика была частью общеполитического курса руководства страны по строительству социалистического и коммунистического общества в СССР.

В 1920-е гг. проблема решалась путем перераспределения уже существующего фонда, жилищное строительство велось в ограниченных объемах, в основном это были небольшие индивидуальные постройки, рассчитанные на одну семью. Жилищная политика в те годы, помимо остро выраженной проблемы дефицита жилья, определялась рядом других, в т. ч. идеологических факторов. Изначально советская власть декларировала: «Задача РКП(б) состоит в том, чтобы, не задевая интересы некапиталистических домовладельцев, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс»[1]. В конце 1920-х гг. этот идеологический постулат принял силу закона. В начале 1928 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике», которое предписывало предоставить промышленным и транспортным предприятиям «право полного освобождения в административном порядке жилых помещений, находящихся на территории

предприятий, от лиц, не работающих на данном предприятии»[2]. Это постановление положило начало формированию сталинской жилищной политики: жилье предоставлялось лишь тем, кто работал на государственных предприятиях и в учреждениях. Лица, не занятые в народном хозяйстве, жильем не обеспечивались.

С начала 1930-х гг., когда на Дальнем Востоке шла индустриализация, государство было вынуждено приступить к жилищному строительству, поскольку создаваемые промышленные предприятия нуждались в кадрах. Значительная часть жилья строилась как временная (в виде бараков без коммунальных удобств), из–за нехватки финансовых и материально–технических ресурсов. Так, во Владивостоке в 1934 г. было построено 40 тыс. кв. м жилой площади, из них более половины (28 тыс. кв. м) – барачного типа[3].

Одновременно в крупных городах Дальнего Востока развернулось строительство многоквартирных домов с коммунальными удобствами, предназначенных для партийно-хозяйственных руководителей, квалифицированных инженерно–технических кадров, передовиков производства, – всех тех, кого можно было причислить к советской элите того времени. Подобное жилье называли домами для специалистов. Так как строили их крайне мало, возведение и сдача в эксплуатацию каждого такого дома становились событием для города. Часть квартир в многоэтажных домах строилась как коммунальные и заселялась рядовыми трудящимися из расчета одна комната на семью. Для обычных людей получить такое жилье считалось большой удачей, поскольку оно оборудовалось водопроводом, канализацией, имело центральное отопление, т.е. все коммунальные удобства.

Для большинства граждан основным средством решения жилищной проблемы было т.н. индивидуальное строительство, когда для одной семьи рабочего или служащего строился небольшой домик без коммунальных удобств. Это осуществлялось при прямом государственном участии: застройщик получал государственный кредит, а предприятие, где он работал, помогало ему в получении стройматериалов и их доставке. К тому же земельные участки под строительство выделялись не отдельным лицам, а производственным коллективам, которые распределяли их, исходя из того, как трудился рабочий или служащий. Так, во Владивостоке работникам Дальзавода выделили район, расположенный в восточной части города, где только за 1937 г. было возведено 74 индивидуальных дома[4].

Индивидуальное строительство являлось продолжением государственной жилищной политики, предусматривавшей обеспечение жильём в первую очередь рабочих и служащих «нужных» СССР отраслей экономики. Работники образования, культуры, торговли и других «второстепенных» сфер народного хозяйства оказались вне этого процесса.

В 1930-е гг. рост населения в городах Дальнего Востока заметно опережал темпы строительства, в результате чего жилищная проблема не только не получила решения, но и приобрела устойчивый характер одной из самых острых социальных проблем.

В первое послевоенное десятилетие жилищная политика не изменилась, основной ее принцип – экономическая целесообразность. Прежде всего нужно было обеспечить жильем рабочих и служащих ведущих отраслей

промышленности и транспорта, а кроме того, – переселенцев, прибывавших на Дальний Восток. Подобная политика была вызвана сложившимися объективными обстоятельствами: необходимостью в первую очередь восстановить западные районы страны, пострадавшие от немецкой оккупации и боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Впоследствии значительная часть ресурсов шла на укрепление обороноспособности СССР: набиравшая ход холодная война заставляла уделять больше внимания отраслям, работавшим на военно–промышленный комплекс. Всё это сказывалось на жилищной политике, которая в иерархии государственных приоритетов не стала первостепенной.

Жилищное строительство, как и в предвоенные годы, находилось в компетенции министерств и ведомств, заинтересованных в обеспечении своих предприятий рабочей силой. Именно они, располагая материально–техническими и финансовыми ресурсами и нуждаясь в кадрах, занимались возведением жилья для работников. С помощью ведомственного жилого фонда на предприятиях не только формировались кадры, но и решалась не менее важная задача по их закреплению. Кроме того, хорошо работавших могли поощрить, предоставив более просторное и комфортное жильё, нерадивым же могли пригрозить увольнением, в этом случае они теряли ведомственную жилплощадь. Хотя в действительности к подобной практике прибегали редко, упоминание о ней использовалось как средство психологического воздействия, было эффективным инструментом давления.

Как правило, ведомственные дома возводились недалеко от предприятий компактными жилыми массивами, тем самым в определенных районах города создавались своеобразные ведомственные городки. Так застраивался Комсомольск–на–Амуре. Рядом с металлургическим заводом «Амурсталь» сформировался целый микрорайон, который в обиходе так и называли – «Амурсталь». Для рабочих и служащих другого крупного промышленного предприятия города – авиационного завода – жилье возводили в пос. Дземги, а судостроительный завод осуществлял строительство в основном в центральной части города, где и располагалось предприятие.

В Амурской области одним из городов, где активно велось жилищное строительство, стал Райчихинск – центр угледобычи Дальнего Востока. В 1951–1952 гг. в области было сдано в эксплуатацию 115 тыс. кв. м жилья, а в Райчихинске – 46,2 тыс., т.е. на этот город приходилось почти 40% всего жилищного строительства Амурской области[5]. В Сахалинской области такое строительство велось в г. Охе – центре нефтедобычи Дальнего Востока. Если в 1940 г. жилой фонд Охи насчитывал 75 тыс. кв. м, то к 1957 г. он увеличился до 180 тыс., т.е. более, чем вдвое[6].

Еще одним городом, где, исходя из государственных приоритетов, активно велось жилищное строительство, стал порт Находка. 30 августа 1949 г. СМ РСФСР утвердил проект планировки и застройки рабочего поселка Находка, который в 1950 г. указом ПВС СССР был преобразован в город. Застройка велась силами двух министерств – морского флота и рыбной промышленности СССР. Именно при их непосредственном участии в Находке за пятую пятилетку (1951–1955 гг.) наряду с объектами промышленного, культурно–бытового и социального назначения было построено более 200 тыс. кв. м жилой площади[7].

Помимо ведомств жилищное строительство на Дальнем Востоке осуществлялось местными Советами. Но они не располагали надлежащими материально–техническими и финансовыми возможностями, поэтому в общем объеме вводимого в эксплуатацию государственного жилья примерно 60% приходилось на ведомственное и 40% – на муниципальное.

Поскольку государство не могло обеспечить жильём всех желающих, одним из средств решения проблемы стало индивидуальное строительство. В августе 1946 г. вышло Постановление СМ СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих, инженерно–технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»[8]. Согласно постановлению, гражданам предоставлялась возможность своими силами построить небольшой дом, рассчитанный на одну семью (35–45 кв. м). Для этого желающие могли получить денежную ссуду с рассрочкой на несколько лет. На строительство деревянного рубленого двухкомнатного или трехкомнатного дома кредит предоставлялся в размере 8 и 10 тыс. руб. соответственно сроком на 10 лет под 1% в год, каменного (шлакоблочного) – 10 и 12 тыс. руб. на 12 лет под такой же процент.

Подобное строительство активно велось в Приморском крае, где в 1946–1950 гг. индивидуальные застройщики возведели дома общей площадью 597,5 тыс., а в 1951–1955 гг. – 882,4 тыс. кв. м[9]. В сельской местности индивидуальное строительство не получило развития. Дальневосточное крестьянство было слишком бедным, чтобы взять кредит и суметь погасить его в отведенные сроки. К тому же сельские индивидуальные застройщики сталкивались с теми же проблемами, что и горожане: поисками стройматериалов, автотранспорта, специалистов по строительным работам. В первое послевоенное десятилетие сельские жители за свой счет и с помощью государственного кредита строили жилья примерно в 3–4 раза меньше, чем горожане. В селах дома в основном возводились для переселенцев, прибывавших на Дальний Восток из других районов страны.

Годы сталинизма пришлись на то время, когда страна решала сложные задачи восстановительного и мобилизационного характера. В этих экстремальных условиях все ресурсы общества направлялись на восстановление народного хозяйства после Гражданской и Великой Отечественной войн, создание тяжелой промышленности в годы индустриализации. Жилищная политика была подчинена решению этих первостепенных общественных проблем. Она изменилась в хрущевский период, когда начались преобразования в технологии строительного производства. В середине 1950-х гг. выходит ряд правительственных постановлений, касавшихся индустриализации строительства, внедрения новых технологий (железобетонных конструкций), отказа от излишеств. Архитекторов и строителей обязывают сосредоточиться на разработке и создании массовых и экономичных типов жилых зданий, рассчитанных на индустриальные методы строительства. Прекращается сооружение помпезных дорогостоящих жилых домов, характерных для сталинской эпохи.

После того как 31 июля 1957 г. вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»[10], политика в этой сфере становится отдельным самостоятельным направлением в государственной социальной политике, а не приложением к решению других проблем, как это было раньше. Жилищная политика бесповоротно изменилась: ори-

ентированная прежде на ведомственные интересы, обслуживание партийно-хозяйственной и технической элиты, она стала учитывать нужды всех советских людей.

Начинается этап массового строительства, возводятся жилые дома с квартирами, рассчитанными для заселения одной семьи, что для того времени значительно улучшало жилищные условия граждан. Ликвидируется практика покомнатного или, как его называли, «коммунального» заселения квартир, которая имела место в сталинскую эпоху. Предоставление каждой семье отдельной благоустроенной квартиры является генеральной линией в государственной жилищной политике. Переход от общей коммунальной квартиры для нескольких семей к отдельным квартирам для одной семьи знаменовал собой принципиально новый этап в решении жилищной проблемы в СССР.

В массовое строительство стали внедряться типовые проекты жилых домов с т.н. экономичными малометражными квартирами. Основная идея заключалась в том, чтобы при наиболее экономичном решении жилья создать максимум эксплуатационных удобств.

Составной частью перемен в государственной жилищной политике стало создание при гор–, обл– и крайисполкомах отделов капитального строительства (ОКС) и управлений капитального строительства (УКС), на которые возлагались функции руководства и технического надзора жилищного и культурно–бытового строительства. Помимо этого ОКСы и УКСы выступали в качестве заказчиков, что внесло определенный порядок в городское строительство, позволило сконцентрировать в одних руках денежные и материальные средства. Все эти перемены означали, что государственная жилищная политика изменилась. Вместо существовавшего ранее приоритета ведомственного жилищного строительства упор был сделан на муниципальное, хотя полностью от ведомственного не отказались.

Переход к массовому строительству потребовал реорганизации и модернизации строительного производства, внедрения новых технологий, ускоряющих возведение жилья. Исходя из государственной политики быстрейшего решения жилищной проблемы, в начале 1960-х гг. строители стали внедрять крупнопанельное домостроение. Его неоспоримым преимуществом являлось значительное сокращение сроков возведения (в 1,5–2 раза по сравнению с домами из кирпича). Кроме того, значительно снижалась стоимость, что позволяло на отпущенные средства построить больше жилья.

Возведением крупнопанельных домов занимались домостроительные комбинаты (ДСК). Они включали в себя заводы железобетонных конструкций, строительные тресты, автотранспортные предприятия. ДСК реализовывали полный цикл строительно–монтажных работ: изготавливали панели, поставляли их на стройплощадки, вели монтаж конструкций, осуществляли отделочные работы и сдавали готовые к заселению дома заказчикам.

Одним из первых в январе 1963 г. ДСК появился во Владивостоке. В 1964 г. заработал ДСК в Хабаровском крае, в 1965–1967 гг. – в Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях. В 1970-е гг. крупнопанельное домостроение заняло ведущие позиции в жилищном строительстве на Дальнем Востоке, более половины всего сдаваемого в эксплуатацию жилья возводилось из крупных панелей.

Благодаря крупнопанельному домостроению был осуществлен технологический прорыв в решении жилищной проблемы: сотни тысяч дальневосточников улучшили свои жилищные условия, получив благоустроенные квартиры. Поэтому при всех издержках крупнопанельного домостроения (невысокое качество, однообразность застройки) приоритетность его развития себя оправдала.

Важной частью государственной жилищной политики в 1960–1980-е гг. стало сельское строительство. Политика массового строительства домов не ограничилась городами, а распространилась и на село, что было вызвано рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что в новой Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии в октябре 1961 г., ставилась задача ликвидировать социально–бытовые различия между городом и деревней. В перспективе села и деревни собирались преобразовать в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями[11]. Государственно–партийная бюрократия пошла на осознанное перераспределение национального дохода в пользу сельского населения, чего не делалось в сталинскую эпоху.

Благодаря государственной жилищной политике, реализовывавшейся с конца 1950-х гг., большинство дальневосточников улучшили свои жилищные условия, поменяли «коммуналки» и комнаты в бараках на благоустроенное жилье. Вместе с тем полностью решить проблему не удалось. Строили много, но еще быстрее увеличивалось городское население, росли запросы людей относительно качества жилья, подрастало новое поколение, обзаводившееся семьями и желавшее жить отдельно от родителей. Государство, приняв обязательства по обеспечению всех граждан жильем, столкнулось с проблемами невозможности единовременно и повсеместно реализовать право людей на качественное жилье. По мере выполнения грандиозной строительной программы, начавшейся в хрущевское десятилетие, накапливались обиды и недовольство со стороны тех, кто не получил жилья в первую очередь. Образовался эффект опережающего роста потребностей по отношению к средствам их удовлетворения. Разрыв между достигнутой обеспеченностью жильем и уровнем притязаний не только не уменьшился, но и значительно возрос. Это особенно ярко проявилось в брежневское время, когда к упомянутым обидам и недовольству добавились злоупотребления и нарушения при распределении жилья.

Эти обстоятельства заставили новое руководство страны во главе с М.С. Горбачевым усилить внимание к жилищным проблемам. С 1986 г. начала реализовываться программа «Жилье 2000», целью которой было обеспечить к 2000 г. каждую советскую семью благоустроенной квартирой или отдельным домом. Помимо государственного жилищного строительства, которое оставалось главным в решении жилищной проблемы, предусматривались и другие меры: строительство хозяйственным способом, т.е. силами промышленных предприятий, значительное увеличение индивидуального строительства силами молодежи в рамках движения молодежных жилых комплексов (МЖК).

Благодаря перечисленным мерам в годы перестройки на Дальнем Востоке удалось заметно повысить объемы жилищного строительства. В 1989 г. был установлен своеобразный «рекорд»: в эксплуатацию сдали 3,72 млн кв. м жилой площади[12]. Никогда ранее и позже на Дальнем Востоке так много

не строили. Для сравнения укажем, что в послесоветские годы максимально высокого показателя достигли в 2011 г. – 1,62 млн кв. м[13].

Таким образом, государственная жилищная политика и решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи имели кардинальные различия. Характеризуя жилищную политику в годы правления И.В. Сталина, следует отметить, что она была дифференцирована по отношению к различным социально–профессиональным группам советского общества и не ставила своей целью решить жилищную проблему, а была подчинена выполнению других более важных задач. Государство предоставляло благоустроенное жилье в первую очередь отдельным профессиональным категориям дальневосточников – партийно-хозяйственным руководителям, отдельным представителям инженерно–технической интеллигенции и рабочих. Рядовые трудящиеся могли либо рассчитывать на комнату в коммуналке или бараке, либо путем индивидуального строительства обзавестись небольшим домом. С конца 1950-х гг. в этой сфере произошла своеобразная «революция» – взят курс на массовое строительство, решение жилищной проблемы стало одним из приоритетных направлений социальной политики. Государство обязалось обеспечить жильем каждую советскую семью независимо от её социального положения и профессиональной принадлежности. Жилищную политику, которая осуществлялась до 1992 г., можно охарактеризовать как всенародную. Именно за годы массового жилищного строительства большинство дальневосточников смогли получить благоустроенное жилье, которое служит многим из них и в настоящее время.

---

1 Цит. по: Орлов И.Б. Советская повседневность: Исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун–та Высшей школы экономики, 2010. С. 117.
2 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 702.
3 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 85. Оп. 1. Д. 114–а. Л. 23.
4 Красное знамя. Владивосток. 1937. 15 дек.
5 ГААО (Гос. арх. Амурской области). Ф. 114. Оп. 2. Д. 2. Л. 143.
6 Советский Сахалин. Южно–Сахалинск, 1957. 12 сент.
7 ГАПК. Ф. 26. Оп. 31. Д. 109. Л. 70.
8 Решения партии и правительства… Т. 3. М.: Политиздат, 1968. С. 332–334.
9 Народное хозяйство Приморского края за 1966–1970 годы: стат. сб. Владивосток: Стат. управление Прим. края, 1972. С. 281.
10 Решения партии и правительства… Т. 4. М.: Политиздат, 1968. С. 359.
11 XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 г.: стенограф. отчет. Т. 3. М.: Политиздат, 1962. С. 291.
12 См.: Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 176.
13 Дальний Восток России (положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО). 2012 г.: стат. сб. Владивосток: Приморскстат, 2012. С. 62.

Е.В. ВАСИЛЬЕВА

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1980-е гг.

Страх является наиболее сильной эмоциональной мотивацией социального поведения для всех без исключения социальных групп. Автор исследует, как научные работники Дальнего Востока советского периода, подвергаясь различного рода социальным страхам, в зависимости от их характера корректировали свое профессиональное поведение.

Ключевые слова: социальные страхи, научная политика, научные работники, исследовательская деятельность, репрессии, фундаментальная наука, прикладная наука.

Обращение к изучению эмоциональной мотивации действия – это ответ социологов и историков на «эмоциональный поворот», в последние десятилетия затронувший философию и социогуманитарные науки[1]. Среди эмоций, оказавшихся в кругу исследований, доминирующее положение занял страх в качестве наиболее сильной мотивации, способной как вызывать социальное действие, так и сковывать его[2].

Социальные страхи – это страхи (индивидуальные, групповые или массовые), порождаемые социальной реальностью как процессом и результатом взаимодействия индивидов. В их основе лежит осознание угрозы жизни человека, его благополучию, его ценностям и пр. Многообразие форм таких страхов обусловлено многообразием самой социальной реальности. Если говорить о советском периоде отечественной истории, то наибольший интерес вызывают страхи, возникавшие под воздействием социально–экономических и политико–идеологических факторов: страх понижения профессионального статуса вплоть до потери работы и страх войны[3]. Это, безусловно, страхи универсальные, сопровождавшие каждого индивида на протяжении всей жизни[4]. Универсальность сообщает различным социальным группам многообразие форм переживания страха и определяет способы его репрезентации на поведенческом уровне.

Применительно к 1920–1980–м гг. отечественной истории можно говорить о локальных страхах. О страхе возможного ареста (собственного и близких), следствия и лагерей, который был особенно значимым в СССР в 1930–1940-е гг. Анализируя эмоциональное состояние населения страны в 1930-е гг., А. Пятигорский добавляет страх голода, который тогда переживало крестьянство, и страх туберкулеза, которому были подвержены городские жители центра[5].

Социальная группа научных работников представляет особый интерес, поскольку профессия ученого, детерминированная организованным скептицизмом, одним из важнейших компонентов научного этоса, исключает возможность некритического восприятия окружающего[6]. В свою очередь, позиция «знающего»[7] должна позволить как преодолеть страх, так и противостоять ему на поведенческом уровне если не всем, то определенной части ученых.

Советизация Дальнего Востока, по отношению к центру прошедшая с опозданием на пять лет, застала научных работников, представленных тогда главным образом преподавателями Дальневосточного университета, в состоянии эмоциональной нестабильности при доминировании чувства страха, зародившегося в годы Гражданской войны и интервенции. Тогда это был страх перед будущим. Он не зависел от политических ориентаций, достаточно неопределенных у большинства, но был четко осознаваемым, способствовал активизации профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует достаточное число публикаций периода Гражданской войны, а также проведение Первого съезда по изучению Уссурийского края в апреле 1922 г.[8] Одновременно страх порождал такую форму массового поведения, как слухи.

Дальнейшее было детерминировано поведением новой власти. Она, как показалось, на местах по отношению к ученым проявляла бóльшую лояльность, чем в центре. Это вызвало некоторую волну эмиграции и возвратной миграции, а оставшимся дало повод для сотрудничества, в декабре 1922 г. даже подвигнув группу ученых просить об освобождении из–под ареста ихтиолога П.В. Оленина. Но на ходатайство последовал отказ сначала со стороны ОГПУ, а затем Дальревкома[9]. Так что против носившего явно политический характер увольнения ряда преподавателей ГДУ в 1923 г. уже никто не возражал, а в 1924 г. обоснование необходимости открыть Морскую биологическую станцию обошлось без имени Оленина[10].

Первые политические страхи сопровождались неуверенностью в собственном профессиональном будущем в связи с проводившимися «чистками» профессорского состава. Тем не менее они не оказали парализующего волю влияния и заставили ученых действовать избирательно. Чтобы не лишиться работы, в первой половине 1920-х гг. они меняли содержание читаемых курсов и тематику исследований. А во второй половине, не выступая в защиту осужденных, тем самым даже удивив власти, защищали права оставшихся, добившись, например, в 1927 г. отмены решения о поражении в избирательных правах девяти коллег[11].

Небольшие удачи вызывали новые формы политического участия протестного характера: у профессуры ГДУ – отказ положительно аттестовать абитуриентов–выдвиженцев, без чего рабочие–коммунисты не могли быть зачислены в студенты; в одном из крупнейших отраслевых институтов – Тихоокеанском институте рыбного хозяйства – критику научной молодежью политики государства, в т.ч. в сфере науки. Достаточно частыми были письма властям, где научные работники выражали недовольство своей невостребованностью[12]. На профессиональном уровне профессура ГДУ, по–прежнему составлявшая основную часть научных кадров ДВК, противодействовала идеологизации сферы знания и предостерегала против нее студентов. Уче-

ные отраслевой науки в ДВК игнорировали идеологический прессинг. В то же время научных работников не оставляла такая форма массового поведения, как слухи.

Ужесточение политического режима, обернувшись для интеллигенции «Шахтинским делом», предшествовавшим году «Великого перелома», возобновило утихшие, казалось бы, страхи, вызвав прежние формы поведения (возвратную миграцию и эмиграцию под предлогом научных командировок, распространение слухов) и породив новые. Так, в спорах о предоставлении автономии Исследовательскому институту, входившему в структуру ГДУ, в ноябре 1928 г. проф. Б.П. Пентегов заявил: «Чтобы не быть привязанными к такому делу, как Шахтинское, нам нужно отойти от Института и проявить максимум активности самим»[13]. И действительно, Институт покинули несколько научных работников.

Политические страхи рубежа 1920–1930-х гг. оказались небезосновательными, поскольку вскоре последовали аресты в кругу работников отраслевой науки (в Дальплане, Дальгеолкоме, ТИРХе, Амурской опытной сельхозстанции), а за ними – «чистки» оставшихся. В ГДУ усилились преследования преподавателей за отказ следовать марксизму.

Репрессивные действия властей начала 1930-х гг. поддерживали чувство страха у старой научной интеллигенции и порождали его у части научной молодежи. Беспартийное большинство это приводило к апатии, парализующей любой вид деятельности. Замедлялись сроки выполнения научных работ, тематика которых постоянно корректировалась, прекратились письма властям и обсуждение политических проблем даже в узком кругу, протестные формы обрели латентный характер, выражаясь лишь в распространении политических анекдотов. Но и те стали активно пресекаться, например, в 1935 г. ТИРХ повел борьбу «с распространением антисоветских анекдотов и стихов, которые имеют место среди сотрудников»[14]. Все активнее (вплоть до увольнения) преследовались те, кто не разделял марксистской идеологии. Тогда же появилась новая форма поведения, в т.ч. вызванная и страхом за собственное благополучие, – доносы в ОГПУ/НКВД[15]. Словом, постепенно научные работники возлагали на себя репрессивные функции.

Доносы не носили массового характера, но влекли аресты 1933–1934 гг., дополняя те, что проводились в плановом порядке репрессивными органами и порождали новую волну страхов. Тем знаменательнее были попытки ряда преподавателей–коммунистов высшей школы ДВК противостоять установлению диктата, однако все они заканчивались арестами[16].

Массовые репрессии второй половины 1930-х гг. в большей мере, чем в их начале, детерминировали поведение в профессиональной сфере. Это отличало арестованных ученых (их по Дальнему Востоку было более ста) и привлеченных к расследованию в качестве свидетелей и сводилось у большинства к признанию контрреволюционного характера исследовательской деятельности. Если арестованными руководил страх за жизнь близких (1933–1934) и собственную (1936–1938), то частью привлеченных к расследованию – страх обвинения в «пособничестве врагам народа» и преклонении перед «чистой наукой», поскольку за ними шло увольнение, а следом – арест[17].

Судя по утвердившейся поведенческой модели, такой страх во второй половине 1930-х гг. был знаком большинству научных работников Дальнего Востока, если не всем. Их исследования последовательно утрачивали связь с фундаментальными проблемами, обретая прикладную направленность даже в академическом секторе науки[18]. Прикладная наука, представленная в основном специалистами в области агробиологии, осознав безуспешность противостояния зарождавшемуся лысенкоизму, «примеривала» это новое учение[19]. Вузовская наука накануне войны практически перестала существовать, поскольку преподавательский состав, отвечая требованиям власти, ориентировался на учебный процесс[20]. Слухи перестали быть характерной чертой массового поведения: научные работники боялись обмениваться мнениями.

Единственное, что сообщало некоторое спокойствие – это профессиональная востребованность при катастрофическом дефиците научных кадров. Но за стихшей к 1939 г. волной репрессий и обскурантизма, снизившей политические страхи, последовало закрытие двух крупнейших научных учреждений – Дальневосточного филиала АН СССР и ДВГУ. Об эмоциональном состоянии их работников можно судить по письму акад. К.Л. Комарову от 1 июня 1939 г. одного из ведущих сотрудников филиала А.А. Емельянова: «Над нашим ДВФАН сгустились тучи… В Филиале царит полное смятение, непонимание того, что делается, совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полусловами, намеками, что–то скрывает, избегает встречаться с сотрудниками… Все это создало крайне напряженное и тяжелое состояние у сотрудников всего Филиала»[21].

Безусловно, речь шла о страхе. Страхе перед очередной сменой тематики исследований – профессиональном страхе; страхе перед безусловной сменой места работы и возможностью ее утраты, то есть страхе перед будущим. Накануне войны он стал знаком многим ученым Дальнего Востока, ибо почти над каждым научным учреждением, порождая слухи различного рода, нависала угроза если не ликвидации, то сокращения его кадрового состава.

С началом Великой Отечественной войны эмоциональное напряжение, которое научные работники Дальнего Востока, безусловно, разделяли со всей страной, усилилось. Но, как показывают документы, в научной среде, в отличие от других социальных групп, не возникало ни паники, ни иных форм коллективного поведения[22]. Изменилось направление исследовательской деятельности, подчиненное задачам фронта и обороны.

Обскурантизм, обрушившийся на отечественную науку вскоре после окончания войны, вновь возобновил чувство страха у значительной части ученых. Однако начавшийся с «философских дискуссий» 1947 г., продолжившийся Августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г., Павловской 1950 г. и закончившийся пересмотром экономической теории 1952 г., как угроза дальневосточными учеными он был осознан далеко не сразу. Территориальная отдаленность, достаточная слабость местного партийного аппарата, «вопиющая политическая безграмотность» самих научных работников, не раз отмечаемая в 1940-е гг. местным партийным руководством[23], явились факторами, замедлившими эмоциональную реакцию на происходящее. Несмотря на начавшуюся борьбу с космополитизмом, научные ра-

ботники в публикациях и на лекциях в 1947–1949 гг. продолжали ссылаться на зарубежных авторов, сотрудники ДВФАН в феврале 1948 г., в разгар утверждения в науке лысенкоизма, подвергли учение акад. Т.Д. Лысенко резкой критике[24]. Но уже осенью, после сессии ВАСХНИЛ, резко изменили риторику рассуждений, опасаясь обвинения в «вейсманизме–морганизме», публично признавались в своих ошибках. Это касалось ученых не только филиала, но и отраслевых научных учреждений Дальнего Востока[25]. За измененной риторикой, получившей название «приделывать мичуринские хвосты»[26], последовало изменение поведения.

Ученые вновь прекратили обсуждение политических проблем и критику положения отечественной науки, допускавшуюся или в кругу коллег, как в 1930-е гг., или с партийной трибуны, как в середине 1940-х[27]. В ряде вузов они поддержали практику преследования коллег еврейской национальности, в отраслевой и академической среде – борьбу с «идеологически не выдержанными теориями». Иными словами, вновь стали выполнять контролирующую функцию вместе с репрессивными органами или заменять их, как в 1930-е гг.

На профессиональном уровне научные работники всех секторов науки Дальнего Востока в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. уходили в мелкотемье, меняли методику проведения исследований, из списка цитируемой литературы в публикациях, резко сократившихся в те годы, и на лекциях исключали имена зарубежных авторов.

Лишь некоторые, как, в частности, В.Г. Рейфман в ДВФАН, пытаясь донести результаты исследований до коллег, не прибегали к идеологически ангажированной (приделыванию упомянутых «мичуринских хвостов») терминологии, но и избегали «опальной». Это оставляло их работу на уровне описания, лишая теоретической высоты[28]. В научную картину они включали вненаучные элементы повседневного сознания и жизненного мира, приближая ее к неклассическому идеалу рациональности.

Со смертью И.В. Сталина, которую в науке на Дальнем Востоке восприняли в растерянности, внутриполитическая обстановка в стране изменилась. Если не исчезла, то ослабла угроза политических преследований со стороны властей. А главное – изменилась научная политика государства: был преодолен обскурантизм, возрос престиж науки и соответственно профессии ученого, активизировалось регионализация научного строительства. И как следствие – на смену негативно окрашенному эмоциональному напряжению пришло воодушевление, захватившее большую часть научных работников Дальнего Востока. На профессиональном уровне в 1960–1970-е гг. это вылилось в расширение границ исследований, углубление в теорию, обращение к ранее не поощрявшейся или полностью запретной тематике. На политическом – в попытках, пока довольно редких, критического отношения к внутригосударственной политике и чтению литературы самиздата[29].

Общая ситуация, сложившаяся в науке Дальнего Востока в 1970–1980-е гг., существенно снижала уровень профессиональных страхов, особенно если ученый при оформлении результатов своей работы, следуя самоцензуре, не нарушал идеологических требований, как это случалось в 1940-е гг. Снижала, но не исключала их полностью, поскольку менялась стратегия на-

учной политики. Сущность изменения состояла в попытке перехода от экстенсивного к интенсивному развитию государственной экономики, в том числе и науки, отнесенной к разряду производительных сил. За этим следовали сокращение численности научных кадров и требование повышения уровня их квалификации.

Вот это–то и пугало, вновь порождая слухи, хотя угроза возможного увольнения многими как реальная не осознавалась. Да и в условиях дефицита научных кадров она даже при нежелании научных работников готовить диссертации, по сути, таковой не была, как и вступившая в действия обязательная аттестация научных и преподавательских кадров.

Есть основания полагать, что эмоциональное состояние, которое в этих случаях переживали научные работники, можно отнести к состоянию, обозначенному понятием «страх страха», т.е. боязни негативных состояний сознания, что стало, по мнению А. Пятигорского, психо–социологической проблемой современности[30]. Изучение документов показало, что оно в незначительной мере влияло на профессиональное поведение научных работников в 1970–1980-е гг., поскольку сама эта деятельность была ритуализирована, начиная от выбора исследовательской проблематики, методологической и методической базы, заканчивая обобщением результатов, теоретический уровень которых возрос.

О политическом поведении научных работников, детерминированном страхом, можно судить по следующему факту. «1976 год. Владивосток. Дом ученых. Вечер встречи со Стругацким. Зал набит до отказа молодыми учеными. Вопрос из зала: «Скажите, Аркадий Натанович, где можно прочесть вашу «Сказку о тройке»?». Аркадий Натанович совершенно серьезно: «Она опубликована в эмигрантском журнале «Грани» издательства «Посев». В вашей библиотеке этого журнала наверняка нет, но я с собой привез несколько десятков экземпляров, можете взять»… Стругацкий открыл портфель, вынул стопку каких–то журналов, пошел с ними к краю сцены… публика начала разбегаться»[31].

Таким образом, можно констатировать, что состояние страха в качестве эмоциональной составляющей наличествовало в сознании научных работников весь советский период. Его интенсивность (от явной рефлексии до неосознанности) оказывалась прямо пропорциональной интенсивности воздействия социальных факторов. Хотя профессиональная принадлежность давала возможность некритического восприятия окружающего, позиция «знающего» все же не позволяла преодолеть страх, а в ряде случаев противостоять ему.

Есть основания полагать, что в отношении интенсивности переживания страха социальная группа научных работников Дальнего Востока была дифференцирована по половозрастному, должностному и квалификационному основаниям. Однако установить соотношение численности каждой из групп в ретроспекции пока не представляется возможным. Это дела дальнейшего более углубленного исследования проблемы.

1 Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5.
2 Матвеева С.Я., Шляпентох, В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000; Моизи Д. Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М.: Московская школа полит. исследований, 2010. С. 121–161; Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд–во РГХИ, 2004.
3 Шубкин В.Н. Исторические предпосылки катастрофизма в России // Страхи и тревоги россиян… С. 49–52.
4 Матвеева С.Я., Шляпентох, В.Э. Страхи в России… С. 31–32.
5 Пятигорский А. Страх из 2009 года // Неприкосновенный запас, 2009. № 5. С. 6.
6 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСР: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С.780–781; Мирская Е.З. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки. М.: Academia, 2008. С. 127.
7 Пятигорский А. Страх из 2009 года… С. 16.
8 Автономов Н.П. Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно–историческом отношении. Харбин: Изд. т–во «Озо», 1922.
9 РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 2422. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–6.
10 Там же. Д. 338. Л. 58–59; ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–67. Оп. 1. Д. 314. Л. 65.
11 ГАПК. Ф. П–67. Оп. 1. Д. 110. Л. 112; Гос. арх. РФ (ГАРФ). Ф. 3–5462. Оп. 9. Д. 292. Л. 22, 30, 32.
12 ГАПК. Ф. П–67. Оп. 1. Д. 61. Л.75; Д. 142–а. Л. 213.
13 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 871. Оп. 2. Д. 9. Л. 82.
14 ГАПК. Ф. П–368. Оп. 1. Д. 1. Л. 31об.
15 Там же. Ф. П–67. Оп. 1. Д. 147. Л. 61; Ф. П–392. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Д. 2. Л. 19, 42–47.
16 Там же. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П–12415. Т. 4–12.
17 Васильева Е.В. Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20–50-е гг.): материалы науч.–практ. конф. Владивосток: Изд–во ДВГУ, 1997. С. 108–116.
18 Засельский В.И. «Вестник ДВО» образца 1932–1939 гг. // Вестник ДВО РАН. 1990. № 2. С. 150–154.
19 ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 23; Д. 63. Л. 3.
20 Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 73.
21 А РАН (Арх. РАН). Ф. 277. Оп. 4. Д. 599. Л. 5–5об.
22 ГАПК. Ф. П–3. Оп. 1. Д. 938. Л. 1–98.
23 Там же. Д. 112–б. Л. 38–39; Ф. П–68. Д. 82. Л. 113.
24 А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 132–133, 214, 247.
25 Там же. Л. 232; ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 290. Л. 87–99об; Ф. 1518. Оп. 1. Д. 612. Л. 369, 443; Ф. 1679. Оп. 1. Д. 11. Л. 203–207об.
26 А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 225.
27 ГАПК. Ф. П–3 .Оп. 1. Д. 1120. Л. 87; Оп. 14. Д. 1. Л. 124; Оп. 19. Д. 37. Л. 128.; Ф. П–68. Д. 84. Л. 248–252.
28 Лебедева Е.Г. Воспоминания. Рукопись. С. 3. // Архив автора.
29 ГАХК. Ф. 1833. Д. 38–а. Л. 8–10; ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области). Ф. 698. Д. 467. Л. 4, 6, 50–51.
30 Пятигроский А. Страх из 2009 года… С. 8–9.
31 Неизвестный Аркадий Стругацкий: сказка для научных сотрудников младшего возраста // Поиск. 1993. № 1. С. 8.

Л.А. КРУШАНОВА

ЗАКОН «О ТУНЕЯДЦАХ» 1961 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья о формировании в СССР в 1950–1960-х гг. уголовного законодательства, направленного на борьбу с такими явлениями, как тунеядство, нищенство и бродяжничество. Рассмотрены особенности его реализации на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: антиобщественные паразитические элементы, тунеядство, нищенство, бродяжничество, правоохранительные органы, Дальний Восток СССР.

После смерти И.В. Сталина новые руководители Советского государства направили усилия на либерализацию всех сфер жизни общества: политической, экономической, духовной и социальной. В 1953 г. в стране начались масштабные преобразования. Реформы затронули и правоохранительную систему. В 1953–1954 гг. МВД лишилось части своих полномочий, в результате чего был ослаблен авторитет сильнейшего министерства. Однако самым значимым действием руководства СССР стал отказ от массового принудительного трудоиспользования граждан. Показательной в этом плане стала амнистия 1953 г., под ее действие в первую очередь попадали те, кто отбывал наказание за кражу личного имущества граждан и хищение социалистической собственности, разбой, хулиганство, должностные и хозяйственные преступления, спекуляцию, незаконное хранение оружия, воинские преступления, нарушение закона о паспортизации и некоторые другие[1].

В 1956 г. министерство вновь реформировали: МВД и милиция объединились в структуру, получившую двойное подчинение – ведомству и местным органам. В 1957 г. при Советах повсеместно были образованы комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка – легитимный надзорный орган за действиями милиции.

Изменение статуса МВД как силовой структуры, амнистия 1953 г. и правительственный курс на улучшение материального положения населения обусловили снижение напряженности в обществе и государстве. Тем не менее в стране сохранился слой асоциальных элементов. Перед руководством СССР появилась еще одна задача – перевоспитать «лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни».

С этим явлением правительство боролось и раньше. После войны нищенство и бродяжничество оставались частью городской повседневности. Чтобы хоть как–то снизить степень их распространения, в 1951 г. были утверждены

Постановление СМ СССР от 19 июля 1951 г. № 2590–1264с «О мерах по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» и Указ ВС СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»,[2] определявшие порядок борьбы с нищенством и бродяжничеством.

В 1952–1954 гг. под руководством МГБ прошла специальная кампания, главной задачей которой было сокращение численности бродяг и нищих с 2–3 млн до 500 тыс., т.е. примерно в 5–6 раз. По ряду причин достигнутые результаты оказались значительно скромнее, чем предполагалось изначально.

Во–первых, информация о том, что бродяжничество и попрошайничество стали рассматриваться в ряду уголовных преступлений, была закрыта от общества, так как Указ от 23 июля 1951 г. в печати не публиковался, а судебные заседания проводились в закрытом режиме. Правоохранительные органы выполняли указ неохотно. Из более чем 150 тыс. чел., занимавшихся нищенством в РСФСР, в 1952–1954 гг. осудили менее 1% (1 339 чел.)[3].

Во–вторых, власти всех уровней понимали, что именно нерешенные социальные проблемы и отсутствие самого необходимого вынуждали людей «зарабатывать» на улице. Особенно широко нищенство и бродяжничество были распространены среди инвалидов, оставленных государством на грани выживания. В 1957 г. на одном из заседаний Комиссии законодательных предложений министр внутренних дел Н.П. Стаханов подчеркнул массовость и распространенность данного явления[4].

Третья причина, на которую указывают социологи (и мы присоединяемся к их мнению) состояла в следующем: в любом обществе есть категория людей, предпочитающих жить за чужой счет. Н.С. Хрущев назвал их тунеядцами*: «Если кто думает хорошо жить, но плохо трудится, это – тунеядец. Только прощелыги хотят жить за счет чужого труда, и поэтому в их воображении идеал жизни – это ничего не делать и хорошо жить. Повторяю, это – тунеядцы»[5]. Исходя из данного представления о тунеядцах, бродяги и нищие автоматически зачислялись в эту категорию.

Столь пристальное внимание руководства страны к распространению нищенства и бродяжничества вызывалось тем, что эти явления расценивались не столько как социальная проблема, сколько как идеологическая угроза советскому строю. В СССР каждый гражданин, достигнув определенного возраста, обязан был учиться или работать. В противном случае это нарушало принцип социальной справедливости, что с идеологической точки зрения считалось недопустимым.

С преодолением последствий войны нищенство и бродяжничество из вынужденного состояния постепенно перешли в категорию профессии, на что указывали правоохранительные органы. Так, инвалид Отечественной войны Б. из Читы неоднократно задерживался за нищенство. При себе у него обнаруживалось несколько сберегательных книжек с накоплениями от 8 до 15 тыс. руб. Другой инвалид войны Ч., занимаясь нищенством, на собранные деньги построил дом. «И таких примеров, – говорил Стаханов, – можно привести много»[6].

---

* Согласно Словарю русского языка (1984 г.), тунеядство представляет собой форму социального паразитизма, а тунеядцы – разновидность социальных паразитов.

Не имея весомых результатов в ликвидации нищенства и бродяжничества, составлявших социальную базу преступности, руководство страны по традиции называло эти явления пережитком капиталистического прошлого. В документах советской эпохи вплоть до конца 1980-х гг. подчеркивалось, что в социалистическом государстве нет социальных причин для нищенства и бродяжничества. Однако цифры говорят об обратном: в 1955 г. в РСФСР органы МВД задержали 92 тыс. бродяг, в 1956 г. только нищих зарегистрировали 89 254 чел.[7], хотя в действительности их насчитывалось в 5–10 раз больше. На Дальнем Востоке эти явления не носили столь массового характера. В 1954 г. (на 1 августа) в Хабаровском крае выявили 57 нищих, Сахалинской области – 47, Приморском крае – 39, Амурской области – 12[8].

С приходом к власти Н.С. Хрущева проблему нищенства и бродяжничества подняли вновь, ставилась задача полного искоренения данных явлений[9]. При этом советское руководство опиралось не только на отечественный, но и зарубежный опыт. В послевоенное десятилетие бродяжничество широко распространилось в европейских странах, чьи правительства разработали собственные меры противодействия. Так, в Англии бродяг карали лишением свободы на срок до 3 месяцев, во Франции – от 3 до 6 месяцев., а в довоенной Германии – до 6 недель[10].

При подготовке указа, направленного на борьбу с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, ключевым был вопрос, кого же считать таковыми? Первые две категории – нищие и бродяги – определились еще в 1951 г. Однако либерализация социальных процессов, массовые миграции, в результате которых нередко утрачивались семейные и родственные связи, обусловили появление и быстрый рост в СССР новой категории граждан. К ней относились люди, преимущественно физически здоровые, не занятые общественно полезным трудом, которых определили как тунеядцев.

Под категорию «живущих за чужой счет» попали и спекулянты*, т.е. перепродавцы дефицитного товара, купленного в государственной торговой сети. Они вызывали недовольство населения и раздражение у работников правоохранительных органов: «... Спекулянты в городах края... нарушают нормальную государственную торговлю, причем многие из них действуют совершенно открыто и тем самым вызывают возмущение граждан»[11]. «Необходимо усилить борьбу со спекуляцией со стороны работников торговли. Промтовары, которых еще недостаточно в широкой продаже, можно достать через разветвленную сеть спекулянтов, которым эти товары передают работники магазинов с большой наценкой», – говорилось в одном из предложений к проекту закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития. Однако, несмотря на подобные высказывания, в торговле сохранились обмеривание, обвешивание и обсчет покупателей. В театрах, столовых и парикмахерских процветал другой «пережиток капитализма» – оплата чаевых[12].

---

* Явление «спекуляции» представляет собой самостоятельную научную проблему и в рамках данной работы не рассматривается.

На заседании Комиссии законодательных предположений ВС РСФСР, состоявшемся 23 марта 1957 г., Стаханов признал, что уголовное законодательство не способно противостоять росту этого явления[13]. Пробел ликвидирован с выходом Указа ВС РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» от 12 сентября 1957 г., дополненного в 1959 г.[14]

По сути, для советских граждан спекуляция стала дополнительной возможностью (хотя и незаконной) пополнить семейный (личный) бюджет. Среди дальневосточников этот способ увеличения доходов оставался не менее популярным. Борьба со спекуляцией в регионе велась так же активно, как и по всей стране, но численность задержанных за мелкую спекуляцию не снижалась, хотя и была незначительной: в Приморском крае в 1958 г. – 285 чел., в 1959 г. – 287 чел., в 1960 г. – 364 чел.[15]

Реальных результатов принимаемые меры не принесли. Поэтому возникла необходимость приянть закон, который объединил бы все категории граждан, живших на нетрудовые доходы. В проекте Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» определялось, что к таковым относятся лица, «которые нигде не работают, а живут на средства других, либо устраиваются на работу для видимости, а фактически живут на нетрудовой доход и обогащаются за счет общества…»[16]

В 1957 г. проект закона обсуждался публично: 20 августа 1957 г. он был напечатан в газете «Советская Россия», а с 22 по 30 августа – почти во всех краевых, областных и республиканских газетах, издававшихся в РСФСР. В обсуждении приняли участие более 19 млн чел., с предложениями и замечаниями выступили 757 тыс. чел.[17], в том числе в краях и областях Дальнего Востока[18].

В специфической обстановке конца 1950-х – 1960-х гг. развивались новые социальные явления, не разграниченные по своей сущности с правовой точки зрения. Под понятием «антиобщественные, паразитические элементы» (Законопроект 1957 г.[19]) теперь подразумевались и лица, разделявшие новые тенденции моды и тяготевшие к молодежной субкультуре («стиляги») или проявлявшие качества, которые мы сегодня называем «предприимчивостью». Таким образом, под действие «обновленного» закона попадали не только нищие, бродяги, попрошайки и тунеядцы, но и две новые группы населения – люди, зарабатывавшие на жизнь теневой экономической деятельностью (независимо от их трудоустройства, в том числе молодежь, которая занималась «фарцовкой»*) и не работавшие «стиляги». Поэтому первоначальный вариант Закона не устроил самих юристов. После некоторых доработок он был принят в виде Указа Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г.

Не менее важным, на наш взгляд, является механизм реализации закона 1961 г. После перегибов в правовой системе 1930–1950-х гг. руководство страны старалось больше такого не допускать. Поэтому особое внимание уделялось правомерности наказания. В связи с этим был определен круг лиц, которых могли привлечь к ответственности. К ним относились граж-

* «Фарцовка» – один из видов теневой экономики в СССР 1950–1980-х гг. Представляла собой незаконную продажу с рук вещей, как правило, заграничного производства.

дане, имевшие реальную возможность трудиться, т.е. физически здоровые люди. В отношении несовершеннолетних, инвалидов I и II групп, III группы (в зависимости от состояния здоровья и других обстоятельств), пенсионеров по старости применение указа считалось недопустимым. На них предлагалось воздействовать в общественном порядке.

Рассмотрение материалов дел по Указу от 4 мая 1961 г. осуществлялось судьей совместно с народными заседателями. Сторона, ходатайствовавшая о применении документа к конкретному лицу, должна была доказать, что привлеченное лицо действительно уклонялось от общественно–полезного труда или извлекало нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, жилой площади, и/или совершало антиобщественные проступки, вело паразитический образ жизни.

В пакет материалов дела обязательно входили характеристика с места жительства и последнего места работы, выписка из трудовой книжки, объяснения свидетелей, данные о состоянии здоровья и другие документы в зависимости от конкретных обстоятельств. Сначала с материалами знакомился прокурор, который указывал, есть или нет основания для привлечения данного лица к ответственности. Если основания имелись, то прокурор давал санкцию для направления дела в суд. Таким образом, разработчики закона предложили рассматривать административное дело аналогично уголовному средней степени тяжести, т.е. с участием органов дознания и кратким их решением, утвержденным прокурором[20].

Реализация Указа 1961 г. на Дальнем Востоке имела свою специфику. Пограничные районы региона и некоторые города, в том числе Владивосток, являвшийся крупным транзитным пунктом, носили статус режимных, попасть туда можно было только по специальным пропускам. Мигранты, массами прибывавшие в регион, проходили социальную проверку, однако эти меры не спасали Дальний Восток от тунеядцев. В силу многочисленности мигрантов работники переселенческих органов физически не могли подвергнуть проверке всех орграбочих и сельхозпереселенцев. А наличие среди них «асоциальных» лиц издавна было характерным явлением для миграционных потоков. В 1959 г. специалисты сельскохозяйственного отдела Хабаровского края с возмущением писали в Главное управление по сельхозпереселению: «...В результате вместо настоящих тружеников колхозного производства, изъявивших желание переселиться в восточные районы... отбирались и переселялись... лица, которые использовали органы для переселения для ведения паразитического образа жизни»[21].

Выявление тунеядцев стало повседневной обязанностью правоохранительных органов. Как правило, один–два раза в год проходил месячник борьбы с «асоциальными элементами». Так, во Владивостоке в 1961 г. сотрудники милиции вместе с дружинниками выявили 114 чел., нигде не работавших, в остальных городах и районах Приморья – еще 850 чел.[22] Источником пополнения этой категории были мигранты, оказавшиеся в районах пограничной зоны с нарушениями паспортных правил. Во Владивостоке в 1963 г. выявились лица, прибывшие без пропусков (8 962 чел.), проживавшие без прописки (1 382 чел.), паспортов (97 чел.), с просроченными или поддельными паспортами (199 чел.), занимавшиеся бродяжничеством и попрошайничеством (596 чел.)[23].

В Хабаровском крае в 1961–1963 гг. сотрудники милиции выявили и предупредили о необходимости трудоустроиться 3200 чел. Однако 498 чел. уклонились от трудоустройства, в их числе были те, кто извлекал нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков (6 чел.), сдавая жилплощадь (3 чел.), занимался также запрещенными промыслами или частнопредпринимательской деятельностью (15 чел.), проституцией (63 чел.).[24]

Местом изоляции «асоциальных элементов» на Дальнем Востоке советское правительство выбрало Хабаровский край. Особенность данного района заключалась в том, что с довоенных времен там сохранялась высокая концентрация учреждений пенитенциарной системы, деятельность которых была связана с разработкой и освоением природных ресурсов. На Дальний Восток выселяли «тунеядцев» из Московской, Волгоградской, Ульяновской областей, Ставропольского края. Здесь же «оседали» и выселенные из городов Хабаровского края (Ульчский, Комсомольский, Амурский, им. Полины Осипенко, им. Лазо, Вяземский, Тугуро–Чумиканский, Аяно–Майский и Охотский районы). С 1 мая 1961 по 1 марта 1964 г. в этих районах находилось 1 243 чел., выселенных по Указу[25]. Их трудоустраивали на предприятиях лесной, строительной и сельскохозяйственной отраслей.

Переселяя эту категорию советских граждан на Дальний Восток, руководство страны одновременно решало комплекс задач: 1) «очищало» территории с высокой плотностью населения от «асоциальных элементов» в назидание прочим; 2) восполняло дефицит трудовых ресурсов в добывающих отраслях региона; 3) исправляло провинившихся посредством их привлечения к общественно–полезному труду.

В действительности Законом о «тунеядцах» 1961 г. в отношении Дальнего Востока власти предприняли попытку очистить крупные города страны, в том числе дальневосточные, от «асоциальных элементов», чтобы тем самым снизить уровень криминогенности. Так, в Приморье среди привлеченных в 1961 г. к уголовной ответственности каждый четвертый на момент совершения преступления нигде не работал. А в крупных городах, таких как Владивосток, бродягами и тунеядцами, например, в 1963 г. было совершено 28,2% преступлений. За 5 месяцев 1961 г. по сравнению с аналогичным периодом 1960 г. преступность снизилась на 6%, во Владивостоке – на 2,8%[26]. В Хабаровском крае в 1962 г. по сравнению с предшествующим годом – на 5,5%[27]. Конечно, сокращение количества совершенных преступлений нельзя отнести только на счет выявления «асоциальных элементов». Оказал влияние комплекс причин, в том числе участие добровольных народных дружин, внимание государственных органов власти к проблеме преступности в целом, повышение престижа профессии милиционера, и т.д.

Приход Л.И. Брежнева к власти ознаменовал новые методы борьбы с ростом маргинальных слоев населения. В очередной раз руководство страны предприняло меры по ликвидации бродяжничества. Стали создавать приемники–распределители для лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество. При новом политическом лидере административное выселение за правонарушение было смягчено и заменено на администра-

тивные меры наказания (предупреждение о необходимости трудоустроиться и штраф), а в случае, если люди продолжали вести тот же образ жизни, их привлекали к ответственности согласно Уголовному кодексу РСФСР 1961 г. Нищенство как явление было ликвидировано, вместо него появилось новое – попрошайничество.

1 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 167.
2 На «краю» советского общества: Социальные маргиналы как объект государственной политики 1945–1960-е гг. / авт.–сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 36.
3 ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 385. Оп. 26. Д. 115. Л. 6.
4 Там же. Л. 14.
5 Луканов П.П. Практика борьбы с антиобщественными элементами // Советское государство и право. 1962. № 3. С. 135.
6 ГАРФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 115. Л. 14.
7 Там же. Л. 6.
8 На «краю» советского общества… С. 124–125.
9 ГАРФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 190. Л. 1.
10 Там же. Д. 115. Л. 15.
11 Цит. по: Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 446.
12 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 350. Л. 6.
13 Там же. Ф. 385. Оп. 26. Д. 115. Л. 13–14.
14 Указ «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «Об ответственности за мелкую спекуляцию»» от 27 апреля 1959 г.
15 АУВД ПК (Арх. УВД Приморского края). Ф. 18. Оп. 3. Д. 39. Л. 1–4; Д. 40. Л. 2–8; Д. 41. Л. 9.
16 ГАРФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 26. Л. 3.
17 Там же. Д. 115. Л. 159.
18 Там же. Д. 116. Л. 18, 145; Д. 117. Л. 2.
19 Закон об усилении борьбы с антиобщественными паразитическими элементами, законопроект Комиссии законодательных предложений Верховного Совета РСФСР // Советская Россия. 21 авг. 1957. С. 2.
20 Луканов П.П. Практика борьбы … С. 136.
21 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–35. Оп. 19. Д. 246. Л. 38.
22 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–68. Оп. 30. Д. 548. Л. 121.
23 Там же. Л. 218.
24 ГАРФ. Ф. А–461. Оп. 11. Д. 1181. Л. 1.
25 Там же. Л. 20.
26 ГАПК. Ф. П–68. Оп. 30. Д. 548. Л. 146, 218.
27 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края. 1953–1968. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2007. С. 99.

В.А. ТУРАЕВ

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ОБЪЕКТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Автор исследует особенности и результаты государственной политики СССР по отношению к коренным малочисленным народам Дальнего Востока в послесталинский период. Рассматриваются два аспекта этой политики – идеологический и экономический. Показана противоречивость государственных мероприятий для этнического развития коренных народов.

Ключевые слова: Дальний Восток, коренные народы, раскрестьянивание, этноязыковые и этнокультурные процессы.

В советской истории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока есть два периода, когда они были в центре государственного внимания. Один из них приходится на 1920-е – первую половину 1930-х гг., второй – на первое послесталинское десятилетие. Всплеск государственного интереса к судьбам коренных народов во второй половине 1950-х гг. на первый взгляд труднообъясним, и потому возникает вопрос: а не имеет ли к этому отношение смерть товарища Сталина?

Сталин не питал к народам Севера ни особенной любви, ни особой неприязни, хотя опыт непосредственного общения с ними у него был. Во время нарымской и туруханской ссылок он не мог не встречаться с местными аборигенами. Его отношение к ним было абсолютно индифферентным, несмотря на вполне возможные воспоминания молодости. В той картине мира, которую Сталин держал в уме, особенно после войны, коренным народам места не находилось. Достаточно вспомнить историю Охотско–Эвенского национального округа, созданного в 1930 г. и через три года ликвидированного по личному указанию Сталина, поскольку его территория понадобилась формирующемуся Дальстрою[1].

Чтобы понять взлеты и падения государственного интереса к коренным народам, надо вспомнить, что лежало в его основе. Отношение советской власти к этому вопросу в 1920-е и первой половине 1930-х гг. во многом объяснялось идеологическими обстоятельствами. К середине 20-х гг. в СССР многие вынуждены были расстаться с иллюзиями о скорой революции в Западной Европе. Взоры теперь все больше обращались к народам Востока, стоявшим на пороге антиколониального движения. Для них даже была разработана концепция некапиталистического развития. Как теория она предназначалась на

экспорт, а вот показать ее воплощение должны были народы Севера и советской Средней Азии. Предполагалось, что успехи их некапиталистического развития привлекут к социализму миллионы людей на разных континентах. С успехами в Средней Азии в 30-е гг. были проблемы – борьба с басмачами шла до 1938 г., а вот у народов Севера теория действительно воплощалась в жизнь.

Кроме идеологических причин существовала и экономическая мотивация, определявшая интерес к северным народам. Без них огромные территории Сибири и Дальнего Востока с их природными ресурсами, о которых советская власть никогда не забывала, в тот период были труднодоступны для освоения. К тому же народы Севера тогда считались практически единственными потенциальными держателями иностранной валюты в виде экспортной пушнины. Кроме них добывать соболя и других ценных зверей во многих районах Сибири и Дальнего Востока оказалось просто некому.

В середине 1930-х гг. интерес к освоению пошел на убыль из–за изменения международной обстановки. Приближалась большая война. В этих условиях приходилось думать не о перспективах мировой революции, а о спасении собственной страны и власти. Война не требует демократических процедур и идеологических экспериментов. Нужна максимальная централизация управления, жесткая авторитарная мобилизация в связи с возникшей угрозой. Именно по такому пути и шло развитие страны в последующие 20 лет. В годы войны такая модель себя оправдала, после стала тормозом, но фигура и культ вождя не позволяли от нее отказаться. Все изменилось после смерти Сталина.

Изменения в послесталинский период означали не отказ от социалистической модели развития, а придание ей большей эффективности и более гуманного характера. Соответственно и отношение к народам Севера принципиально не изменилось. Они по–прежнему воспринимались как объект идеологической манипуляции и как экономический ресурс. Но теперь на первое место выходила экономическая мотивация.

В середине 1950-х гг. страна находилась на пороге новой индустриализации. Промышленное освоение северных регионов, до этого осуществлявшееся во многом за счет принудительного труда, надо было строить теперь по–другому. Ожидавшийся рост численности населения предполагал и создание здесь собственной продовольственной базы. В решении этой задачи важное место отводилось коллективным хозяйствам коренных народов, однако к столь масштабной задаче они оказались не готовы. Абсолютное большинство из них влачили жалкое существование. Государство изымало основную часть продукции колхозов (до 80–90%) в виде обязательных поставок и натуральных платежей за услуги МТС и моторно–рыболовецких станций. В колхозах господствовал ручной труд, нерешенными оставались проблемы реконструкции быта. Колхозами фактически руководили не председатели, а районные комитеты партии и их уполномоченные. Северная деревня ничем не отличалась от колхозной.

В состоянии упадка пребывали все отрасли общественного хозяйства. Численность оленей повсеместно была ниже довоенной. Оленеводство имело низкую товарность. В оленеводческих бригадах оседало более половины продукции оленеводства. Потребительский характер во многих колхозах продолжало носить рыболовство. Неконтролируемый вылов рыбы в годы войны подорвал запасы лососевых (традиционный объект промысла национальных колхозов). Добыча осенней кеты на Амуре, например, сократилась

к довоенному уровню в 2 раза[2]. Убыток приносило сельское хозяйство. Урожайность картофеля и капусты – основных сельскохозяйственных культур – не обеспечивала даже потребности колхозников. В эвенкийском колхозе «Рассвет», например, за 20 лет его существования (1936–1955) картофель выдавался на трудодни всего 2 раза, в артели «Красная заря» картофель и овощи на трудодни вообще никогда не получали[3].

Отсутствие должных сельскохозяйственных навыков, климатические условия, дефицит качественных семян, удобрений делали данную область разорительной. Местные органы власти прекрасно понимали бесперспективность сельскохозяйственных отраслей в северных колхозах, постоянно ставили вопрос о сокращении объемов сельскохозяйственного производства, однако директивы вышестоящих органов неизменно увеличивали плановые показатели, повышая тем самым убыточность. К середине 1950-х гг. хозяйственный упадок северных колхозов наконец–то осознали и в верхах. Аграрный комплекс коренных народов, а другого в большинстве районов просто не было, предстояло модернизировать, приспособить к решению новых задач.

Начало модернизации положило Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г.[4] Его появление не обошлось без идеологической составляющей. Это был своеобразный ответ советского государства на обострившиеся во многих странах мира, и прежде всего в США, проблемы коренных народов. Летом 1957 г. Международная организация труда (МОТ) готовилась принять конвенцию №107 о коренном населении. Конвенция по многим позициям не устраивала СССР, ее не собирались ратифицировать, но отреагировать на ее появление было необходимо. Так появилось Постановление №300, предложившее миру свой вариант решения проблем коренных народов.

Постановление 1957 г. стало не просто программой развития северной экономики. Предполагалось комплексное переустройство всех сторон жизни северных народов. В сфере экономики она соответствовала тому, что осуществлялось в этот период в других районах страны. Колхозам разрешили покупать технику и оборудование, обязательные поставки продукции были заменены государственными закупками, списывались недоимки по поставкам, колхозы освобождались от подоходного, а колхозники от сельскохозяйственного налогов. Одновременно расширялась и совершенствовалась сеть учреждений культуры, народного образования и здравоохранения. Намечались меры по улучшению подготовки национальных кадров, увеличивался контингент студентов, находившихся на государственном обеспечении. Государство жестко контролировало реализацию намеченных мероприятий. Достаточно сказать, что для развития идей, заложенных в постановлении, в 1957–1968 гг. было принято около 50 решений, центром внимания которых стали различные проблемы коренных народов[5].

Результаты этой работы хорошо известны. К началу 1970-х гг. лицо традиционных и новых отраслей северного хозяйства в корне изменилось. Выросла техническая вооруженность. Промысловый флот колхозов Корякского округа, например, в 1970 г. насчитывал 140 судов различного типа и назначения. Прибрежное рыболовство уступило место морскому. Колхозы обзавелись цехами обработки, консервными линиями, холодильниками. Поголовье оленей на Дальнем Востоке выросло до 1 345 тыс. голов[6]. Никогда больше

оленеводы не добивались таких результатов. Оленеводство стало основным источником прибылей северных хозяйств, полностью удовлетворяло потребности в мясе коренного населения и на 70% потребности рабочих и служащих в ряде северных районов. Развитие получили молочное животноводство, откорм крупного рогатого скота и свиней, тепличное овощеводство.

Кардинальные изменения произошли в жилищном строительстве, культурно–бытовом обслуживании, подготовке национальных кадров, особенно по направлениям, по которым ранее северян не готовили. Медицинских работников средней квалификации из числа коренных народов стали готовить училища в Анадыре, Николаевске–на–Амуре, Петропавловске–Камчатском, Александровске–Сахалинском. Хабаровский мединститут к началу 1970-х гг. выпустил около 200 врачей из числа народов Севера. К началу 1960-х гг. медицинские учреждения работали в каждом национальном поселке. В большинстве районов открылись противотуберкулезные диспансеры, в ряде мест были созданы межрайонные больницы, в окружных и районных центрах – санэпидстанции. Охрана здоровья народов Дальнего Востока достигла заметных успехов. Повсеместно сократилась заболеваемость туберкулезом и другими широко распространенными ранее на Севере болезнями.

В колхозах развернулось жилищное, культурно–бытовое и производственное строительство. В возведении больниц, детских учреждений стали участвовать колхозы и совхозы. В Приамурье, по существу, заново строились национальные села Булава, Верхний Нерген, Бельго, Джуен, Кондон, Нижние Халбы[7]. В Корякском округе к концу 1950-х гг. появилось более 25 новых национальных сел[8]. Если на Чукотке до 1958 г. колхозники получили в общей сложности 755 домов, то в одном только 1958 г. – более 500. Всего же в округе к 1964 г. выстроили около 3 тыс. жилых домов[9], что позволило обеспечить новым жильем почти все коренное население.

Примитивные сельские клубы преобразовывались в дома культуры и библиотеки, в жизнь вошли новые явления культуры: музыкальные школы, школы искусств. Были созданы государственные хореографические ансамбли: чукотско–эскимосский «Эргырон», корякский «Менго». Появились десятки самодеятельных национальных ансамблей: «Энэр», «Эльвель», «Ларш», «Пила кен», «Уэлен» и др. Важные изменения произошли в культурном обслуживании промысловиков и оленеводов. На смену Красной Яранге, проработавшей на Севере более 30 лет, пришел новый тип передвижного культурно–просветительного учреждения – агиткультбригада.

В сфере народного образования началась реорганизация семилетних школ в восьмилетние, ускорилось строительство новых школьных учреждений. В Чукотском автономном округе только в 1960 г. было построено 11 школ, все они размещались в типовых зданиях с центральным отоплением. В большинстве национальных районов Дальнего Востока в эти годы был полностью осуществлен всеобуч. Началась работа по политехнизации школы с учетом северной специфики.

Внимание государства к развитию коренных народов в сочетании с технологическими достижениями времени привели к тому, что традиционные культуры Дальнего Востока смогли не только преодолеть рамки автаркии, но и выйти на мировую арену[10]. 1960-е г. у народов Дальнего Востока

отмечены взлетом пассионарности[11]. Изменения в экономике, демократизация общественной жизни способствовали появлению внутренних стимулов развития личности. Осознанное стремление к изменению своей жизни, окружающей обстановки стало характерным явлением для большинства национальных сел. Появляется большое число своих «шестидесятников» – писатели, художники, артисты, государственные деятели, сделавшие достижения своих народов достоянием всей страны. Именно в эти годы всесоюзному читателю стали известны и завоевали популярность произведения молодых литераторов–северян: чукчей А. Кымытваль, Ю. Рытхэу, В. Кеулькута, эскимоса Ю. Анко, юкагира С. Курилова, нивха В. Санги, нанайцев Г. Ходжера, А. Пассара, коряка В. Косыгина, ительмена Г. Поротова, эвена А. Кривошапкина и др. Научную известность приобрели труды доктора исторических наук нивха Ч.М. Таксами, кандидатов наук нанайцев Н.Б. Киле, С.Н. Оненко, В.Ч. Бельды, удэгейца П.Б. Суляндзиги, ительменки Н.К. Старковой, чукчи П. Иненлйкея, нивхинки Г. Отаиной. Мировую известность получило творчество чукотских и эскимосских косторезов, лауреатов Государственной премии РСФСР В. Емрыкаина, И. Сейгутегина, Г. Тынатваль, В. Эмкуль. Почетных званий «Заслуженный артист РСФСР» и «Заслуженный работник культуры» были удостоены коряки Н.Лазарев, И. Жуков, Е. Гиль, ульчи П.Л. Дечули, П.В. Лонки, чукчанка М.С. Глухих, ительменка Т.П. Лукашкина.

По мере того, как менялись экономические и культурно–бытовые условия жизни аборигенов, повышалась идеологическая значимость их существования. Достижения коренных народов в СССР ярко контрастировали с жизнью коренного населения США, где с середины 1960-х гг. началась эра индейских мятежей. В штате Вашингтон индейцы протестовали против ограничений на рыбную ловлю, введенных властями штата. В штате Мэн индейцы перегородили федеральную дорогу, требуя у проезжавших по доллару с машины за проезд по их земле. Надеясь привлечь внимание к драматическому положению коренных жителей Америки, в ноябре 1969 г. индейцы захватили остров Алькатрас, где раньше находилась федеральная тюрьма. Властям удалось их изгнать только через полтора года. В ноябре 1972 г. состоялся знаменитый индейский марш на Вашингтон «Тропой нарушенных договоров» для защиты договорных соглашений, которые федеральное правительство систематически не выполняло. Заняв здание Бюро по делам индейцев (агентство правительства США), переименовав его в «Посольство коренных американцев», индейцы покинули его, лишь заручившись обещанием, что администрация рассмотрит их жалобы. В марте 1973 г. активисты Движения американских индейцев заняли деревушку Вундед–Ни (штат Южная Дакота), где армия США учинила в 1890 г. печально известную резню индейского населения. Эта акция вылилась в 70–дневный вооружённый конфликт с полицией и агентами ФБР, который пресса назвала «новыми индейскими войнами»[12]. На фоне всех этих событий судьба коренных народов в СССР представлялась миру достойной зависти и подражания.

К сожалению, успехи в развитии экономики и культуры, достигнутые коренными народами Дальнего Востока к началу 1970-х гг., не получили дальнейшего развития. После VIII пятилетки (1966–1970), названной «золотой», темпы экономического роста в стране резко замедлились, что не могло не сказаться и на хозяйственном развитии Дальнего Востока. На замедление роста экономики коренных народов, помимо общеэкономических и политических

причин, повлияли и крупные ошибки, допущенные в их этническом развитии. Переход к интенсивным формам развития, новым технологическим процессам, изменение содержания и характера традиционного труда требовали осторожности и постепенности, но именно этого и не было. Превращая аборигенные колхозы в современные агропромышленные предприятия, используя коренное население как экономический ресурс, никто не думал, что речь идет о судьбах целых народов. Все, что делалось в эти годы, не учитывало особенностей их трудовых ресурсов, этнокультурных характеристик и специфических интересов населения, а со второй половины 1970-х гг. вообще перестало отвечать задачам этнического развития коренных народов.

Начало проблемам, с которыми столкнулись в 1970–1980-е гг. коренные народы, положила массовая кампания по укрупнению колхозов. Во многих случаях это было действительно необходимо. Хозяйствам, где количество трудоспособных составляло не более 25–30 человек, решение серьезных задач оказалось не по плечу. Однако масштабы и темпы объединения превысили все разумные пределы. Стремление укрепить экономику за счет объединения привели к созданию чрезвычайно громоздких и трудно управляемых хозяйств, в составе которых оказались поселки, разбросанные друг от друга на десятки, а то и сотни километров. Многие колхозы оказались просто неуправляемы. Так, колхоз «Красный Октябрь» на Камчатке вобрал в себя все ительменские и корякские артели южной половины Тигильского района. Почти на 350 км протянулись с севера на юг владения другого укрупненного колхоза – им. XXII съезда КПСС в Пенжинском районе. В колхозе им. Калинина Ульчского района Хабаровского края оказалось 11 населенных пунктов, протянувшихся вдоль Амура на расстоянии 140 км. Колхоз «Ленинец» Нижне–Амурского района был создан на базе 20 хозяйств. Стоит ли удивляться тому, что очень скоро началась кампания по ликвидации «неперспективных поселений» и разукрупнению колхозов.

Дело в том, что в результате укрупнения характер колхозной экономики стал быстро меняться, она вошла в противоречие со сложившимся в рамках этнической культуры опытом трудовой деятельности. Для нового труда были нужны и новые люди. И они появились. Численность колхозников за счет приезжих быстро росла, что сразу же сказалось на занятости аборигенов. По уровню квалификации, социально–профессиональной мобильности, технической подготовке они уступали приезжим. Началось вытеснение коренных народов из сфер престижного, высокооплачиваемого труда в подсобно–вспомогательное производство.

Проблема занятости коренного населения стала весьма острой уже в конце 1960-х гг. и имела два основных аспекта – отсутствие в укрупненных поселках необходимого количества рабочих мест и высокая доля занятых неквалифицированным трудом. И в том, и в другом случае это создавало напряженную ситуацию в эмоционально–психологической сфере, не могло не отражаться на материальном уровне жизни коренных народов. Безработица в отдельных хозяйствах Северо–Востока доходила до 50%, и это притом, что на одной ставке нередко работали 2 чел.[13] Известны случаи, когда единственной сферой приложения труда коренных народов было вытряхивание мешков на складах рыбкоопов.

Нельзя сказать, что проблемы безработицы не привлекали внимание партийных, советских и хозяйственных органов. В 1970-е гг. в национальных

селах получили развитие новые отрасли хозяйства – молочное животноводство, птицеводство, тепличное овощеводство, что повлекло за собой и увеличение занятости коренных народов. В Корякском автономном округе, например, в животноводстве и птицеводстве на начало 1980-х гг. было занято более 100 северян. Новой сферой приложения труда коренных народов на Чукотке стало звероводство. С 1971 по 1979 г. число работавших на зверофермах увеличилось более чем на треть[14]. Росло число привлеченных в сферы здравоохранения, народного образования, культурно–бытового обслуживания. Однако все это вместе взятое так и не смогло решить проблем занятости.

По мере роста образованности и профессиональной подготовки молодежи все более болезненной становилась проблема неквалифицированного труда коренных народов. Особенно неблагополучно обстояло дело в небольших и средних по размерам селах, где таким трудом вынуждены были заниматься не только выпускники профтехучилищ, но и лица с дипломами вузов и техникумов. Достаточно сказать, что в Чукотском автономном округе в середине 1970-х гг. дипломы о высшем и среднем специальном образовании имели 400 представителей коренных народов, а работали по специальности лишь 200[15]. В Камчатской области из 50 аборигенов, закончивших в 1976–1980 гг. торгово–кооперативные техникумы и училища, работали по специальности в 1981 г. лишь 20[16]. При явном избытке собственных специалистов по отдельным профессиям потребности в них удовлетворялись за счет приезжих. Нормой жизни стала такая ситуация: приезжий специалист, возглавивший то или иное сельское учреждение, через два–три года полностью обновлял штатное расписание за счет вызванных с «материка» земляков и родственников, которые в погоне за заработком работали на двух–трех ставках. Местным жителям зачастую не доставались даже должности истопников и уборщиц.

С середины 1970-х гг. начинается новый этап «организационно-хозяйственного укрепления» северных хозяйств – преобразование колхозов в совхозы и другие государственные предприятия. У данной кампании есть и другое, менее известное, но более точное название – раскрестьянивание. Этот процесс шел в стране со времен столыпинских реформ. В 1930-е гг. он был ускорен коллективизацией, а потом ею же и приостановлен. Колхозы сохраняли крестьян в социально обновленном виде на привычной для них, но трансформированной кооперативными принципами общинной основе[17]. Отсутствие паспортов у колхозников существенно тормозило дальнейшее «расползание» крестьянства. Смерть Сталина изменила ситуацию.

Процесс раскрестьянивания российской деревни, усилившийся с середины 1950-х гг., не мог не затронуть и коренные народы. Он шел по нескольким направлениям. Рост образования и культуры колхозников, индустриализация аграрного производства способствовали выделению из однородной в социально–профессиональном отношении массы новых социальных групп – рабочих, служащих, интеллигенции. Уже к концу 1950-х гг. стал достаточно заметен рост численности городских жителей. У нанайцев и удэгейцев, например, в 1959 г. доля горожан составляла 13%, у нивхов – 16%[18].

В 1960-е гг. процесс раскрестьянивания получил теоретическое обоснование в рамках концепции достижения социальной однородности советского общества. Стирание классовых различий предусматривало сближение и слияние двух форм социалистической собственности, сближение рабочих

и колхозников по характеру труда за счет превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, сближение социальных групп по образованию, бытовым условиям, уровню социальной активности. Важнейшим инструментом раскрестьянивания на этом этапе и стало преобразование колхозов в совхозы и другие госпредприятия.

К началу 1980-х гг. с экономической карты Дальнего Востока исчезли все аборигенные колхозы за исключением рыболовецких. Реорганизация сопровождалась новой ликвидацией «неперспективных» деревень. Темпы сокращения крестьянства у коренных народов были заметно выше, чем в целом по стране. Если колхозники среди занятого населения страны составляли в 1981 г. 13,8%, то у коренных жителей автономных округов – 8,3%[19]. Колхозное крестьянство у большинства коренных народов фактически превратилось в аморфную социальную группу с размытыми институциональными характеристиками и диаспорным сознанием.

Последствия раскрестьянивания российской деревни хорошо известны. Миллионы крестьян, выброшенных социальным расслоением, коллективизацией, а потом и деколлективизацией из родной деревни в город, на долгие десятилетия заняли там низшие ступени социальной иерархии, получив презрительную кличку «лимита». Такие последствия имело раскрестьянивание и для коренных народов, причем подобный социальный статус они получили не в далеком и малопонятном им городе, а в родных поселках, где еще вчера были хозяевами. Преобразование колхозов в совхозы и другие госпредприятия еще больше обострили проблемы занятости. Число работавших в них представителей коренных народов неуклонно сокращалось, в то время как общая численность работавших за счет приезжего населения росла.

По мере того как менялись экономика, этнический и социальный состав районов проживания коренных народов, менялось и отношение к ним государства. С начала 1970-х гг. они перестают восприниматься как особый объект управления. Любопытно в этом отношении название Постановления СМ СССР, принятое в 1973 г., – «О дополнительных мерах по развитию экономики и культуры в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах»[20]. Впервые в советской истории власть акцентировала внимание на экономике и культуре не коренных народов, а районов их проживания. С этого времени такая форма «заботы» станет постоянной.

Изменения в экономике и культуре народов Дальнего Востока, их социальном статусе не могли не сказаться на демографических процессах. С середины 1960-х гг. народы Дальнего Востока вступили в полосу демографического перехода, являющегося составной частью перехода от традиционного общества к современному (индустриальному). Характерной тенденцией демографического развития с середины 1960-х гг. становится снижение рождаемости. Всего лишь один пример. В 1970 г. у эвенков Амурской области доля детей, родившихся в 1951–1955 гг., составляла 14,8%, а в 1966–1970 гг. – 10,7%. У эвенков Хабаровского края дети в возрасте до 10 лет составляли в половозрастной структуре в 1970 г. более 31%, в 1979 г. – лишь 24%[21].

Снижение рождаемости у народов Дальнего Востока помимо общих причин, присущих модернизационным процессам, было обусловлено и рядом специфических социальных явлений. В эти годы происходил процесс укрупнения и преобразования колхозов, ликвидация «неперспективных»

поселений, переселение в более крупные поселки. В результате поспешности переселений в новых поселках сложились напряженные жилищно–бытовые условия. В одной квартире проживали по 2–3 семьи, в детских садах и яслях не хватало мест. Снижению рождаемости способствовали также рост числа смешанных браков и неполных семей, безработица, возросшая миграция в города. Все это сопровождалось повышенной смертностью на почве стрессовых ситуаций в связи с переселением, злоупотреблением алкоголя. Не случайно именно в 1970-е гг. у народов Севера был зафиксирован наиболее низкий прирост численности населения. Если в 1959–1970 гг. он составлял в целом по РФ 16%, то в 1970–1979 гг. – лишь 2,9%[22].

Ликвидация «неперспективных» поселений, укрупнение коллективных хозяйств и рост численности приезжего населения не могли не отразиться на этноязыковой ситуации и характере ассимилятивных процессов вообще. Укрупнение имело два серьезных негативных последствия для этноязыковой сферы. Насильственное переселение из родных мест привело к повышенной смертности лиц старших возрастов. В первые годы после переселения она фиксировалась практически у всех народов. Преждевременный и почти одновременный уход из жизни бабушек и дедушек – главных носителей родного языка – не мог не сказаться на характере внутрисемейного общения. Исчезла необходимость говорить на родном языке с родителями, которые в массе своей не знали его или владели им очень плохо.

Другим следствием стало изменение характера языкового общения в производственной сфере. Преобразование колхозов в совхозы коренным образом изменило этническую структуру управленческого персонала. К руководству пришли другие люди, более грамотные, но весьма далекие от местной жизни. В этих условиях производственное двуязычие, характерное для колхозов, повсеместно заменилось русскоязычием.

Немалый вклад в процесс вытеснения родного языка и культуры внесла советская школа. Школы–интернаты, ставшие основными учебными заведениями с середины 1950-х гг., изначально ориентировали учащихся на овладение русским языком. Эту тенденцию поддерживали и многие родители, считавшие знание русского языка важным условием жизненного благополучия своих детей. Поэтому вопрос об изучении родного языка в большинстве случаев не стоял, тем более что и государство не ставило такой задачи. Более того попытки детей разговаривать между собой на родном языке жестко пресекались, за это наказывали. Над детьми, которые с трудом осваивали русский язык, смеялись учителя и товарищи. Жизнь в интернате в отрыве от семьи вела к отказу не только от родного языка, но и к нежеланию пасти оленей, работать в тайге или тундре.

Важным фактором этноязыковой ассимиляции стали изменения в семейно–брачных отношениях. Рост численности приезжих не мог не привести к росту числа смешанных семей. У амурских нивхов, например, доля смешанных, преимущественно с приезжими, браков в 1958–1982 гг. выросла с 59 до 72%, у нивхов Сахалина – с 38 до 58%[23]. У амурских нанайцев к началу 1980-х гг. смешанные браки составляли 46,2%, у уссурийских – 53,8%[24]. Несколько ниже, но также достаточно высокой была доля браков с приезжими у коренных народов в автономных округах Дальнего Востока. Внутрисемейное общение в таких семьях осуществлялось только на русском языке. С утратой родного языка теснейшим образом связаны и потери других элементов этнической культуры.

В целом политика советского государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока была подобна маятнику. Стремление к развитию их культуры сменялось ассимилятивными тенденциями. Государство, проводя среди коренных народов комплекс, безусловно, нужных мер по ликвидации их экономической и культурной отсталости, так и не смогло избавиться от синдрома этноцентризма. Их культура на государственном и бытовом уровнях всегда воспринималась как «примитивная», «отсталая». Главной целью политики по отношению к коренным народам была их интеграция в социалистическое общество на базе русского языка и русской культуры. Эта тенденция стала весьма ощутимой уже в 1950-е гг., а в полную силу развернулась со второй половины 1960-х. Но в таком многонациональном государстве, как СССР, при численном преобладании русского населения никаких других путей и не существовало.

И все же, несмотря на серьезные проблемы в этническом развитии, коренные народы прожили в составе СССР далеко не самый худший период своей истории. Если бросить на чашу весов потери и достижения, последних все же гораздо больше. Девальвацию этнических культур в XX в. пережили все народы СССР, в т.ч. и русские. Были периоды, когда борьба «с русским Ванькой» объявлялась чуть ли не генеральной линией национальной политики. Но здесь следует иметь в виду, что советская власть в послесталинский период не боролась с народами, а пыталась убрать этничность как чувство отличительности советских народов. Кто этого не понимает, тот вообще ничего не понимает в советской национальной политике.

Борьба с этничностью как чувством отличительности стала навязчивой идеей после того, как было объявлено, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Не лишне напомнить, что коммунизм понимался как бесклассовое и безнациональное общество. Отсюда те бюрократические фантазии и маниакальное упорство в деле сближения и слияния советских наций. Но и в этой ситуации коренные народы не чувствовали себя особенно ущемленными. Более того, в силу своей малочисленности и своего статуса они продолжали пользоваться особым вниманием. И даже сегодня, спустя два десятилетия, когда в адрес несуществующего советского государства уже прозвучали сотни проклятий, они по–прежнему продолжают считать советские десятилетия лучшим периодом своей жизни.

Этносоциологические исследования, проведенные в 2012 г. на Чукотке, а это наиболее благополучная в современных условиях территория проживания коренных народов Дальнего Востока, показывают, что наиболее плодотворным в истории страны респонденты считают послесталинский период (до прихода к власти М.С. Горбачева). Такой оценки придерживается 57% опрошенных, в отдельных населенных пунктах этот показатель еще выше. 45% респондентов из числа коренных народов убеждены, что в СССР им бы жилось лучше, 34% отметили ухудшение своего материального положения по сравнению с советским периодом, а 41% заявили, что в СССР ощущали себя гражданами страны в гораздо большей степени, чем сейчас.

Такая оценка с учетом современного состояния коренных народов Дальнего Востока не кажется столь уж удивительной. Если советское государство было заинтересовано в существовании коренных народов идеологически и экономически, то у современного российского государства они вызывают ничем не прикрытое раздражение, а во многих случаях и откровенно мешают.

1 ГАКК (Гос. арх. Камчатского края). Ф.164. Оп.1. Д.12. Л.143.
2 Тураев В.А. Основные черты исторического и современного этнохозяйственного комплекса // Экосистемы бассейна реки Бикин: Среда, человек, управление. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 63.
3 Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья (по материалам поездки в Тугуро–Чумиканский и Аяно–Майский районы Хабаровского края) // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 84 – 85.
4 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т.4. С. 331– 36.
5 Соколова З.П. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935–1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 66–116.
6 Народы Дальнего Востока СССР в XVII-хX веках. Историко–этнографические очерки. М.: Наука, 1985. С. 157.
7 Росугбу Б.М. Малые народности Приамурья в 1959–1965 гг. Хабаровск, 1976. С. 197.
8 ГАКАО (Гос. арх. Корякского автономного округа). Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 34.
9 Очерки по истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 309; История и культура чукчей. Историко–этнографические очерки. Л.: Наука, 1987. С. 192.
10 Брачун Т.А. Чукотский этнос: диалог с цивилизацией // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 5. Магадан, 2010. С. 17–23.
11 Задорин В.И. Триумф и падение эпохи Антонины Кымытваль и ее чукотского народа // Северо–Восточный научный журнал. 2009. №1. С. 18–19.
12 Стельмах В.Г., Тишков В.А. Опыт политической организации и борьбы за самоопределение // Коренное население Северной Америки в современном мире. М.: Наука, 1990. С. 355–385.
13 Бацаев И.Д. Советская аграрная политика на Северо–Востоке России в период социально–экономической модернизации (начало 1950-х – середина 1980-х гг.). Магадан, 2011. С. 119.
14 Тураев В.А. Некоторые проблемы использования трудовых ресурсов народностей Северо–Востока СССР // Социальные проблемы труда у народностей Севера. Новосибирск: Наука. 1986. С. 71.
15 ГАЧАО (Гос. арх. Чукотского автономного округа). Ф. 1. Оп. 1. Д. 694. Л. 66.
16 Тураев В.А. Некоторые проблемы использования… С. 78.
17 Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого–политологический анализ // Социс. 2010. №4. С. 28.
18 Росугбу Б.М. Малые народности Приамурья… С. 127.
19 Соломенцев М.С. Показать пример прочного союза // Литературная газета. 1982. 29 дек.
20 Решения партии и правительства… Т.10. С. 49–54.
21 Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 179.
22 Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи 1979 г. М., 1985. С. 91; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. М.,1973. Т.4. С. 21–22.
23 История и культура нивхов. Историко–этнографические очерки. СПб.: Наука, 2008. С. 51.
24 История и культура нанайцев. Историко–этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. С. 58.

А.В. АХМЕТОВА, Е.С. СУКОРКИНА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

С установлением советской власти на всем Дальнем Востоке начинается систематическая помощь коренным народам Крайнего Северо–Востока продовольствием, охотничьим снаряжением, орудиями лова и боеприпасами. Первым шагом к коллективизации стало объединение в товарищества. Раскулачивание, которому подверглись даже бедняки, негативно сказалось на жизни населения. Слабые объединения сливались в более сильные и экономически устойчивые. Это благоприятно повлияло на развитие оленеводства.

Ключевые слова: товарищество, артель, кооперативы, раскулачивание, коллективизация, коренные народы Крайнего Северо–Востока, Комитет Севера.

Опираясь на марксистско–ленинскую концепцию о том, что экономические изменения предопределяют все другие изменения в обществе, советские органы власти начали с производительных сил в национальных районах как предпосылки создания нового общества[1].

Приступая к коллективизации северных окраин, партия руководствовалась решениями съездов. X съезд РКП(б) (1921 г.) выступил против механического пересаживания экономических мероприятий более развитой в экономическом отношении Центральной России на восточные окраины страны. «Только организовав широкие массы местной бедноты на почве их жизненных экономических интересов, только завоевав доверие правильной политикой, сочетающей интересы коренных народов с интересами государства, можно добиться успеха», – отмечалось в документах тех лет[2]. Таким образом, советское государство пыталось планомерно проводить политику коллективизации Севера, учитывая специфические особенности коренного населения. В незерновых районах предполагалось развивать кооперативную организацию бедняцкого и середняцкого хозяйства, начиная с поселковых товариществ и специальных производственно–сбытовых кооперативных объединений, массово распространить товарищества по общественной обработке земли как переходной к артели формы[3]. Опираясь на опыт работы интегральной кооперации, партийные и советские органы на местах приступили к осуществлению социалистической переделки мелкого индивидуального хозяйства народов Крайнего Северо–Востока.

Первой, наиболее доступной и понятной местному населению, формой

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0482 «Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917–1991 гг.)».

было простейшее производственное объединение – оленеводческое товарищество, ставившее своей целью совместный выпас оленей. Выпас стада производился за плату, установленную общим собранием, которая начислялась в зависимости от количества оленей. Основная масса оленьего стада ДВК была сосредоточена в Чукотском округе. Другие виды домашних животных там не разводились. В районе Восточной тундры на 400 хозяйств приходилось около 63 тыс. оленей, в Чаунском районе на 300 хозяйств – 75 тыс. голов. Эти стада увеличивались до 1934 г., а затем стали уменьшаться[4].

Первоначально численность оленей возрастала за счет того, что люди добровольно объединялись в товарищества для улучшения своего экономического положения, для объединения и решения всех стоящих перед ними задач. Они перенимали друг у друга опыт в разведении оленей, ведении хозяйства. Это было очень важно для малочисленных народов в данный период. Падение поголовья оленей начинается в связи с развертыванием сплошной коллективизации, принудительным вступлением в колхозы, обобществлением орудий промысла, лова. Местные власти злоупотребляли своими полномочиями, проводилось раскулачивание и без того бедных людей.

Наряду с оленеводческими создавались охотничьи товарищества, которые ставили своей задачей организацию охотничьего промыслового хозяйства путем планового отстрела, охраны исчезающих видов. Необходимо отметить, что для населения Севера были расширены условия пользования природными ресурсами. Рыболовецкие и морзверобойные товарищества производили коллективную добычу рыбы и зверя всеми имеющимися у членов артели орудиями лова. Планирование в определенной степени положительно отразилось на лесном хозяйстве: отстреле пушного зверя и вылове рыбы. Установленные нормы нельзя было превышать[5].

В товарищества могли вступить все, кроме кулаков и лиц, лишенных избирательных прав. Финансовая составляющая товарищества представляла собой вступительные и паевые взносы, отчисления от прибыли в размере, определяемом общим собранием. Каждый член товарищества получал некоторые льготы, а следовательно, улучшал свое материальное положение. В первые годы колхозное движение на Севере не приняло широкого размаха, а те коллективы, которые возникли, хотя и имели много недостатков, тем не менее за два–три года своего существования показали преимущества совместного труда.

В начальный период колхозы организовывались в рамках интегральной кооперации. В сентябре 1929 г. на заседании Промысловой комиссии Комитета Севера, где рассматривался вопрос о формах коллективных объединений для малочисленных народов, было принято решение о том, что на ближайшие годы в тундровых и таежных районах Крайнего Севера интегральная промысловая артель на основе оленеводства, рыболовства, охоты и других дополнительных отраслей хозяйства, имевших по местным условиям определенное значение для развития производительных сил региона и повышения материального благосостояния членов колхоза, является наиболее целесообразной формой коллективного хозяйства[6]. И уже в 1930 г. все рыбные речные промыслы в регионе были переданы предприятиям интегральной кооперации. Их общий вылов составил 998 тыс. голов кеты[7].

Идею организации колхозов быстро подхватила беднота и батрачество. В сравнительно короткое время большинство бедняцких и часть середняцких хозяйств Чукотки были объединены в колхозы. Однако на дальнейшее замедление темпов коллективизации власти на местах отреагировали применением жестких мер. Началась борьба с устойчивыми самостоятельными хозяйствами не только среди «пришлого» населения, но и в среде малочисленных народов, хотя уровень их развития не предполагал существенной экономической дифференциации хозяйств.

Среди мер воздействия стало применяться лишение избирательных прав. Механизм был отлажен: сначала уполномоченным районного исполнительного комитета составлялся список, который передавался на обсуждение группам бедноты, бедняцким собраниям и утверждался Советом. Несмотря на то, что у коренного населения не было зажиточных семей, их, как и многих других, занятых сельским хозяйством, подвергали раскулачиванию. Это диктовалось установкой центральных органов на усиление борьбы с имущей частью населения, стремлением властей не просто ограничить число крепких самостоятельных хозяйств, а ликвидировать экономическое и социальное неравенство.

Меры по ограничению и вытеснению «эксплуататорских хозяйств», принимаемые в других регионах, не имели принципиальных различий и сводились к индивидуальному обложению, самообложению, лишению кредита, нормированному отпуску товаров, лишению избирательных прав. Четкие критерии определения типов хозяйств не разрабатывались. Таким образом, коллективизация на первом этапе была связана с кооперацией, происходило постепенное вовлечение коренного населения в колхозы. Большое внимание уделялось формам коллективных объединений, которые должны были соответствовать уровню развития коренного населения. Именно об этом говорилось в Постановлении ЦК ВКП(б) «О формах коллективизации в районах Крайнего Севера» от 1 сентября 1932 г., которое потребовало от партийных органов проявлять максимум внимания и заботы к народам Севера, не допускать при организации колхозов администрирования и принуждения, прекратить раскулачивание и исправить в этом отношении допущенные ошибки, всемерно укрепить органы советской власти на местах, развивая их инициативу, втягивая представителей коренных народов в их деятельность, чтобы все мероприятия проводились руками самих народов Крайнего Севера при действенной помощи со стороны русского населения[8]. Согласно архивным сведениям, на 1 января 1933 г. в 226 районах проживало 162 чел. из числа представителей малочисленных народов, которые имели 162 кооператива[9]. В тех районах, где допускалось при коллективизации обобществление всех оленей, было решено немедленно выделить необходимое количество оленей в личное пользование колхозников тех колхозов и артелей, которые можно оставить как колхозы, полностью окрепшие при непременном условии, что сами колхозники добровольно желали сохранить колхоз. Таким образом, еще до постановления ЦК ВКП(б) Далькрайком ориентировал местные партийные и советские органы на коллективизацию как в целом по краю, так и по северным национальным районам.

Далькрайком ВКП(б) обязал местные органы власти вернуть прежним владельцам обобществленное жилье, охотничьи ружья, собак, домашний и мелкий скот, промысловый инвентарь. Крайком партии требовал, опираясь на колхозный и советский актив, продолжать политику ограничения и вытеснения кулачества. В целях создания материальных условий для оседлости кочевников ставилась задача временно развивать подсобные виды хозяйства – огородничество, кустарные промыслы[10].

В результате принятых мер в колхозном строительстве на Крайнем Севере наступил перелом. Темпы коллективизации ускорились, наряду с созданием новых простейших производственных объединений переводились на устав артелей наиболее окрепшие хозяйства, слабые объединения сливались в одно, что позволяло значительно укрепить их экономически.

В 1933 г. в сельском и колхозном хозяйстве насчитывался 161 олень, при этом забой составлял всего 50 голов. В 1930–1933 гг. имелось 353 колхоза, в т.ч. у коренных народов – 147[11]. В ДВК идею колхозов не поддерживали кулачество и шаманы, выступавшие против пунктов по ликвидации неграмотности, школ, красных яранг и других учреждений просветительской направленности.

Важной нормой стало введение в Конституцию СССР 1936 г. принципа бесплатного землепользования. Земля, занимаемая колхозами и совхозами, закреплялась за ними в бесплатное и бессрочное пользование. Особое внимание уделялось обеспечению устойчивости землепользования колхозов, а позднее и совхозов, все это негативно сказалось на положении коренных народов в сфере земельных отношений. Показатели развития оленеводства на Чукотке в середине 1930-х гг. отражены в табл. 1.

Таблица 1

Хозяйство Чукотского округа в 1934–1937 гг. [12]

Район	Всего хозяйств	Поголовье оленей, тыс. голов	
		1934 г.	1937 г.
Чаунский	300	75	ок. 60
Анадырский	900	200	140
Марковский	400	50	41
Чукотский	100	61	50

Убыль поголовья общественного стада покрывалась за счет новых закупок, которые часто делались в принудительном порядке не только в зажиточных хозяйствах, но и у середняков и даже колхозников.

Коллективизацию коренных малочисленных народов нельзя оценивать однозначно. В целом она оказала значительное влияние на их экономическое положение, что явилось переломным моментом в жизни людей. Выделяются два этапа этого процесса. На первом этапе коллективизация имела положительное значение. В 1929 г. предполагалось проводить экономическую политику осторожно, чтобы не навредить народам Севера. Были образованы товарищества по общественному использованию угодий, артели по совместной обработке продукции. Предполагалось, что со временем коренные народы приблизятся к более высоким формам общественного

производства. Государство принимало во внимание специфику хозяйствования аборигенов Севера. Для них не установливались нормы вылова рыбы, что значительно улучшало их материальное положение. Также необходимо отметить, что в эти годы стоимость пушнины, которая добывалась строго по установленному плану, выплачивалась охотнику, а не хозяйству, в котором он состоял. На первом этапе коллективизации начался рост поголовья оленей. Земледелию власти уделяли мало внимания, что имело объективные причины. В дальнейшем это сказалось на его невысоком уровне развития, большинство полей предполагалось использовать для выпаса скота.

Следующий этап в жизни коренных народов относится к 1930–1932 гг., когда началось создание колхозов по типу сельхозартелей. Данный период характеризуется перегибом властных полномочий на местах. С развертыванием темпов коллективизации местные власти стремились ускорить ее темпы, не учитывая национальных особенностей, уровня развития и специфики хозяйственного уклада малочисленных народов. Негативную роль в экономике и культуре аборигенов сыграло насильственное обобществление орудий промысла, домашнего скота, земельных участков, а так же сплошная коллективизация с одновременной ликвидацией ряда населенных пунктов, насильственное переселение, когда игнорировались особенности культуры, обычаи, образ жизни людей. Советскому государству нужны были рабочие руки для поднятия экономики страны, поэтому в коллективизацию вовлекалось все население, включая и представителей коренных народов северных окраин.

1 Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.: Наука, 1955. С. 35–41.
2 Цит. по: Бобышев С.В. Советское государство и коренные народы Сибири и Дальнего Востока в 20–30-е гг. Комсомольск–на–Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2005. С. 34–37.
3 Там же.
4 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 137. Оп. 10. Д. 242. Л. 34.
5 Балицкий В.Г. От патриархально–общинного строя к социализму. М.: Мысль, 1969. С. 156–160.
6 Там же.
7 Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: Кн. изд–во, 2008. С. 77.
8 Яковлева Е.В. Малые народы Приамурья после социалистической революции. Хабаровск: Хабаров. кн. изд–во, 1957. С. 185–190.
9 ГАХК. Ф. 939. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
10 Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 169.
11 ГАХК. Ф. 137. Оп. 11. Д. 3 Л. 161.
12 Источник: ГАХК. Ф. 137. Оп. 10 Д. 242 Л. 36.

А.И. КИРИЛЛОВА

ПРОБЛЕМА ЗАКРЫТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ БЫСТРИНСКОГО РАЙОНА)

Статья раскрывает один из аспектов национальной политики советского государства на Дальнем Востоке в постсталинский период. В рамках анализа наследия эпохи сталинизма происходила оценка эффективности и рентабельности созданных в 1930–1950-х гг. коллективных хозяйств и колхозных усадеб. На основе архивных материалов по истории Быстринского района (Камчатка) освещены основные причины, этапы и результаты процесса укрупнения национальных населенных пунктов и коллективных хозяйств.

Ключевые слова: национальный населенный пункт, закрытие сел, Быстринский район, быстринские эвены.

Основной задачей советского правительства в 1920–1930-х гг. было «содействие планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно–экономическом, административно–судебном и культурно–санитарном отношении»[1]. В 1926 г. Декретом ВЦИК и СНК СССР было введено в действие «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», согласно которому в местах компактного проживания народов могли быть созданы родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты[2]. Появление коллективных форм хозяйствования с директивным стилем управления повлекло за собой необходимость создания усадеб – центров, где находились стационарные здания правления, а также соответствующая инфраструктура – отделения связи, службы жизнеобеспечения, детские сады, школы и жилье. После смерти И.В. Сталина советские власти приступили к ревизии его модернизационного курса во всех сферах жизни общества с одновременным смягчением политического режима. Во второй половине 1950-х гг. руководство страны поставило задачу повысить общий уровень жизни и перегнать ведущие капиталистические страны по основным показателям развития. В 1960–1980-х гг. формируется новая концепция: на пути к коммунизму лежит этап развитого социализма, при котором у населения должен быть высокий уровень жизни, достаточная обеспеченность материальными благами и высокий уровень образования и культуры. Для реализации данного курса был принят ряд законов и нормативно–правовых актов, проводился анализ рентабельности хозяйств, укрупнение колхозов и населенных пунктов, продолжалась стандартизация и унификация образо-

вания, формировалась и развивалась единая для всех жителей СССР система ценностей и идеология. Результаты нового курса оказались достаточно заметными в административно–территориальной и социальной сферах. Причем некоторые произошедшие изменения до сих пор оказывают влияние на жизнь национальных сел и деревень Дальнего Востока. Данная статья основана на материалах Быстринского района Камчатской области, где в начале 1950-х гг. в четырех населенных пунктах численно преобладали эвенки.

Административно–территориальная политика советской власти в 1950–1960-х гг. была направлена на укрупнение и развитие социальной инфраструктуры существовавших сел, местоположение новых сел выбиралось управленческими органами. В Быстринском районе эта задача требовала значительного финансирования со стороны местных и центральных властей, а также строительства дорог для регулярного снабжения населенных пунктов. Суммы и рациональность капиталовложений просчитывались соответствующими областными структурами, которые выявляли «перспективность» или «бесперспективность» развития населенных пунктов. В 1964 г. Решением № 338 Камчатского облисполкома был утвержден перечень перспективных и сселяемых населенных пунктов[3].

Однако некоторые села перестали существовать еще раньше. В 1956 г. по решению общего собрания членов колхоза «Пионер» Кекукнайского сельского совета произошло объединение с колхозом им. Молотова Анавгайского сельсовета. Колхозники просили рассмотреть вопрос о ликвидации Кекукнайского сельсовета ввиду того, что всё население переехало на постоянное место жительства в с. Анавгай. Согласно протоколам собраний членов колхоза и общих собраний жителей сельсовета, колхоз «Пионер» являлся слабым, отсутствовали перспективы его роста и развития на данной территории[4]. Официально Кекукнайский сельсовет был упразднен Решением №379 Камчатского облисполкома от 30 ноября 1956 г.[5] По данным протоколов сельского совета за 1955–1956 гг., там произошло резкое снижение уровня культурно–бытового обслуживания населения и наблюдались сбои в работе колхоза[6].

В 1957 г. в рамках Северной экспедиции в Быстринском районе побывал И.С. Гурвич. По его данным, на территории района было уже не четыре, а три сельских совета: Анавгайский сельсовет с поселками Анавгай, Крапивная и Эссо, на его территории находился колхоз им. XX партсъезда (81 хозяйство); Лаучанский сельсовет, центр – пос. Лаучан; колхоз им. Ленина (24 хозяйства); Твоянский сельсовет, центр – пос. Твоян; колхоз им. Сталина (39 хозяйств)[7].

В 1962 г. Решением № 435 Камчатского облисполкома от 14 августа из учетных данных как фактически несуществующий был исключен населенный пункт Лаучан[8] – центральная усадьба на то время самого маломощного колхоза Быстринского района. Сам колхоз также был расформирован. Обитателей Кекука и Лаучана переселили в Эссо и Анавгай.

В 1963 г. колхоз им. Сталина и центральная усадьба из с. Тваян были перебазированы в с. Быстрая. По воспоминаниям старожилов, ранее там находился трудовой лагерь (возможно, исправительно–трудовая колония. – *Прим. ред.*), куда в 1940-е гг. отправляли за расхищение колхозного имущества[9]. Заключенные занимались лесозаготовками. Само село Тваян было

исключено из учетных записей Решением № 311 Камчатского облисполкома от 11 июня 1963 г.[10] В 1964 г. произошло уточнение территории Быстринского района: границы между Мильковским и Быстринским районами устанавливались по рекам Быстрая и Козыревка. К Быстринскому району отошла площадь 7 293 га в связи с переселением эвенов в с. Быстрая, где находился лесоучасток Быстрый Камчатрыбпрома[11]. Как отмечают местные жители, переселение порой было насильственным: люди не хотели покидать привычные места обитания[12].

Таким образом, в конце 1950–1960-х гг. на территории Быстринского района произошло укрупнение и перебазирование колхозов, были закрыты некоторые малонаселенные и удаленные от райцентра поселки. К концу 1960-х гг. в районе имелось два колхоза – им. Сталина (с усадьбой в с. Быстрая) и им. XX Партсъезда (с. Анавгай) – и три населенных пункта (Эссо, Анавгай и Быстрая). После открытия проселочной дороги Эссо – Петропавловск–Камчатский в 1961 г. значение Крапивной как перевалочной базы снизилось, к 6 февраля 1964 г. ее закрепили за Усть–Камчатским районом[13]. По решению облисполкома 23 января 1965 г. Быстринский сельский район Камчатской области был преобразован в Быстринский район[14].

Тенденция закрытия национальных населенных пунктов в 1950–1960-х гг. характерна не только для Быстринского района, но и для всей области. Как отмечает В.И. Борисов, «национальные поселки на Камчатке почти исчезли. К 1970 г. поселков, в которых аборигенное население составляло большинство, осталось всего шесть: один ительменский, один эвенский и четыре корякских»[15].

В 1970-е гг. одним из приоритетных направлений социальной политики стало дальнейшее совершенствование культурно–бытового обслуживания населения. По этой причине продолжилось закрытие малонаселенных и бесперспективных сел и укрупнение существовавших. В 1974 г. на местном уровне было принято решение о закрытии с. Быстрая[16]. Официально его исключили из учетных записей 10 июля 1975 г. решением № 14–23 облисполкома[17]. Это произошло из–за того, что в 1970 г. там проживало только 227 чел., в то время как в Эссо – 962, в Анавгае – 563 чел.[18] К концу 1975 г. на территории Быстринского района осталось два сельских совета с центрами в селах Эссо и Анавгае, а также два совхоза – «Быстринский» (усадьба в с. Эссо, образован в 1966 г. при укрупнении и перебазировании колхоза им. Сталина)[19] и «Анавгайский» (образован в 1969 г. при укрупнении колхоза им. XX партсъезда)[20].

Помимо официальных населенных пунктов, отраженных в экспликации земель Быстринского района, в 1970–1980-е гг. существовало и неофициальное поселение Сануч. В описываемый период туда неоднократно направлялись прокурорские проверки. В 1975 г. самообразовавшийся поселок был закрыт, в то время в нем проживали не только взрослые, но и дети[21]. Несмотря на предпринимаемые меры по ликвидации, поселение на Сануче появлялось вновь и вновь. По воспоминаниям В.Ф. Федорова, там в основном проживали старики–пенсионеры, которые вели традиционное хозяйство – охотились и ловили рыбу, жили в полуподземных жилищах, чтобы не было видно с вертолёта, при этом все они имели квартиры или домики в Эссо и Анавгае; старики скрывали детей[22]. По данным того же информанта, пенсио-

неров убеждали вернуться в села, но они упорно отказывались и скрывались в лесах, предпочитая вести уединенный образ жизни в привычных для них условиях, заниматься традиционными видами деятельности.

Укрупнение колхозных усадеб имело ряд положительных экономических и социальных последствий: совершенствовалась система здравоохранения, улучшались бытовые условия за счет переселения в благоустроенные дома со всеми современными удобствами, развивалась социальная инфраструктура (клубы, магазины, парикмахерские, отделения связи). К 1976 г. в районе (в Эссо) функционировала собственная радиостанция. По опубликованным данным, на развитие услуг связи в районе с 1971 по 1975 г. было израсходовано 72,6 тыс. руб., объем услуг увеличился с 70 до 159 тыс. руб., вдвое возросла подписка на газеты и журналы, активно развивалось библиотечное дело. В 1975 г. фонд Быстринской районной библиотеки составлял 12 тыс. экз., а число читателей – около 1000. Библиотека становилась культурным центром района. На ее базе проводились юбилейные вечера, встречи с деятелями культуры, конкурсы, викторины, театрализованные представления и т.п., была организована подписка на ведущие газеты страны («Правду», «Труд» и др.). Для сравнения: в 1934 г. в фонде быстринской избы–читальни числилось 633 книги, и ее посещали 67 чел.[23]. Эвенское население к 1970–м гг. практически полностью подписалось на местные и крупнейшие газеты СССР, например, в Тваяне в 1963 г. не оформило подписку всего 5 семей, газеты доставлялись в табуны, хотя и с опозданием[24].

В 1970–1980-х гг. в рамках развития социальной инфраструктуры сел Быстринского района интенсивно идет строительство капитальных каменных зданий, появляются учреждения образования и культуры, улучшаются бытовые условия. Там были один районный и два сельских Дома культуры, среди оленеводов работали агиткультбригады, организовывавшие политическое просвещение и досуг тружеников. В Эссо располагалась районная больница, оказывавшая квалифицированную медицинскую помощь обитателям сел[25]. Быстринский район является одним из самых экологически благоприятных на Камчатке, т.к. с конца 1960-х гг. здесь используется энергия подземных горячих источников для отопления жилых домов, а электроэнергия вырабатывается при помощи ГЭС. Тем не менее длительное время на его территории работала дизельная электростанция (ДЭС–2Э), которая осуществляла круглосуточное энергоснабжение в 1970–1980-е гг.

Социальная инфраструктура сел района развивалась за счет средств самообложения населения и местного бюджета, в который была заложена статья «благоустройство»[26]. Строительство лестниц, мостков и колодцев в населенных пунктах финансировалось исключительно за счет средств самообложения населения, которыми в 1960–1980-х гг. ведали депутаты сельсоветов по округам и уличные комитеты, отвечавшие за благоустройство отдельных улиц и кварталов, они распределяли средства и выделяли объекты первоочередной необходимости. Более крупные стройки получали средства в соответствии со статьями сельского и районного бюджетов. Так, в Эссо было оборудовано противопожарное помещение с необходимым инвентарем и оборудованием для тушения пожаров за счет средств местного бюджета[27].

Помимо положительных результатов переселения эвенов в укрупненные поселки и модернизации в бытовой сфере существовали и отрицательные: отрыв населения от традиционных охотничьих и рыболовных угодий, ягодников и зон сбора дикоросов, невозможность занять производительным трудом большое число женщин и значительную часть мужчин, заброшенность огромных территорий, которые подолгу не осваивались (реки Кекук, Лаучан, Маныч и др.).

Как отмечают ученые–этнографы (В.И. Васильев, И.С. Гурвич, М.Я. Жорницкая, В.В. Лебедев, Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова), «сселение в крупные поселки населения должно было быть комплексным мероприятием, но оно таким не стало: решалась лишь одна задача – концентрация населения в относительно благоустроенных поселках, его культурно–бытовое обслуживание»[28]. Причем эта задача решалась не всегда достаточно успешно. При перебазировании села Тваян в село Быстрая колхозники почти год прожили на временных квартирах, в новом населенном пункте не работала общественная баня, не было прачечных в детском саду и школе–интернате, пекарня находилась в антисанитарном состоянии[29]. На новое место жителей Тваяна вывозили поспешно, с собой можно было взять только личные вещи[30], поэтому в дальнейшем они часто испытывали нужду в мебели и бытовых предметах[31].

Среди отрицательных социальных последствий сселения эвенов в укрупненные поселки и оставления привычной среды обитания особо выделяется массовое пьянство, ставшее настоящей проблемой в 1970-е гг. Этот факт подтверждают и данные протоколов сельсоветов: в 1976 г. исполком Эссовского сельсовета отмечал, что «среди жителей местной национальности участились случаи массовых выпивок, особенно после того, когда приезжают оленеводы из тундры или охотники из охотугодий, на почве пьянок устраиваются дебоши, драки»[32]. Для пресечения этого асоциального явления представители добровольной народной дружины (ДНД) и активисты предприятий брали шефство над каждой неблагонадежной семьёй, проводили воспитательные беседы, посещали подшефных и контролировали их семейный бюджет, объясняя, как правильно и экономично расходовать средства. Среди таких «проблемных» сельчан преобладали оленеводы и охотники, а также много пенсионеров и рабочих совхоза, точнее РСУ (ремстройучастка). Общежитие РСУ считалось одним из самых сложных в этом плане объектов сельсовета, там происходило большинство пьяных драк, были случаи убийств на бытовой почве. Причиной этого служило не только отсутствие занятий в определенные периоды, незаинтересованность в социальной жизни района, но и сам контингент рабочих РСУ. Часто ими были завербованные на сезонные работы асоциальные элементы из Петропавловска и Елизово[33], не принимавшие участия в жизни района. Не будучи занятыми, по вечерам они организовывали «массовые выпивки», к которым присоединялось подверженное алкоголизму местное население. Помимо деятельности общественных организаций (товарищеских судов и ДНД), шефства над неблагополучными семьями, вовлечения населения во всевозможные объединения и кружки, организации кинопоказов и лекций по вечерам власти района пытались ограничить продажу крепких спиртных напитков. В 1976 г.

было принято решение довести продажу водочных изделий до 10% от всех продовольственных товаров[34], существовало четкое предписание: продавать не более бутылки водки в одни руки и не давать ее представителям местной коренной национальности[35].

В совхозах наблюдалась тенденция «перегрузки» кадрами: с существовавшим объемом работ могло справиться меньшее число людей, чем состояло в штате. Это было связано с целенаправленной политикой максимально трудоустраивать население, не допуская безработицы. Как отмечали авторы концепции этнокультурного развития народностей Севера (1989 г.), «везде слишком много разнорабочих. В среднем они составляют от 30 до 60% рабочих совхозов (иногда даже 90%), выполняя объем работ, с которым ранее справлялись не более 10% работников хозяйств»[36]. Население, занимая рабочие места, на самом деле не трудилось в полном объеме, что способствовало развитию таких асоциальных явлений, как пьянство, тунеядство, прогулы и хулиганство. Зачастую находившиеся на зарплате разнорабочие бесцельно проводили трудовой день, не получив разнарядки. В ходе борьбы с безработицей наблюдались случаи грубого нарушения КЗОТ, когда одну ставку занимали 2–3 чел. Естественно, что и зарплата у них была очень низкой[37]. Все указанные причины способствовали тому, что люди теряли уважение к труду и трудовой дисциплине. Причиной «перегруженности» кадрами послужила также политика укрупнения центральных усадеб коллективных хозяйств: там оказалось слишком много коренного населения.

Таким образом, политика укрупнения сел и коллективных хозяйств имела значительные недостатки, не была детально просчитана. При изменении административно–территориального устройства Быстринского района не велось стратегического планирования, не обосновывались социальные последствия, не составлялся долгосрочный прогноз развития укрупненных населенных пунктов, учитывался лишь краткосрочный эффект от данных мер.

Пример Быстринского района показывает, что постсталинский модернизационный курс в сфере развития национальных районов Севера в СССР привел к значительным изменениям в их административно–территориальном устройстве. В основном они зависели от экономической рентабельности колхозов. Кампания по укрупнению колхозов и населенных пунктов не всегда носила продуманный характер, зачастую не учитывались традиционные занятия населения и его образ жизни, привычки. Также не был решен вопрос полной занятости населения в укрупненных поселках, возникала ситуация «перегруженности кадрами», в то же время в оленеводческих звеньях не было достаточного числа профессиональных работников. Бытовые проблемы и отсутствие занятости приводили к мощному росту асоциальных явлений. Обращение к этому историческому опыту будет нелишним и в современных условиях при проведении административных преобразований на данных территориях.

1 Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Магадан: Изд–во СВГУ, 2009. С. 35–36.
2 Там же. С. 38.
3 ГАКК (Гос. арх. Камчатского края). Ф .Р–88. Оп. 1. Д. 708. Л. 196–200; Д. 712. Л. 112–117.
4 Там же. Ф. Р–489. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
5 Там же. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 709. Л. 186.
6 Там же. Ф. Р–489. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.
7 Кузаков К.Г. Заметки об эвенах–быстринцах // Краеведческие записки. Петропавловск–Камч.: Дальневост. кн. изд–во, Камч. отд–ние, 1968. Вып.1. С. 69.
8 ГАКК. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 712. Л. 171.
9 Воспоминания Банакакновой П.М. // Материалы этнографической экспедиции КамГУ в с. Анавгай 13–21 марта 2005 г.
10 ГАКК. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 778. Л. 79.
11 Там же. Ф. Р–121. Оп.1. Д. 151. Л. 1.
12 Борисов В.И. Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск–Камч.: Новая кн., 2008. Вып. 2. С. 200.
13 ГАКК Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.
14 Там же. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 773. Л. 61.
15 Борисов В.И. Из истории населенных пунктов полуострова Камчатка // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск–Камч.: Новая кн., 2009. Вып. 4. С. 271.
16 ГАКК. Ф. Р–486. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.
17 Там же. Ф. Р–88. Оп. 4. Д. 915. Л. 69.
18 Паспорт Быстринского района 1970–1990 гг. // Муниципальный архив Эссовского сельского поселения.
19 ГАКК. Ф. Р–801. Оп. 1.
20 Там же. Ф. Р–802. Оп. 1.
21 Там же. Ф. Р–717. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.
22 Беседа с Федоровым В.Ф. от 18.09.2010, пос. Раздольный Елизовского района.
23 См. подробнее Борисов В. Быстринский район в газетной строке. Петропавловск–Камч.: Южн. электрич. сети Камчатки, 2006. С. 60–62.
24 ГАКК. Ф. Р–486. Оп. 1. Д. 48. Л. 10 об. Л. 11.
25 См. подробнее: Кравченко В. На Эссо радуга упала: К 80–летию Быстринского района. Петропавловск–Камч.: Новая кн., 2006. С. 28.
26 ГАКК. Ф. Р–717. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
27 Там же.
28 Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно–технического прогресса на перспективу до 2005 года (основная концепция). М.,1989. С. 41.
29 ГАКК. Ф. Р–486. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.
30 Муниципальный архив Эссовского сельского поселения // Фонд Фотоматериалы.
31 ГАКК. Ф. Р–486. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.
32 Там же. Ф. Р–717. Оп. 1. Д. 127. Л. 9.
33 Беседа с Федоровым В.Ф. от 18.09.2010.
34 ГАКК. Ф. Р–717. Оп. 1. Д. 127. Л. 45–47.
35 Беседа с Федоровым В.Ф. от 18.09.2010.
36 Этнокультурное развитие народностей Севера… С. 21.
37 Там же.

Г.Б. ДУДЧЕНКО

ДИПЛОМАТИЯ Д. Т. ШЕПИЛОВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1956–1957 гг.)

Статья посвящена короткому периоду карьеры Д.Т. Шепилова, возглавившего в 1956–1957 гг. Министерство иностранных дел СССР. Автор приходит к выводу, что, пребывание Шепилова на этом посту открыло новую страницу отечественной внешней политики, которая сделала гигантский «разворот на Восток».

Ключевые слова: Д.Т. Шепилов, советская дипломатия, восточное направление внешней политики СССР.

При изучении различных вопросов отечественной истории часто приходится прибегать к анализу того, насколько в данном явлении выражен внешний фактор, обращать внимание на те или иные зарубежные страны. Действительно, значение международного положения в жизни страны, включая ее региональное развитие, бывает трудно переоценить. Применительно к XX в. это становится особенно актуальным, учитывая менявшийся статус на мировой арене России и Советского Союза. Многое зависело и от работы внешнеполитического ведомства. Недаром имена народных комиссаров и министров иностранных дел знаменуют целые эпохи отечественной дипломатии – Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, В.М. Молотов и др.

Если учесть, что в 1950-е гг. во внутриполитической ситуации СССР происходили различные перемены (в частности, связанные с XX съездом КПСС), то следует предположить, что они не могли не касаться отношений с зарубежными странами. Что–то новое могло появиться в проведении внешней политики. Очевидно, что следовало ожидать возможных кадровых решений относительно руководящего состава МИД. И действительно, 1 июня 1956 г. Министерство иностранных дел СССР вместо В.М. Молотова возглавил Д.Т. Шепилов.

Политический портрет Дмитрия Трофимовича Шепилова заметно выделяется в галерее портретов руководителей внешнеполитического ведомства страны. Он не только не относился к т.н. карьерным дипломатам, но и стал министром в одночасье и совершенно неожиданно. Хотя то же самое можно сказать и о других постах, которые ему доводилось занимать в разные годы: первый заместитель начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), секретарь ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда» и т.д. В среде высшей партийной элиты он имел репутацию опытного аппаратного работника, образованного, всесторонне развитого человека, ответственно относившегося к любому порученному делу.

В книге воспоминаний «Непримкнувший» Д.Т. Шепилов относит себя к «комсомольцам двадцатого года», на долю которых выпали грандиозные события и вместе с тем тяжелые времена, суровые испытания. Он рассказывает, как неоднократно подвергался опасности стать жертвой процессов, которые позже будут названы репрессиями. Однако каждый раз судьба к нему оказывалась благосклонной. К международным вопросам он, безусловно, до того, как стать министром, тоже имел отношение – и как военный комендант Вены, и как главный редактор «Правды», и как член советской делегации, сопровождавшей Н.С. Хрущева во время его знаменитого визита в Китай в 1954 г.

Сложно однозначно определить, что повлияло на решение о назначении Д.Т. Шепилова министром иностранных дел. По одной версии в 1956 г. необходимо было срочно заменить В.М. Молотова на этом посту, потому как приближался визит в Москву югославского лидера И.Б. Тито. Он вряд ли хотел бы встречаться с действующим министром иностранных дел СССР, т.к. Молотов для президента СФРЮ ассоциировался со Сталиным и эпохой разлада советско–югославских отношений, и тогда визит оказался бы под угрозой срыва. На время визита предусматривалось обсуждение ситуации в Венгрии, от исхода которого зависели перспективы Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи.

Другая версия предполагает более широкое объяснение: Хрущев считал необходимым провести кардинальные изменения всей внешней политики Советского Союза, в связи с этим назревали поиски новой кандидатуры на пост главы соответствующего ведомства. В чем конкретно должны были состоять эти изменения – вопрос отдельный.

Следует признать, что ко времени вступления Д.Т. Шепилова в должность министра иностранных дел международная обстановка для Советского Союза в целом была благоприятной, особенно в сравнении с предыдущими двумя десятилетиями. В СССР вернулись к довоенному уровню производства, и страна экономически развивалась дальше. После Второй мировой войны восстанавливались и другие страны как в Европе, так и в Азии и Африке. В 1953 г. достигнуто перемирие в Корейской войне, в 1954 г. завершилась война между Францией и Вьетнамом. С Китаем у Советского Союза продолжались отношения, именуемые «великой дружбой». С большинством восточноевропейских стран у СССР не только сложились дружественные отношения, но и оформились соответствующие интеграционные структуры – СЭВ и ОВД, заложенные в основу мировой системы стран социализма. Сложность же отношений с Польшей и Венгрией была обусловлена, прежде всего, внутриполитической ситуацией в данных странах. Решение этого вопроса требовало концентрации усилий в том числе и со стороны нового министра иностранных дел.

Выстраивать какую–либо дипломатию в 1950-е гг. Советскому Союзу приходилось в условиях «холодной войны» и наличия оружия массового поражения. Эти обстоятельства затрудняли диалог со странами Запада. Однако гигантский «разворот на Восток», который стал прослеживаться в данную эпоху, обусловлен отнюдь не только этой причиной. Среди лидеров ведущих зарубежных государств, в т.ч. стран–участниц НАТО, в рассматриваемый период было немало политиков, готовых к конструктивным отношениям с Мо-

сквой. Наступившее сосуществование и соревнование двух систем распространялось и на «третий мир». В странах Азии, Африки, Латинской Америки ширилось национально–освободительное движение. Страны приступали к поискам путей развития, и руководители многих из них были готовы сотрудничать с Советским Союзом и другими социалистическими странами, перенимать их опыт, в т.ч. в государственном строительстве и создании соответствующей общественно–политической системы.

По мере развития этих процессов зарубежный мир в Советском Союзе переставал видеться европо– или американо–центричным. Все большую значимость в дипломатии, внешней политике и международных отношениях приобретало не западное, а восточное направление. Очевидно, это требовало перемен в работе советского внешнеполитического ведомства.

Историк и публицист Л. Млечин об этом так и пишет: «Шепилов был первым незападником на посту министра иностранных дел. Он считал, что Советскому Союзу надо подружиться с азиатскими странами, на которые в Москве прежде не обращали внимания. Сталин и Молотов только Америку и Западную Европу считали партнерами, достойными внимания»[1].

Вообще существует немало трактовок и рассуждений на тему смены в СССР внешнеполитического курса в середине 1950-х гг., в т.ч. весьма нетривиальных. Например, Чан Кайши в книге «Советская Россия в Китае» написал: «Несмотря на то, что и Маленков, и Хрущев использовали один и тот же лозунг «мирного сосуществования», они применяли его по–разному. Во времена Маленкова политика мирного сосуществования КПСС сводилась лишь к попытке предотвратить заключение Парижских оборонительных соглашений, воспрепятствовать установлению системы безопасности в Азиатско–Тихоокеанском регионе и организации совместной обороны на Ближнем Востоке. Хрущевское же «мирное сосуществование» представляет собой стратегическое наступление с целью разбить единый фронт свободного мира против агрессии»[2]. Как поясняет научный редактор издания А.В. Панцов, под Парижскими оборонительными соглашениями подразумеваются соглашения, заключенные 23 октября 1954 г. на Парижской конференции девяти держав о прекращении оккупации Западной Германии и принятии ФРГ в НАТО.

Став министром, Д.Т. Шепилов совершил поездку по странам Ближнего Востока. С ней связано установление дружественных отношений с арабскими странами, начало строительства Асуанской плотины в Египте. Кроме этого, он возглавил советскую делегацию на Лондонской конференции по Суэцкому каналу. В это же время продолжилось мощное развитие дружественных отношений между СССР и Индией. В частности, при содействии советских специалистов строился металлургический комбинат в Бхилаи.

Однако даже на этом фоне особого внимания требовало международное положение стран Восточной Азии. Значимость региона заметно возросла в связи с прошедшей Второй мировой войной, и это не единственный фактор. Дружественные отношения развивались у Советского Союза с Китайской Народной Республикой и другими странами региона. Кроме того, невозможно было не замечать демографического взрыва в Китае, возрождающегося экономического потенциала Японии, повышенного интереса к региону со стороны США и других стран Запада.

Что касается государств Восточной Азии дружественных Советскому Союзу, то в рассматриваемый период представилась возможность эти отношения не только продолжать, но и выводить на новый уровень, искать новые формы сотрудничества. Особенно показателен в этой связи пример с Китаем. Так, 18 августа 1956 г. в Пекине было подписано соглашение о проведении в бассейне Амура совместных научно–исследовательских и проектно–изыскательских работ по выявлению природных ресурсов, определению перспектив развития производительных сил, составлению плана комплексного использования вод р. Аргуни и верхнего течения Амура[3]. Тогда же, в 1956 г., Советский Союз направил в КНР большую группу ученых, оказавших содействие в разработке обширного плана развития науки Китая, который был рассчитан на 12 лет. На учебу в СССР только в одном 1956 г. выехало около 1800 китайских студентов и аспирантов[4].

Были в это же время и обмены визитами на высоком уровне. В сентябре 1956 г. в ходе VIII съезда КПК в Пекине А.И. Микоян беседовал с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро ЦК КПК об итогах XX съезда КПСС. В октябре–ноябре прошли закрытые консультации в Москве на уровне Лю Шаоци – Хрущев по событиям в Венгрии. В ноябре–декабре того же года в Советском Союзе побывала делегация Всекитайского собрания народных представителей во главе с заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП Пын Чжэнем. Делегация посетила Москву, Ленинград, Ташкент, Тбилиси, Омск, Иркутск. По возвращении в Китай глава делегации высказывал восторженные впечатления от увиденного. В январе 1957 г. Советский Союз посетила делегация КНР во главе с Чжоу Эньлаем. На этой встрече речь шла о сотрудничестве между социалистическими странами, о событиях в Венгрии, а также о ситуации вокруг Египта[5].

Большое зарубежное турне в июне–июле 1956 г. совершил и Ким Ир Сен. Он посетил ряд социалистических стран: Советский Союз, Польшу, ГДР, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию и Монголию. Выступая 12 июля по советскому радио, Ким Ир Сен заявил, что «корейский народ, освобожденный 11 лет назад Советской Армией, взял власть в свои руки и прошел по пути создания и укрепления нового демократического и независимого государства»[6].

Однако в отношениях с КНДР ситуация была непростой. К этому времени внутри Северной Кореи происходило противостояние разных политических групп, обострение разногласий внутри Трудовой партии Кореи. Наблюдались и другие тенденции, негативно воспринимаемые в дружественных странах. Для решения этих вопросов КПСС и КПК направили в Северную Корею своих представителей. Ими стали соответственно А.И. Микоян и Пэн Дэхуай. Согласно последующим документам, их миссия имела определенный успех. Но обеспокоенность в странах социалистического лагеря по поводу ситуации в КНДР все равно сохранялась и нарастала.

По поручению Д.Т. Шепилова посол В.И. Иванов разослал Н.С. Хрущеву, А.И. Микояну, другим членам Президиума ЦК КПСС, а также руководящим работникам МИД документ от 28 декабря 1956 г. под заголовком «К ситуации в Трудовой партии Кореи и Корейской Народно–Демократической Республике». Документ содержал резкую критику положения дел в КНДР и действий ее руководства. В нем имелись замечания о том, что серьезные недостатки

и ошибки в работе ТПК так и остались невыявленными, в рамках системы подавления, созданной Ким Ир Сеном, оказалось невозможным преодолеть культ личности и исправить иные ошибки, допущенные властью. Также указывалось, что отношения с Китаем у Северной Кореи не нормализованы, уровень жизни в стране по–прежнему низок[7].

Нобуо Симотомаи, профессор университета Хосэй, делает вывод: «Если в 1945 г. Ким Ир Сен был просто «куклой», возглавлявшей марионеточное правительство, то по прошествии десяти лет он стал постепенно выходить из–под контроля своего подлинного «создателя» – Советского Союза, а также Китая, оказавшего ему помощь в ходе Корейской войны»[8].

Но, несмотря на это, КНДР для Советского Союза в целом оставалась дружественным социалистическим государством. В это время действовали подписанные в Москве 6 мая 1952 г. Соглашения об обучении граждан КНДР в высших гражданских учебных заведениях СССР и о научно–техническом сотрудничестве между СССР и КНДР. В 1956 г. представители КНДР начали приезжать в Объединенный институт ядерных исследований в Дубне для обучения и совместной работы[9].

Летом 1956 г. между СССР, КНР и КНДР были подписаны соглашения: от 3 июля о сотрудничестве при спасении человеческих жизней и оказании помощи судам и самолетам, терпящим бедствие в море, и от 15 июля – о сотрудничестве в проведении рыбохозяйственных, океанологических и лимнологических исследований в западной части Тихого океана. Данное соглашение действовало 10 лет, 15 декабря 1958 г. к нему присоединилась Монголия[10].

Более традиционные формы международного взаимодействия в регионе с дружественными государствами продолжили свое развитие, и по некоторым моментам, связанным с ними, рассматриваемый период заметно выделяется. В частности, 25 июля 1956 г. в Пекине между КНР и СССР был подписан протокол о дополнительных поставках товаров на 1956 г. Советский Союз взял на себя обязательства поставить Китаю продукцию машиностроения: станки, подъемные краны, автомобили, сельскохозяйственные машины, воздушные компрессоры, насосы, дизели, генераторы, инструменты и т.д. КНР должна была поставить СССР серу, ртуть, каустическую соду, кальцинированную соду, рис, чай, шерстяные изделия и другие товары[11]. В это же время продолжалась работа в Китае советских специалистов. С их помощью строились и вводились в эксплуатацию многочисленные новые предприятия, в т.ч. крупнейшие металлургические комбинаты.

Итак, в Восточной Азии к этому времени сложился конгломерат социалистических государств, дружественных Советскому Союзу – КНР, КНДР, ДРВ. Но эти же государства представляли собой примеры разделенных стран. В каждой из стран имелись территории, на которых также были созданы свои государственные образования, но тяготевшие к противоположному политическому лагерю. Это соответственно Тайвань, Южная Корея, Южный Вьетнам. Руководство данных государств избирало иной путь развития, в международных вопросах делало ставку на сотрудничество с Западом, дипломатических отношений с Советским Союзом у них не было и на то время не предвиделось.

В то же время в отношениях с Японией ближайшие перспективы оставались неопределенными. Многое зависело от расстановки политических

сил внутри Японии. В свою очередь, советская дипломатия предприняла решительные шаги к восстановлению отношений с перспективой плодотворного делового и культурного сотрудничества. Сближение Японии и Советского Союза проходило с большим трудом через переговоры в Лондоне, целью которых была нормализация отношений, и переговоры в Москве, в результате которых были подписаны Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо–западной части Тихого океана и Соглашение о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие в открытом море.

Огромный вклад в восстановление дипломатических отношений с СССР внесли премьер–министр Японии Итиро Хатояма, министр сельского хозяйства и лесоводства Итиро Коно. Как подчеркивал участник переговоров Сюнъити Мацумото: «Хатояма был человеком, любившим мир, заботившимся о том, чтобы поднять международное положение Японии и тем самым добиться ее полной независимости»[12].

С советской стороны в середине 1950-х гг. активные усилия прилагало предыдущее руководство МИД и видные дипломаты: министр В.М. Молотов, зам. министра Н.Т. Титаренко, посол СССР в Великобритании Я.А. Малик, глава Советского представительства в Токио С.Л. Тихвинский. Однако до логического итога – установления с Японией дипломатических отношений с обменом послами – дело было доведено в бытность уже нового министра иностранных дел Д.Т. Шепилова. Важнейшие двусторонние документы – Совместная декларация и Протокол между СССР и Японией о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации – вступили в силу после всех ратификаций 12 декабря 1956 г.

Первым послом Советского Союза в Японии после восстановления дипломатических отношений стал бывший первый заместитель председателя СМ СССР И.Ф. Тевосян. Соответственно первый посол Японии в Советском Союзе – видный дипломат, заместитель министра иностранных дел Суэмицу Кадоваки. При поддержке Советского Союза 18 декабря 1956 г. на 11–й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Япония была принята в члены этой организации[13].

Экономический эффект от нормализации советско–японских отношений и подписания вышеупомянутого Протокола не заставил себя ждать. В 1958 г. общая сумма товарооборота между СССР и Японией составила 40 млн долл., это в два раза больше, чем в предыдущем году. В 1959 г. товарооборот достиг 63 млн долл., т.е. вырос в полтора раза. Появилась и новая форма сотрудничества – т.н. прибрежная торговля, когда судоходными линиями были связаны порты советского Дальнего Востока и западного побережья Японии[14].

Отставка Д.Т. Шепилова в феврале 1957 г. с поста министра иностранных дел (точнее его возвращение на прежнюю должность секретаря ЦК КПСС) была настолько же неожиданной, как и назначение на должность министра. Дальнейшая биография Дмитрия Трофимовича широко известна – после июньского 1957 г. Пленума ЦК КПСС он оказался в опале, обвинен как примкнувший к антипартийной группировке Молотова, Маленкова, Кагановича, снят со всех руководящих постов, выселен из московской квартиры, в 1959 г. лишен звания члена–корреспондента АН СССР, в 1962 г. исключен из партии. Позже он работал директором (с 1959 г. – зам. директора) Института

экономики АН Киргизской ССР, с 1960 г. – архивариусом в Главном архивном управлении при СМ СССР. В КПСС был восстановлен в 1976 г., в звании члена–корреспондента АН СССР – в 1991 г.

Таким образом, министром иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов пробыл недолго – восемь с половиной месяцев. Для сравнения: его преемник А.А. Громыко проработал на этом посту 28 лет*. Однако время 1956–1957 гг., с точки зрения внешней политики и международных отношений, заметно выделяется тенденциями и решениями. В этом, несомненно, выражена роль и главы внешнеполитического ведомства. Усиление внимания к Китаю, Японии и другим странам региона оказало определенное влияние и на дальнейшее освоение советского Дальнего Востока, развитие его производительных сил, материальное снабжение, культурные контакты. И не только в рассматриваемый период, но и в последующие годы. Далее в истории деятельности Министерства иностранных дел СССР открывается новая страница.

1 Млечин Л. Дмитрий Шепилов: он спорил со Сталиным и критиковал Хрущева // Новое время. 1999. № 11. С. 30.
2 Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 317.
3 Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско–китайские отношения. 1945–1970: краткий очерк. М., 1971. С. 96.
4 Там же. С. 97.
5 Там же. С. 85–86; Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2005. С. 77.
6 Симотомаи Нобуо. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи «холодной войны» (1945–1961 гг.). М., 2009. С. 233.
7 Там же. С. 273–275.
8 Там же. С. 276.
9 Отношения Советского Союза с Народной Кореей (1941–1980): документы и материалы. М., 1981. С. 89.
10 Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско–китайские отношения… С. 97.
11 Там же. С. 96.
12 Тихвинский С.Л. Возвращение к «Воротам небесного спокойствия». М., 2002. С. 161.
13 Там же.
14 Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 347.

* Здесь напрашивается интересная историческая параллель – ровно столько же времени Е.М. Примаков в конце 1990-х гг. проработал в должности председателя Правительства РФ. Он тоже пришел в большую политику, будучи доктором экономических наук, и с ним тоже связаны изменения внешнеполитического курса.

А.В. ДРУЗЯКА

РЕЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КНР

На протяжении всего периода двухсторонних отношений, не исключая и период «закрытости», Россия и Китай оказывали друг на друга значительное воздействие во многих сферах общественной жизни. Доминирующее влияние советской политико–правовой идеологии, законодательства и правовых институтов стало важнейшим фактором формирования правовой системы современной КНР. Позитивный и негативный советский опыт и сегодня во многом влияет на процесс трансформации китайского законодательства и системы органов юстиции. В статье рассматриваются некоторые общие черты и особенности правовых систем СССР и КНР, позволяющие проследить это воздействие.

Ключевые слова: законодательство, КНР, СССР, судопроизводство, правовая система.

Вплоть до 1949 г. в Китае (за исключением территории колоний иностранных держав) господствовала традиционная система законодательства и судопроизводства, основанная главным образом на субъективной конфуцианской «добродетели» местных чиновников. Приход к власти коммунистов, провозглашение новой формы государственного правления, официальная смена действовавшей идеологической парадигмы, учреждение новых правовых институтов и последовавший окончательный слом всей старой государственной системы привели, в т.ч. и к пересмотру традиционных устоев китайского права.

Социально–экономические процессы, происходившие в Китае, начиная с середины XIX в., требовали адекватных правовых условий. Старые общественные нормы и правовые институты постепенно становились анахронизмами. До Синьхайской революции их замена казалась невозможной без разрушения устоев феодального государства, по субъективным причинам задача модернизации правовой системы в Китае не была реализована и в последующие периоды до 1949 г.

Развитие правовой системы и системы органов юстиции в Китае было продиктовано социально–политическими изменениями, произошедшими после провозглашения КНР. В 1949 г. отменены все ранее изданные законы и декреты, упразднены старые судебные учреждения. Началась рецепция (заимствование) основ социалистического права, осуществлялись разнообразные попытки экстраполировать позитивный советский опыт на китайскую почву.

Первые законодательные акты КНР, которые предусматривали создание новой социалистической правовой системы, во многом исходили из попыток воспроизвести советскую государственно–правовую модель. На Верховный народный суд КНР возлагалось централизованное руководство всеми новыми судами в стране, создана прокуратура, призванная утвердить принцип социалистической законности. В 1950–1951 гг. издаются важнейшие для страны законы о браке, профсоюзах, аграрной реформе, судебной организации и др. Созданная кодификационная комиссия приступила к подготовке новых кодексов, в рамках конституционной реформы была заново выстроена вся система правового регулирования.

Вместе с тем социально–политические условия, имевшие место в СССР этого периода, далеко не всегда соответствовали китайским, что не могло не вызвать в процессе правотворчества и правоприменения определённый диссонанс. Уже в 1952–1953 гг. в КНР возник ряд принципиальных разногласий в понимании принципов социалистической законности. В частности, критиковались отделение права от политики, независимость судей, юридический формализм, принцип непридания закону обратной силы, исковая давность и давность привлечения к ответственности, фундаментальный принцип «нет наказания без закона». В этих разногласиях ярко проявились как инерция максимализма военных лет, основанная на классовом правосознании, так и традиционный для Китая принцип «субъективной добродетели», основанный на конфуцианской философии.

Тем не менее, несмотря на возникшие проблемы в восприятии новой правовой идеологии, КНР в дальнейшем не отказалась от советской правовой модели, основанной на принципе социалистической законности. Эту тенденцию подтвердила китайская Конституция 1954 г., построенная по модели советской Конституции 1936 г. В рамках конституционной реформы были реорганизованы суды и прокуратура. Вслед за принятием в 1954 г. первой конституции страны начался качественно новый период становления социалистического китайского права.

Наиболее характерными признаками правового влияния СССР в этот период являются положения первой Конституции КНР 1954 г. об обязанности трудиться, руководящей роли КПК, требование осуществлять свои права и свободы, не нанося ущерба интересам государства (ст. 56), о плановом характере китайской экономики (ст. 15) и многие другие. Вместе с тем существенное влияние на формирование современной китайской правовой модели оказывали политическая и правовая культура, особенности идеологии и военно–командные методы руководства страной, сложившиеся в 1930–1940-е гг.[1]

Проблемы при формировании новых правовых принципов возникли из–за того, что и в 1950-е гг. КНР всё ещё не имела целостной системы норм в основных отраслях права. В условиях правовой реформы решение большинства юридических проблем подменялось директивами партийного руководства и прямо зависело от особенностей политического курса, намеченного руководителями КПК. Указанные проблемы усугублялись незавершенностью концептуальных подходов к важнейшим общественным отношениям, – например, к отношениям собственности. В декабре 1956 г. в КНР завершилась подготовка рабочего проекта гражданского кодекса, который, однако, так и не стал законом.

Период 1957–1976 гг. в КНР характеризуется нарастанием правового нигилизма и падением роли правовых институтов в общественной жизни. После разрыва дружественных отношений с СССР руководство КНР попыталось отойти от советской модели права как от «ревизионистской».

Помимо стремления уйти от идеологической опеки СССР и выработать свою линию построения социализма, проявившегося в постсталинский период советско–китайских отношений, выработке нового законодательства существенно мешал китайский традиционализм. Апофеозом отказа от традиционных конфуцианских общественных норм якобы в пользу классовых, революционных интересов стал период «культурной революции» 1964–1973 гг., сопровождавшийся массовыми репрессиями и погромами. В это время вся система правопорядка была существенно дезорганизована, законодательство практически перестало применяться для принятия властных решений. В общественной жизни во многом наблюдался правовой регресс, проявившийся в снижении роли законодательных и правоприменительных органов, увеличении числа внесудебных расправ, подчеркнутом приоритете норм классовой морали над правовыми нормами. Правовые основы китайской государственности, заложенные конституционными нормами, принятыми в 1954 г., подверглись существенной деформации.

Период истории КНР с 1949 до конца 1970-х гг. стал временем практических испытаний различных моделей общественного развития. На пути строительства нового государства руководство КНР копировало и «совершенствовало» многие советские практики. Опыт сталинской модернизации активно использовался в построении основ промышленности, проведении коллективизации, построении новой системы образования и медицинского обслуживания, проведении мобилизационных мероприятий. В то же время применялись характерные для сталинского периода советские методы политической пропаганды, внутрипартийной борьбы с оппозицией и государственного террора в отношении инакомыслящих и «классово–чуждых» элементов. Необходимо отметить, что на основании правоприменительной практики этих лет также были сделаны важные выводы. В частности, потерпела крах идея о возможности функционирования общества на основе только идеологических догм и трудов руководителей страны. Вместе с тем в конце этого периода был сделан вывод о силе и эффективности традиционализма, юридическая наука занялась поиском позитивных примеров в истории Китая.

В середине 1970-х гг. начало нового правообразовательного процесса в Китае вновь ознаменовалось дискуссией о двух предпочтительных формах государственного управления – посредством права (фа чжи 法治) или гуманного правления (жэньчжи 仁治). Первое ассоциировалось с легистской концепцией закона, второе – с концепцией «ли» (правил должного поведения) в учении Конфуция. По существу, в этой дискуссии решался вопрос о том, следует ли при решении различных вопросов ограничиваться законом или, управляя на основе добродетели (дэ чжэн 德政), человеколюбия (жэньчжэн 仁政), следует предоставить ответственным работникам, в т.ч. государственным и партийным чиновникам (ганьбу 干部), широчайшие пределы усмотрения.

Конституции КНР 1975 и 1978 гг. закрепили идеологические основы коммунистического режима и господствующую роль государства в обще-

ственной жизни. При этом государство в КНР, как и в других странах социалистического лагеря, окончательно приобрело идеологизированный бюрократический характер.

В 1979 г. в КНР был принят новый Уголовный кодекс (УК). Как и при формировании проекта УК 1950-х гг., УК 1979 г. во многом был сформирован при существенном влиянии УК РСФСР 1926 г. Советский исследователь Э.З. Имамов приводит данные американских авторов Х. Бермана, С. Коэна и М. Рассела о том, что китайские юристы в беседах признавали, что «советские уголовные кодексы были своеобразной моделью, постоянно находившейся под рукой при создании Уголовного кодекса нашей страны». Об этом пишет и С. Фритц: «Китайский кодекс соответствует советскому, а также ряду европейских кодексов». Конечно, такое отождествление уголовного законодательства двух стран допустимо лишь в общих чертах, с точки зрения основополагающих институтов и норм. Китайский уголовный кодекс 1979 г. содержал множество свойств, связанных с национальной спецификой[2]. Синтез своего и заимствованного в уголовных нормах имел, в т.ч. и политическое обоснование. Сравнительное исследование УК КНР и уголовного законодательства РСФСР разных периодов позволило американскому юристу Лэн Шаочуану сделать вывод, что «китайский уголовный закон в большей степени приближается к кодексу РСФСР 1926 г., поскольку кодекс РСФСР 1960 г. является выражением победившей революции, тогда как кодекс КНР – выражение законов еще бурлящей революции»[3].

Начало экономических реформ, связанных с именем Дэн Сяопина, дало новый стимул развитию хозяйственного и гражданского законодательства. Последующий период истории правовой системы Китая был ознаменован развертыванием активной законотворческой деятельности. Важной вехой в развитии правовой системы, закрепившей основные направления реформ, стало принятие в 1982 г. четвертой конституции КНР. Основной закон страны состоит из преамбулы и четырех глав, включающих 138 статей. В преамбуле дана характеристика этапа перехода страны к социализму, провозглашены программные цели социалистической модернизации общества, принципы внутренней и внешней политики КНР. Особое внимание обращено на руководящую роль КПК в жизни общества, укрепление демократической диктатуры народа и продвижение по социалистическому пути. В целом это положение в конституции 1982 г. было глубоко созвучно ст. 6 конституции СССР 1977 г., провозглашавшей руководящую и направляющую роль КПСС в жизни советского общества.

Действующая конституция существенно расширила права граждан КНР, которые включают большинство прав и свобод, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Вместе с тем в ней отсутствуют такие фундаментальные права, как право на жизнь, свободу мысли. Конституция, в частности, обязывает супругов осуществлять планирование рождаемости (ст. 25, 49).

Экономика Китая в действующей конституции страны характеризуется как многоукладная с различными формами хозяйствования. Содержание гражданского права КНР, как и других отраслей права, определяется особенностями социально–экономической модели государства. Основы экономических отношений (прежде всего отношений собственности) закреплены

на конституционном уровне. Конституция КНР в редакции 1993 г. гласит: «Государство осуществляет социалистическое рыночное хозяйство. Государство усиливает законодательную деятельность в области экономики, совершенствует макрорегулирование». В конституции закреплено, что основа социалистической экономической системы КНР – социалистическая общественная собственность на средства производства, т.е. общенародная собственность и коллективная собственность трудящихся масс, а государственный сектор экономики – «руководящая сила в народном хозяйстве».

Различные формы кооперативной собственности рассматриваются как социалистический сектор хозяйства, а единоличные хозяйства городских и сельских тружеников определяются как дополнение к социалистическому общественному хозяйству. В 1988 г. конституция КНР была дополнена следующим образом: «Государство допускает существование и развитие частного хозяйства в пределах, установленных законом. Частное хозяйство является дополнением к социалистической экономике, основанной на общественной собственности. Государство охраняет законные права и интересы частного хозяйства, направляет его деятельность, осуществляет контроль и управление»[4].

Начиная реформы, КНР оказалась фактически без гражданского законодательства. Разрозненные нормативные акты, принятые в 1950–1960-е гг., устарели или оказались отброшенными в ходе маоистских экспериментов в экономической сфере. Отказ от командно–административных методов и продвижение по пути строительства многоукладной экономики смешанного (планово–рыночного) типа потребовали разработки правовых норм, необходимых для регламентации рыночных отношений.

Создание нового гражданского законодательства чрезвычайно осложняется тем, что действующая экономическая модель в конечном итоге должна воплощать «социализм с китайской спецификой». При этом законодатель лишен возможности заимствовать «готовые» гражданские законы капиталистических стран, как это в конце XIX в. было сделано в Японии и в 1920-е гг. в гоминьдановском Китае. В целом гражданское право КНР сегодня находится в состоянии формирования, многие его институты до сих пор не получили четкого законодательного регулирования. Вместо ГК в 1986 г. были приняты и в 1987 г. вступили в силу «Общие положения гражданского права» (ОПГП), регламентирующие статус юридических лиц, сделки, обязательства, собственность. ОПГП закрепляют основы систематизации этой отрасли, ее роль и место в системе современного китайского права. Вместе с ОПГП была принята группа законов и положений, которыми регулируется правовой статус различных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности и в которых одновременно содержится определенная регламентация отношений собственности. Еще в 1981 г. был принят Закон КНР о хозяйственном договоре – основной акт, регулирующий отношения хозяйственного оборота.

Политика китайских законодателей сводилась к тому, чтобы принимать отдельные законы, в которых возникает необходимость и для которых созревают условия. Прагматичность такой политики нагляднее всего проявилась при разработке и принятии ОПГП. Данным актом были урегулированы лишь те общие вопросы гражданского права, которые не вызывали резких разногласий у китайских законодателей.

Работа над законопроектом ГК в Китае ведётся не только с учётом собственного ранее накопленного опыта в этой сфере, но и при широком обращении к иностранному опыту, в частности, к кодификации гражданского законодательства во Франции, Германии, Венгрии, Чехословакии, Советском Союзе, Российской Федерации и др. Единая концептуальная основа для всех проектов нового кодекса была определена в документе, принятом в конце октября 2003 г. на 3–м пленуме ЦК КПК 16–го созыва, – «Решении по некоторым вопросам совершенствования социалистической рыночной экономической системы». В нем на основе принципиальной важности положения «человек – основа основ» провозглашен принцип «всё во имя человека». Подчёркнута необходимость комплексного, гармоничного, устойчивого развития экономики в современном обществе. По словам тогдашнего лидера, Председателя КНР Ху Цзиньтао, главными характеристиками гармоничного социалистического общества являются демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и миролюбие, преисполненность жизненной силой, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы[5].

5–й сессией ВСНП 10–го созыва в 2007 г. был принят «Закон КНР о вещном праве», или закон о собственности, который стал ключевым актом в ряду тех, которые призваны стать базой кодификации гражданского законодательства. 12-я сессия ВСНП 11–го созыва 26 декабря 2009 г. также продолжила содействие созданию гармоничного общества. На ней был принят «Закон КНР о деликтной ответственности», который стал дополнительным актом в ряду тех, положения которых станут частью будущей кодификации гражданского законодательства. Особенность данного Закона заключается в том, что он, среди прочего, определяет содержание и условия возложения ответственности за такой вред, которым нарушаются права человека[6].

После победы во Второй мировой войне резко возросли геополитическое влияние и авторитет СССР как на мировой арене в целом, так и в отдельных регионах планеты. Страны Северо–Восточной Азии, находившиеся в сфере непосредственного стратегического воздействия СССР (МНР, КНДР, КНР), в этих условиях во многом воспринимали советский опыт как образец для собственных экономических и социально–политических преобразований. Влияние, оказываемое при этом советской правовой системой, не могло не стать определяющим при проведении конституционно–правовых реформ в этих странах. Вместе с тем в методах и формах реализации правовой реформы в КНР отразились многие системные недостатки и «болезни» сталинского политического режима. Привнесённые в китайскую действительность вместе с классовой коммунистической идеологией, они зачастую резко диссонировали с глубоко укоренившимися местными традициями и общественными нормами, но со временем были адаптированы и усвоены китайским обществом. Необходимо отметить, что базовые принципы, выработанные в условиях функционирования в СССР сталинской модели социализма, и сегодня закреплены в действующей конституции и законодательстве КНР. В частности, можно назвать следующие «краеугольные камни», на которых базируется современное китайское государственное управление и которые

во многом заимствованы у СССР: ведущая роль госсектора в экономической жизни и плановый характер экономики, безусловный приоритет государственных интересов над частными интересами, руководящая роль КПК в идеологии и общественной жизни, господство партократического стиля управления.

Влияние советского законодательства и правовых институтов оказывало, а во многом и сегодня оказывает определяющее воздействие на трансформацию китайского законодательства и системы органов юстиции. Перечисленные приоритеты государственно–партийного управления, воспринятые у СССР ещё в период 1950-х гг., сохраняются в КНР по настоящее время и вызывают во многом справедливую критику правозащитников, звучащую главным образом «извне». Политические оппоненты чаще всего упрекают руководство КНР за недостатки в подходах к практической реализации ряда гражданских и политических прав и свобод человека, продолжающуюся бюрократизацию всех элементов политической системы, преследование инакомыслящих, недостатки социальной политики и т.д. Вместе с тем контраргументами в споре с критиками китайской модели социализма могут являться высокие темпы роста национальной экономики, впечатляющий рост благосостояния граждан КНР и национального богатства, растущий авторитет КНР на мировой арене, во многом основанные на преимуществах синтеза социалистической и рыночной модели экономики.

---

1 Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В.А.Туманова. М.: ЮристЪ, 2000. С. 331–332.

2 Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части. М.: Наука, 1990.

3 URL: http: www ppravo.vuzlib.org›book_z551_page_3.html (дата обращения: 21.02.2013).

4 Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения:21.02.2013)

5 Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на семинаре работников провинциальных министерств // Жэньминь жибао. 2005. 20 февр.

6 Лю Цзюньпин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике // Вопросы гуманитарных наук. 2010. №6. С. 98–100.

Г.Н. РОМАНОВА

ТОРГОВО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НАУЧНО–ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СССР И КНР В 1950–1960-е гг. (МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются тенденции, характер и этапы торгово–экономических и научно–технических связей СССР и КНР в 1950–1960-е гг. с учетом их влияния на развитие Дальнего Востока России и политических взаимоотношений двух государств. Показаны периоды подъема и спада этого процесса, проанализированы их причины. Освещена роль Советского Союза в индустриализации Северо–Восточного Китая. Большое внимание уделяется проблеме сотрудничества в различных сферах науки и техники. Приводятся оценки со стороны как отечественной, так и китайской историографии.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо–Восточный Китай, торгово–экономические и научно–технические связи, индустриализация, сотрудничество, договор, соглашение, советские специалисты, взаимопомощь, китайское руководство.

Период 1950-х гг. характеризовался дружбой и всесторонним сотрудничеством СССР и КНР. Наша цель – рассмотреть тенденции и характер советско–китайских экономических и научно–технических связей на межгосударственном и региональном уровнях, показать роль Советского Союза в индустриализации Северо–Восточного Китая.

Очень важное значение для упрочения международного положения КНР, укрепления связей между советским и китайским народами имел Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный 14 февраля 1950 г. Он заложил прочный фундамент для развития всестороннего экономического сотрудничества. Большую роль в этом процессе сыграло соглашение о предоставлении Советским Союзом Китаю на льготных условиях (1% годовых) кредита на сумму 1,200 млрд руб. (300 млн долл.).

В 1950–1952 гг. при содействии СССР в Китае были реконструированы и построены более 50 крупных промышленных предприятий, оказана помощь в создании авиационных заводов в Харбине и Шэньяне. Советские специалисты участвовали в разработке и осуществлении гидротехнического строительства на реках Хуайхэ и Хуанхэ, восстановлении северо–восточных и северных железных дорог. В январе 1951 г. СССР и КНР подписали соглашение о порядке плавания на пограничных участках рек Амур, Уссури и озера Ханка; 14 марта 1951 г. – о прямом железнодорожном сообщении. С помощью советских специалистов был разработан пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 1953–1957 гг.[1]

Главной целью было превращение Северо–Восточного Китая в базу индустриализации государства, которая стала бы опорой для разворачивания промышленного освоения других районов. На эту территорию приходились 80% инвестиций в металлургию, почти половину всех крупных строившихся шахт. Большое внимание уделялось развитию топливно–энергетической, металлургической, машиностроительной промышленности[2].

В общей сложности при содействии Советского Союза в КНР было построено 256 крупных промышленных предприятий, оснащенных новейшим оборудованием: Аньшаньский и Уханьский металлургические комбинаты, Чанчуньский автомобильный завод, комплекс лоянских заводов (тракторный, подшипниковый и горнорудного оборудования), электромашиностроительный, турбинный и котельный заводы в Харбине, нефтеперерабатывающий завод в Ланьчжоу, ряд электростанций и других объектов. С помощью СССР в КНР были созданы целые отрасли промышленности: авиационная, автомобиле– и тракторостроительная, радиотехническая, различные отрасли химического производства.

В I960 г. производство продукции на предприятиях, построенных при техническом содействии СССР, составило: по чугуну – 30%, стали – около 40%, прокату – свыше 50%, грузовым автомобилям – 80%, тракторам – более 90%, тяжелому машиностроению – до 35% к общим показателям в Китае[3]. Из 250 объектов, созданных в КНР с советской помощью к 1960 г., 30% относились к оборонному сектору промышленности[4].

1954–1957 гг. явились важным этапом развития научно–технических связей СССР и КНР, которые активизировались после подписания соглашения в октябре 1954 г. В Москве 11 декабря 1957 г. был заключен договор о научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и КНР.

В 1950–1960 гг. в Китай было командировано более 15 тыс. высококвалифицированных советских технических специалистов. В 1951–1962 гг. в СССР прошли производственно–техническое обучение более 8 тыс. китайских граждан. В вузах страны получали образование свыше 11 тыс. студентов и аспирантов из КНР, 50% расходов по их обучению советское правительство взяло на себя.

Свыше 900 работников различных институтов Китая занимались научной подготовкой и изучением методов исследований в АН СССР. Советский Союз передал КНР, по существу, безвозмездно 24 тыс. комплектов научно–технической документации, в числе которой были проекты 1400 крупных предприятий. В 1954–1962 гг. Китай, в свою очередь, передал СССР документацию по 1100 темам, относящимся преимущественно к пищевой и легкой промышленности, медицине и китайской кухне [5].

В 1958–1960 гг. советские научные учреждения проделали в КНР огромную работу: было осуществлено сейсмическое районирование страны и организована сейсмическая служба, завершены основные работы по природному районированию, создан ряд научных учреждений (институты вычислительной техники, радиотехники и электроники, машиноведения, автоматики и телемеханики, научной информации, различные проектные организации, лаборатории и пр.), создана электронно–вычислительная машина (ЭВМ), проведены поисковые работы полезных ископаемых и др. На годы советско–китайского научно–технического сотрудничества в КНР при-

шлось не менее 30% всех научных и технических нововведений, применявшихся в тот период в народном хозяйстве СССР [6].

В 1956–1960 гг. намечалось совместное изучение природных условий в бассейне Амура, проведение геологических и гидроэнергетических исследований, направленных на регулирование вод, улучшение условий судоходства, строительство гидроэлектростанций и развитие рыбного хозяйства. 18 августа 1956 г. в Пекине было подписано соглашение, регламентирующее деятельность совместной Амурской экспедиции, которая началась в том же году [7].

В 1950-е гг. успешно развивалась советско–китайская торговля. Товарооборот, составлявший в 1950 г. 518,9 млн руб., в 1959 г. достиг 1,8 млрд руб. (свыше 50% общего внешнеторгового оборота КНР и около 20% – СССР). Торговля сыграла важную роль при создании начального базиса индустриального развития Китая. Из СССР поставлялось 50–70% основного оборудования для сооружения 156 предприятий, являвшихся ядром первой пятилетки. Цены на оборудование и материалы были в среднем на 20–30% ниже американских и английских, а на оборудование тяжелой промышленности – даже на 30–60%. Цены на китайские сельскохозяйственные продукты также были обоснованными[8].

После XX съезда КПСС 1956 г. в руководстве КПК была выработана четкая и определенная позиция по его оценке. Мао Цзэдун предложил не изменившуюся впоследствии формулу: заслуги в деятельности Сталина составляют 70%, а ошибки – 30%. Защищая Сталина, олицетворявшего тогда в глазах китайского народа идеалы социализма, руководство КПК хотело прежде всего оградить свою партию и трудящихся страны от идеологической деградации, которая обернулась бы крахом надежд на возрождение великого Китая. Вместе с тем 1956 г. вошел в историю КПК как «начало поиска Китаем собственного пути построения социализма»[9].

В 1958 г. курс VIII съезда КПК был пересмотрен и заменен так называемым курсом «трех красных знамен – генеральной линии, большого скачка и народных коммун». Политика «трех красных знамен» представляла собой осуществление сталинской концепции строительства социализма, но в китайском, маоцзэдуновском, варианте – ускоренного и упрощенного строительства социализма и вступления Китая в коммунизм[10]. В середине же 1958 г. без какого–либо обоснования составляется новый вариант второго пятилетнего плана (1958–1962 гг.), в котором заложена идея «большого скачка», посредством которого уже через семь лет Китай должен был догнать по уровню развития Англию, а через восемь лет перегнать США и на основе единой общенародной собственности «вступить в коммунизм». Прежде всего КНР стремилась «опередить» СССР, опорочив при этом его опыт и достижения[11]. В конце 1950-х гг. руководство страны стало все более отходить от всестороннего сотрудничества с Советским Союзом. Китайский народ и КПК настраивались на борьбу со «слепой верой» в зарубежный научно–технический опыт.

Выработанные в предыдущие годы с помощью СССР положения по управлению предприятиями были ликвидированы. Стала принижаться роль советских специалистов как квалифицированных руководящих и инженерно–технических работников[12]. Их стали насильно воспитывать в духе «правоты идей Мао Цзэдуна», враждебных СССР и его народу, принуждали выступать против политики и руководства КПСС. Была создана обстановка, в которой работа специалистов из Советского Союза оказывалась невозмож-

ной, а ведущаяся политическая обработка вызывала у них естественный протест[13]. 16 июля 1960 г. посольство СССР вручило МИД КНР ноту, в которой сообщалось об отзыве из Китая специалистов и указывались причины, побудившие советскую сторону принять эти меры. Все это не могло не сказаться на экономике КНР. Ответственность ложилась на её правительство. СССР неоднократно выражал готовность вновь направить специалистов, но этот вопрос стал использоваться в политических целях [14].

Согласно воспоминаниям чрезвычайного и полномочного посланника в тот период в Китае А.А. Брежнева, существовала и другая точка зрения на отъезд советских специалистов. Против их отзыва высказывался советский посол С.В. Червоненко, прибывший в Пекин в конце 1959 г. Он предложил компромиссный вариант: провести отзыв с соблюдением общепринятых норм международного права, т.е. действующие договоренности, имеющиеся с китайскими организациями, не разрывать, а откомандировывать специалистов без замены по мере истечения срока контрактов. Однако данные предложения не были приняты[15].

В КНР в то время насчитывалось около 1500 советских специалистов. Они находились в 16 городах, работали более чем в 500 организациях. Их отзыв положил начало формированию новой линии руководства КПК в отношении Советского Союза. Противоречивость этого процесса объяснялась столкновением двух основных факторов. С одной стороны, шло осознание расхождения путей дальнейшего развития КНР и СССР, с другой – сохранилась острая потребность Китая в советской помощи и поддержке, так как он по–прежнему подвергался давлению и угрозам империалистических держав, фактически находился на международной арене во враждебном окружении[16].

Несмотря на важность приграничного сотрудничества, оно осложнялось тем, что органы местной власти в дальневосточном регионе СССР были лишены самостоятельности и не имели полномочий решать различные вопросы, возникавшие в ходе взаимодействия с китайской стороной. Действовавшее законодательство не способствовало развитию международных и внешнеэкономических связей приграничных территорий Советского Союза. В соответствии со ст. 14 Конституции СССР (1936 г.) участие в международных отношениях мог осуществлять только высший орган государственной власти – Верховный Совет СССР, а реально – ЦК КПСС. Некоторый сдвиг в приграничных отношениях наметился уже после смерти И.В. Сталина с приходом к власти Н.С. Хрущева, положившего начало политике «оттепели»[17].

Важная роль в развитии экономических отношений между Советским Союзом и КНР в 1950-е гг. отводилась дальневосточному региону СССР и северо–восточным провинциям Китая. Промышленность этих территорий КНР получала с советского Дальнего Востока машины и оборудование, различные материалы, необходимые для строительства промышленных предприятий, и др. Заказы для Китая выполняли многие дальневосточные заводы: «Амурсталь», «Энергомаш», «Амурлитмаш», «Амуркабель», завод им. Горького, «Дальсельмаш», Комсомольский нефтеперегонный завод, Свободненский завод автодеталей, «Амурский металлист» и др. Статьями экспорта были: листовой прокат, различные машины, судовые лебедки, паровые турбины, турбонасосы, компрессоры, нефтепродукты, лес. Советские предприятия получали главным образом сырье для переработки: завод «Амурсталь» – чугун

с Аньшаньского металлургического комбината, стройки региона – китайский цемент, Хабаровский и Уссурийский масложиркомбинаты – соевые бобы, и т.д.

Обмен производственным опытом имел большое значение для развития хозяйственных связей регионов. Устанавливались различные формы таких связей: обмен технической информацией и документацией, направление советских специалистов на предприятия Северо–Восточного Китая для передачи опыта непосредственно на рабочих местах и оказания помощи по вводу в действие нового оборудования, стажировка и производственно–техническая практика молодых китайских специалистов (геологов, горняков, лесоводов и др.) на предприятиях Дальнего Востока.

Плодотворно сотрудничали коллективы завода «Амурсталь» и Аньшаньского металлургического комбината, хабаровского «Энергомаша» и Харбинского турбостроительного завода. Китайские специалисты – геологи, горняки, обогатители – приезжали на производственно–техническую практику. Лесоводы из КНР изучали опыт лесоустройства в горных лесах Хабаровского края, бывали на лесодобывающих и лесообрабатывающих предприятиях дальневосточного региона. Во второй половине 1950-х гг. хозяйственные связи стали выходить на новый уровень – производственной кооперации. Чугун с Аньшаньского металлургического комбината поступал на завод «Амурсталь», а сталь этого завода отправлялась на Даляньский судоремонтный завод.

Большой вклад в развитие экономических связей вносили работники морского, речного и железнодорожного транспорта. В Китай по Амуру перевозили нефть, нефтепродукты, прокат черных металлов, лес, из Китая– коксующийся каменный уголь, цемент, зерно, фрукты[18].

Важную работу выполняли моряки Дальневосточного морского пароходства (ДВМП), перевозившие народнохозяйственные грузы в Китай. В 1951 г. этим были заняты 20 судов, из них 5 работали во фрахте между КНР и иностранными портами. Тесные производственные связи установились между моряками ДВМП и судоремонтниками Даляня. Более 100 специалистов пароходства принимали участие в восстановлении Даляньского судостроительного завода, его модернизации. Труд многих дальневосточников был отмечен наградами КНР. Такая помощь была взаимовыгодной, поскольку впоследствии этот завод ремонтировал десятки судов ДВМП. В 1955–1960 гг. в крупнейшие порты Китая, в том числе в Дальний, суда ввозили главным образом металл и металлоизделия, всевозможные машины, минеральные и строительные материалы, химические товары, растительный и китовый жир, марганцевую руду[19].

Высокой результативностью и массовостью отмечались связи тружеников сельского хозяйства. Формы регионального сотрудничества были разнообразными: постоянный и регулярный обмен делегациями и группами специалистов с целью организации сельскохозяйственного производства, эффективного использования техники, селекционной работы, различные консультации по повышению урожайности зерновых культур, эффективности животноводства и др.[20]

Научно–техническое сотрудничество заключалось в участии дальневосточных структур в изыскательских работах на приграничных реках. В феврале 1958 г. в Хабаровске состоялось межведомственное совещание по координации изыскательских работ в бассейне Амура, проведенных Хабаровским и Приморским крайисполкомами и Дальневосточным филиалом

АН СССР, который стал научным центром, координирующим все исследовательские работы на Дальнем Востоке. В помощь ему создавался межведомственный совет. Предстояло исследовать проблему гидроэнергетических ресурсов Амурского бассейна и целесообразности строительства гидроэлектростанций на Нижнем и Среднем Амуре, с которой были связаны решения о затоплении пойм Амура или создании там садов [21].

Кроме централизованных операций, проводившихся на основе межправительственных соглашений, приграничная торговля осуществлялась в основном по линии кооперативных организаций. Торговыми пунктами с советской стороны были Гродеково и Забайкальск, с китайской – станции Суйфэньхэ и Маньчжурия.

Провинция Хэйлунцзян начала развивать торговлю с 1953 г., ее главными партнерами были прежде всего СССР, а также страны Восточной Европы. В 1957 г. в Хэйхэ создается торговая компания, установившая связи с Амурской областью. В 1957 г. объем приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с СССР и главным образом с советским Дальним Востоком составлял 68 тыс. руб.[22]

Период 1960-х гг. отмечен значительным сокращением экономических связей, что было связано с ухудшением советско–китайских отношений. Правительство КНР предложило строить экономические связи в дальнейшем не на межправительственной, а на ведомственной основе. В 1966 г. полностью прекратилось научно–техническое и производственное сотрудничество Китая с Советским Союзом.

В СССР сложилось мнение, что советско–китайские отношения в 1950-е гг. в экономической области были невыгодными и неравноценными для Советского Союза, поскольку он предоставлял Китаю, причем бесплатно, в основном сложное машинное оборудование, технологию, обширную научно–техническую документацию и др. Однако Сталин ставил превыше всего стратегическое партнерство СССР и КНР в области мировой политики и считал целесообразным платить за это, учитывая также то обстоятельство, что КНР, находясь в условиях блокады, созданной США и их союзниками, ниоткуда не могла получить крайне необходимую помощь для восстановления и развития кроме как из СССР. Сталин считал взаимовыгодным с политической точки зрения оказывать КНР такую помощь [23].

В современной китайской историографии период 1950-х гг. характеризуется как успешный и плодотворный. Подчеркивается, что отношения между двумя странами развивались на основе добрососедства и взаимопомощи, «что СССР оказал огромную экономическую помощь Китаю», делается акцент на «особенно важной роли СССР в создании промышленной базы». Вместе с тем китайские историки констатируют, что «экономическую помощь СССР Китаю необходимо рассматривать не как «одностороннюю», а считать, что экономические связи двух стран носили взаимовыгодный характер». Основанием этого является то, что при возвращении СССР кредитов и, расплачиваясь за поставленную технику, Китай помимо продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов в большом количестве поставлял Советскому Союзу стратегические материалы, необходимые для создания ракетно–ядерного потенциала, которые способствовали развитию передовых отраслей науки (вольфрам, олово, сурьму, литий, молибден и др.)[24].

Термины «экономическая помощь» или «братская помощь» в настоящее время стараются заменить словом «сотрудничество». Подчеркивается, что «КПСС, которая руководила СССР, навязывала КПК коммунистический принцип интернационализма, что на практике, якобы, означало требование подчинения Китая России, выливалось в неравноправие»[25].

Подводя итоги, можно констатировать, что 1950-е гг. были плодотворными в истории советско–китайских экономических отношений. СССР оказал большую помощь в формировании индустриальной базы в Северо–Восточном Китае, а также экономического потенциала страны в целом. Роль внешнего фактора – экономического сотрудничества с СССР – явилась определяющей в ускоренном создании в КНР совершенно новых отраслей производства. Региональные экономические отношения имели различные формы, включая промышленную кооперацию, сотрудничество в сельском хозяйстве, научно–технические связи, торговлю, что в целом благотворно сказывалось на развитии экономик сопредельных регионов. Ухудшение в целом советско–китайских отношений в 1960-е гг. обусловило сокращение торгово–экономических и научно–технических связей на межгосударственном и региональном уровнях.

1 История Северо–Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3. Северо–Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток, 2004. С. 87–89.

2 Романова Г.Н. Москва – Пекин. Экономическая помощь Советского Союза Китаю в выполнении первого пятилетнего плана 1953–1957 гг. и формировании индустриальной базы Северо–Востока КНР // Россия и АТР. Владивосток. 2000, № 4. С. 75.

3 Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 202–203; Владимиров О. Советско–китайские отношения в сороковых – восьмидесятых годах. М., 1984. С. 90; Ганшин Г.А. Очерки экономики современного Китая. М., 1982. С. 62.

4 Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование военно–промышленного комплекса Китая. СПб., 2000. С. 127; Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1962–1982). Владивосток, 2006. С. 19.

5 Романова Г.Н. Советско–китайские торгово–экономические отношения на Дальнем Востоке в конце пятидесятых – середине шестидесятых годов XX века // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия Востоковедение. Т. XII. Северо–Восточная Азия. Проблемы регионального взаимодействия (История и современность). Владивосток, 2003. С. 43; Ее же. Москва – Пекин. Экономическая помощь…С. 78–81.

6 Филатов Л.В. Экономическая оценка научно–технической помощи Советского Союза Китаю. 1949–1966. М., 1980. С. 37, 53.

7 Капица М.С. КНР: три десятилетия – три политики. М., 1979. С. 94–95; Ленинская политика СССР… С. 169.

8 Сладковский М.И. История торгово–экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977. С. 203–204; Рахманин О.Б. К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М., 2002. С. 18; Пын Мин. История китайско–советской дружбы. М., 1959. С. 310–311.

9 Кулик Б.Т. Советско–китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 95–96, 165, 172.
10 Асланов Р.М. Три модели и перспективы социализма в КНР // Восток – Россия – Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70–летию академика В.С. Мясникова. 2001. М., С. 479–482.
11 Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М., 1996. С. 31–32; Воеводин С.А. «Большой скачок» и его последствия в экономике КНР // ИБ ИДВ АН СССР. М., 1975. № 68. С. 91–92.
12 Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974. С. 175; Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование… С. 152.
13 Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4-х кн. М., 2011. Кн. 3. Один строй – два государства (1949–1991 гг.). Ч. 1. С. 337; Его же. Российско–китайские отношения (конец XIX – начало XX в.). М., 2007. С. 143; Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование… С. 152.
14 Романова Г.Н. Советско–китайские торгово–экономические отношения… С. 45.
15 Брежнев А.А. Китай: тернистый путь к добрососедству. Воспоминания и размышления. М., 1998. С. 66–68.
16 Кулик Б.Т. Советско–китайский раскол … С. 295, 300.
17 Фролов А. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо–восточными провинциями Китая в 1950-е годы // Проблемы Дальнего Востока. М., 2007, № 3. С. 113–114.
18 Романова Г.Н. Торгово–экономические отношения СССР и Китая в 50–80-е гг.: тенденции, динамика // Российско–китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы: материалы и тез. докл. к междунар. науч.–исслед. семинару. Владивосток, 2008. С. 206–207; Клим Л.И. Участие советского Дальнего Востока и Северо–Восточного Китая в развитии экономических отношений между СССР и КНР в 50-е годы. Владивосток. 1990. С. 6–10.
19 Гос. арх. Приморского края (ГАПК). Ф. 356. Оп. 24. Д. 250. Л. 39–40, 107, 140; Там же. Д. 247. Л. 17, 56; Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 88.
20 Романова Г.Н. Торгово–экономические отношения СССР… С. 208; Клим Л.И. Участие советского Дальнего Востока… С. 16–19.
21 Гос. арх. Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137. Оп. 1. Д. 781. Л. 9–10, 18, 22, 27.
22 История Северо–Восточного Китая… С. 103–104; Чжунсу цзинмао гуаньси = Китайско–российские торгово–экономические отношения. Пекин, 1999. С. 141–142, 223.
23 Линь Цзюнь. Чжунсугуаньси. 1689–1989. (Китайско–советские отношения.1689–1989). Харбин, 1989. С. 159, 168; Чжун–су цзинцзимаои ши = История китайско–советских торгово–экономических отношений / гл. ред. Мэн Сяньчжан. Харбин, 1992. С. 377–386; Чжун–э цзинмаогуаньсидэ лиши юйсяньчжуан = История и современное состояние китайско–российских торгово–экономических отношений. Пекин, 1999. С. 86.
24 Галенович Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско–китайских отношений. М., 2011. С. 195–196, 200; Его же. История взаимоотношений России… С. 134–136.
25 Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // Новая и новейшая история. М., 1997. С. 70, 85–86.

А.П. КОНЯХИНА

К ИСТОКАМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ОТ ЧЕЛОВЕКА НЕДОВОЛЬНОГО К ЧЕЛОВЕКУ ДЕЙСТВУЮЩЕМУ

В статье анализируются проблемы зарождения гражданского общества на российском Дальнем Востоке на примере деятельности участников неофициальных общественных организаций в периоды «оттепели» и перестройки. Исследуются развитие инфраструктуры и формы протеста (от индивидуального нравственного акта к социальным движениям).

Ключевые слова: гражданское общество, социальный протест, инакомыслие, общественное движение.

Основная цель статьи – выявить черты преемственности между диссидентским движением времен хрущевской «оттепели» (движением за права человека) и «неформальными» движениями периода перестройки, а также показать проявление социальной, гражданской активности, выходившей за рамки официальных норм и правил в условиях Дальнего Востока.

По мнению Ю. Левады, советский «реальный массовый человек, хотя и не будучи существом абсолютно безмятежным, не только не обладал легитимными возможностями выразить свое недовольство, но и условиями для того, чтобы его осознать»[1]. Тотальный идеологический контроль и отлаженная работа репрессивной машины порождали апатию и страх «молчаливого большинства», загоняя вглубь сознания критическое отношение к действительности. Оставались вынужденное приспособление как жизненная практика и «двоемыслие» как способ самосохранения. Переломным моментом, запустившим процесс десталинизации, раскрепощения общественного сознания, стал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в 1956 г. Его открытая публикация в «Известиях ЦК КПСС» лишь в 1989 г., в конце существования СССР, условно завершила последний советский этап критики режима «сверху». Перестройка уже делалась представителями поколения шестидесятых, чей опыт нашел отражение в духе и механике начатых политических реформ.

Вопрос о системе власти, при которой интересы всех и каждого подчиняются воле одного человека и одной партии, становится краеугольным. И.В. Безик, проанализировав вопросы, заданные на встречах с партийными функционерами на пленумах и партсобраниях в Приморском крае в 1961–1962 гг., отмечал, что вопросов, касавшихся недавнего сталинского прошлого страны, «было более, чем достаточно», а сама эта проблема стала для населения самой волнующей и актуальной[2]. Необходимость личного выбора здесь связана с нравственным самоопределением и социальной идентификацией, обуславливающих и дальнейшее поведение человека. Деятельность

диссидентов по защите гражданских прав и свобод, по мнению Л.М. Алексеевой, стала отказом от «коллективного» подхода как «отрицание основ официальной идеологии», требованием к власти изменить свой характер, государству – перестать быть тоталитарным[3].

Результатом объединения усилий участников диссидентского движения «во имя общего блага» было как собственное внутреннее освобождение, так и распространение идей, информации вовне: из столичного интеллигентского круга – среди широких социальных слоев в стране и за рубежом. Был «найден важный инструмент воздействия на общественное мнение и даже для его создания – всякая подпись под письмом давала не только чувство сопричастности тому, кто подписывал, но и уверенность другим, что оппозиция – дело не одиночек, не общественная аномалия»[4]. Инакомыслие выступало формой преодоления разрыва между непосредственно наблюдаемой реальностью и официальным ее представлением через систему пропаганды.

Скрытое недовольство большей части советских людей получало выражение в пределах крайне ограниченного выбора способов, позволявших избежать преследования за критику, которая могла быть истолкована и как «клеветническое измышление, порочащее советский государственный и общественный строй». Анонимные обращения к власти имеют давние исторические корни – «великий немой» превращался в «великого пишущего». Изучение надписей на избирательных бюллетенях конца 1950-х гг. в Приморье показывает, что самыми насущными были бытовые (продовольственные и жилищные) проблемы, свидетельства «нищенской жизни»[5]. Они же являлись главной темой обращений в партийные и советские органы и в период перестройки[6]. При осознании невыносимости ситуации на фоне резкого ухудшения материального положения протест мог стать открытым. Так, после неожиданной отмены дальневосточных надбавок (1960 г.) и государственного повышения цен на мясомолочную продукцию (июнь 1962 г.) произошел всплеск забастовок на плавбазах, причиной которых назывались снижение расценок и повышение норм выработки[7]. Характер политического протест приобретал тогда, когда болезненное для населения поражение в правах экономических сочеталось с конфликтом, в центре которого – понимание справедливости. Для класса привилегированных, партноменклатуры – «спецусловия», остальным – «работать, как вол, надеясь на получение в будущем плодов труда… тупо, против своей воли и совести, одобрять все акции правительства»[8].

У нас нет данных о точном количестве привлеченных к уголовной ответственности по политическим статьям в эти годы на Дальнем Востоке, хотя известно, что жесткие санкции не получили здесь широкого применения, отчасти и оттого, что «дальше ссылать» было уже просто некуда. «Профилактирование», исключение из учебных заведений, из партии с последующей потерей работы – вот типичный арсенал применявшихся средств подавления инакомыслия и крамолы.

Характерно, что именно Магаданскую область выделяет в своем исследовании А.С. Ващук в качестве особого региона в 1950–1960-е гг. с благоприятной для распространения критических настроений и идей психологической атмосферой[9]. Их носители – прибывшие сюда из Москвы и Ленинграда молодые архитекторы, строители, геологи, журналисты, поколение шестидесятников, попавшие «в компанию уцелевших и оставшихся в

области лучших спецов дальстроевских лагерей»[10]. Такое общение способствовало расширению ментального горизонта каждого вовлеченного. Со времени образования Дальневосточного отделения АН СССР представители академических институтов, как и отраслевых научно–исследовательских организаций, преподаватели и студенты вузов (ДВГУ, ДВПИ, ЮСГПИ и др.) отстаивали наиболее «радикальные» взгляды на демократическое обновление общества. Удивление вызывала, по замечанию одного из лекторов, скорее «прозревшая» к концу перестройки традиционно консервативная часть партаппарата (горкомы, крайкомы КПСС)[11]. В научной, образовательной среде, критически рассуждающей, находили друг друга единомышленники, собирались неформальные кружки, проводились дискуссии.

По мнению О. Седаковой, для того, чтобы «типичный советский человек» начал мыслить [по–другому], не он, а «с ним должно было что–то сделаться. Обычно происходило… какое–то жизненное потрясение», к которому человек «внутренне должен быть готов»[12]. Пример такого рода «шока» дает судьба ученого, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Южно–Сахалинского пединститута М.В. Теплинского. Не сомневавшийся, в общем–то, в законности и справедливости советской внешней политики, он не смог принять события ввода танков в Прагу, оценив их как катастрофу, о чем говорил вполне открыто. Также защита двух молодых преподавателей, обсуждавших запрещенную прозу Солженицина, привела его в итоге к преследованию со стороны партийных органов и вынужденному отъезду с острова[13]. Индивидуальный протест как результат «пробуждения» выступал здесь, прежде всего, нравственным актом, делом личного сознательного выбора.

Биография еще одного человека, чей личный фонд пополнил архив Сахалинской области, дает представление о том, как вызревает и получает продолжение в активной жизненной позиции этот моральный закон в душе. Владимир Подошвин[14] – инженер–геофизик, окончивший в 1972 г. Ленинградский горный институт, испытал большое влияние бабушки, заведующей партархивом, арестованной в 1937 г. За письма в защиту несправедливо уволенного начальника экспедиции В. Подошвина вместе с товарищами вызвали «для профилактики» в обком КПСС. В 1975 г. ему удалось принять участие в октябрьской демонстрации на Красной площади. Эмоциональный толчок для формирования резко оппозиционных взглядов дала продолжительная стажировка в Париже: жизнь на свободе, разговоры с эмигрантами, случайная встреча с В. Высоцким, чтение запрещенных в Союзе журналов и газет. Все последующие годы В. Подошвин был одним из основателей и активным участником различных демократических организаций – «Революционного коммунистического союза» (Южно–Сахалинск, 1975), «Демократического движения за перестройку» (1988), Сахалинского народного фронта (1989), сахалинской организации «Демократический союз» (1990) и др.

Принципы свободной самоорганизации и выхода в публичное пространство для того, чтобы заявить о существовании проблемы и требовать от власти ее решения ненасильственным путем, роднили первые демократические движения периода «оттепели» и перестройки. Подписание петиций в защиту несправедливо осужденных, репрессированных дополнилось к середине 1960-х гг. открытым протестом против нарушения гарантированных Конституцией прав на свободу слова, собраний. Это была реакция

на изменения уголовного законодательства* и усиление цензуры, которые воспринимались шестидесятниками как угроза ресталинизации.

Главной своей миссией «неформалы» середины – конца 1980-х гг. также провозглашали содействие росту политического правосознания и реализации прав на свободу мысли. Хабаровский «Трудодень» декларировал: «…Мы хотим знать правду о нашем (и не только нашем) прошлом и особенно настоящем и распространять её всеми доступными средствами, мы хотим исчезновения понятия «кухонный разговор» – пусть «кухней» станет любое помещение, любая площадь и улица»[15]. «Мы будоражим (хотя бы своим существованием) общественное мнение... Мы появляемся везде, где слышится слабое биение пульса общественной жизни». Отличие было в том, что члены «самодеятельных» организаций, подвергаясь психологической «проработке» по месту учебы и работы, административному наказанию, больше не несли уголовной ответственности за свои политические высказывания.

Поводом к стихийному митингу 21 мая 1988 г. в Южно–Сахалинске, приведшем впервые в стране к фактической отставке первого секретаря обкома КПСС, стало обсуждение несправедливых безальтернативных выборов делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию. Жители острова открыто выражали недовольство областной властью. Инициатива общественности вылилась в создание организации «Демократическое движение за перестройку» (ДДП), которая, поставив своей целью «создание подлинного народовластия»[16], сосредоточила свои практические усилия на расследовании фактов социальной несправедливости, сборе актуальной информации и доведении ее до населения, разработке рекомендаций, обращении в центральные и региональные государственные, хозяйственные и партийные органы, проведении тематических митингов, городских собраний и регулярных «гайд–парков», налаживании сотрудничества с заинтересованными группами (молодежными, экологическими). Успешность деятельности ДДП на начальном этапе была обусловлена массовой (активной либо пассивной) поддержкой населения и базировалась прежде всего на уверенности его участников в возможности реализации своего права быть услышанными властью. Движение укрепилось организационно, выйдя за пределы одного города, включилось в широкие информационные сети.

Общим идейным основанием в годы «оттепели» и перестройки стало возвращение к ленинскому наследию, построению «социализма с человеческим лицом». Политика гласности, объявленная М.С. Горбачевым, была продолжением ситуации 1950-х гг. с появлением возможности высказывать альтернативные точки зрения: «Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении… Нам надо

---

* Ст. 70 УК РСФСР, введенная взамен ст. 58–10, стала в 1958–1966 гг. основным уголовно–правовым инструментом для преследования за практически любые проявления инакомыслия. С 1966 г. были введены ст. 190–1 (предусматривала наказание за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») , 190–2 (за «надругательство над Государственным гербом или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики»), 190–3 (за «организацию, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных учреждений или предприятий»).

сделать гласность безотказно действующей системой»[17]. Важнейшим условием возникновения и деятельности гражданских институтов является преодоление монополии государства на истину. Запрос на понимание самих себя через культуру и историю, через присвоение неизвестного, сокрытого прошлого стал одним из актуализированных. Так, среди характерных предложений, высказанных в Приморье при обсуждении Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции (свыше 17 тыс. замечаний, предложений и дополнений) были: «активизировать работу ученых, писателей, ветеранов партии по написанию правдивой истории советского государства и КПСС, ускорить издание учебника истории СССР для средней школы, а также разработать систему регулярного и всестороннего изучения общественного мнения»[18]. Зародившись в постсталинскую эпоху, такое уникальное массовое явление, как самиздат, стало на долгие годы «основным средством самопознания и самовыражения общества»[19]. Нелегальное распространение востребованных обществом отечественных и зарубежных художественных произведений, публицистики, мемуаров, периодических информационных изданий, нового знания как такового, приводило к росту самосознания и меняло систему ценностей и представлений.Дальневосточники в силу специфики проживания на окраинной пограничной территории имели больший доступ к неофициальным источникам информации, в т.ч. из–за рубежа (посещение портов иностранных государств, прием зарубежных радиопередач и проч.). Хождение самодельных копий тех или иных произведений (рукописей книг, статей, воззваний, листовок) было явлением повсеместным, не замыкавшимся в пределах определенного социального слоя[20]. В период перестройки машинописные или рукописные газеты и бюллетени – плод творчества членов различных неофициальных объединений – помимо стихов и рисунков собственного сочинения содержали актуальную информацию о проблемах страны и региона, акциях гражданского действия (митингах, забастовках и проч.), представляли хронику текущих политических событий и освещали вопросы истории, вызывая живой интерес населения. Авторы размещали их на предприятиях и в учебных заведениях, раздавали и продавали на улицах, вовлекая прохожих в обсуждение затрагиваемых тем. К концу 1980-х в Приморье выпускались издания «Диссидент» (клуб «Демократ») и «Трибуна» (Владивостокское отделение Демократического Союза). В Хабаровском крае распространялись журналы «Луч» (орган общественно–политической организации трудовой и учащейся (служащей) молодежи «Контрасты»), «Вестник КСП» (Комитет содействия перестройке), общественно–литературный журнал «Окраина» («Трудодень»), «Информационный лист» (преемник «Трудодня» – «Альтернативное движение»), «Вестник Народного фронта за перестройку» (Хабаровский Народный фронт).

Упомянутый выше В. Подошвин в 1980–1981 гг. организовал выпуск самиздатовского бюллетеня «Утренняя звезда», посвященного борьбе польского народа с коммунистическим режимом. Он составлялся из переводов, выполнявшихся в разных городах Союза, из доступных иностранных газет, преимущественно зарубежных компартий – Франции, Англии, Италии, Испании, Польши, Чехословакии, Ирландии[21]. Стенгазету «Гласность» выпускало и Демократическое движение за перестройку. С 1989 г. от имени Сахалинского демократического регионального пресс–центра (СДР–ПЦ) начал выходить информационный бюллетень Сахалинского ДДП, впоследствии выросший в газету «Айну» (официальный орган Сахалинского народного фронта), тираж которой дости-

гал 1500 экз., а адресаты находились в различных городах страны. Генерирование и обмен альтернативной информацией, распространение самиздата способствовали формированию сетей единомышленников, сближению на основе общих интересов тех, чья картина мира безвозвратно менялась.

Схожее для двух периодов движение человека, находившегося в рамках советской системы, через индивидуальное «прозрение», дискуссии, выработку собственного отношения к происходящему, через участие в коллективных действиях по отстаиванию прав и свобод приближало к созданию общества, могущего выступать в качестве полноценного и легитимного субъекта политики. Особенностью перестройки, «революционным» новшеством, подорвавшим идеологическую конструкцию режима, лишившим ее главного оружия, стало, по мнению О. Седаковой, обращение главы государства к понятию «общечеловеческих ценностей»[22]. Поиск и возрождение в себе личности и гражданина, накопление успешного опыта противостояния «коллективному», тотальному и монополизированному (во всех сферах) в условиях открывавшихся социальных и политических возможностей периода «оттепели» и «перестройки» и приводило в конечном счете к эволюции человека недовольного к человеку действующему.

---

1 Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 175.
2 Безик И.В. Приморье: времена «оттепели». 1953–1964 гг. Кн.1. Владивосток: Мор. гос. ун–т, 2007. С. 123.
3 Алексеева Л.М. Движение за права человека. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/8.html (дата обращения: 17.04.2013).
4 Амальрик А.А. Записки диссидента. Анн Арбор: Ардис, 1982. С. 39.
5 Безик И.В. Приморье: времена «оттепели»… С. 13–15.
6 Коняхина А.П. Диалог с властью. Изучение и формирование общественного мнения населения Хабаровского края во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. // Девятая дальневост. Конф. молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 77–88.
7 Безик И.В. Приморье: времена «оттепели»… С. 150–151.
8 Алешковский Ю. Карусель. URL: http://lib.rus.ec/b/151596/read (дата обращения: 20.09.2013).
9 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР и проявление крамолы на Дальнем Востоке (1960 – 1970-е гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып.3. 2008. С. 183.
10 Цит. по: Ващук А.С. Инакомыслие в СССР… С. 184.
11 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–68. Оп. 117. Д. 724. Л. 111, 113.
12 Видео–интервью с О. Седаковой. URL: http://gefter.ru/archive/11078 (дата обращения: 18.11.2013).
13 Дружбинский В. С Сахалина – в Галичину: «добровольная» ссылка. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/s_sahalina__v_galichinu_dobrovolnaya_ssylka.html (дата обращения: 16.05.2013).
14 Пруссакова Т.Н. Биография В.Е. Подошвина // ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области). Ф. 4713. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1–4.
15 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р–1248. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
16 ГИАСО. Ф. П–4679. Оп. 1. Д. 1.
17 Горбачев М.С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 60–61.
18 ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 640. Л. 72, 76.
19 Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. С. 208.
20 См. подробнее: Ващук А.С. Инакомыслие в СССР… С. 184–189.
21 Пруссакова Т.Н. Биография В.Е. Подошвина… Л. 2.
22 Видео–интервью с О. Седаковой…

Н.П. РЯБЧЕНКО

СИСТЕМНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Системные тенденции в советском социализме рассматриваются на трех уровнях – глобальном, региональном и страновом – в связи с эволюцией патриархата как общего строя человечества. Образование социалистического лагеря представляло собой разделение мира. Дальнейшее существование первого как замкнутой системы привело к расколу в результате советско–китайского конфликта и, в конечном счете, к гибели. Все основные проблемы и противоречия социализма также сказались на СССР. Смерть Сталина была рубежом, после которого развитие Советского Союза стало более свободным, но он не мог справиться с закономерно возникшими перед ним проблемами.

Ключевые слова: патриархат, социализм, социалистический лагерь, Сталин, Хрущев, советско–китайский раскол.

Под советским социализмом в данном случае понимается строй, утвердившийся в России с победой Октябрьской революции 1917 г. и позже – в других социалистических странах. При всех местных специфических отличиях общим для них был решительный разрыв с существовавшим прежде социальным устройством и установление новых отношений, имеющих целью построение совершенного коммунистического общества. Поэтому следует рассматривать советский социализм не ограничиваясь СССР, а имея в виду весь социалистический лагерь, связанный идейным, политическим и экономическим единством.

Советский социализм представлял собой сложную, многоуровневую систему. Каждая из принявших его стран сама по себе являлась системой, что особенно хорошо видно на примере Советской России, несколько десятилетий после Октябрьской революции существовавшей в почти полном отрыве от остального мира. С образованием после Второй мировой войны социалистического лагеря советский социализм уже охватывал большую группу стран Восточной Европы, Азии и Латинской Америки. Несмотря на свою обособленность, СССР и социалистический лагерь оставались частью мировой системы. Поэтому эволюцию советского социализма необходимо рассматривать на трех взаимосвязанных уровнях – страновом, региональном, охватывающем социалистический лагерь, и глобальном. Причем, учитывая его «летальный исход», имеет смысл подходить к проблеме с точки зрения оценки тех трудностей и противоречий, которые со временем привели к такому итогу.

Начать надо все–таки с глобального уровня, так как мировая система оказывает мощное влияние на все нижестоящие. Оно до поры может быть малозаметным: внешним или внутренним, глубоко встроенным в социальные отношения. Но в конечном счете тенденции развития обществ на всех уровнях разворачиваются в направлении эволюции мировой системы. Никто и ничто не может этому противостоять. Конечно, влияние на ход истории, его частичную коррекцию в меру своих возможностей также оказывают региональные и локальные системы. В переплетении этих процессов и скрыт истинный смысл всех сложных, не поддающихся решению проблем.

Прежде всего, следует исходить из того, что в мире существует общий для всего человечества строй – патриархат, как и все в природе и обществе постоянно находящийся в процессе изменений. Он возник, скорее всего, в силу определенных объективных обстоятельств. Можно предположить, что на каком–то этапе истории матриархат завершил свою миссию заселения ойкумены. В то же время произошло истощение продовольственной базы человека, связанное с исчезновением крупных животных (мамонтов и др.) – объектов охоты. На первый план вышла задача охраны территорий обитания племени от посягательств соседей и, по возможности, завоевания новых земель как источников жизненных ресурсов. Так как военное дело (в сущности, продолжение охотничьих навыков) было мужским занятием, повышалась и роль мужчин в обществе, что позволило им занять господствующее положение. Началась их внехозяйственная специализация, открывающая новые перспективы для общественного прогресса. Производство оружия было связано с развитием технического творчества, выплавкой и обработкой металлов. Совершенствование стратегии и тактики, социальных отношений способствовали развитию интеллекта. Хозяйство осталось преимущественно женской сферой деятельности. Сложившееся таким образом разделение труда стало основой патриархального строя.

С течением времени ситуация, конечно, изменилась. Для удовлетворения потребностей растущего населения требовалось больше внимания уделять экономике. Это вызвало соответствующие изменения в патриархальном строе: зародилось и начало расти влияние «экономизма». Из истории известно, как это было. Воинственные норманны, накопившие большие сокровища, в XI в. однажды решили упорядочить свои финансовые дела, и Роберт Дьявол учредил казначейство. Некоторые введенные при нем экономические термины и понятия сохранились до наших дней. Потом от государства, созданного норманнами на Сицилии, методы денежной экономики стали распространяться в Европе[1] и в конечном счете привели к возникновению капитализма. Разумеется, такие фундаментальные изменения не могли осуществиться безболезненно. В Европе веками в разных формах шла борьба между стяжателями и их противниками, пока не утвердился протестантизм с его духом капитализма. На Востоке государство стояло на страже традиционных патриархальных порядков и старалось не допускать чрезмерного обогащения каких бы то ни было социальных слоев и усиления их властных устремлений.

Капитализм не устранил войн – напротив, сделал их более массовыми и разрушительными. Две мировые войны, потребовавшие напряжения всех сил вступивших в нее народов и широкого привлечения к производству женщин, дали неожиданный результат в виде резкого усиления их эмансипации, которая в последующем продолжала нарастать. Власть патриархата была поколеблена, и этому способствовала массовая гибель мужчин на фронтах. Но главная причина была в другом. Победивший в результате экспансии капитализма, чуждый классическому патриархату «экономизм» вполне закономерно вел к усилению роли женщин в обществе, так как им сфера экономики (изначально – обустройство дома) ближе, чем мужчинам.

Социализм по расчетам его основателей должен был стать мировой системой, идущей на смену капитализму. Но на практике оказалось, что только 15 стран во главе с Советским Союзом смогли встать на путь «реального социализма». В системном плане это означало, что в мире сложилась ситуация раскола на часть и целое. В истории были подобные примеры: античность, другие вырвавшиеся вперед цивилизации. Но только в редких случаях, когда для этого созревали объективные условия, часть могла одолеть целое, как это было с победой капитализма.

В жизни любого общества отношения части и целого весьма распространены. Можно вспомнить вечную проблему отцов и детей. Вступающее во взрослую жизнь подрастающее поколение склонно обособляться, противопоставлять себя миру отцов, критически относиться к нему и конфликтовать. Лишь по прошествии времени это противоречие сходит на нет и молодежь вливается во взрослую жизнь. Еще в древности люди патриархального общества нашли способ, как регулировать этот конфликт. Юноши, достигшие половой зрелости, сами поселялись отдельно в «больших домах», где жили братским коллективом. Достойными занятиями считали охоту и военное дело и четко дистанцировались от всего, что было связано с женским полом[2]. Такой «правильный», но односторонний мужской мир был нежизнеспособен. Его обитатели должны были в конце концов влиться в существующее общество. Тем не менее идея создания идеального общества, повторяющая опыт существования «больших домов», сохранилась в веках и много раз выливалась в планы и попытки ее осуществления: от фаланстеров Фурье до казарменного коммунизма Мао Цзэдуна.

Являясь замкнутой системой, социалистический лагерь противостоял остальному миру как часть целому. Его эволюция от решительного разрыва с прошлым к постепенному отказу от радикализма и в конечном счете возврату в глобальный мир была обусловлена изменениями самой этой системы, связанными с невозможностью в условиях замкнутости и, соответственно, ограниченности необходимых средств решать проблемы существования и развития. Главная из которых – продовольственная проблема. В нее раз за разом упирались все радикальные проекты скачка в коммунизм или хотя бы приближения к нему в виде «развитого социализма». Причем, как показал опыт НЭПа, если дать крестьянину свободно трудиться и распоряжаться плодами своего труда, то это позволит быстро справиться с отставанием сельского хозяйства. Но также быстро это восстанавливает рыночную экономику и грозит реставрацией капитализма. На самом

деле проблема глубже: советский социализм воспроизвел противостояние внутри патриархата. Сельское хозяйство – исторически преимущественно женская сфера деятельности – занимало в нем второстепенное, зависимое положение в силу приоритета, отдаваемого развитию промышленности, и как потенциальный источник «экономизма». Оно существовало либо в находящихся под контролем государства осовремененных формах общинного коллективизма (сельскохозяйственная артель, колхоз), либо как пораженное бюрократизмом казенное производство (госхоз, совхоз). За этим скрывалось стремление не только окончательно закрыть пути к возрождению капиталистических отношений, но, в конечном счете, через установление коммунистического строя вообще преодолеть «экономизм». Т.е. разрешить коренное внутренне противоречие патриархата между его классической сущностной основой, связанной с внехозяйственной деятельностью, и возникшей в процессе исторического развития тенденцией к все большей вовлеченности мужской части социума в хозяйственные процессы, означающей переход на «женскую территорию», из внешней сферы во внутреннюю, где главным является не завоевание пространства и контроль над ним, а получение и накопление ресурсов. На первый взгляд, мужчины вполне способны «переквалифицироваться», но в действительности они не могут это сделать, не изменив своей сущности, как невозможно одновременно находиться и внутри, и вне какой–либо сферы. Свидетельство тому – растущая деградация патриархата, особенно сильно проявляющаяся в современных глубоко коммерциализированных западных обществах[3].

Коммунистический проект представлял собой попытку при опоре на разум разрешить накопившиеся социальные противоречия и создать справедливое, гармоничное общество[4]. В нем признавалось полное равенство мужчин и женщин. В социалистических странах данный принцип в основном был претворен в жизнь. Но при этом позиции патриархата не только не ослабели, но усилились, так как острая конфронтация в отношениях с капиталистическим миром требовала укрепления его основ, связанных с наращиванием военной мощи и производством вооружений. В результате базовые противоречия патриархата, к которым можно отнести противоречия между военной и мирной деятельностью, промышленностью и сельским хозяйством, идеалами и действительностью, природой, частью которой является сам человек, и обществом в социалистическом лагере давали о себе знать в еще более острой форме, чем в мире в целом. Их отражением стали происходившие в социалистических странах идейно–политические процессы.

Воинственный разрыв со старой системой создал в Советской России обстановку осажденной крепости. Военная угроза – главное, что беспокоило ее руководство на всем протяжении существования «реального социализма». Отсюда приоритет военному строительству в ущерб развитию гражданских отраслей народного хозяйства и повышению жизненного уровня населения, опасение внутренних измен, шпиономания и сверхсекретность, стремление скрыть недостатки, указывающие на слабые места. Негативную роль играли нарушение связей с развитыми странами и отрыв от мирового научно–технического опыта.

В этих условиях политическая ситуация в стране складывалась совершенно определенным образом. В руководстве все более явными становились идейные разногласия в выборе путей дальнейшего развития. Формировались два подхода – радикальный и умеренный. Радикальный подпитывался наличием ресурсов, изымаемых из деревни, и стал преобладающим. Разногласия вскоре перешли в острую фазу и вылились в подавление сначала отдельных противников, потом любой потенциальной оппозиции. Массовые репрессии закрепили господствующее положение победившей фракции. Ее сторонники возвеличивали своего вождя вплоть до культового поклонения ему, а сами так или иначе включались в нисходящую иерархию властных структур. Такова принципиальная схема утверждения сталинского режима, многократно повторенная практически во всех социалистических странах. Она полностью соответствовала патриархальной модели властных отношений, нацеленной на установление господства над теми или иными территориями и странами. Но она не могла оставаться неизменной и неизбежно эволюционизировала в сторону смягчения прежних суровых нравов, как это произошло у воинственных норманнов. К этому подталкивали объективные обстоятельства: накопившаяся усталость от постоянного мобилизационного напряжения и, главное, исчерпание легко доступных ресурсов, которые можно было получить путем простого изъятия у населения. Требовался переход от командных к экономическим методам ведения хозяйства.

Стремление к переменам подспудно зрело в недрах самого советского режима и подвластного ему общества. Свидетельство тому – такое проявление «экономизма», как проведение в январе 1949 г. в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, что послужило поводом для жестоких репрессий против части советского руководства (т.н. «ленинградское дело»). Поэтому, когда после смерти Сталина к власти пришел Хрущев, в стране произошли многие важные изменения, встретившие поддержку в обществе. Были прекращены репрессии и реабилитированы жертвы сталинского периода. Началось массовое жилищное строительство. В экстренном порядке принимались меры по увеличению сельскохозяйственного производства как самого узкого места в народном хозяйстве. Большие надежды возлагались на освоение целинных земель. Хрущев лично, активно, хотя и не очень успешно, занимался вопросами сельского хозяйства: внедрял выращивание кукурузы, проводил различные реорганизации в сельскохозяйственной отрасли. В конечном счете ставка была сделана на совхозы, т.е. на огосударствление производства. Переход к более жесткой по сравнению с колхозами командной экономике в деревне не мог решить постоянно обостряющуюся продовольственную проблему. Дошло до того, что в 1963 г. пришлось начать массовый импорт зерна. А в следующем году Хрущев был снят со всех занимаемых постов и отправлен на пенсию. Однако дело было не столько в Хрущеве, сколько в том, что, как уже отмечалось, сельское хозяйство – особая сфера деятельности, женская по своей природе, плохо вписывающаяся в командно–бюрократические порядки. Забегая вперед, следует сказать, что история повторилась на закате Советского Союза. Импорт продовольствия самых разных видов исчислялся уже десятками миллионов тонн, но все–таки не удавалось восполнить растущий дефицит. На этот раз дело кончилось гибелью государства.

Произошедшее в первые годы правления Хрущева смягчение режима коснулось и внешней политики. Была выдвинута идея мирного сосуществования и экономического соревнования с капиталистическими странами, что значительно ослабляло международную напряженность. Но тут совершенно неожиданно возникли трения с Китаем. В 1957 г. в Москве на международном совещании коммунистических партий Мао Цзэдун выступил с идеей пойти на использование атомной бомбы, чтобы, не считаясь с потерями, добиться окончательной победы над империализмом[5]. Не встретив поддержки, он стал самостоятельно искать пути осуществления мировой революции. В 1958 г. им была предпринята попытка путем мобилизации всех сил страны совершить «большой скачок» к коммунизму, закончившийся сокрушительным провалом. В 1960 г. Пекин стал собирать своих немногочисленных сторонников в мировом коммунистическом движении и начал открыто выступать с критикой политики Москвы. Разгорелась идеологическая полемика. Как и при всех других расколах, в рядах коммунистов обозначились две позиции: радикальная, нацеленная на конфронтацию с капиталистическим миром, и умеренная, не чуждая компромиссов с противником. Только на этот раз события разворачивались не в отдельной стране, а на арене социалистического лагеря. Обособление в нем такой крупной страны, как Китай, на практике вело к его расколу. С системной точки зрения это означало раздвоение единого целого[6]. Раскол социалистического лагеря имел стратегически крайне важное значение для судеб его стран. Он ослаблял их экономические и политические возможности, отвлекал силы на борьбу друг с другом и стал началом конца «реального социализма».

Идеологическая полемика между Китаем и СССР вскоре переросла в ожесточенную конфронтацию вплоть до военных столкновений на границе. Почти три десятилетия занял этот период в истории советско–китайских отношений, но до сих пор окончательно не ясно, почему произошел раскол. Те обвинения в ревизионизме, которые выдвигал Пекин в отношении Москвы, всегда казались совершенно надуманными. А пропагандистские публикации о якобы происходившей тогда в СССР реставрации капитализма – абсурдными. Правда, когда произошло крушение социализма в СССР, некоторые участники полемики с советской стороны задумались: может быть, Мао Цзэдун был прав, предупреждая о грозящей Советскому Союзу опасности?[7] И все же советско–китайский раскол так и остался «одной из главных загадок XX века»[8], разгадать которую можно только если подойти к ней с более широких исторических позиций. В социалистическом лагере со смертью Сталина произошел тот же сдвиг в сторону «экономизма», что и в свое время внутри патриархального строя, и он не мог обойтись без противоречий и острой борьбы.

Силы классического патриархата в лице китайских радикалов не собирались сдавать своих позиций. Но неразрешимая проблема состояла в том, что с появлением атомной бомбы уже стало невозможно добиваться крупных исторических целей, таких как победа над империализмом, военным путем. Кроме того, из–за хронического отставания сельского хозяйства все реальней становилась угроза массового голода. Поэтому в Китае левацкий радикализм уступил место «экономизму» политики реформ еще раньше, чем СССР действительно повернул в сторону реставрации капитализма. Круше-

ние социалистического лагеря временно укрепило мировую капиталистическую систему. Однако сотрясающие ее мощные социально–экономические кризисы говорят о том, что дела ее плохи. Причина здесь не только в капитализме. Кризис переживает идущий по пути «экономизма» патриархальный строй, и пока можно только предполагать, к чему это приведет.

Таким образом, смена власти, произошедшая в СССР в связи со смертью Сталина, представляла собой глубокий сдвиг в эволюции советского социализма. Он имел не только внутренние, но и серьезнейшие международные последствия, связанные с возникновением советско–китайского раскола, приведшего к ослаблению, а в конечном счете к гибели социалистического лагеря, переформированию всей мировой системы и выдвижению Китая на передовые позиции в ней. Длительная конфронтация между КНР и СССР и вызванная ею необходимость укреплять оборону восточных регионов стала, пожалуй, важнейшим фактором, влиявшим на развитие Дальнего Востока России в те годы. Можно выделить меры чисто военного характера, связанные с перемещениями войск, их обустройством, снабжением, строительством оборонительных сооружений, а также связанные с этим изменения в гражданской сфере, затрагивающие экономику, социальные вопросы, культуру и многое другое. Перед нами пример того, как одно историческое событие – смерть Сталина – связано с другими, казалось бы, не имеющими к нему никакого отношения. Конечно, крупные исторические перемены неизбежны, но они могли произойти в другое время и в какой–то степени по–иному.

---

1 Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно–исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Академический Проект, 2009. С. 493–494.

2 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 90–100.

3 Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2007; Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: АСТ, 2013.

4 Мегилл А. Карл Маркс: бремя разума / пер. с англ. М. Кукарцевой. М.: Канон+, 2011. С. 325.

5 Галенович Ю.М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 103–104.

6 Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969–1982). Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 37–38.

7 Рахманин О.Б. Взаимоотношения И.В. Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 90; Кулик Б.Т. Советско–китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 388–389.

8 Титаренко М.Л. В поисках ответа на одну из главных загадок XX в. // Кулик Б.Т. Советско–китайский раскол… С. 5.

II. Идеология, культура

В.Г. МАКАРЕНКО

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1920–1930-Е ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ*

В статье показан процесс становления системы высшего образования на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. Показаны этапы ее реформирования. Особое внимание уделено материально–техническим условиям, социальной инфраструктуре и кадровой обеспеченности вузов.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, высшее образование, подготовка специалистов, социальные аспекты, материально–технические условия, педагогические кадры.

Система высшего образования является одним из важнейших социальных институтов, качественным состоянием и результатами деятельности которого определяется уровень развития не только экономики, науки и культуры, но и страны в целом. В связи с этим изучение результатов реформирования высшего образования представляет собой одно из важных научных направлений в отечественной историографии, в том числе и в региональном аспекте. Особый интерес вызывает период 1920–1930-х гг., когда были заложены основы советской высшей школы, выпускникам которой принадлежат заслуги в проведении индустриализации, развитии культуры, достижении победы в Великой Отечественной войне и послевоенном восстановлении народного хозяйства.

История высшего образования на Дальнем Востоке России началась с создания в 1899 г. Восточного института «…с целью подготовлять учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово–промышленных учреждениях Восточно–Азиатской России и прилегающих государств». На на-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН (грант № 12–1–П33–04 «Традиции и инновации в системе высшего образования на Дальнем Востоке в период социальных трансформаций в XX – начале XXI в. в свете историко–культурных ценностей России»).

чальном этапе деятельности первого и единственного в Восточной Сибири высшего учебного заведения имели место трудности роста – согласования «чисто–практических» и «узкоутилитарных» задач с широкой научной постановкой преподавания, установления строгих правил приема, обучения и проживания в интернате студентов[1].

В последующее время в условиях двух революций 1917 г., Гражданской войны и интервенции преподаватели и студенты Восточного института ориентировались на то, чтобы попытаться без потерь и «безболезненно пережить... временную разруху государственной жизни», продолжить обучение на основе демократических начал, провозглашенных Временным, а затем и Советским правительствами: самоопределения, академической свободы, автономии и самоуправления[2].

Однако в 1918–1919 гг. при отсутствии регулярного государственного финансирования на базе Восточного института были созданы частные факультеты и вузы (историко–филологический, юридический факультеты, высший политехникум)[3]. Учитывая потребности Дальневосточного края в специалистах, 17 апреля 1920 г. Временное правительство (Приморская областная земская управа) приняло постановление № 220 об объединении Государственного Восточного института и всех вновь созданных факультетов и институтов в единое учреждение – Государственный Дальневосточный университет (ГДУ). Первым ректором был избран проф. Г. В. Подставин[4]. К началу 1922 г. в ГДУ начались учебные занятия в полном объеме на всех факультетах. Однако осенью 1922 г. их приостановили из–за «обстановки длительной анархии и безвластия»[5].

После установления советской власти и вхождения Дальнего Востока в состав РСФСР был создан аппарат уполномоченного по делам высшей школы во главе с проф. В.И. Огородниковым, начались мероприятия по ее «советизации»: в декабре 1922 г. ликвидирована домовая церковь при ГДУ, в январе 1923 г. переизбран состав его правления и назначен новый ректор – проф. В.И. Огородников, в сентябре 1923 г. принято постановление Дальревкома о слиянии ГДУ с Читинским университетом с переводом последнего во Владивосток и переездом 180 студентов, 7 профессоров, 10 преподавателей, 7 научных сотрудников и 2 чел. технического персонала, пересмотрены штаты ГДУ[6]. Таким образом, с 1918 г. в РСФСР, а с 1923 г. на Дальнем Востоке начался «советский» период в развитии высшего образования, характеризующийся новыми «политическими и идеологическими параметрами», включавший в себя не только «многое из культурного наследия прошлого», но и формирование прагматических отношений с интеллигенцией[7] на основе классового подхода.

Курс компартии и правительства на индустриализацию, недоверие к «буржуазным» специалистам в конце 1920-х гг. обусловили рост потребности в кадрах с высшим образованием и, соответственно, политику реализации «большого скачка» в развитии советской высшей школы. Значительно расширилась сеть учебных заведений, их специализация в подготовке кадров, особенно технического профиля, резко возросла численность студентов, кардинально изменилась структура управления вузами (за счет начавшегося «отраслирования» учебных заведений, что предусматривало их подчинение, материально–техническое и кадровое обеспечение при помощи различных хозяйственных ведомств и наркоматов СССР).

На Дальнем Востоке, согласно решению Наркомпроса РСФСР от 11 июля 1929 г., предписывалось создание на основе факультетов ДВГУ ряда самостоятельных институтов во Владивостоке, Хабаровске, Чите[8]. Если в СССР общее число вузов с 1928 по 1930 г. увеличилось в 2,2 раза, то на Дальнем Востоке – в 9 раз. Только в 1930 г. в ДВК было создано 9 новых вузов: Дальневосточный коммунистический университет (Далькомвуз), институты – медицинский, народного хозяйства (на базе Восточного факультета) в Хабаровске, политехнический (ДВПИ), рыбопромышленный (Дальрыбвтуз), Дальневосточный лесотехнический, Дальневосточный индустриальный педагогический, Тихоокеанский институт социалистического сельского хозяйства (ТИССХ) во Владивостоке, аграрный педагогический в Благовещенске. Однако везде сохранялась характерная для вузов страны 1930-х гг. многопрофильная, но узкая специализация при ограниченном контингенте студентов[9].

В 1931 г. на Дальнем Востоке открылись институты – Плановый (на базе планового отделения ликвидированного Хабаровского института народного хозяйства), Интернациональный педагогический (обучались корейцы и китайцы), в 1932 г. – Дальневосточный горный, Высшая китайская ленинская школа[10], Дальневосточная промышленная академия, Дальневосточный институт инженеров водного (морского) транспорта во Владивостоке*. В 1933 г. Дальневосточный индустриальный педагогический институт был объединен с Благовещенским аграрным пединститутом и переведен в Благовещенск. В соответствии с решением СНК РСФСР (1934 г.) при всех педагогических вузах страны, в том числе и на Дальнем Востоке, были открыты двухгодичные учительские институты[11].

В первой половине 1930-х гг. определенные трудности сложились во вновь созданных («отраслированных») на Дальнем Востоке вузах в организации учебной работы. Она практически никак и никем не планировалась и не контролировалась, а была отдана «на откуп» самим преподавателям. В связи с отсутствием увязки основной деятельности вузов с потребностями народного хозяйства региона существовало дублирование в подготовке специалистов (химиков, геофизиков, экономистов), в то время как в ДВК остро не хватало инженеров, строителей, угольщиков, геологов, учителей. В учебных программах, присылавшихся из Москвы, не было определенности, четкости и ясности. В разные семестры соотношение теоретических и практических занятий для одних и тех же специальностей составляло то 1:1, то 3:2, то 2:1. В связи со слабостью материально–технической базы вузов и отсутствием высококвалифицированных кадров не планировалось и проведение научно–исследовательской работы. Она осуществлялась в порядке индивидуальной инициативы преподавателей. Наиболее узким местом в подготовке специалистов являлось отсутствие мест для производственной практики студентов[12].

---

* При всех дальневосточных вузах имелись рабочие факультеты, на которых в 1932 г. обучались 3908 чел., в том числе вне вузов, на предприятиях, по вечерней форме обучения – 2046 чел. (ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 8).

Проведенное «отраслирование», увеличение числа вузов потребовали соответствующего кадрового обеспечения, «но внимания этому вопросу не уделялось». При формировании научно–педагогических коллективов доминировал классовый подход, широко практиковалось выдвиженчество на преподавательскую работу. В первой половине 1930-х гг. в вузах Владивостока преподавали профессора дореволюционной школы – В.Л. Абрамович, А.П. Бекеев, Ю.В. Бранке, В.П. Вологдин, Ф.И. Кузьмич, Н.П. Овидиев, Н.Н. Павлов, В.С. Пак, А.О. Рейн, А.В. Рудаков, В.М. Савич и др.[13] В 1932 г. насчитывалось 42 (20%) профессора, 107 (50%) доцентов, 39 (18,5%) ассистентов, 20 (10%) аспирантов, 3 (1,5%) научных работника первого разряда (всего 211 чел. при дополнительной потребности в 101 чел., в том числе 20 профессоров, 40 доцентов, 40 аспирантов). Только в трех вузах ДВК осуществлялась подготовка преподавательских кадров через аспирантуру: в ДВПИ – 21 чел., Дальневосточном горном – 10, Дальневосточном индустриально–педагогическом – 18 чел.[14] В дальнейшем в ДВК открылась аспирантура при сельскохозяйственном, лесотехническом, плановом, медицинском институтах, при ДВГУ и ВКСХШ.

Отставала и социальная инфраструктура высшего образования. Так, в 1932 г. только 34% от всего числа нуждавшихся студентов были обеспечены местами в общежитиях. Остро не хватало аудиторного фонда. Плохо было организовано удовлетворение культурно–бытовых потребностей студентов и преподавателей, в том числе системы общественного питания, снабжения промышленными товарами[15]. Студенты голодали. Так, в первом квартале 1932 г. они ни разу не получили (согласно утвержденным спискам) жиров, рыбы, мяса, овощей, что негативно отражалось на состоянии их здоровья.*

В 1932 г. при росте общего контингента студентов в вузах Дальнего Востока снизилось финансирование на оплату труда преподавателей и стипендиального фонда. Согласно инструкциям центра, оплата труда преподавателей должна была определяться средним числом студентов в группах, но фактически она производилась за количество групп на одного преподавателя, что и обусловило «искусственную малочисленность» студенческих групп в вузах региона. Размер зарплаты преподавателей в начале 1930-х гг. снижался также из–за частых отвлечений студентов на различные «авральные» и хозяйственные работы в учебное время. Не выплачивались и надбавки (35%), установленные Наркомпросом «за отдаленность» от центра. Средства на командировки выделялись «ничтожные»: в 1932 г. ДВГУ получил

* «В 1932 г. ДВГУ получил только 6 пар ботинок и одну пару брюк. Прачечных, пошивочных, починочных мастерских в вузе не было. Студенты пользовались услугами общегородской бани на общих основаниях, без льгот. Медицинское обслуживание студентов поставлено плохо – медосмотры проводились один раз в два года, и они выявили до 50% больных студентов ДВК: так, из 187 студентов лесотехнического института 116 (62%) больны туберкулезом; в педагогическом институте 70% студентов нуждались в санаторно–курортном лечении; ни один вуз не был прикреплен к определенной поликлинике или амбулатории, поэтому вызвать врача на дом практически невозможно; медицинских аптечек в студенческих общежитиях нет». (ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 26 об., 27, 34).

4 тыс. руб., Индустриальный педагогический институт и Горный – по 3 тыс., Интернациональный педагогический – 2 тыс. руб., в то время как стоимость одного билета в Москву в оба конца без суточных составляла 700 руб.[16]

В совокупности все это порождало высокую текучесть преподавательских кадров за пределы Дальнего Востока. В числе основных мотивов были следующие: «слабость материально–технической базы для учебной и научной работы, боязнь из–за этого потерять квалификацию, оторванность от культурных центров страны… нехватка учебной и научной литературы, недостаток средств на научные командировки (за границу командировок вообще не было), отсутствие санитарно–курортной помощи, плохие материально–бытовые и культурные условия жизни и работы (из 28 научных работников ДВГУ имели удовлетворительное жилье 9 чел., холодные и сырые квартиры – 6, в темных (нет света!) и сырых помещениях проживали – 5 чел., а часть преподавателей – в студенческих общежитиях). Помощи от городского совета в улучшении ситуации с жильем не было, решения президиума Далькрайисполкома по этому вопросу не выполнялись, в связи с этим у преподавателей не оставалось надежд на улучшение ситуации с жильем. Более того, имели место случаи выселения преподавателей из квартир… Питание в столовых неудовлетворительное и дорогое так же, как и снабжение промышленными товарами». При этом размер стипендии у студентов вузов ДВК составлял 55–60 руб., т.е. столько же, как и в Москве, но стоимость жизни на Дальнем Востоке была гораздо выше[17], и это не учитывалось центром.

С учетом сложившейся сложной ситуации 19 сентября 1932 г. ВЦИК СССР принял постановление об упорядочении и укреплении сети вузов в стране. Исполняя данное решение, Далькрайком ВКП(б) 4 января 1933 г. принял собственное постановление «О размещении вузов, втузов и техникумов в крае», в котором предусматривалось приведение численности студентов в учебных заведениях в соответствие с наличием учебной и жилой площади в них[18], сокращение числа вузов, рабфаков и техникумов, в том числе и «отраслированных».

В начале 1933 г. на Дальнем Востоке ликвидировали морской, плановый, горный, рыбопромышленный институты, промышленную академию, объединили педагогический (г. Владивосток) и Благовещенский аграрный институты, в ДВПИ восстановили горный факультет (в 1937 г. он был закрыт по приказу Наркома оборонной промышленности), Лесотехнический институт возвращен из Хабаровска во Владивосток и преобразован в факультет ДВПИ, Тихоокеанский институт социалистического сельского хозяйства реорганизован в техникум и переведен в Благовещенск.

К 1935 г. в ДВК осталось шесть вузов: ДВПИ, ДВГУ, медицинский институт (в Хабаровске), Владивостокский педагогический (интернациональный) и Благовещенский пединститут, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (создана в 1932 г. на базе Далькомвуза, закрыта 7 сентября 1937 г.)[19].

Все проводившиеся в первой половине 1930-х гг. многочисленные реорганизации сети вузов и техникумов страны имели ряд недостатков и не учитывали в полном объеме региональные особенности. Но принятие По-

становления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (июнь 1936 г.) способствовало установлению единых сроков, порядка и условий приема и обучения студентов вузы страны.

В 1930–1937 гг. вузы ДВК подготовили около 3000 «узких» специалистов*, однако потребности народнохозяйственного комплекса региона были удовлетворены лишь на 10%, требовалось дальнейшее расширение сети вузов[20]. В 1937 г. по приказу Наркомата путей сообщения СССР в Хабаровске начал работу Институт инженеров железнодорожного транспорта[21].

Вместе с тем политическая атмосфера в стране во второй половине 1930-х гг., характеризовавшаяся усилением бдительности в поисках «вредителей», «врагов народа» и «шпионов» во всех областях народного хозяйства, не могла не затронуть и высшую школу. Новую волну усиления бдительности вызвал состоявшийся в Москве февральско–мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. и доклад на нем И.В. Сталина, призывавшего покончить с «врагами партии и народа»[22]. Это привело к многочисленным арестам талантливых преподавателей, студентов и в итоге – к закрытию Дальневосточного университета и ликвидации научных учреждений Дальневосточного филиала Академии наук СССР[23].

Накануне войны, 2 октября 1940 г., было принято Постановление СНК СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и высших учебных заведениях»[24]. Это решение обосновывалось возросшим уровнем материального благосостояния народа, но, по сути дела, стимулировало поступление малообеспеченной части населения на обучение в училища государственных трудовых резервов и пополнение рядов рабочего класса[25].

В целом, несмотря на многочисленные недостатки и социальные издержки в организации подготовки специалистов с высшим образованием, материально–техническом и кадровом обеспечении, на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. были заложены основы региональной высшей школы в рамках адекватной модели (или составной части) административно–командной системы, в которой, как и в вузах всей страны, осуществлялась подготовка кадров узкого профиля для нужд индустриализации и повышения обороноспособности государства.

---

* Характер производства в ДВК в начале 1930-х гг. был преимущественно кустарным, что, на наш взгляд, оправдывало в тот период государственную политику подготовки специалистов узкого профиля. Истинные потребности края в то время в специалистах не изучались и, соответственно, не могла быть определена реальная (или оптимальная) структура профессиональной специализации вузов. (ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 31 – 32, 34).

1 Бартольд Д. Восточный институт во Владивостоке // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: http://www.historyx.ru/brokgauz _efron4 /page /vostochnyiy_ institut _vo_vladivostoke.45061/ (дата обращения: 28.10.2012).
2 История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 235, 239, 240.
3 Там же. С. 249, 252 – 254, 256 – 259, 261 – 263.
4 Там же. С. 267, 280 – 285, 288; URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE% F1% F2% EE%F7%ED%FB%E9_%E8%ED% (дата обращения: 28.10.2012).
5 История Дальневосточного государственного университета… С. 305.
6 Там же. С. 306 – 311.
7 Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд–во СО РАН, 2004. С. 279 – 280, 298 – 299.
8 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.). Томск: Изд.–во ТГУ, 1971, С. 147.
9 Подсчитано по: ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 1, 19, 32; Макаренко В.Г. «Кадровый голод»: Из истории высшего и среднего специального образования на Дальнем Востоке России в первое послевоенное десятилетие // Россия и АТР. Владивосток. 1996. № 4. С. 7; ГАРФ (Гос. архив РФ). Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3103. Л. 11.
10 Для подготовки политических руководителей по образу и подобию Университета им. Сунь Ятсена в Москве. См.: Шен Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / пер. с англ. Л.И. Головачёвой и В.Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. С. 2, 18, 29, 48; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 160, 175 – 177, 178 – 180, 356 – 357, 279.
11 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация… С. 151, 84 – 85.
12 ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 9, 19, 34 – 35.
13 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация… С.162, 163, 164, 165,166, 167.
14 ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д. 221. Л. 13 – 14.
15 Там же. Л.17.
16 Там же. Л. 9 – 10, 33.
17 Там же. Л. 16 – 17, 19, 34.
18 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация… С. 156 – 157.
19 Там же. С. 157 – 158, 159.
20 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация… С. 186 – 187.
21 Подробнее см.: Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта по подготовке специалистов (1939–1985) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально–экономических и культурных процессов в Северо–Восточной Азии: тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток. 1997. С. 128 – 130.
22 Материалы февральско–мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 7.
23 Подробнее см.: Васильева Е.В. Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток: Изд–во Дальневост. федерального ун–та, 2011. С. 275 – 279, 282 – 283, 285.
24 Народное образование в СССР: сб. документов. 1918–1973. М. 1974. С. 176 – 177.
25 Балдин С.С. Профессионально–техническое образование на Дальнем Востоке России. XIX-xX вв. Владивосток: Дальнаука, 2007. С.127.

С.В. СЛИВКО

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

В статье рассмотрены ключевые проблемы развития советской исторической науки на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х гг. Обоснована авторская концепция её трансформации, включая причины, формы и содержание. Раскрыты основные направления и особенности деятельности Дальневосточного истпарта в заключительный период существования. Освещено формирование новых центров исторической науки, выявлена их преемственность Дальневосточному истпарту.

Ключевые слова: советская историческая наука, Дальистпарт, ВКП(б), Дальневосточный край, история Гражданской войны и интервенции.

Спецификой развития советской исторической науки стало выделение в отдельное направление исследований по истории революционного движения, российских революций, Гражданской войны и периода социалистического строительства. В них в качестве ключевого звена выступает развитие и деятельность Коммунистической партии, история которой изучалась в контексте историко–партийной отрасли советской исторической науки, где главным инструментом достижения задач являлась историко–партийная работа.

Под историко–партийной работой понимается совокупность научно–исследовательской, архивной, археографической, издательской, музейно–выставочной, справочно–библиографической, агитационно–пропагандистской и иных видов деятельности, направленных на изучение и популяризацию истории революционного движения, российских революций и социалистических преобразований с позиций марксистско–ленинской методологии и преимущественного освещения вклада в них партии большевиков. Цели и задачи этой работы трансформировались вместе с Коммунистической партией, советским обществом и советской исторической наукой.

Центром данного вида деятельности на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. стал созданный 19 сентября 1922 г. историко–партийный отдел Дальбюро ЦК РКП(б), в дальнейшем – Далькрайкома ВКП(б). Главными темами, разработкой которых занимался Дальистпарт, были история революционного движения, российских революций, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Если в 1920-х и первой половине 1930-х гг. эти темы освещались в целом равномерно, то после 1935 г. Дальистпарт сосредоточился на изучении вопросов истории Гражданской войны и интервенции, что было вызвано рядом внешне– и внутриполитических причин. После 1931 г. со стороны Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ), которому

подчинялся Дальистпарт, предпринимались систематические попытки искусственно ограничить круг его проблематики изучением истории дальневосточной партийной организации. Однако эта тенденция не привела к подчинению ей всей работы Дальистпарта.

Являясь частью дальневосточной партийной организации, Дальистпарт всё время своего существования испытывал влияние происходивших в ней процессов и участвовал в реализации большевистской программы социалистических преобразований. Осуществляя массово–политическую работу, участвуя в партийно–политических кампаниях, Дальистпарт внес существенный вклад в решение проблем роста ВКП(б) и осуществление социалистической модернизации.

Однако замыслы Дальистпарта во второй половине 1930-х гг. простирались гораздо дальше разработки проблем истории ВКП(б) и Гражданской войны. В докладных записках и.о. заведующего Дальистпартом А.П. Шурыгина, направленных Далькрайкому ВКП(б)[1], говорилось, что «разработка общей истории ДВК является важной предпосылкой для изучения истории партийной организации». Без этого создание научной истории дальневосточной организации ВКП(б) становилось невозможным. Кроме того, публикация научных и вместе с тем увлекательно написанных очерков истории ДВК и дальневосточной организации ВКП(б) стала бы «серьезным фактором в деле политического воспитания молодежи, трудящихся, бойцов ОКДВА»[2]. Знания по истории Дальнего Востока должны были способствовать укоренению живущих и работающих здесь людей, росту их патриотических настроений.

Между тем в крае отсутствовал орган, который занимался бы изучением общей истории Дальнего Востока. Шурыгин предлагал создать сектор истории при Дальневосточном филиале АН СССР, а также выдвигал ряд идей по организации исследовательской работы и ее формам. Среди них обращает на себя внимание мысль о необходимости создания синхронистических таблиц по истории Дальнего Востока – задача, до сих пор не решенная исторической наукой. Таким образом, руководство Дальистпарта полностью осознавало значимость исследования общегражданской истории Дальнего Востока, считая историю партии и революционных процессов её неотъемлемой частью, а не наоборот. Это свидетельствует о том, что «большевистской воинственности и бдительности» не удалось взять верх над «академическими и схоластическими навыками» Дальистпарта, сотрудники которого, несмотря на сложную политическую обстановку в стране, продолжали развивать научные традиции и старались свести к адекватному уровню степень политизации научных знаний[3].

Важно отметить, что аналогичные идеи появлялись у работников Дальневосточного краевого архивного управления (ДВКАУ), начиная с 1936 г., и постепенно претворялись ими в жизнь. Приоритетом в научно–исследовательской работе ДВКАУ в 1938 г. стало исследование дореволюционной истории Дальнего Востока. За это время появились статьи архивистов В.И. Чернышевой и З.Г. Карпенко о выборах в Хабаровскую городскую Думу и ее функционировании, о работных людях Российско–Американской компании, о переселенческом движении на Дальний Восток в годы столыпинской аграрной реформы и др.[4] А в докладной записке З.Г. Карпенко заведующему ДВКАУ С.Х. Булыгину было предложено приложить все усилия к тому, чтобы

сделать ДВКАУ центром по изучению дореволюционной истории Дальнего Востока. Тем не менее в 1939 г. линия на широкую исследовательскую деятельность ДВКАУ признали нецелесообразной, а силы ДВКАУ направили на изучение истории архивного дела на Дальнем Востоке[5].

Однако широким творческим замыслам и успехам Дальистпарта не удалось получить дальнейшего развития ввиду его ликвидации в 1939 г. Можно без преувеличения утверждать, что вопрос о судьбе Дальистпарта являлся в то же время вопросом о будущности исторической науки на Дальнем Востоке.

Сотрудником Партийного архива Хабаровского края В.В. Лаптевой, производившей систематизацию и описание фонда Дальистпарта (П–44), в 1970-х гг. была выдвинута версия, что эта структура была упразднена вследствие административно–территориального преобразования ДВК в 1938 г., когда вместе с выделением Хабаровского и Приморского краев разделились и партийные организации. Дальистпарт был ликвидирован вместе с Далькрайкомом как его отдел, а в структуре Приморского и Хабаровского крайкомов ВКП(б) ему не нашлось места. Вследствие этого функции Дальистпарта возложили на партийные архивы вновь образованных краев[6].

Принципиальное несогласие с версией В.В. Лаптевой выразил Э.М. Шельдешев. На его взгляд, главная причина ликвидации Дальистпарта состоит в хронических трудностях его функционирования, репрессиях дальневосточных историков и сокращении возможностей для научно–исследовательской работы[7]. В условиях господства «Краткого курса» истории ВКП(б) существование Дальистпарта в виде научно–исследовательского органа становилось нецелесообразным, а организация изучения истории ВКП(б) коммунистами и беспартийными возлагалась на агитационно–пропагандистские и культурно–просветительские отделы соответствующих партийных структур.

Действительно, такие недостатки в работе Дальистпарта, как текучесть кадров, недостаточное количество работников (в 1933–1938 гг. штат состоял из 4–5 чел.), отсутствие необходимых для работы условий, вызывали большие затруднения. Кроме А.П. Шурыгина за всю почти 20–летнюю историю Дальистпарта не было ни научных, ни технических сотрудников, которые работали бы в нем более четырех лет. Как правило, они сменялись с периодичностью в 1–2 года. Так, срок работы А.С. Маловечкина, С.И. Градиной, В.П. Калининой и др. насчитывал 3–4 месяца. Данные обстоятельства затрудняли выполнение показателей перспективного планирования, не способствуя преемственности и стабильности в работе. При этом текучесть кадров определялась не зарплатой: с 1933 по 1938 г. отмечается ее значительный рост для всех категорий сотрудников Дальистпарта[8]. В 1938 г. у заведующего и научных сотрудников первого разряда она превышала среднемесячную зарплату в социально–культурной сфере (442 руб.) и промышленности (548 руб.)[9] Дальнего Востока, а доход научных сотрудников второго разряда приближался к этим показателям.

Указанные выше трудности усугублялись слабостью краевых архивных органов (партийного и советского архива) и невниманием руководства края к потребностям Дальистпарта. Несмотря на многократные обращения в Далькрайком ВКП(б) во второй половине 1930-х гг., руководству Дальистпарта не удалось добиться сколько–нибудь существенной помощи. Аналогичная обстановка была и в архивном деле.

Ужесточение политического режима в стране и политические репрессии нанесли сильный удар по работе Дальистпарта и слоя «истпартовской общественности». В 1937 г. в штате Дальистпарта не было достаточного числа научных работников, т.к. вместо пятерых человек, положенных по штату, работали трое, а к концу года остался один заведующий А.П. Шурыгин[10], 7 июня 1938 г. арестовали и его. Тогда репрессировали многих участников революционного движения и Гражданской войны, архивных работников, представителей творческой интеллигенции[11]. Всё случившееся Э.М. Шельдешев называет разгромом дальневосточной исторической науки, акцентируя внимание на физическом уничтожении многих ее представителей.

В подтверждение своей версии закрытия Дальистпарта Э.М. Шельдешев ссылается также на письмо В.В. Адоратского в Далькрайком ВКП(б). Руководитель ИМЭЛ сообщал, что дирекция ИМЭЛ внесла в ЦК ВКП(б) вопрос о закрытии местных истпартов ввиду того, что они выполнили задачу сбора и обработки исторических материалов, которая первоначально ставилась перед ними. Кроме того, по логике автора письма, местные истпарты не справлялись с научно–исследовательской работой ввиду дефицита квалифицированных специалистов и «политической невыдержанности» ряда последних истпартовских изданий, не пропущенных цензурой в печать. Задачи же создания письменной истории местных партийных организаций В.В. Адоратский планировал возложить на комиссии ответственных партийных работников, выполнявших поставленные перед ними задачи в тесном контакте с партийными архивами[12].

Однако, на наш взгляд, Э.М. Шельдешев не обратил должного внимания на два аспекта. Во–первых, он не учитывал некоторые важные стороны трансформации советской исторической науки в 1920–1930-х гг. Во–вторых, в 1930-х гг. не рассматривалось становление и развитие сети учреждений высшего профессионального образования на Дальнем Востоке

Создавая в 1920-е гг. такие научно–исследовательские учреждения, как Истпарт, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса, ИМЭЛ, Социалистическую академию, Институт красной профессуры и др., руководство большевистской партии преследовало несколько целей. С одной стороны, монополизировать тему изучения российского и мирового революционного движения, чтобы представить РКП(б) венцом развития политической и революционной истории России. В то же время ставилась труднейшая задача сбора и систематизации источников по направлениям их исследований. Кроме того, в недрах этих учреждений предполагалось выковать марксистские кадры для высшей школы, системы образования и партийно–политического просвещения. Главным образом речь шла о кадрах марксистской исторической науки. Новоиспеченные историки–марксисты были призваны заменить старую «дворянско–буржуазную» профессуру, которая не станет переоценивать свои идейно–теоретические и профессиональные установки, в конечном итоге поставив точку в большевизации советской исторической науки.

Нужно отметить, что все поставленные задачи к концу второй половины 1930-х гг. были решены. «Цитаделью партийной ортодоксии», по выражению Е. Мосолова, стал ИМЭЛ. Источниковая база исследований по истории революционного движения и российских революций сформировалась. Прошли стадию становления партийные и советские архивные органы, перешедшие под патронат НКВД. Старая профессура была либо вычищена из

высшей школы, либо полностью перешла на новые позиции. Коммунисты стали составлять основной кадровый костяк советской исторической науки.

В новых условиях необходимость сохранения на местах научно–исследовательских центров в составе партийной структуры стала бессмысленной, т.к. партия сосредоточила в своих руках полнейший контроль над высшим образованием и наукой. Исключение составляли лишь сохранявшиеся на правах филиалов ИМЭЛ крупные институты истории партии при Московском и Ленинградских обкомах ВКП(б) и ЦК компартий Украины, Азербайджана, Грузии, Казахстана и Узбекистана[13]. Они обладали солидным кадровым потенциалом, материально–технической базой, стабильно финансировались. Это продолжалось до августа 1991 г., после чего они были реорганизованы либо распущены в связи запретом на деятельность КПСС и разрушением Советского Союза.

Поэтому некоторые функции местных истпартов, ликвидированных в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) «О местных партархивах и институтах истории партии» от 2 декабря 1939 г., передавались партийным архивам, которые переходили в подчинение региональным партийным органам. В постановлении говорилось: «Основными задачами местных партархивов являются: собирание, хранение и обработка архивных документов партийных и комсомольских организаций и политотделов, изучение и разработка архивных материалов по вопросам истории местных парторганизаций, выдача справок по запросам местных парторганизаций»[14]. Среди функций партийных архивов научно–исследовательская работа не выделялась. Партийный архив Хабаровского края смог к ней перейти лишь в 1950-е гг.

Научно–исследовательские функции истпартов страны, в т.ч. и Дальистпарта, перешли к институтским кафедрам истории СССР и марксизма–ленинизма. Развитие высшего профессионального образования на Дальнем Востоке способствовало формированию научно–исследовательских кадров. На протяжении 1930-х гг. прошли становление три вуза, исторические кафедры которых могли взять на себя функции исследования истории революционного движения, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке: Дальневосточный Комвуз (ДКВ, основан в 1930 г.), Благовещенский педагогический институт (БГПИ, 1930 г.) и Хабаровский педагогический институт (ХГПИ, 1934 г.).

Перед Далькомвузом стояла задача подготовки «квалифицированных в области марксистско–ленинской теории, с широким партийным кругозором и сильных в определенных областях кадров партийных работников, нужных краевой партийной организации». Особое внимание ДКВ уделял тому, чтобы студенты изучали историю: в нем действовали кафедры истории ВКП(б), истории СССР и стран Запада, сопредельных государств. Многие преподаватели являлись членами групп содействия Дальистпарту и внесли определенный вклад в его работу. К 1932 г. в Комвузе обучали 375 чел., и все, за исключением 4 членов ВЛКСМ, пребывали в рядах ВКП(б)[15]. Упомянутые выше обстоятельства могли бы способствовать превращению Далькомвуза в крупный историко–партийный центр. Однако этого не произошло в силу того, что в 1932 г. государство перепрофилировало Комвузы в Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (ВКСХШ), которые должны были готовить руководящих работников МТС, совхозов, колхозов, а также партийных и советских функционеров районного звена[16]. Это кардинально изменило стоящие перед

ними задачи, исключив широкую историко–партийную подготовку выпускников и научно–исследовательскую деятельность преподавателей в области истории. Тем не менее на всем протяжении существования ВКСХШ до 1938 г. его бессменным ректором был М.Г. Штейн, активно сотрудничавший с Дальистпартом и перешедший после закрытия ВКСХШ на работу в ХГПИ.

В отличие от Далькомвуза БГПИ и ХГПИ сумели реализовать свой научно–исследовательский потенциал. В 1932/1933 уч. г. в БГПИ был образован факультет русского языка и литературы, а в 1933/1934 г. – исторический факультет с кафедрами истории СССР и всеобщей истории. В дальнейшем они прошли сложный путь слияний и разделений, однако разработка вопросов революционной истории осталось первостепенной не только для научной работы преподавателей, но и для научно–исследовательской работы студентов. Так, студенты, специализировавшиеся на литературе, продолжая истпартовскую традицию, собирали партизанский фольклор[17].

Осенью 1938 г. был создан исторический факультет ХГПИ, научно–исследовательская работа которого стала осуществляться при объединенной кафедре истории, разделенной в 1943 г. на кафедры истории СССР и всеобщей истории. На факультете работали М.Г. Штейн (со времени его открытия) и Н.И. Рябов (с 1940 г.). В 1930-е гг. они активно участвовали в группах содействия Дальистпарту, с чем связана их исследовательская деятельность и первые научные публикации[18]. В 1943 г. Н.И. Рябов защитил кандидатскую диссертацию «Последние дни Белого царства в Приамурье», в 1947 г. стал кандидатом исторических наук и М.Г. Штейн. Им удалось реализовать идею А.П. Шурыгина о создании общегражданской истории Дальнего Востока. В 1958 г. вышла в свет их коллективная монография «Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX в.» – первый научный труд, систематически и последовательно осветивший дореволюционную историю края[19]. Эта работа стала настольной книгой для многих дальневосточных историков. На протяжении 75 лет существования факультета преподаватели кафедр отечественной и всеобщей истории разрабатывали проблемы истории российских революций, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке[20].

Немалых успехов в этом направлении достигла кафедра истории КПСС ХГПИ, где с 1969 по 1973 г. работала Л.И. Беликова, занимаясь исследованием деятельности Дальистпарта. Необходимо отметить, что преподаватели кафедр истории и истории КПСС хабаровских вузов – Высшей партийной школы, Института инженеров железнодорожного транспорта, Института народного хозяйства (ХИНХ), Комсомольского–на–Амуре государственного педагогического института, а также других дальневосточных вузов исследовали вопросы, которые в свое время поставил Дальистпарт[21].

Кроме того, вывод Э.М. Шельдешева, что массовые репрессии в отношении работников Истпарта и представителей историко–партийной общественности сделали невозможной его работу, верен лишь отчасти. Государственный террор был приостановлен в конце 1938 г., что смягчило участь многих подследственных, часть из них выпустили из тюрем, а их дела пересмотрели. Так, арестованного в 1938 г. А.П. Шурыгина освободили в 1940 г. за недоказанностью обвинения. То же самое произошло с Е.А. Плехановой и Ф.Л. Слободчиковым. Н.И. Рябова и М.Г. Штейна репрессии не затронули.

В силу этого мы можем заключить, что упразднение Дальистпарта стало результатом объективного развития тенденций советской исторической науки, в которой к концу 1930-х гг. полностью возобладал принцип коммунистической партийности и контроль со стороны партийно–государственных органов, что делало излишним существование партийных научно–исследовательских центров регионального звена. Научно–исследовательские функции Дальистпарта перешли к кафедрам истории КПСС, истории СССР и кафедрам марксизма–ленинизма дальневосточных вузов, а сбор, обработка и систематизация историко–революционных материалов стала прерогативой партийных и государственных архивов.

---

1 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–44. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–4 («О состоянии Истпарта и развертывании научно–исследовательской работы по истории ДВК»); Там же. Л. 52–55 («О работе Истпарта Далькрайкома ВКП (б) в связи с общим состоянием научно–исследовательской работы в области истории ДВК»).

2 Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 52–53.

3 Там же. Д. 13. Л. 194.

4 Там же. Ф. Р–266. Оп.1. Д.4. Л. 3–41.

5 Там же. Д. 5. Л. 8.

6 Там же. Ф. П–44. Оп. 1. Л. 1–4.

7 Шельдешев Э.М. Очерк истории исторической науки на Дальнем Востоке (Дальистпарт и его деятельность в 20–30-е гг.). Хабаровск, Издательство ХГПИ, 1995. С. 180.

8 ГАХК. Ф. П–44. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 4, 7, 15, 17, 20.

9 Пикалов Ю.В. Влияние партийно–государственной политики на социальный состав населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск: Изд–во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004. С. 108.

10 ГАХК. Ф. П–44. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

11 Бендик Н.Н. Репрессии дальневосточных архивистов в 20–30-х гг. // Историко–культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: материалы Вторых Гродековских чтений. Хабаровск, 1999. С. 118–121.

12 Шельдешев Э.М. Очерк истории… С. 140–141.

13 Постановление ЦК ВКП(б) «О местных архивах и институтах Истпарта» // В.И. Ленин, КПСС и советские архивы. М.,1989. С. 52–53.

14 Там же.

15 ГАРФ (Гос. арх. РФ). Ф. 2307. Оп. 17. Д. 134. Л. 12, 17, 15.

16 Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ» от 21 сентября 1932 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т.5. М., 1984. С. 418–420.

17 Благовещенский государственный педагогический университет: Очерки истории. Благовещенск, 2000. С. 32, 39, 120–128.

18 ГАХК. Ф. П–44. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

19 Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX века. Хабаровск: Хабаровское кн. изд–во, 1958.

20 Кузница педагогических кадров: Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет: материалы юбилейного сборника. Хабаровск, 2004. С. 133–139.

21 История Хабаровской краевой партийной организации: научно–вспомогательный библиогр. указатель. Хабаровск, 1987. С. 9–46.

Е.В. ЯСЕНЕВА

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ВЛАСТЬ В 1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

В статье исследуются взаимоотношения власти и советского краеведения 1930-е гг. на материалах Дальнего Востока. Рассматривается процесс становления и развития краеведческого движения в условиях меняющейся партийно–государственной политики, следствием которой становится ликвидация краеведческих обществ и в конечном итоге свертывание краеведческого движения в центре и на местах.

Ключевые слова: советская власть, советский Дальний Восток, краеведение, Дальневосточное общество краеведения.

Первое десятилетие советской власти было отмечено бурным развитием краеведческого движения как в центре, так и в регионах, и получило название «золотое десятилетие» краеведения. Руководство РСФСР, а затем СССР официально признавало краеведение делом нужным и полезным. Летом 1918 г. при Наркомпросе начал работу Отдел по делам охраны памятников искусства и старины. Был принят ряд важнейших декретов, направленных на сохранение исторического прошлого страны: «О реорганизации и централизации архивного дела», «Об охране библиотек и книгохранилищ», «Об охране научных ценностей», «Об учете, регистрации и охранении памятников искусства и старины» и др. А.В. Луначарский на первой Всероссийской конференции обществ по изучению местного края (1921 г.) подчеркнул большое значение краеведения в формировании «возможно более точного, твердого и глубокого знания всех ресурсов страны»[1], развитии национального самосознания. На той же конференции по инициативе Наркомпроса РСФСР был образован общеметодический и организационный центр движения – Центральное бюро краеведения (ЦБК). Важно, что краеведческое движение возглавили не функционеры, а крупные ученые. Именно это предопределило высокий уровень и эффективность деятельности ЦБК на начальном этапе. В его состав вошли профессор Д.Н. Анучин (почетный председатель), академики С.Ф. Ольденбург (председатель), Н.Н. Марр, А.Е. Ферсман, М.М. Богословский и другие.

В развертывании краеведческого движения приняли участие государственные и партийные деятели М.И. Калинин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский. Роль краеведения в жизни страны достаточно четко определил А.В. Луначарский, по мнению которого изучение страны «могут выполнить на девять десятых местные научные общества краеведения»[2].

Главными средствами руководства краеведческим движением со стороны ЦБК служили издававшиеся им журналы «Краеведение» (выходил

с 1923 г.) и «Известия Центрального бюро краеведения» (выходил с 1925 г.). После I Всероссийской краеведческой конференции в 1921 г. в Москве состоялись еще три – в 1924, 1927 и 1930 гг.

Краеведческое движение, возникшее по инициативе местной общественности и поддержанное центральной властью, стало одним из наиболее заметных проявлений стремления широких кругов населения в период коренных социально–экономических и политических преобразований к удовлетворению накопившихся и нереализованных в прошлом социальных и духовных запросов. Подъему краеведческого движения в значительной мере способствовали традиции и опыт прошлых лет. Движение основывалось на существовавших ранее формах и методах научной деятельности. Возникшие во второй половине XIX – начале XX в. научные общества краеведческого характера как наиболее результативная форма организации краеведения в провинции стали интенсивно развиваться под напором общественной инициативы после 1917 г.

Важным фактором, повлиявшим на развертывание данного направления, стала поддержка и регулирование его государственной властью (декрет СНК от 17 февраля 1925 г.[3]). ЦБК, отделы государственного географического общества (в т.ч. Приамурский, Забайкальский отделы и Общество изучения Амурского края), ряд музеев и памятников старины (в т.ч. музеи гг. Читы, Хабаровска и Владивостока) содержались за счет сметных назначений по Наркомпросу РСФСР.

Основной формой организации стали краеведческие общества (научные общества по изучению местного края). В систему таких учреждений входили также бюро краеведения, многочисленные кружки и ячейки в школах, техникумах, при заводах и фабриках, краеведческие музеи и научно–исследовательские институты краеведения. Но общества являлись наиболее действенным устройством данных организаций на местах в связи с высококвалифицированным составом участников, многофункциональностью в работе и т.д. На результативность повлияло и то, что в основу их деятельности были положены принципы добровольности и учета многообразия интересов, что, конечно, способствовало творческой активности[4]. Число краеведческих организаций быстро увеличивалось: в1917 г. их было 155, в 1923 г. – 553, а в 1930 г., по официальным данным, насчитывалось 2334 организации[5], 240 из них имели свои периодические и непериодические издания (включая машинописные и рукописные), что свидетельствует о большой популярности краеведческого движения в те годы.

Большую роль в развитии краеведческой работы и ее координации на Дальнем Востоке сыграл созданный в 1923 г. при Дальневосточном государственном университете (г. Владивосток) Дальневосточный краевой научно–исследовательский институт краеведения (ДВКНИИК). В круг основных задач института входили: планомерное изучение Дальнего Востока, научное исследование отдельных вопросов культурного и хозяйственного строительства, изучение туземных народностей. В 1928–1931 гг. ДВКНИИК выпускал бюллетень на русском и английском языках «Научные новости Дальнего Востока», где помещались известия о всех видах текущей научно–исследовательской работы Института.

В феврале 1927 г. в г. Хабаровске было образовано Дальневосточное общество краеведения (ДВОК), которое к 1928 г. насчитывало в общей сложности 367 членов общества и 8 филиалов. Главной их целью стало объединение в пределах ДВК физических и юридических лиц, работавших в области всесто-

роннего научного изучения края, а также распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к этому в общественной среде[6].

Наряду с краеведческими организациями некоторое время продолжали существовать отделения Географического общества, но со временем их реорганизовали и включили в сеть краеведческого общества. Например, отделение Географического общества во Владивостоке было перепрофилировано в краеведческое «Общество изучения Приморья»[7].

К осени 1927 г. в движении все более отчетливо стали проявляться бюрократические тенденции, что отрицательно сказалось на самостоятельности краеведческих обществ и их творческой активности. Постановление СНК от 20 января 1927 г. подчеркивало, что научные исследования должны стать неотъемлемой частью индустриализации страны, и поэтому необходимо сосредоточить руководство краеведческим делом в руках Наркомпроса. СНК РСФСР 11 августа 1927 г. принял дополнительное Постановление «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР»[8], где главное внимание обращалось на необходимость согласовывать все краеведческие стационарные и экспедиционные исследования с Наркомпросом. Эти два постановления стали основными актами правительства, предопределившими на несколько лет вперед общее направление научной, в т.ч. краеведческой деятельности.

Идеологическое наступление на краеведческое движение шло параллельно с изменениями в общей партийно–государственной политике. В 1927 г. официально была провозглашена культурная революция с привнесенной идеей классовой борьбы, а в 1928 г. сформулирована теория обострения классовой борьбы по мере успехов в социалистическом строительстве. Опаснейшими врагами в науке и культуре объявлялись прежние традиции и их носители – представители старой российской интеллигенции. Начало репрессиям положило сфабрикованное дело о якобы контрреволюционной организации ученых–историков во главе с С.Ф. Платоновым и М.М. Богословским, по которому в 1929–1930 гг. были арестованы 115 чел. «Дело историков» не ограничивалось репрессиями против узкого круга академиков. Его последствия ощутила на себе и провинциальная научная общественность – преподаватели вузов и деятели научных обществ[9].

Старое краеведение объявили «гробокопательским», а многих видных краеведов обвинили в антисоветской деятельности, привязав к «делам» историков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле. Журналы «Краеведение» и «Известия ЦБК» закрыли в 1929 г., вместо них с 1930 г. стал выходить журнал «Советское краеведение», в котором можно было прочитать следующее: «Краеведение долгие годы было на откупе у старых специалистов–краеведов… Здесь они отсиживались вплоть до 1929 г. и отсюда они вели свою проповедь «аполитизма» науки, особого призвания краеведа – познать свой край… не только в отрыве от задач социалистического строительства, классовой борьбы пролетариата, но и нередко против этих задач, во имя «святой старины»… А отсюда – засилье гробокопательства в краеведении…, вредительские гнезда по ряду краеведческих организаций, гнезда, раскрытые и разоблаченные (хотя разоблаченные не до конца) только за последние 1,5–2 года»[10].

Именно в это время на страницах газеты «Тихоокеанская звезда» (г. Хабаровск), органа Далькрайкома ВКП(б), крайисполкома и крайсовпрофа, появились статьи, призывавшие дальневосточные музеи «порвать со стары-

ми методами работы, выйти на путь активной помощи социалистическому строительству путем привлечения широчайших рабочих и колхозных масс к делу изучения края, его природных богатств и социально–экономических возможностей». Таким образом, партийные, советские и профсоюзные органы через газету давали установку всем краеведческим музеям и организациям края на «решительное отмежевание от еще имеющей место… тенденции вести краеведческую работу по пути «чистой науки», пронизывая ее чуждой пролетариату идеологией». Так, к числу проповедовавших «враждебные теории» в области краеведения были отнесены бывший директор Хабаровского музея, исследователь В.К. Арсеньев, скоропостижно скончавшийся в 1930 г., ученые В.М. Савич, С.Я. Сизых, П.Т. Новограбленов и др.[11]

В условиях резкой бюрократизации общественной жизни и формирования культа личности краеведческие общества как форма выражения демократической самодеятельности раздражали власть. Реальная история любого региона или населенного пункта, выявленная через конкретные события и исторические судьбы, неизбежно вступала в противоречие с теориями, исходившими из руководящего центра. С целью прекращения деятельности краеведческих обществ власти избрали путь уничтожения этих объединений и образования вместо них краеведческих бюро с административными функциями. IV Всероссийская краеведческая конференция (март 1930 г.) приняла решение ликвидировать общества и создать краеведческие организации в форме областных и районных бюро краеведения с сетью ячеек, которые и должны были стать основным звеном в этой сфере[12].

X пленум ЦБК (январь 1931 г.), назвав «сопротивление организационной перестройке краеведческого движения на началах производственных ячеек… наиболее характерным моментом классовой борьбы на фронте социалистического краеведения», установил порайонное плановое распределение краеведческих ячеек: в 1931 г. их должно было быть 5 с минимальной численностью 40 чел., 1932 г. – соответственно 7 и 60, 1933 г. – не менее 50[13]. В результате появились многочисленные краеведческие бюро на фабриках, заводах, в учебных заведениях и государственных учреждениях. Однако их массовое возникновение не имело ничего общего с краеведческим движением 1920-х гг. Навязанная сверху новая система краеведения формализовала эту работу на местах. От краеведов требовали выполнения производственных заданий и участия в политизированных кампаниях.

Чтобы представить, какая роль теперь отводилась краеведению на местах, рассмотрим отдельные соображения к плану необходимых мероприятий по Дальневосточному краю на 1932 г. по линии ЦБК: «…необходимо фиксировать внимание краеведов на изучении вопросов создания собственной прочной индустриальной базы путем постройки среднего типа металлургического завода, который должен целиком обслужить нужды Дальнего Востока. …Одной из ударных задач надо поставить перед краеведами изыскание и выявление всех возможностей организовать добычу в крае промышленной соли. Вопросы изучения развития и улучшения транспорта, особенно безрельсового и речного, не должны остаться в стороне краеведных организаций. Вопросы изучения роста пролетариата ДВК, особенно национального, и всех вопросов рабочей силы, также должны являться актуальнейшими в работах краеведов»[14].

Ликвидировав прежние общества, центральные руководящие краеведческие органы не создали новых серьёзных организаций. Если краеведческие общества как добровольные объединения ученых, специалистов и знатоков края характеризовались творческой заинтересованностью и самостоятельностью в выборе научных занятий, то для «производственных» ячеек был присущ формализм. Многие ячейки существовали только на бумаге и никакой реальной работы не вели.

Краеведческие бюро функционировали до 1937 г. Постановлением СНК РСФСР от 10 июня 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах»[15] признавалось нецелесообразным дальнейшее существование Центрального и местных бюро краеведения, которые подлежали ликвидации в двухмесячный срок. В результате этого решения краеведение было окончательно отодвинуто от активной общественной жизни, а на местах оно целиком возлагалось на государственные музеи.

Таким образом, в 1920-е гг. краеведческая деятельность в форме добровольных научных обществ получила характер массового общественного движения, в рамках которого продолжались традиции краеведения второй половины XIX – начала XX в. Но политическая ситуация, сложившаяся в стране с конца 1920-х гг., препятствовала дальнейшему развитию краеведческого движения. Курс на подавление культурной и научной инициативы привел к ликвидации краеведческих обществ и в конечном итоге к свертыванию краеведческого движения в центре и на местах.

---

1 Из речи А.В. Луначарского на закрытии I краеведческой конференции // Памятники Отечества. 1989. №1. С. 23.
2 ГАРФ (Гос. архив РФ). Ф. А–2307. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.
3 Собрание Узаконений и Распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1925. №14. С. 165–176.
4 Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье в 1917–1930 гг.: идеи, события, люди. Кострома, 2001. С. 33–34.
5 Известия ЦБК. 1927. №8. С. 266; Краеведение. 1926. №2. С. 261; Советское краеведение. 1930. №6. С. 30.
6 РГИА ДВ (Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока). Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 776. Л. 4, 15–16.
7 Рубан Н.И. Становление краеведения на Дальнем Востоке России // Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке. Шестые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.–практ. конф. Хабаровск, 2009. С. 8.
8 Собрание Узаконений и Распоряжений… 1927. №88. С. 1084–1085.
9 Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье… С. 54–55.
10 Советское краеведение. 1932. №5. С. 67.
11 Рубан Н.И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920–1930-е гг.). Хабаровск, 2002. С. 106.
12 Советское краеведение. 1931. №7–8. С. 12.
13 Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье… С. 57.
14 ГАРФ. Ф. А–2307. Оп. 17. Д. 88. Л. 51–51об.
15 Собрание Узаконений и Распоряжений… 1937. №7. С. 74–75.

Ф.Л. СИНИЦЫН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ 1945 г.

В статье рассматривается национальный аспект советской пропаганды в период Советско–японской войны 1945 г. Выявлены её основные формы, методы и «целевые группы» (граждане СССР, воины Красной армии, коренное население Маньчжурии и Кореи). Показано, что она апеллировала к опыту русско–японского противостояния и восстановлению исторической справедливости (реванш за поражения 1904–1905 гг. и оккупацию во время Гражданской войны). В то же время в советской пропаганде отмечается отсутствие националистических и шовинистических нот.

Ключевые слова: Советско–японская война, советско–японские отношения, советская пропаганда, национальная политика, Дальневосточный фронт.

Как известно, военно–политическое противостояние СССР и Японии началось фактически сразу после Октябрьской революции. Во время Гражданской войны Япония приняла участие в антисоветской военной интервенции, оккупировав часть Дальневосточной республики. После захвата в 1931 г. Японией Северо–Восточного Китая и создания на этой территории марионеточного государства Маньчжоу–го регулярными стали советско–маньчжурские (де–факто – советско–японские) пограничные столкновения, под предлогом «защиты японских подданных» происходила переброска японских войск к границам СССР, при покровительстве и непосредственной помощи японских властей в Маньчжурии формировались русские белогвардейские части[1].

К середине 1930-х гг. взаимоотношения СССР и Японии значительно ухудшились. В ноябре 1936 г. руководство Японии четко обозначило свои антисоветские настроения, заключив с гитлеровской Германией «Антикоминтерновский пакт». В июле 1937 г. Япония вторглась в Китай, после чего в Азиатско–Тихоокеанском регионе стал разгораться пожар мировой войны. В период советско–японского военного противостояния на оз. Хасан (июль – август 1938 г.) и у р. Халхин–Гол (май – сентябрь 1939 г.) советская пропаганда строилась на «классовых основах», призывая к ненависти к японским «эксплуататорам–милитаристам» и «феодалам–самураям»[2]. В то же время одним из аспектов пропаганды было подчеркивание трудного положения обычных японцев под пятой милитаристской клики. Пропагандисты СССР выражали надежды на положительные качества народа Японии[3].

После Халхин–Гола советско–японские отношения постепенно вошли в стадию относительной нормализации, которая ознаменовалась подписа-

нием 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете сроком на 4 года. Официальная антияпоянская пропаганда в связи с внешнеполитическими изменениями была приглушена как из–за стремления сохранять нейтральные отношения, так и в связи с приоритетностью антигерманской пропаганды во время Великой Отечественной войны. Однако по мере приближения конца Третьего рейха власти СССР стали предпринимать шаги по подготовке общественного мнения к будущему военному столкновению с Японией.

5 апреля 1945 г. Советский Союз денонсировал Пакт о ненападении с Японией. С этого времени началась моральная подготовка Красной армии к будущему военному столкновению с Японией. Хотя в советской пропаганде японцы не назывались открыто (именовались «неприятель», «противник», «враг»), было понятно, о ком идет речь. В прессе публиковались отчеты о «встречах воинов трех поколений». В частности, ветеран Русско–японской войны А.Т. Гоменюк давал поучения советским воинам: «Для нашего русского солдата любая ноша по плечу. Это я еще со времен Порт–Артура знаю». Публиковалась серия очерков «Русский солдат – Игнат Шимков», где рассказывалось об одном из защитников Порт–Артура, который, «принимая на свой штык… наседавших врагов… повторял: ''Не ходи в Артур, не ходи в Артур!''». Делался закономерный вывод о том, что «на Дальний Восток не раз устремлялись алчные взоры иностранных захватчиков… но [они] всегда получали сокрушительный отпор»[4].

Начало Советско–японской войны (9 августа 1945 г.) материалы пропаганды ознаменовали, прежде всего, призывом разгромить армию неприятеля: «Все силы на разгром врага!», «Смерть японским самураям!», «Ликвидируем очаг войны на Дальнем Востоке». Под этими лозунгами проводились митинги и собрания на предприятиях и в колхозах, где было провозглашено: «Разгромить японского агрессора – единодушная воля советского народа». В советской пропаганде, стремящейся вызвать уверенность в том, что «могучие силы советского народа сокрушат подлого врага», использовался известный лозунг Великой Отечественной войны: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»[5].

По утверждениям советской пропаганды, «японские самураи рано приобрели вкус к грабежу соседних народов», они назывались «дальневосточными гитлеровцами», одним из «божеств» которых был лидер Третьего рейха. Высказывания о японцах приводились в материалах митингов советских граждан. Например, донской казак Окунцов сказал, что «японцы поступают так же, как действовали немцы», «у них те же кровожадные планы». Председатель колхоза Рустамов из Ферганской области отмечал: «Уроки разгрома Германии ничему не научили японских вояк»[6].

Пропаганда разоблачала «японские планы господства над миром», «бредовую теорию «высшей расы»». Подчеркивалось, что «японец, как губка, напитан идеями о своем безграничном превосходстве над китайцами и корейцами, англичанами и американцами и всеми другими народами», при этом «некоторые японские профессора… утверждали, что настоящая высшая раса – только японцы, немцы же – эрзац–высшая раса». Обращалось внимание на то, что «японцы, как и германские фашисты, прикрывали свои

разнузданные аппетиты и разбойничьи дела демагогической доктриной «нации без земли», «перенаселенностью» японских островов». Однако проявлялось сочувствие к простому японцу, волю которого власти Японии «пытались парализовать» и «превратить его в безропотное, пушечное мясо», «обрекая страну на неисчислимые жертвы, готовя Японии участь гитлеровской Германии»[7].

Пропаганда подчеркивала злодения Японии («самого злобного и агрессивного нашего врага»), совершённые в отношении России и СССР. Было сделано заявление о том, что «пришло время посчитаться с Японией, припомнить все черные дела самураев», которые «оскорбляли национальное достоинство и честь свободолюбивого русского народа», принесли «много бед и несчастий... на нашей дальневосточной земле». В прессе были опубликованы материалы о японской интервенции во время Гражданской войны. Публицист Ю. Шестакова писала: «Оттого и крепнет сегодня счет нашей мести, что еще в детские годы в память нашу вошел желтолицый зверь с сигаретой в зубах и с резиновой плеткой в руке. Японцы! Слишком долго слово это отдавалось ужасом в сознании, чтобы забыть его. Слишком много несло оно горя и слез, чтобы и сейчас, через двадцать шесть лет, произнести его спокойно. Это слово свистело саблей, пулей разрывалось, вдовьими слезами текло, сиротством унылым шагало по таежным дорогам, пеплом сожженных деревень отдавалось в груди». Японцы получали эпитеты «звери», «грабители и убийцы», «смертельные наши враги», которые принесли «кровь и пожары, виселицы и насилия»[8]. Были опубликованы и разосланы в войска плакаты на тему «Зверства самураев»[9]. В репортаже о положении в китайском городе Чанчунь упоминалось, что услугами извозчиков–рикш «пользуются только японцы»[10] (т.е. «ездят на людях»).

Победа СССР над Японией и безоговорочная капитуляция последней в советской пропаганде обозначились как «поражение японского империализма», которое было заслугой «нашего великого народа, народа–победителя»[11]. Делался акцент на том, что Япония получила возмездие за ее прошлую агрессию по отношению к России и СССР, в том числе за захваченные в 1904–1905 гг. Южный Сахалин, Порт–Артур и Дальний.

В итоге же войны 1945 г., по сообщениям советской пропаганды, Дальний Восток СССР был «избавлен от угрозы японского нашествия», поскольку «Южный Сахалин и Курильские острова дадут Советскому Союзу прямой выход в Тихий океан и будут служить базой обороны нашей страны от японской агрессии». Подчеркивалось, что возвращение этих территорий в состав страны было закономерным, ведь именно «русские люди исследовали побережье Берингова и Охотского морей, Камчатку и Сахалин, основали первые поселения на Курильских островах». В статье известного писателя Н. Задорнова отмечалось: «Подвигами Невельского и его спутников были завершены стремления русских к Тихому океану». Обосновывалась принадлежность Курильских островов СССР, так как «русские путешественники появились на Курильских островах еще в начале XVIII века», и только «в XIX веке на острова начали проникать японские колонисты»[12].

Пропаганда обосновывала права Советского Союза на «дорогой русскому сердцу», «славный город, гордость русских моряков» Порт–Артур. А. Степанов писал в «Правде»: «Прошло сорок лет, и снова в Порт–Артуре звучит русская речь, снова по улицам города с удалыми песнями проходят русские полки, которым отныне присвоено почетное звание «Порт–Артурских». На рейде красуются корабли Тихоокеанской эскадры». С гордостью писатель указывал на то, что «на вершине Высокой горы чуть виднеется скромная часовенка – памятник русским воинам, павшим при обороне Порт–Артура», и призывал советских моряков «обнажить головы у места гибели скромного с виду и великого по своему духу русского человека, героя порт–артурской обороны Романа Исидоровича Кондратенко». Советская пресса подчеркивала, что «кончилось хозяйничанье японцев в Порт–Артуре», «на высоком шпиле морского штаба развевается советское боевое знамя», «русская военно–морская база Порт–Артур начала новую жизнь»[13].

В период военных действий и после разгрома Японии перед СССР встала новая задача – вести пропаганду среди японских войск, а также населения Маньчжурии и Кореи. К этому советские войска готовились еще с конца 1930-х гг.: в июле 1938 г. было принято решение об открытии отделения военных переводчиков при Восточном факультете Дальневосточного университета «в целях удовлетворения нужд армии и пограничного управления кадрами, владеющими японскими и китайскими языками»[14]. В августе – сентябре 1945 г. советские пропагандисты вели идеологическую работу среди японских войск (речи по громкоговорителю и распространение листовок). Основное содержание посланий заключалось в убеждении японцев в том, что политика их правительства несправедлива, агрессивна, рискованна и бесперспективна[15].

Советским идеологическим работникам приходилось противостоять японской пропаганде. Еще в августе 1941 г. японские власти Маньчжурии разработали секретную инструкцию по массовой пропаганде, задача которой – «уделять большое внимание подбору газетных сообщений из–за границы: победам Германии нужно уделять много места, победам России, наоборот, – мало». Кроме того, требовалось развеивать «слухи», которые распространялись «со стороны Советского Союза»[16]. В 1945 г. японские солдаты не были извещены о поражении Германии, однако «они сами узнали об этом и много говорили между собой о победах Красной Армии». После начала Советско–японской войны японское командование призывало население Маньчжурии развертывать «партизанскую войну против русских». Среди японских солдат распространялись сведения, что «русские убивают пленных»[17].

Такая пропаганда приносила свои плоды. При занятии советскими войсками города Маока на Южном Сахалине значительная часть японских жителей бежала оттуда, однако, увидев гуманное отношение со стороны советских войск, все они вернулись[18]. В Маньчжурии с целью успокоить японских граждан советское командование издало обращение, в котором говорилось, что «Красная Армия с мирным населением не воюет». Мало того, войска СССР защищали японцев, живших в Маньчжурии, от японских военных, которые принуждали людей убивать своих детей и совершать самоубийства[19].

Было издано обращение советского командования к китайскому и корейскому народу, в котором Япония именовалась «разбойничьим гнездом», а японцы – «захватчиками», «милитаристами», «поработителями»[20]. Проводились звукопередачи, миллионными тиражами выпускались листовки. Вся пропаганда велась под лозунгом: «Великий Сталин послал Красную Армию в Маньчжурию, чтобы спасти китайский народ от японских захватчиков». Советские органы отмечали, что население Маньчжурии «безбоязненно поднимает листовки, читает их и машет ими над головами, приветствуя летчиков»[21]. В целом, китайское население с радостью встречало советских воинов–освободителей. В Фуюане китайцы говорили: «Спасибо русским! Спасибо Сталину!». В Харбине «царило небывалое ликование». Над всеми главными зданиями города были подняты красные флаги, через многие улицы протянуты транспаранты с приветствующими Красную армию лозунгами на русском и китайском языках, радио передавало гимны союзных держав, советские марши и веселую музыку[22].

Советской пропаганде помогало то, что японцы сами восстановили против себя китайское население, которое «желало поражения Японии в войне и изгнания японцев из Маньчжурии»[23]. Японией проводилась колонизация китайских территорий: к 1945 г. в Маньчжурии расселили 1 млн японских колонистов. Китайцев изгоняли из их деревень или «уплотняли»[24]. Японцы унижали китайцев, издевались над ними, по некоторым сведениям, вырезая целые деревни. Жестокость породила ответные действия: в одном из сел «китайцы, заслышав шаги Красной Армии, перебили всех японцев, оставив пленными лишь главарей в «подарок» освободителям». Советская пресса отмечала, что «нет здесь более ненавистного слова, чем слово «японец»», поэтому «колонны разоруженных японских солдат приходится оберегать от возмущенных горожан», а к Харбину, «спасаясь от ненависти коренного маньчжурского населения, со всех сторон бегут японские резервисты со своими семьями»[25]. Китайцы радовались тому, что «японцы, точно крысы, удирают из Маньчжурии»[26].

Сложнее обстояло дело с корейским населением Маньчжурии, так как корейцы «находились при японцах в несколько привилегированном положении», считались подданными Японии и были «настроены дружественно к японцам». Но отношение китайского населения к корейцам было лучше, чем к японцам, тем более, что прояпонски настроенные корейцы в большинстве своем бежали вместе с японцами, поэтому вражды между корейцами и китайцами, которая осложнила бы ситуацию, не отмечалось[27].

Монгольское население Маньчжоу–го, в т.ч. созданные японцами монгольские части, проявляло «очень сильные антияпонские настроения». Отношение монголов к Красной армии было доброжелательным. Хотя вначале они «испытывали большой страх перед нашими частями и, напуганные... японской пропагандой, боязливо сторонились советских бойцов и офицеров», но затем «воочию убедились в лживости японской пропаганды» и «прислали в подарок нашим частям... различные съестные припасы»[28].

Кроме издания бюллетеней и листовок для китайского, корейского и монгольского населения, которых только за первые 4 дня военных действий было распространено 9 млн экз., советские органы пропаганды выпускали газеты, в том числе «Китайский вестник», «Корейскую газету» (Политуправление Приморского военного округа) и «Голос народа» (в Дальнем). К ноябрю 1945 г. на территории Маньчжурии издавалось 18 газет, 1 журнал и 2 ежедневных бюллетеня общим тиражом более 500 тыс. экз. Местные общества советско–китайской дружбы печатали брошюры и книги о Советском Союзе и Красной армии. Politорганами Красной армии только в зоне Забайкальско–Амурского военного округа за время пребывания в Маньчжурии было распространено 55 млн экз. различных изданий[29].

Отдельным вопросом является пропаганда в отношении русского населения Маньчжурии в 1945 г. Советские власти знали, что во время японской оккупации белоэмигранты «работали рука об руку со злейшими врагами Советского Союза»: «Японский захватчик вступил в Харбин к большой радости белоэмигрантской колонии. Нигде больше они не встретили такого приема. В соборах были отслужены благодарственные молебны». Белогвардейцы, по мнению советских властей, стали «верной опорой японцев»[30].

После освобождения Маньчжурии Красной армией, как отмечали советские военные органы, русская эмигрантская масса, «боявшаяся возмездия со стороны Красной Армии, к тому же фактически лишившаяся центрального аппарата, не знала, что ей делать». Часть её проявляла лояльность по отношению к Красной армии, а отдельные представители оказывали содействие советским воинским частям. В среде эмиграции не без влияния Православной церкви, которая «приветствовала... победоносное русское воинство», росло намерение возвратиться в Россию, однако со стороны антисоветски ориентированных кругов велась и противоположная агитация, распространялись слухи, что всех возвратившихся «будут считать белогвардейцами» и «казнят». Органы СССР противостояли таким измышлениям, в т.ч. путем издания газет и других материалов. Усилия пропаганды подкреплялись начавшимся в ноябре 1945 г. приемом в советское гражданство русских, проживавших в Маньчжурии[31].

Итак, советская пропаганда в периоды военного противостояния с Японией использовала национальный фактор. Делался упор на опыт русско–японского противостояния, необходимость защиты Отечества, наказания японского агрессора и восстановления исторической справедливости (реванш за поражение 1904–1905 гг. и оккупацию во время Гражданской войны). В то же время следует отметить отсутствие националистических и шовинистических нот в советской пропаганде. Наоборот, её материалы были проникнуты сочувствием к простому народу Японии.

1 РГВА (Российский гос. военный арх.). Ф. 32114. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
2 Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 43.
3 Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1938. 9 авг. С. 1–2; 12 авг. С. 3; Правда. 1938. 4 апр. С. 2; 15 июля. С. 5; 21 сент. С. 5; 2 дек. С. 4–5; 11 дек. С. 4; 17 дек. С. 5.
4 Тревога. 1945. 1 июня. С. 4; 5 июня. С. 1; 14 июня. С. 2; 7 июля. С. 4; 10 июля. С. 2; 11 июля. С. 3; 12 июля. С. 3; 14 июля. С. 4; Тихоокеанская звезда. 1945. 20 мая. С. 1; 22 июля. С. 1, 3.
5 Тихоокеанская звезда. 1945. 9 авг. С. 1–2; 10 авг. С. 1–3; 14 авг. С. 1; Правда. 1945. 10 авг. С. 2.
6 Правда. 1945. 9 авг. С. 1; 10 авг. С. 2; Тихоокеанская звезда. 1945. 12 авг. С. 2; 12 сент. С. 3.
7 Правда. 1945. 9 авг. С. 1; 12 авг. С. 2; 25 авг. С. 3–4.
8 Тихоокеанская звезда. 1945. 9 авг. С. 2; 10 авг. С. 1–3.
9 РГАСПИ (Российский гос. арх. соц.–полит. истории). Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 68.
10 Правда. 1945. 11 авг. С. 2; 25 авг. С. 3–4; 26 авг. С. 2.
11 Правда. 1945. 15 авг. С. 1; Тихоокеанская звезда. 1945. 4 сент. С. 2.
12 Правда. 1945. 25 авг. С. 3–4; 14 сент. С. 1; Тихоокеанская звезда. 1945. 15 мая. С. 4; 4 сент. С. 4; 12 сент. С. 4; 22 сент. С. 4.
13 Правда. 1945. 26 авг. С. 2; 10 сент. С. 3.
14 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5447. Л. 207.
15 Меклер Г.К. Война на Дальнем Востоке глазами спецпропагандиста и человека // Трагедия войны – трагедия плена: материалы межд. научно–практ. конф. М.: Мемор. музей немецких антифашистов, 1999. С. 270–271.
16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 238. Л. 208–209.
17 Там же. Д. 319. Л. 52, 60, 64.
18 Русский архив: Великая Отечественная: документы и материалы. Т. 18 (7–2). М.: Терра, 2000. С. 96–97.
19 Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 374, 376.
20 Русский архив... С. 73–74.
21 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 65, 67–68.
22 Тихоокеанская звезда. 1945. 14 авг. С. 2; 23 авг. С. 2; Правда. 1945. 22 авг. С. 3.
23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 61.
24 Зимонин В.П. Последний очаг… С. 373–374.
25 Правда. 1945. 22 авг. С. 3; 24 авг. С. 3.
26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 66–67.
27 Там же. Л. 14, 47, 61, 64.
28 Там же. Л. 15–16, 19, 32.
29 Там же. Л. 24; Оп. 3. Д. 1053. Л. 73; Д. 1054. Л. 5; Д. 1059. Л. 67; Оп. 121. Д. 401. Л. 59–60.
30 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 31, 87, 90–91.
31 Там же. Л. 4, 17, 23; Д. 426. Л. 13; Оп. 3. Д. 1054. Л. 25–26.

А.П. ИВАНОВА

ЛОКУС ВЛАСТИ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

В исторической последовательности рассматриваются истоки репрезентативного стиля РФ (дворцовая архитектура имперской и социалистической России), проводятся параллели между творческим наследием Лангмана, Троцкого и Штакеншнейдера. Объекты дальневосточного пост–ар–деко трактуются как пример оптимальной государственной эстетики, Белый дом – как символ власти, архитектура – как способ конструирования социальной действительности. В данном контексте показаны культурные стратегии России в тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: дальневосточный классицизм, редукция ордера.

Данный текст является фрагментом научного исследования, по архитектурно–пространственному оформлению русской колонизации Дальнего Востока[1]. Основная его цель – раскрытие моделей, лежащих в основе социальных и культурных явлений, характерных для русской колонизационной политики на тихоокеанском побережье. Тактические задачи исследования: анализ архитектурных объектов, репрезентирующих власть, на общероссийском (федеральном) и региональном уровнях; выявление оптимальной композиционной схемы, закрепляющейся в русском коллективном сознании как Знак Власти. В качестве рабочей терминологии вводится условный термин «пространство власти» – сфера государственной архитектурно–градостроительной политики.

1. Формирование государственной эстетики. От первых форпостов середины XIX и до конца XX в. военные городки оставались наиболее закрытой и в то же время самой распространенной формой расселения, откровенно репрессивным «пространством власти». Однако с ростом гражданского населения советское государство стало позиционировать себя через *этатическую*[*] архитектуру.

[*] Под этатической архитектурой предлагается понимать «проектную и строительную практику, которая осуществляется государственными институциями с представительскими целями». См.: Никитин С. Этатическая архитектура и здание–памятник в отечественной и мировой традиции XVIII–XX веков // Проект России. 2008. № 49(3). С. 201–207.

Перед тем, как рассматривать архитектурное оформление дальневосточного «пространства власти» второй половины XX в., исследуем генезис объектов, визуализирующих идею отечественной государственности в целом. Этатистская архитектура была широко представлена в Европе и США (см. прил. 1). Советская этатическая архитектура в России имела два истока: классицизм К. Росси, мощно развившийся в 1940–1950-е гг. в т.н. сталинский ампир, и дворцы А. Штакеншнейдера (преимущественно Мариинский, 1839–1844, и Николаевский, 1853–1861), послужившие прототипами для целого ряда советских построек, ставших символами предвоенного времени. Прежде всего, это здание Государственной Думы на Охотном ряду в Москве (изначально – здание Госплана СССР, архитектор А.Я. Лангман, 1932–1935) и ленинградский Дом Советов на Московском проспекте (Н.А.Троцкий, соавторы М.А. Шепилевский и Я.Н. Лукин, 1936–1941)[2]. Эти здания были построены бывшими конструктивистами, которые первыми успешно адаптировались к новой культурной парадигме. Оба объекта имеют трехчастную классицистическую композиционную схему, гиперордер и аттики с колоссальным геральдическим знаком, закрепляющим ось симметрии. Если постройка Лангмана, как более ранняя, отличается компактным объемом и отчетливым вертикальным вектором развития, то Троцкий строит композицию по горизонтали, прямо отсылая к архитектурному наследию николаевской эпохи. Именно эта пограничная эстетика, балансирующая между сдержанным историзмом Штакеншнейдера и жестким схематизмом конструктивизма, получила развитие после постановления о борьбе с излишествами (см. прил. 2).

Апофеозом советского ар–деко, удивительно напоминающего итальянскую архитектуру времен Б. Муссолини, стал конкурс на проект кремлевского Дворца Съездов[3]. Построенный в итоге идеальный периптер (М.В. Посохин, А.А. Мндоянц Е.Н. Стамо, 1961) не поддавался дальнейшим трансмутациям, поэтому развитие государственной эстетики вновь вернулось к схеме Штакеншнейдер–Лангмана. Брежневский модернизм в своей основе имел не свободное пластическое формотворчество, а жесткие «прогрессивные принципы», положенные в основу социалистического реализма как метода архитектурного проектирования: взаимоотношение главного и второстепенного, масштабный, ритмический и пропорциональный строй, правдивое выражение тектоники.

2. Дальневосточный вариант этатической архитектуры. «Белый дом», возведенный в Хабаровске на пл. Ленина (1984–1986), стал идеальным воплощением государственного канона. Первое, что видит входящий в здание – герб края, размещенный на фоне картуша из красного мрамора: геральдический знак вопреки традиции убран с главного фасада, что косвенно указывает на обреченность позднесоветской власти, которая возводила колоссальные здания – главные вертикальные доминанты городов, но стеснялась акцентировать свое присутствие государственным гербом на фасаде. В зале заседаний наибольший интерес представляет подвесной металлический потолок, перфорированный геометрическим орнаментом и украшенный цилиндрическими каскадными люстрами в лучших традициях ар–деко. Инте-

рьер т.н. мраморного зала прямо отсылает к римским термам: белый мрамор облицовки, арочные ниши, утопленные в стены, странные пропорции. Для стилистической атрибуции хабаровского «Белого дома» предлагается условное название «Дальневосточное пост–ар–деко». Весьма выразителен и 72–метровый «Белый дом», возведенный чуть раньше (1983) во Владивостоке по типовому проекту Е.Г. Розанова, но этот объект менее классицистичен, несмотря на то, что академик Розанов учился в МАРХИ у Г.А. Захарова и З.С. Чернышевой. В отличие от хабаровского «Белого дома», и внутри, и снаружи декорированного белым мрамором, владивостокский объект облицован навесными керамзитобетонными панелями, что, конечно, снижает пафос государственной идеи, который он был призван воплотить.

Эстетическая система ар–деко оказалось вновь востребованной в начале XXI в. В 2008–2009 гг. в Хабаровске и Владивостоке появилось несколько построек, символизирующих ренессанс государственной власти. Новостройки отличаются значительными размерами, их венчающие части решены как гипертрофированные колоссальные карнизы, а цоколи декорированы редуцированными ордерными элементами или аркадами. Экспрессивность образа, полученного в результате столкновения двух противоречивых эстетических систем (сверхнового транснационального «зеркального» модернизма и крайне условного, но безошибочно опознаваемого «неогиперклассицизма»), позволяют говорить о третьей волне ар–деко. В качестве наиболее показательного примера следует назвать здание таможни, расположенное на ул. Карла Маркса, 94–а. Здание, лишенное намека на ордерные элементы, тем не менее опознается как «классическое», т.к. предлагает зрителю внятную иерархическую схему, отражающую модель социальной структуры. Сегодня любой объект, имеющий отчетливую трехчастную структуру объемов, трехчастное деление фасада (цоколь, средняя часть и венчающая часть – карниз), акцентированный главный вход, расположенный на оси симметрии, редукцию ордерных элементов (пилоны или межоконные простенки), воспринимается как «классицистическое» и «государственное». Эта вечная тяга к государственному классицизму воплотилась в белоснежном здании Хабаровского краевого суда, где эстетика Троцкого–Лагмана–Штакеншнейдера нашла свою окончательную реализацию и государственный герб вернулся на фасад, закрепляя вертикаль власти (см. прил. 3).

3. Общественные пространства дальневосточных городов. Распространение локуса власти. Пространства власти не только локализируются в точечных зданиях, это понятие можно распространить на общегородские общественные территории, нагруженные государственной семантикой. В дальневосточных городах, основанных полтора века назад (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Никольск–Уссурийский, Иман, Спасск–Дальний и др.), типология общественных пространств включала площади (торговые и соборные), парки и променады вдоль главных улиц. К общественным пространствам можно отнести здания городских домов и офицерских собраний, бывших главными точками притяжения формировавшегося городского сообщества.

В советский период общественные пространства носили, как правило, ритуально–мемориальный характер, предполагая использование два раза в год – при парадах и демонстрациях. Официальные и приватные сферы досуга были жестко разведены, приватный «дикий» отдых вытеснялся за город, в лесопарковые полосы (Воронеж в Хабаровске, Шамора во Владивостоке) и дачные поселки. В городах приватность символизировали парки, названия которых ЦПКиО (центральный парк культуры и отдыха) детерминировало двойственность этих объектов, где под «культурой» подразумевалась официальная оставляющая (аллеи с бюстами героев, мемориальные объекты), а локус «отдыха» концентрировался на танцплощадках и в зонах аттракционов, появившихся в 1960-х гг. Парки и скверы в советскую эпоху зачастую также носили мемориальный характер, аллеи с бюстами героев и полководцев настраивали посетителей на серьезный лад. Десятилетиями поддерживалась традиция возложения венков, цветов, несения «вахты памяти» у вечных огней и прочих мемориальных объектов, расположенных в зеленых зонах. Очевидно, что подобный режим функционирования общественных пространств задавался форматом столичной Красной площади. Во Владивостоке зеленые зоны отдыха располагались на остановках транспорта «19 км», Лазо и в бывшем Покровском парке, в Хабаровске – в ЦПКиО, на данный момент ставшем репрезентативным пространством, полностью лишенным легкомысленных коннотаций. Приватность локализировалась и во времени, например, в период новогодних праздников. Характерно, что елка, которую традиционно ставили в Хабаровске на пл. им. Ленина, с начала XXI в. стали устанавливать в парке «Динамо». Таким образом, главная репрезентативная зона, символизирующая государственность, окончательно освободилась от неофициальной приватности.

Между тем главная городская площадь Владивостока (пл. Борцам за власть Советов, далее – БВС) практически постоянно используется как территория фестивалей, концертов и проч. В этом Владивосток следует примеру Москвы. Однако открытие в мае 2013 г. на южной оконечности площади БВС новой мемориальной зоны и начало строительства главного городского храма грозит переформатированием этого общественного пространства в сторону сакрализации и официоза, превращением в «запретный город». Идет наращивание фронтирного локуса – в 2013 г. на площади был открыт сложносоставной монумент в честь присвоения Владивостоку звания Города Воинской Славы, включающий столб из полированного гранита с двуглавым орлом и 4 тумбы с героическими барельефами, установленные по углам мемориала. Маленькие голубые ели, высаженные по периметру мемориала, недвусмысленно отсылают к озеленению, традиционному для Красной площади. Новый памятник значительно уступает в качестве и выразительности монументу Борцам за власть Советов, установленному в 1960-х гг., он неудачно расположен в низком углу площади, зажат в низине и плохо виден. К тому же мемориал генерирует противоречивое послание: он возведен в честь присвоения городу статуса Героя за участие в Великой Отечественной войне, т.е. за подвиги в советскую эпоху, а увенчан двуглавым орлом.

Перетекающие друг в друга набережные и скверы объединяют акваторию бухты Золотой Рог от площади БВС до здания Военно–морского музея (Светланская, 56). Это пространство делится на разные уровни с различной семантической нагрузкой. Верхний ярус, идущий вдоль и чуть ниже Светланской и включающий несколько скверов, перенасыщен мемориальными знаками и объектами. Многочисленные памятники павшим героям, могилы–кетофаны, Вечный огонь, часовни, обелиски и скульптурные группы, имеющие условно оборонительный характер, выполнены в совершенно разной стилистике, что придает мемориалам постмодернистский оттенок, вряд ли предполагаемый создателями. Нижний ярус – променад, по своей типологии подразумевает более легкомысленную, приватную стилистику, однако влияние многочисленных мемориалов верхнего яруса столь сильно, что условная зона окружающей среды также обретает героические коннотации, характерные для эстетики фронтира.

4. Персонификация образа власти в монументальной пропаганде. Проведем сравнительный анализ памятников, расположенных на площадях Хабаровска (скульптор А.П. Файдыш–Крандилевский, архитектор М.О. Барщ, 1956) и Владивостока (1961 г.), которые в граните и бронзе воплощали идею незыблемости существующего государственного строя. Хабаровский памятник, представляющий собой типичный надгробный обелиск на высоком постаменте, имеет динамичную вертикальную композицию.

Монумент во Владивостоке обладает трехчастной структурой – центральная фигура (репрезентация власти) и фланкирующие группы (защитники власти). Силуэт владивостокского памятника вписан в треугольник. Центральная фигура – комсомолец со знаменем – стоит на высоком пьедестале, боевой штандарт придает композиции вертикальный вектор развития, фланкирующие группы расположены на значительно более низких пьедесталах и закручены в спиральные композиции. Троица защитников власти (восходящая к васнецовским «Трем богатырям», олицетворяющим три возраста, три темперамента и три стратегии защиты и нападения) к 1970 г. стала каноническим приемом. Более ранний вариант триады (осторожный и опытный колхозник–партизан, руководящий рабочий–коммунист средних лет и комсомолец–призывник, обреченный на инициальную гибель) представлены в хабаровском памятнике «За власть Советов» (Комсомольская площадь). Как и на владивостокском монументе, фигуры перегружены подробными деталями (патронташи через плечо, еловые ветки, символизирующие непролазную дальневосточную тайгу). Их лица оживлены выразительной мимикой: мрачная решимость, мстительная скорбь, легкий испуг. Фигуры чуть больше человеческого роста, детали сомасштабны человеку. Во владивостокском монументе налицо гендерное неравенство, подчеркивающее маскулинный тип господствующей культуры. И хабаровский, и владивостокский памятники откровенно подчеркивают насильственный захват власти (персонажи фланкирующих групп вооружены до зубов и застыли в угрожающих позах: тащат пулемет, держат винтовки на изготовке и т.д., демонстрируя неприкрытую агрессию и готовность вновь бороться с гипотетическими противниками существующего строя).

Суммируя результаты, полученные в ходе исследования, можно сформулировать следующие (предварительные) выводы, требующие дальнейших обоснований.

1. Архитектурным оформлением русской государственности традиционно является бесконечная редукция классицизма, т.к. именно эта эстетическая система наиболее убедительно визуализирует идею иерархичности.

2. В результате анализа объектов, манифестирующих идею государственности на региональном уровне, можно прийти к выводу о реставрации официального стиля позднесоветского времени, что свидетельствует о неизменности властной парадигмы.

3. Попытка отказа власти от сакрализованной архитектуры прочитывается архаизированным обществом как отказ от легитимности, дарованной свыше.

4. Традиционная для Российской империи архитектура власти и травестирующая ее современная «феодальная» архитектура может рассматриваться как ресентимент[4] – сублимация европейских культурных кодов, вызванная пониманием собственной вторичности.

---

1 Крадин Н.П., Иванова А.П. Дальневосточный вариант «сталинского эллинизма» // Проект Байкал. Иркутск, 2008. №16. С. 162–169; Их же. Владивосток: стиль порто–франко // Там же. 2009. № 20. С. 172–178; Их же. Архитектурная репрезентация государственной идеи: Белый дом как символ власти // Новые идеи нового века. Хабаровск, 2012. Т.2. С. 85–90; Иванова А.П. Магадан – забытая столица Дальстроя // Там же. 2008. №17. С. 70–72; Её же. Советский эллинизм: архитектурный дискурс в дальневосточной периодике (1936–1956 гг.) // Вестник Тихоокеанского гос. ун–та. Хабаровск, 2009. №3. С. 273–282; Её же. Стилистический анализ: Региональный аспект: учеб. пособие. Хабаровск, 2013;.

2 О творческом наследии Н. Троцкого см. на сайте: http://sovarch.ru/; Материалы, связанные с творчеством И.Г. Лангбарда, см. на сайтах: http://archives.gov.by/index.php?id =398471; http://archives.gov.by/index.php?id=398471

3 Конкурс на проект здания Дворца Советов в Москве // Архитектура СССР. 1958. №11. С. 15–21; Конкурс на проект Дворца Советов // Там же. 1960. № 1. С. 9–40.

4 Ресентимент – тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе. См.: Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006; Architecture, power, and national identity. Routledge. 2008; The hazards of urban life in late Stalinist Russia: Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. Cambridge University Press, 2010.

Т.Е. ЛОМОВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ г. ВЛАДИВОСТОКА В СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОДЫ

В статье на основе метода устной истории описывается повседневная жизнь Владивостока в сталинский и постсталинский периоды. Автор рассматривает влияние на жизнь людей таких факторов, как отсутствие военных действий, наличие богатых морских ресурсов и «закрытый» характер города.

Ключевые слова: устная история, личные воспоминания, коллективная память, повседневная жизнь, Владивосток, Сталин, Хрущёв.

Повседневность как предмет научного анализа впервые была актуализирована в работах представителей феноменологии Э. Гуссерля и А. Щюца. Изучением повседневности советского города в настоящее время занимаются многие ученые[1]. Однако повседневная жизнь советского Владивостока до сих пор остаётся малоизученной.

Эмпирическую базу нашего исследования составили партийные документы, научные и публицистические статьи 1960-х гг. и т.н. неофициальные источники (личные воспоминания, представленные в виде аудиозаписей интервью или письменных текстов). Официальные источники не дают полной картины советского прошлого, некоторые из них до сих пор остаются засекреченными, а доступные для научного исследования зачастую приходится читать «между строк».

В отношении достоверности личных воспоминаний в науке до сих пор сохраняется некоторое предубеждение. Однако следует подчеркнуть, что они «не являются точным слепком с действительности»[2], а представляют собой лишь субъективное восприятие людьми прошлого. «Сама субъективность устных источников, которая многими расценивается как их слабое место, может придать им и уникальную ценность. Ведь «субъективность» является предметом исторической науки не меньше, чем очевидные «факты». То, в чём убеждён информант, является *фактом* (то есть *фактом* является то, во что он верит) не меньше, чем то, что «действительно» произошло»[3]. Как пишет Н.Н. Козлова, «нельзя верить эпохе на слово. Не следует принимать за реальность ни то, что сказано официально, ни то, что записано в заветном дневничке. Рассказ не совпадает с практикой, опытом»[4].

А. Шюц выделил ряд конституирующих элементов повседневности, в т.ч. «специфическую напряжённость сознания, а именно, бодрствование, вытекающее из полного внимания к жизни» и «особенное *эпохе*[5], а именно, воздержание от сомнения» в существовании внешнего мира и в том, что этот мир может быть не таким, каким он является активно действующему субъекту[6].

Большая часть жизни наших информантов протекала в советское время. Для них советское общество с его законами и идеологией было данностью, «естественной средой обитания»: «…Политику воспринимали такой, какая есть. О критике и речи быть не могло! Наоборот, мы гордились, что живём в СССР, в самой лучшей стране в мире. Так нас воспитывали с детства…» (6. Г.К.).

Принято считать, что советский человек был «продуктом советской системы». «Результатом советского эксперимента, – по мнению Ю. Левады, – стал… человек, тотально приспособившийся к советской реальности, готовый принять её как безальтернативную данность»[7]. Однако, как справедливо замечает Н.Н. Козлова, «человек может и не быть субъектом, но он всегда деятель <…> Люди объективно следуют правилам, однако они не есть продукты подчинения правилам. Кроме того, любая жизнеспособная система содержит область, в которой индивид свободен в своём выборе. Можно сказать, что он способен *манипулировать системой в свою пользу*»[8].

Согласно А. Шюцу, «работа играет самую важную роль в конституировании реальности мира повседневной жизни»[9]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что значительную часть воспоминаний информантов о своей жизни составляет трудовая биография: «В 1926 г. я окончил восемь классов. С 1934 г. …я стал работать подсобным рабочим на судоремонтном заводе. В конце 1935 г. отец умер, к тому времени я работал электромотористом. С декабря 1936 г. поступил работать на Владивостокский судоремонтный завод №2 Госморпароходства, сначала хронометражистом, а затем нормировщиком. Немного позднее уехал на японскую нефтестанцию, на о. Сахалин, где работал табельщиком. Вернулся во Владивосток, устроился пильщиком тарного цеха на кондитерскую фабрику» (10. К.В.).

«…Работать приходилось очень много, потому что я была экономист, ещё и экономист по ценам. Было очень много переоценок. Каждый год на первое апреля и на первое октября было снижение цен» (16. Н.И.).

Официальные источники сообщают о борьбе трудящихся за звание коллективов и ударников коммунистического труда. Один из участников краевого слёта передовиков производства, среднемесячная выработка бригады которого составила в 1959 г. более 240%, заявлял: «Труд во имя коммунизма приносит всем нам удовлетворение и счастье»[10]. Несмотря на пафосность этих слов, следует признать, что трудовые успехи действительно являются предметом особой гордости информантов. Они убеждены, что только личное старание и добросовестность позволили им получить признание в их сфере деятельности: «После школы два года служил в армии, а после армии пошёл работать на Владивостокский инструментальный завод станочником. *За хорошую работу мне квартиру пожаловали* рядом с заводом…» (3. В.И.).

«…По знакомству сестра устроила меня помощником повара в ресторан один в центре… Так как образования не было никакого у меня, только помощником и смогла пристроиться. Но со временем научилась всему и не раз лучшим работником месяца была, за заслуги премии всегда давали хорошие. Так *своими стараниями и усилиями* я на место повара встать смогла. Всю свою жизнь практически поваром и проработала» (11. Л.А.).

Информанты вспоминают о строгой трудовой дисциплине, с которой им приходилось мириться: «И проверяли нас на работе, опоздаешь на пару минут – нас лишали премии» (16. Н.И.); «… Но зато при Сталине была дис-

циплина, и это – главное…» (2. В.М.); «Работали вообще–то не за страх, а за совесть… Прихожу на работу строго к восьми часам. Не дай Бог на минутку опоздаешь…» (8. Е.Д.).

В официальных источниках говорится о соцсоревновании, о внедрении новых прогрессивных форм труда, однако это не отражало истинной картины в экономике: «…В цехе №2 за август месяц из 65 рабочих 30 чел. не выполнили норм выработки в среднем на 30–40%... И, несмотря на такое положение, цех в целом выполнил производственный план за этот месяц, не ясно только, каким образом?»[11]. Издержки соцсоревнования в полной мере осознавались и самими работниками: «Промышленность работала в таком, конечно, несколько авральном темпе, потому что вот, ну не всё было у нас хорошо. И иногда конец месяца, конец года – нужно было обязательно план выполнить и несколько перевыполнить, всякая ерунда была… И вот это соцсоревнование пошло… И пошла, откровенно говоря, ну, натуральная показуха… Сама идея соцсоревнования, она не достигла своего результата никакого, потому что *народ, по–моему, настолько изворотливый всегда был, что всегда можно было всё в свою пользу повернуть*» (8. Е.Д.).

«Рапорты о нескончаемых «трудовых подвигах» прикрывали и закрепляли неэффективность экстенсивной, расточительной экономики. На уровне отдельного человека вся система сделок с государством неизбежно оборачивалась нравственной коррумпированностью, принятием показухи, приписок, блата, взяточничества, *двоемыслия* в качестве необходимых условий функционирования хозяйства и общества»[12].

Важную роль в реконструкции прошлого играют воспоминания, которые, по словам М. Пруста, «жизнь…передала нам через ощущение, безусловно, ощущение материальное, поскольку проникло в нас через наши органы чувств…»[13]. Н.Н. Козлова называет это «памятью тела». По А. Шюцу, для каждого человека «его собственное тело и его привычное функционирование является непосредственной данностью его непроблематизируемого восприятия»[14].

Американский антрополог Н. Рис считает, что понятие ««русский народ» во многих своих аспектах сложилось, похоже, именно в повествованиях о страдании и голоде…»[15] Данное высказывание, на наш взгляд, может быть в полной мере отнесено и к понятию «советский народ». Ощущение пережитого когда–то голода до сих пор остаётся в памяти информантов: Юлия Васильева (в девичестве Черемных), приехавшая во Владивосток в возрасте двух лет вместе с родителями в 1928 г., вспоминает: «Жили очень скромно, можно сказать, впроголодь. Мясо – по большим праздникам»[16]. И всё же, по мнению приезжих, жизнь во Владивостоке, как и в целом на Дальнем Востоке, по сравнению с западными районами страны была более «сытой»: «В 1940 г. мой отец завербовался на Дальний Восток и увез с собой всю семью. Уезжали от голода и нищеты, в поисках лучшей жизни… Сначала нас поселили в бараке на Второй Речке, там я впервые попробовала булочки по пять копеек, дивный запах которых помню до сих пор… Казалось, жизнь налаживается…»[17]

Базисной структурой повседневного мира, по А. Шюцу, являются отношения «лицом–к–лицу»: «Он и я, т.е. *мы*… разделяем общее живое настоящее, *наше* живое настоящее, позволяющее и ему, и мне сказать: ʺ*Мы* пережили это событие вместеʺ»[18]. По словам Н. Рис, «Великая Отечественная война

остаётся для русских тем кризисным, голодным временем, когда в стремлении к единой цели родилась подлинная сплочённость народа…»[19]. «… И тут грянула война. Помню, как с ночи занимали очередь за хлебом, а по лету работали на заводе…»[20]; «Несмотря на то, что здесь [во Владивостоке. – Т.Л.] войны не было, но всё равно тяжело было… В 1945 г. родила дочку. Потом заболела. Тяжело было, тяжело» (12. Л.М.).

Несмотря на детский возраст, военные годы чётко отпечатались в памяти информантов: «Мне 14 лет было, как раз в годы войны… Спать ложились, чтобы голода не чувствовать, а проснёшься и ещё сильней есть охота» (17. Н.П.); «Когда началась война, мой отец был в море… Маме выдали талоны на обед… Вместе с мамой мы каждый день ходили… в столовую. Не помню вкус всех блюд, которыми нас там кормили, но на второе давали лапшу, такую толстенькую, твёрдую, очень вкусную»[21]; «…Жизнь изменилась… Хлеб выдавали по карточкам, как же его было мало и как постоянно хотелось есть! Рядом с нашим двором…стоял киоск, в котором иногда можно было купить черпак супа с галушками… Самой большой радостью в те дни была покупка на Суйфунском рынке конфет–подушечек. 10 штук всего лишь – и такой восторг!»[22]; «Напротив, на углу, как идти на Набережную, был хлебный магазин, во время войны и после мы ходили получать туда хлеб по карточкам» (2. В.М.).

Оценка приезжими условий жизни в городе в военное время отличается от их восприятия коренными жителями: «В войну я маленькая была… Ну, в войну … очень голодно было. Даже в Сибири большой был голод. Вот здесь так не было. В Приморье ведь рыба была» (5. Г.И.); «Мы с мамой жили в эвакуации в Удмуртии. В 1943 г. вернулись во Владивосток… Моё воображение покорил белый–белый хлеб, который тут ели, – его можно было купить в гастрономе «Золотой Рог»… А в гастрономе, что находился напротив Дома офицеров флота, просто глаза разбегались от обилия продуктов»[23].

Война стала чертой, разделившей жизнь всех советских людей на время «до» и «после»: «… Вот до войны люди жили намного лучше, чем сейчас! Было обилие продуктов, *обилие работы*, мало было пьянства… Ведь даже до войны моя мама не работала, а нас было четверо. Один отец работал и нас всех обеспечивал. Мало того, что мы одеты были, так мы ещё и кушали хорошо» (5. Г.И.).

Воспоминания информантов о послевоенном времени носят весьма противоречивый характер. В них очень эмоционально описываются не только голодное детство и юность, но и яркие радостные моменты. «В 1946 г. я пошёл в школу… Я не помню, как я учился, помню только, что всё время хотелось кушать! А ещё помню, что после занятий нам (ученикам) в школьной столовой выдавали кусочек серого хлеба, примерно, весом 100 г, и посыпали его сахаром–песком, это было такое наслаждение, что невозможно описать! Просто удивительно, как в такое трудное время Коммунистическая партия и правительство во главе с товарищем Иосифом Виссарионовичем Сталиным находили средства для улучшения жизни всех людей нашей Родины» (7. Е.Г.).

Позитивное восприятие информантами послевоенного времени объясняется, на наш взгляд, тем, что потребности советских людей в целом были достаточно скромны, поэтому даже незначительное улучшение жизни вызывало у людей огромную радость. Кроме того, следует учитывать, что

послевоенная мирная жизнь всегда сравнивалась с годами войны. Судя по воспоминаниям, информанты рассматривали разруху и голод 1946–1947 гг. как неизбежные, но *временные* трудности послевоенного периода. Некоторые связывают послевоенные достижения советской страны непосредственно с именем И.В. Сталина.

«После войны Россия восстанавливалась ударными темпами. Ударными… Надо отдать должное, что Сталин всё восстановил. Заводы, дома были построены… Это война кончилась в 45–ом и до 53–го года было всё почти восстановлено» (5. Г.И.) «С каждым днём жизнь улучшалась. Ежегодно в конце марта производилось снижение цен на продукты и товары первой необходимости. Хотя и не очень большой процент снижения, но всем было приятно, и все радовались. Так было до 1954 г., при жизни И.В. Сталина» (7. Е.Г.). «Жизнь восстановилась очень быстро. Быт стал улучшаться. Всё в магазинах начало появляться…. К 1954 г. уже стали жить хорошо… И с продуктами было хорошо» (12. Л.М.).

Официальные источники тех лет с оптимизмом рапортуют об успехах советской экономики и результатах социалистического соревнования: «… Добыча рыбы в 1950 г. возросла в 2,5 раза по сравнению с довоенным уровнем <…>. Кондитерская фабрика в 1948 г. по плану должна была дать 20 сортов карамели, а выпустили 32 сорта, выполнив план на 115,2%, по изделию пряников – на 120%»[24]; «Повысилась продуктивность общественного животноводства… За 1953–1958 гг. увеличился объём товарной продукции: молока по всем категориям хозяйств в 2,2 раза…; мяса по всем категориям хозяйств на 90%»[25].

Несмотря на официальную статистику, в 1950-е гг. во Владивостоке, как и во всём крае, по–прежнему ощущался недостаток продовольствия: «…У меня семья большая была, тяжело (вздыхает). Знаешь, кусок хлеба на пятерых делили…» (4. В.И.); «И ели–то мы что? В основном – картошка, капуста… Мяса мы не ели, не было мяса… В магазине мяса вообще никогда не было…, полки же были пустые…» (8. Е.Д.).

«Хлебные карточки» были отменены в декабре 1947 г., однако перебои в торговле хлебом наблюдались ещё в конце 1950-х гг. Качество хлеба также было не всегда высоким: «Вот привезут хлеб, а хлеб был такой, знаешь,… килограмма, наверное, на три, тяжёлый хлеб, там, наверное, ячменя было много, какой–то чёрный был совершенно, устюги эти попадались…» (8. Е.Д.).

Во время визитов Н.С. Хрущёва во Владивосток в октябре 1954 г. и 1959 г. местное население жаловалось ему на плохое снабжение не только мясом и молоком, но и овощами. Нехватку последних исследователь того времени А.Д. Нестеренеко объяснял тем, что при возросших потребностях населения посевные площади под овощи в 1950–1953 гг. сократились[26]. Причинами низкой продуктивности сельского хозяйства были не только последствия войны, но также низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и тяжёлые условия работы: «Детьми работали в колхозе, жили впроголодь. Питались тем, что земля родила. Очень тяжело было» (9. Е.К.); «Жизнь в деревне была тяжёлая, надрывались сильно… А в город я приехала в 50-е гг. … Председатель сжалился надо мной и выпустил из деревни, тогда ещё не так просто было уехать… Ой, город для меня показался сказкой, всё такое необычное, красивое. Что ж я там видела в деревне–то? Ничего» (17. Н.П.).

Проблему нехватки продуктов питания многие жители решали самостоятельно: «Когда я ещё мальчишкой был, …мы купались на Второй Речке, там вода тоже была чистая, а в речку даже красная рыба заходила. Мы ездили туда рыбу ловить» (2. В.М.); «… А вода на Второй Речке тогда была чистейшая, небольших крабов мы прямо в прибое ловили»[27].

Большим подспорьем в решении продовольственной проблемы также были личные подсобные хозяйства. В феврале 1955 г. собрание Приморского краевого партактива записало в постановлении: «Должны быть приняты меры к тому, чтобы в 1955 г. каждый рабочий и служащий имел свой индивидуальный огород, продуктивный скот и птицу в личном хозяйстве»[28]. Информанты вспоминают: «У меня отец был военнослужащим… А хозяйства были у каждого, хотя они там и офицеры были. У каждого своя какая–то скотинка была: гуси, поросята <…> Картошку копали, помидоры собирали (вздыхает)» (13. Л.А.); «Жители острова [Попова] почти все имели небольшое хозяйство: выращивали овощи, разводили скот и птицу»[29]. Относительно благоприятный климат юга Дальнего Востока позволял выращивать здесь некоторые фрукты. «В первый раз я приехала во Владивосток в 1958 г. … Приехали как раз в сентябре. Было очень тепло, и меня поразило обилие приморских фруктов, потому что я из Сибири. У нас ничего не было, а здесь были приморские яблоки, приморская слива, приморский абрикос. И с продуктами здесь было очень хорошо» (5. Г.И.)

Однако 11 сентября 1959 г. бюро Приморского крайкома КПСС приняло Постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в г. Владивостоке, и мерах по сохранению закупаемого скота колхозами и совхозами края», обосновывая это тем, что «…назрел вопрос покончить с примитивным ведением животноводства»[30]. Борьба с «частнособственническими тенденциями» привела к дефициту продовольствия, для ликвидации которого в край стали завозить продукты из других районов страны. Так, в 1959 г. в Приморье было завезено 29,1 тыс. т мяса и мясопродуктов, 79,5 тыс. т молока и молокопродуктов, 17,3 млн шт. яиц[31].

Рыбная продукция отчасти компенсировала недостаток мясных и молочных продуктов в торговой сети. «Мой дом находился рядом с Домом офицеров флота, напротив Главпочтампта, также там был гастроном №4… Это был самый богатый магазин на то время: бакалея, рыбный отдел, мясной, винный» (2. В.М.). «Ну, в городе Владивостоке снабжение всегда было совсем неплохое…. Вот большой гастроном, как его называли четвёртый… Ты знаешь, вот как сейчас вижу – витрина, а на витрине баночки, значит, стоят крабов консервированных, «Снатка» было написано… Заходишь в магазин – красная икра, стоит бочка обыкновенная деревянная, её продают на развес, эту красную икру. Рыба тоже всякая была» (8. Е.Д.).

Для решения продовольственной проблемы началась популяризация среди населения морепродуктов, в т.ч. и экзотичного китового мяса. «… Пленные японцы научили нас есть морскую капусту, мидий, гребешков и кальмаров. До этого их за еду не считали, а вот крабов на Семёновском базаре продавали горами – варёных. По 5–10 копеек за клешню»[32].

По мнению А. Байбурина и А. Пиира, в советское время сложилась концепция «государственного счастья»[33], характеризуемого такими чертами, как «всеобщность (коллективность)», «отложенность во времени», а иногда

и «жертвенность». Однако «официальное счастье» не исключало возможности личного, «простого человеческого счастья», которое часто было вопреки объективным обстоятельствам. «Тяжёлые были времена, что уж говорить, в магазине отоваривались по талонам… Как ни странно, раньше было лучше, *я была намного счастливее, несмотря на все трудности…*» (6. Г.К.). «*Раньше всё–таки жизнь была лучше*, хотя продукты получали по карточкам… Даже конфеты раньше были вкусней (улыбается)» (2. В.М.). «Раньше хоть ничего и не было, но спокойно было…» (18. Т.М.).

«Два варианта счастья – официальное и личное – нетривиальным образом соединялись в государственном празднике»[34]. Особенно массовые праздники нравились детям. «На демонстрации мы все с удовольствием ходили. Весёлые были, пели… « (12. Л.М.). «Ходили на первомайские и октябрьские праздники все вместе, веселились. Ох, и *с мужем, с Володькой я там познакомилась*» (15. М.Ф.). «… *В детстве они [демонстрации. – Т.Л.] мне очень нравились* – так много людей и все такие красивые, нарядные, а главное – *лица у всех счастливые…*» (14. М.Е.). «Это всегда было зрелище! Хоть всегда и очень однообразное. Но мы тогда над этим не задумывались. Да и ходили на эти праздники чуть ли не в обязательном порядке, всем рабочим коллективом, по приказу начальства. Однако никто не жаловался. *Ведь для всех это был очередной повод развлечься*» (1. А.М.).

Условиями счастья, по мнению информантов, в то время были порядок, безопасность, социальная защищённость и уверенность в будущем.

«*Порядок был*…, патруль был, проверяли они там всё…, идёт военный – без страха за ними следом хотя бы, если не рядом. Уже знаешь, что они в обиду не дадут» (13. Л.А.). «… Раньше, если увидишь моряка или военного, даже не офицера, а простого матроса, то сразу знаешь – *безопасность гарантирована*» (14. М.Е.). «Везде патруль ходил, так что особо не загуляешь» (4. В.И.). «…Власти поддерживали *порядок*, остро реагировали на жалобы граждан и сразу же принимали меры» (16. Н.И.). «Тогда *власть меня устраивала*, да вообще *больше порядка было*. Если чиновник кого–то не устраивал, то его сменяли… Люди чувствовали себя защищённее. Образование, медицина были бесплатные. Не было проблем по трудоустройству. Всем давали квартиры или общежития… Люди не боялись будущего…» (19. Ю.М.).

Таким образом, повседневная жизнь г. Владивостока в досталинский и постсталинский периоды, с одной стороны, является типичной для любого советского города того времени. С другой стороны, она имеет специфику, связанную с доминированием в городе сфер деятельности, связанных с морем (рыбная отрасль, торговый и военный флот), а также со статусом «закрытого» города, который Владивосток получил в 1958 г.

Информанты в своих воспоминаниях описывают Владивосток второй половины 1950–1960-х гг. как «идеальный город»[35]. Ностальгия представителей старшего поколения по тому времени связана, на наш взгляд, не только с тем, что это время их молодости. Следует признать, что, несмотря на некоторые негативные тенденции в развитии советской экономики, характерные в целом для страны, в эти годы жизнь многих коренных и «новых» жителей Владивостока действительно изменилась к лучшему. Благодаря строительству «хрущёвок», для многих из них наконец–то решилась жилищная проблема.

Визиты Н.С. Хрущева в 1954 и 1959 гг. во Владивосток способствовали повышению внимания центральной власти к нуждам и потребностям его жителей. Как заявил один из участников митинга, посвящённого встрече Хрущёва в 1959 г., «совсем близко стало от нас до Москвы…»[36]. Отсутствие военных действий, наличие богатых морских ресурсов и «закрытый» характер города создавали относительно благоприятные по сравнению с западными районами страны условия жизни людей.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. А.М. – Антонина Михайловна, 1939 г.р., живёт в городе с 1967 г.
2. В.М. – Виктор Михайлович, 1940 г.р., коренной житель.
3. В.И. – Валентин Иванович, 1940 г.р., коренной житель.
4. В.И. – Виктор Иванович, 1947 г.р., коренной житель.
5. Г.И. – Галина Ивановна, 1933 г.р., впервые приехала в город из Сибири в 1958 г.
6. Г.К. – Галина Константиновна, 1936 г.р., приехала в 1956 г. из Ростова–на–Дону.
7. Е.Г. – Евгений Григорьевич, 1939 г.р. в 1960-е гг. служил на о–ве Русском.
8. Е.Д. – Елена Дмитриевна, 1937 г.р., приехала с матерью из г. Ейска в 1954 г.
9. Е.К. – Елена Кузьминична, 1937 г.р., приехала в 1966 г. из п. Кировский Приморского края.
10. К.В. – Константин Владимирович, 1918 г.р., коренной житель.
11. Л.А. – Людмила Алексеевна, 1933 г.р., приехала в 1950 г. из Украины.
12. Л.М. – Лидия Михайловна, 1920 г.р., коренная жительница.
13. Л.А. – Лидия Алексеевна. 1940 г.р., приехала в 1951 г. из г. Флорово (под Сталинградом).
14. М.Е. – Мария Евдокимовна, 1926 г.р., приехала из Украины в 1935 г.
15. М.Ф. – Мария Фёдоровна, 1927 г.р., приехала в 1952 г. из села Кировской области.
16. Н.И. – Нина Ивановна, 1937 г.р., живёт в городе с 1963 г.
17. Н.П. – Надежда Прокопьевна, 1929 г.р., приехала в 1950 г. из приморского села.
18. Т.М. – Тамара Матвеевна, 1933 г.р., коренная жительница.
19. Ю.М.– Юрий Михайлович, 1942 г.р., живёт в городе с 1963 г.

---

1 См., например: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева» – ИД «Летний Сад», 1999.

2 Казакова Е.А. Память как источник написания мемуаров // Документ как социокультурный феномен: сб. материалов Всерос. науч.–практ. конф. Томск: ТГУ, 2010. С. 331.

3 Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Изд–во «Весь мир», 2003. С. 163.
4 Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // СОЦИС. 2004. №1. С. 19.
5 Термин «эпохе» (от греч. epohe – удержание, самообладание, воздержание от суждений) в феноменологии означает отказ от всех предварительных знаний и допущений о мире и является методическим шагом на пути к обоснованию значимости реальности, как коррелята субъективности сознания.
6 Шюц А. Избранное: Мир, святящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 424.
7 Левада Ю. «Человек приспособленный» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. №5. С. 7. URL: http://www.memo.ru/2011/09/12/homo_postsoveticus.htm (дата обращения: 29.05.2013).
8 Козлова Н.Н. Методология анализа… С. 23.
9 Шюц А. Избранное… С. 406.
10 Там же. С. 157.
11 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). П. 68. Оп. 30. Д. 104. Л. 219.
12 Левада Ю. «Человек приспособленный»… С. 8.
13 Пруст М. Обретённое время. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000. С. 197.
14 Шюц А. Избранное… С. 376.
15 Рис Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 243.
16 Берчанская Ю. Жизнь как кино, кино как жизнь // Владивосток. Газ. 2013. № 50. С. 22.
17 Кальченко А. Как во Владивостоке жизнь налаживалась // Владивосток. Газ. 2013. № 80. С. 27.
18 Шюц А. Избранное… С. 414, 415.
19 Рис Н. Русские разговоры… С. 244.
20 Кальченко А. Как во Владивостоке жизнь налаживалась…
21 Афанасьева М. Город, который рос вместе со мной // Владивосток. 2013. № 46. С. 22.
22 Борисенко И. Жизнь на улице Суханова // Владивосток. 2013. № 46. С. 22.
23 Гладких Э. Мы преображали Владивосток // Владивосток. 2013. № 34. С. 16.
24 Яковлева Т.И. К вопросу об экономическом и культурном развитии Владивостока (1946–1950 гг.) // Материалы по истории Владивостока. Кн.2. 1917–1960. Т.4. Владивосток: Приморское кн. изд–во, 1960. С. 135.
25 Нестеренко А.Д. Усиление экономических связей между городом и деревней – важное условие подъёма экономики сельского хозяйства» // Материалы по истории Владивостока…. С. 147.
26 Там же. С. 145.
27 Зырянов А. В доме у лагеря. Пересыльного // Владивосток. 2013. № 62. С. 18.
28 Цит. по: Безик И.В. Октябрь 1959 года: Н.С. Хрущёв в Приморье. Ретроспективный взгляд через сорок лет. Владивосток: Изд–во Дальневост. ун–та, 2000. С. 28.
29 Иванова Е. Мы – островитяне // Владивосток. 2013. № 54. С. 28.
30 Цит. по: Безик И.В. Октябрь 1959 года… С. 28.
31 Там же. С. 49.
32 Афанасьева М. Город, который рос…
33 Байбурин А., Пиир А. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 230.
34 Там же. С. 236.
35 Ломова Т.Е. «Город моей мечты»: образ Владивостока в сознании горожан // Россия и АТР. Владивосток. 2013. № 1. С. 97.
36 ГАПК. Ф. 68. Оп. 30. Д. 113. Л. 6.

А.П. ГЕРАСИМЕНКО

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ

В статье показана эволюция информационной политики российского государства за последние 50 лет. Определены основные этапы, выявлены ключевые моменты и движущая сила трансформации российского информационного пространства. Дана оценка уровня развития информационного поля на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: информационная политика, информационное пространство, глобальная сеть, СМИ, Интернет, власть, общество.

Термин «информационная политика» стал использоваться в исторической науке относительно недавно, как и связанные с современным историческим периодом понятия «информационное общество», «информационная безопасность», «виртуальная среда». Но «информационная политика» как инструмент власти существовала всегда. Если отталкиваться от сути, то в основе этого понятия фактически лежит желание и возможность субъекта создать в информационном поле среду, способствующую формированию социальных условий, благоприятных для реализации поставленных задач. Информационную политику можно определить также как инструмент, предназначенный для формирования полезного или выгодного для субъекта общественного мнения. Субъектом могут быть власть, общественно–политические организации, бизнес, криминальное сообщество, церковь, отдельные граждане и т.д. Понятие «информационная политика» очень близко по объекту приложения к понятию «социальная политика».

Если говорить об информационной политике государства, то следует ли принять во внимание только власть, или сюда входит таковая и другие, независимые общественные структуры? Учитывая исторический опыт, можно сказать, что в тоталитарных обществах информационная политика государства формируется исключительно властью. В условиях государств, развивающихся на демократической основе, информационная политика не является прерогативой исключительно власти и формируется совокупностью действий государственных, частных, общественных организаций. Ведь в информационном пространстве страны действуют гражданские организации, бизнес, религиозные организации, культурные сообщества, отдельные граждане.

Областью приложения информационной политики как социального инструмента являются три функциональных направления:

1. Информирование населения о его правах и обязанностях, привилегиях, поощрениях, запретах, наказаниях, коммерческих продуктах и т.д.
2. Регулирование информационной свободы для населения. Используются законодательство, силовые структуры, различные технические инструменты.
3. Формирование общественного мнения, а именно: пропаганда нужной идеологии, регулирование электорального поведения, общественная поддержка управленческих решений, влияющих на социальную стабильность.

В СССР и после его распада в Российской Федерации государственная информационная политика формируется действующей властью. Взяв за основу периодизации такой параметр, как степень информационной свободы граждан, информационную политику можно условно разделить на два периода: «советская» – до 1985 г. и «реформаторская» – после 1985 г. Второй период, в свою очередь, можно разделить на четыре этапа: первый – это годы перестройки и объявления гласности (1986–1990 гг.), второй – переходный, в условиях либерализации политического режима и криминализации общества (1991–1999 гг.), третий – расширение коммуникаций и рост бюрократизации (2000–2010 гг.), четвертый – современный, сетевой (с 2011 г. – по настоящее время).

Первый период охватил многие десятилетия существования СССР, он характерен тем, что информационная политика определялась всецело и исключительно идеологией, основные тезисы которой неоднократно звучали на съездах и пленумах КПСС. Идеология на протяжении долгого периода способствовала советскому изоляционизму, лежала в основе коммунистической риторики и практики принуждения. Хотя Сталин ушел из жизни в 1953 г., информационная политика осталась. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии в 1956 г. подчеркивалась необходимость и в дальнейшем давать решительный отпор всем проявлениям буржуазной идеологии и оберегать чистоту коммунистической[1]. В докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС в 1959 г. в идеологической области перед партийными организациями была поставлена задача: «усиление идейно–воспитательной работы партии, преодоление пережитков капитализма, борьба с буржуазной идеологией»[2]. На XXII съезде в своем докладе Хрущев фактически озвучил суть информационной политики государства: «коммунизм дает знания всем, а в знаниях масс, в их высокой культуре он черпает силы и уверенность для успешного движения вперед»[3]. На практике информационная политика осуществлялась посредством реализации двух задач: в создании информационного барьера как внутри страны, так и на ее рубежах, а также в формировании единой всеохватывающей системы обработки сознания советского человека, начиная с детского возраста. Цель – формирование единого, хорошо управляемого социума.

«Отщепенцам» грозило народное порицание и неотвратимое наказание. Для реализации этого существовал гигантский пропагандистский и карательный аппарат, а также была задействована система образования, науки[4]. В качестве одного из инструментов власть использовала информа-

ционно–пропагандистские акции. К ним можно отнести институт всесоюзных ударных комсомольских строек, который способствовал мобилизации трудовых ресурсов для решения задач строительства крупных объектов. Так, например, в апреле 1974 г. БАМ был объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Пропаганда СМИ, работа партийных и комсомольских организаций способствовали концентрации там молодежи. Таким образом, с помощью информационной политики власть решала проблему распределение трудовых ресурсов. Заложенная сталинизмом информационная политика просуществовала вплоть до 1985 г., менялись только лозунги.

Второй период – это время поздних советских реформ, для которого характерны быстрые изменения в информационном пространстве страны. Его первый этап (1986–1990 гг.) можно охарактеризовать как время отхода от жестких идеологических норм, снятия информационных барьеров и расширения гласности как внутри партийно–политических советских структур, так и в обществе. Инициатором изменения информационной политики выступило высшее партийное руководство в лице М.С. Горбачева, который на XXVII съезде КПСС в 1986 г. отметил: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Безгласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой. Люди хотят и должны знать, какие решения принимаются местными партийными и советскими органами, администрацией предприятий и профсоюзами»[5]. С высокой трибуны было заявлено: «Застой просто нетерпим в таком живом, динамичном, многогранном деле, как информация, пропаганда, художественное творчество». В январе 1987 г. на Пленуме ЦК Горбачёв выступил с докладом «О перестройке и кадровой политике партии», где в контексте расширения «внутрипартийной демократии» вновь подчеркивалось: «…У нас не должно быть зон, закрытых для критики. Народу нужна вся правда… Нам, как никогда, нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали всё, чтобы у нас не было тёмных углов, где бы опять завелась плесень»[6].

С 1986 г. началось воплощение в жизнь озвученной политики. Средства массовой информации стали получать больше свободы в оценке существующих проблем. В ряде газет и журналов сменились главные редакторы. На V съезде Союза кинематографистов СССР было переизбрано все правление Союза, а Главлит СССР издал приказ № 29с, в котором цензорам давалось указание ослабить цензуру в идеологической сфере. С конца 1986 г. стали публиковать запрещённые прежде литературные произведения, показывать лежавшие на полках фильмы, было принято решение прекратить глушение передач зарубежных радиостанций. Чуть позже разрешили безлимитную подписку на газеты и журналы. В 1987 г. возрождается ранее задавленное диссидентское движение, появились первые независимые газеты и журналы. В 1987 г. были созданы первые негосударственные телеобъединения, такие как «НИКА–ТВ» и Ассоциация авторского телевидения. С октября 1987 г. выходит в эфир популярная программа Центрального телевидения и Первого канала (ОРТ) «Взгляд». Обсуждаются вопросы, которые раньше предпочитали замалчивать: репрессии и правление Сталина, партноменклатура, секс, экология.

Летом 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС партийное руководство оформляет декларируемые задачи в виде резолюций: «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О гласности», «О правовой реформе». М.С. Горбачев в своей речи отметил, что осуществление политических свобод – реальная гарантия того, что любая проблема, представляющая общественный интерес, всесторонне обсуждалась с учетом всех разнообразных мнений[7]. Также было сказано: «Речь идет о новой роли общественного мнения в стране… Социалистический плюрализм мнений, спор, дискуссия, сопоставление взглядов – это путь к поиску лучших, оптимальных решений…». Впервые с 1920-х гг. представители политических органов действительно высказывали самостоятельные мнения, позволяя себе иной раз критиковать действия партийного руководства, причём это транслировалось по телевидению. В 1990 г. выходит Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», в котором гарантируется свобода СМИ и недопустимость цензуры[8].

Инициатива сверху стала основной доминантой трансформаций дальневосточного информационного пространства. По центральному телевидению на Дальний Восток транслировались программы «Прожектор перестройки» (ежедневно по рабочим дням), «Взгляд» (по пятницам). В партийной прессе региона в это время активно критиковалась управленческая и хозяйственная деятельность региональных структур. Партийный центр поощрял критику и самокритику в рядах партийного руководства. В прессе освещались причины необходимости ухода от единообразия взглядов, позиций и форм организации экономической и социальной жизни общества[9]. В декабре 1987 г. Приморский крайком КПСС актуализировал задачу формирования в крае атмосферы правдивости, открытости, усиления гласности в партийных и хозяйственных органах. Отмечалась критически низкая результативность этих процессов[10]. Идею «перестройки» поддержал и начальник управления КГБ СССР по Приморскому краю К.А. Григорьев, который писал в краевой партийной газете: «В настоящее время мы видим одну из главных задач в том, чтобы максимально способствовать успешному развитию процесса перестройки в нашей стране. Сами органы КГБ также перестраивают свою деятельность, перестраивают свои формы и методы работы, органически вписываясь в процессы социалистической демократии»[11]. Таким образом, органы надзора за информацией целенаправленно ослабили контроль, создавались условия для постепенной адаптации дальневосточников к непривычной для них открытой информационной среде.

Следующий этап информационной политики наступил с развалом СССР в 1991 г., который сопровождался сломом советской бюрократической машины, борьбой за власть и переделом собственности. Это время характеризуется выраженным безвластием, тотальной криминализацией, но в то же время и расширением информационной свободы. С 1992 г. власть «запускает» процесс приватизации, появились частные СМИ, расширились информационные потоки. Однако существенным фактором влияния на средства массовой информации стал криминалитет и связанные с ним финансово–промышленные группировки (ФПГ). В 1991–1999 гг. многие центральные СМИ были приватизированы. В информационном поле помимо невнятной точки зрения действующей власти присутствовало и мнение представите-

лей новых структур, борющихся за власть и собственность. Набирала оборот «война компроматов». Власть для поддержки своего политического и экономического курса стала использовать систему т.н. ньюсмейкеров – лиц, формирующих своими комментариями общественное мнение. Новой тенденцией формирующегося рынка СМИ стала перегруппировка медиа–структур по холдингам, а также их интеграция с издательствами.

На Дальний Восток транслировали программы все крупные центральные частные телеканалы. Это основанный в 1993 г. канал ТВ–6, с 1996 г. – телеканал НТВ (действовавший в центре с 1994 г.). В 1996 г. начал вещание канал РЕН–ТВ, в 1997 г. –ТВ–Центр, в 1998 г. к ним присоединилась компания ТНТ.

Телевидение остается главным информационным источником соответственно и главным инструментом информационной политики. Власть всех уровней это понимает и активно участвует в формировании такого инструмента. В 1990 г. был образован государственный холдинг ВГТРК, который включил ряд телевизионных каналов и радиостанций, вещавших на всю страну, в т.ч. телеканалы «Россия», «Культура», радиостанции «Радио России», «Маяк» и др. Основной ценностью госкомпании стали 92 подразделения. Именно они являлись наиболее влиятельными региональными СМИ, создающими местное информационное пространство. Помимо ВГТРК в конце 1991 г. на базе Центрального телевидения основан первый государственный канал Останкино, который в 1995 г. преобразовали в Первый канал, в то время имевший название «Общественное российское телевидение» (ОРТ).

Период 1991–1999 гг. – это, пожалуй, самый свободный период российской «гласности». Независимые СМИ не позволяли, а «молодая» государственная бюрократия не в состоянии была полностью контролировать информационное пространство. В это время в Россию начинает проникать Интернет. В 1994 г. международным сетевым центром InterNIC был зарегистрирован национальный домен «точка RU». Власть обратила внимание на сеть и начала создавать правовую базу. В 1993 г. появилась Концепция правовой информатизации России[12], в 1994 г. вышел Указ президента РФ № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации»[13].

Период первого десятилетия нового века в развитии информационной политики можно охарактеризовать как время бурного роста сетевых коммуникаций, массового подключения к сети населения, усиления бюрократии и деприватизации СМИ. Начало этого периода связывают с избранием на должность президента РФ В.В. Путина, а также с подписанием им «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», знаменующей собой новую оценку социальной роли информационного пространства[14]. В доктрине подробно изложены разработанные тезисы о национальных интересах России в информационной сфере. Выработка документа, безусловно, связана с растущим социальным влиянием сети. Количество пользователей Интернета в России в период 2002–2009 гг. выросло приблизительно с 10 до 45 млн чел., на Дальнем Востоке соответственно с 0,4 до 2 млн чел. Число организаций в регионе, использующих сеть, выросло с 3 до 8 тыс., ими было создано более 2 тыс. сайтов[15].

Но основным информационным инструментом по–прежнему, как и в поздний советский период, оставалось телевидение. В 2001 г. государство взяло под контроль телеканалы НТВ, ТНТ. В 2002 г. закрыли частный телеканал ТВ–6, другие телеканалы, а также некоторые печатные издания. В СМИ вводилась в практику «самоцензура», т.е. удаление или смягчение редакторами изданий критики, касающейся действующей власти.

Параллельно, благодаря развитию коммуникационной инфраструктуры и удешевлению интернета, активно развивались сетевой бизнес, сетевые СМИ; становятся популярными блоги, социальные сети. В это же время выполнялись крупные федеральные проекты информатизации: с 2002 г. – Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 г.)», с 2005 г. – ФЦП «Культура России (2006–2011 г.)». В 2006 г. обществу представили Концепцию региональной информатизации до 2010 г. и начал осуществляться Национальный проект «Образование». С 2007 г. стала действовать Типовая программа развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий субъекта РФ, а в 2008 г. приняты «Стратегия развития информационного общества в РФ» и «Концепция формирования в РФ электронного правительства до 2010 г.»[16].

Итак, первое десятилетие XXI в. характеризуется интенсивным проникновением Интернета во все сферы жизни населения, ростом его влияния в обществе. Разрабатывается электронное правительство, подключаются к сети учреждения образования. На Дальнем Востоке развитие информационного пространства происходит в русле выполнения федеральных программ, но регион остается одним из самых отстающих по шкале цифрового неравенства.

С началом второго десятилетия XXI в. начался и продолжается в настоящее время современный сетевой этап в информационной политике. Интернет, соцсети и блогосфера превратились во влиятельный, независимый от действующей власти социальный инструмент, участвующий в консолидации определенных социальных и политических движений. Уровень проникновения сети в России в начале 2013 г. оценивался приблизительно в 67%, на российском Дальнем Востоке – 60%[17]. Только во Владивостоке более 200 тыс. семей имели доступ в сеть. Быстро росла аудитория мобильного Интернета. Так, в Приморье за 2011–2012 гг. она увеличилась в 4 раза. В число наиболее популярных информационных ресурсов россиян входят социальные сети – это 80% дневной аудитории[18]. В зависимости от региона россияне тратят на социальные сети от 30 до 41% всего времени, проведенного в Интернете. Что касается СМИ, то на начало 2013 г. в ДФО из 1700 действующих средств массовой информации большинство имели интернет–версии[19].

В настоящее время региональная информационная политика целиком и полностью определяется политикой Москвы. Поставленная властью задача взять под контроль все традиционные средства массовой информации практически выполнена. Интернет остается той средой, где представлен разный спектр мнений, в т.ч. и не укладывающийся в русло официальной политики. Власть делает попытки регулировать сетевые информационные процессы путем технических и законодательных ограничений. Общество, в т.ч. и бизнес, стремятся к расширению информационного пространства, власть стремится к контролю над ним. Практика демократического обще-

ства показывает, что информационная политика государства всегда будет вступать в определенной степени в противоречие с информационными потребностями общества, отражающего разнообразие культур, и бизнеса, который продвигает в социум новые коммуникационные технологии.

На разных исторических этапах власть в своей информационной политике, стремясь к контролю над информационным полем, участвует в регулировании различных сторон общественной жизни, а развитие новых технологий, в свою очередь, заставляет ее совершенствовать и законодательную базу, и другие инструменты такого контроля.

---

1 XX съезд КПСС: стенограф. отчет. М.: Политиздат, 1956. С.116.
2 Внеочередной XXI съезд КПСС: стенограф. отчет. М.: Политиздат, 1959. С. 21.
3 XXII съезд КПСС: стенограф. отчет. М.: Политиздат, 1962. С. 90.
4 См. подробно: Козлов В.А., Мироненко С.В. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М.: Материк, 2005.
5 Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С.60.
6 Январская весна // Известия. М., 2007. 29 янв. URL: http://izvestia.ru/news/321124 (дата обращения: 10.05.2013).
7 Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988. С. 42.
8 Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=59 (дата обращения: 15.05.2013).
9 Новая социальная политика. АПН // Красное Знамя. Владивосток, 1987. 25 дек. С. 2.
10 Тезисы к Отчету бюро Приморского крайкома КПСС по руководству перестройкой // Красное Знамя. Владивосток. Газ. 1987. 20 дек. С. 2.
11 Доклад начальника управления КГБ СССР по Приморскому краю // Красное Знамя. 1987. 19 дек. С. 2.
12 Концепция правовой информатизации России (утв. Указом Президента РФ №966, 1993 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_98845 (дата обращения: 25.05.2013).
13 Указ Президента РФ №170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации». URL: http://base.garant.ru/136393 (дата обращения: 16.04.2013).
14 Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г.). URL: http://base.garant.ru/182535 (дата обращения: 02.04.2013).
15 Регионы России: Социально–экономические показатели. М.: Федерал. служба гос. статистики, 2010. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 05.05.2013).
16 Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» в России. URL: (дата обращения: 09.07.09).
17 Проникновение Интернета в Россию и его последствия. ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/index.php?id =269&uid=113934 (дата обращения: 08.05. 2013).
18 WebIndex за февраль 2013 г. TNS. URL: http://www.tns–global.ru/rus/ data/ratings/index (дата обращения: 06.05.3013).
19 Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: http://25.rsoc.ru (дата обращения: 10.04.2013).

Е.В. ГАЛЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА В СТАЛИНСКУЮ И ПОСТСТАЛИНСКУЮ ЭПОХИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

На основе документов из фондов архивов Приморского и Хабаровского краев автор рассматривает деятельность и специфику советской политической цензуры, осуществлявшей тотальный идеологический контроль в послевоенный период. В статье анализируются изменения, происходившие в системе цензуры в условиях политической оттепели, а также методы работы цензоров на отдаленных и пограничных территориях. Определена источниковая ценность цензорской документации для выявления факторов, влиявших на социальное развития отдельных групп населения, проживавших на советском Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи.

Ключевые слова: цензура, сталинизм, политическая «оттепель», советский Дальний Восток.

Политическая цензура в СССР в целом и на Дальнем Востоке в частности – одна из составных частей фундаментальной проблемы советской истории, раскрывающей взаимосвязи советского человека и партийного государства. Под «цензурой» мы понимаем предварительную и последующую формы контроля над средствами массовой информации, а также отслеживание поведения индивида на предмет соответствия целям властей и идеологическим канонам. Анализ развития этого феномена в 1950-е гг. позволяет сравнить его в периоды апогея сталинизма и политической «оттепели».

В сталинскую эпоху институты контроля над информацией представляли собой сформировавшийся репрессивный аппарат со своими институтами и методами работы. Послевоенные репрессии не достигли масштаба 1930-х гг., однако идеологический прессинг оставался достаточно сильным, о чем свидетельствуют известные кампании критики журналов «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.), «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» и др. В рамках этой политики действовала и государственная цензура.

Иерархия органов цензуры на местах соответствовала административно–территориальному устройству регионов. На Дальнем Востоке в 1946–1954 гг. под непосредственным управлением Главлита СССР находились Хабаровское и Приморское краевые управления по делам литературы и издательств (крайлиты), а с 1948 г. – также и Амурский обллит, получивший самостоятельный статус после выделения Амурской области из состава Ха-

баровского края[1]. В свою очередь, в подчинение краевых управлений входили подразделения на местах.

Наиболее сложную структуру имел Хабаровский крайлит, объединявший областные управления – Камчатское, Нижне–Амурское и Еврейской автономной области, а также Комсомольский–на–Амуре горлит, райлиты в районах непосредственного подчинения крайисполкому и цензуру Дальстроя МВД СССР. Объектами их контроля были книжно–журнальные издательства (Дальневосточное и «Советская Колыма»), издания высших учебных заведений, газеты (краевые, областные, городские, районные и многотиражные), Вестник краевого отделения ТАСС, материалы комитетов радиовещания (краевого, областных, городских и районных), Дальневосточная кинохроника, музеи, библиотеки, репертуары театров, цирков и т.д. Всю эту работу осуществляли 14 штатных и 33 нештатных сотрудника, которые вели предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению материалов, выдавали разрешение на право издания отдельных произведений, составляли списки книг для печати, а также запрещенных к продаже и распространению. Они также отвечали за сохранность и нераспространение сведений, отнесенных к разряду особо важных государственных тайн, касающихся освоения специальных районов[2*].

В этой структуре следует отметить неоднозначность взаимоотношений между Хабаровским крайлитом и цензурой Дальстроя. Последняя формально должна была находиться под контролем первого. Однако фактически цензура Дальстроя, пользуясь особым статусом территории пребывания, вела себя довольно независимо, никакой отчетности в Хабаровский крайлит не давала, а на письма, отправленные по этому поводу в Политуправление ДС, Хабаровск ответа не получал[3]. Положение изменилось лишь в 1953 г., когда на основании постановления СМ СССР № 2632 решением Хабаровского крайисполкома от 11 ноября 1953 г. № 528 Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати было выделено из системы МВД СССР в самостоятельное Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Приморском и Хабаровском краях[4].

В подчинение Приморского крайлита входили горлит г. Ворошилова (совр. Уссурийск) и райлиты. Штат крайлита состоял из административно–технического аппарата и цензоров, в 1948 г. он насчитывал 9 чел.: начальник, заместитель, старший цензор, 4 цензора, зав. спецчастью и бухгалтер. В горлите г. Ворошилова работали двое – начальник и цензор. В районах края цензорской работой было занято 27 уполномоченных совместителей[5].

Инструкции, постановления, указания по цензорскому контролю над литературными произведениями действовали одинаково на всей советской территории. Основной функцией органов цензуры являлась охрана государ-

---

* В «Перечне сведений…» (подробнее см. ниже) был выделен специальный раздел «Особые районы», к которым были отнесены Арктика, районы Дальстроя, Чукотский и Корякский национальные округа, Камчатка, районы между КНО и Нижне–Амурской областью, Нижне–Амурская область, районы городов Комсомольска–на–Амуре, Советской Гавани, Владивостока, а также многие районы Приморского края

ственных и военных тайн в рамках существующих цензорских ограничений (т.н. Перечня и дополнений к нему) и осуществление политико–идеологического контроля над всеми предназначенными к публикации и распространению произведениями печати, радиовещания, выставок и т.д. Дополненный в марте 1948 г. новыми сведениями «Перечень важнейших сведений, составляющих государственную тайну», был утверждён Советом министров СССР, а в январе 1949 г. Главлитом СССР выработан «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати», опубликован и разослан край–, обл–, гор–, рай– литам.

Контроль над «правильностью» текстов осуществлялся в основном в виде вычерков: просматривая материалы, цензоры подчеркивали факты или выражения, которые изымались из текстов. Все сделанные за определенный период (месяц, квартал, год) вычерки сводились в «сводки предварительного контроля», которые были, по сути, отчетами о работе цензуры перед вышестоящей организацией, а также перед партийными органами и НКВД. Подобная технология в той или иной форме действовала также в музеях, на радио, а позднее и на телевидении.

С каждым годом ужесточались требования к музейным экспозициям и выставкам. Основанием для очередного изъятия служили документы, приходившие из Москвы. В основном это различные постановления СМ СССР, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по устранению фактов разглашения государственной тайны в музеях», «Перечень запрещенных к распространению сведений..», Циркуляр Главлита СССР № 9с от 8 сентября 1951 г., «Инструкция о порядке цензорского контроля произведений искусства» от 16 января 1952 г. В документах приводились факты из музеев, работники которых «потеряли бдительность». В частности, они выставляли образцы, по которым можно было понять, какие полезные ископаемые добывались в том или ином регионе, что являлось государственной тайной. В 1950 г. в Приморском крае созданной комиссией было просмотрено 12 выставок, из материалов которых изъяли 5 экспонатов, а в текстах к ним сделали 11 вычерков[6].

Особый сектор представлял радиоэфир. Тщательному контролю подвергались радиопередачи, а также радиопереговоры, где в устной форме могла быть разглашена информация, составлявшая сферу государственных интересов. На Дальнем Востоке с разглашением информации среди работников радиокомитетов боролись местные власти и вышестоящие органы управления: бюро райкомов ВКП(б) рассматривали нарушения на партактивах, лично предупреждали секретарей райкомов и обкомов ВКП(б) за «притупление бдительности», объявляли выговоры с занесением в учетную карточку, увольняли с работы. Но все равно через радиостанции просачивались материалы, считавшиеся секретными. Например в 1947 г. в Чукотском районе по радио были переданы характеристики на работников, рекомендованных на руководящие посты, сведения о районных хозяйственных планах, постановление закрытого бюро райкома ВКП(б) со списками кандидатов в депутаты райсовета и т.д.[7]

Проведенный автором на основе доступных архивных документов анализ текстовых вычерков в печатных изданиях Хабаровского края с 1946 по 1954 г. показал, что из 964 вычерков 855 относились к информации военно–экономического характера (касалась объектов строительства, мощности промышленных предприятий, технико–экономических показателей, выполнения планов выпуска продукции, полезных ископаемых и т.п.), а 109 – к «политико–идеологическим искажениям» (см. Диагр. 1)[8].

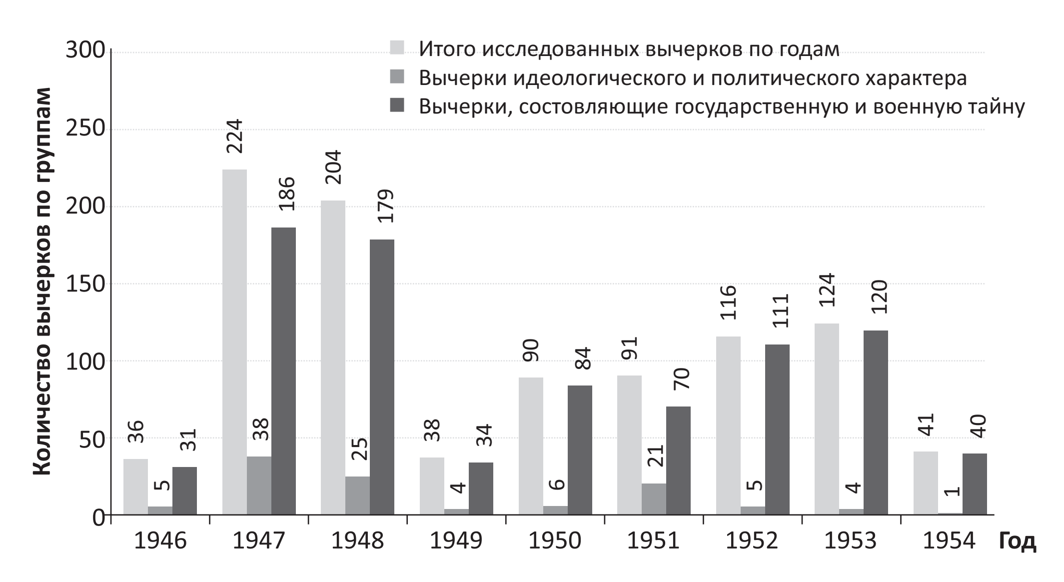

Диаграмма 1. Основание вычерков предварительной цензуры, произведённых дальневосточными цензорами в 1946–1954-х гг.

Из–за боязни за последствия пропуска информации, которая могла бы нарушить инструкции, аргументы цензора иногда выглядели просто курьёзно. Например, запрет на публикацию работы Онисимова «Хлопковая совка – новый вид энтомофауны советского Дальнего Востока» – объяснялся тем, что ученый описывает появление нового для региона вредителя, который до 1945 г. здесь не был зарегистрирован, а места его обитания знали только в Японии, Корее, Китае, т.е. в других государствах[9]. По логике цензора совки–вредители, следовательно, должны водиться где угодно, в основном в капстранах, но не в СССР.

Порой работники органов цензуры брали на себя функции экспертов, несмотря на то, что после войны высшее образование имели только 5% цензоров, среднее специальное – 15%, 8–10 классов – 80%. Например, работу Моисеева «Отрицательные температуры и размещение камбал» не допустили к публикации по бюрократическим правилам «за недостаточностью представленных экспертизой документов»[10]. Цензор Приморского крайлита относительно работы Башкирова об использовании вечной мерзлоты для хранения мороженой рыбы не удовлетворился справкой местной экспертизы, а выяснил у директора ТИНРО Моисеева, что «работ по использованию вечной мерзлоты до сих пор не публиковалось»[11]. Статья была задержана и

направлена в Главлит. Также по поводу научных трудов в специальных изданиях встречаются следующие примечания цензоров: «опубликование может вызвать у населения вредную реакцию», «нецелесообразно», «в связи с введенными в Приморском крае в печати новыми ограничениями»[12].

Анализ текстов вычерков хочется предварить одной из красноречивых опечаток: 8 марта 1947 г. в газете «Красный маяк» (орган Нижне–Амурского обкома ВКП(б) и облсовета депутатов трудящихся) в статье о матери–героине говорится, что именно в этой семье особенно сильно ощущалось чувство гордости за родное советское правительство, для которого «муки народа превыше всего». Замеченное цензором Щербаковой слово «муки» как нарушение политического характера было заменено на – «забота о нуждах»[13]. Действительно, основная часть дальневосточников, испытывая «муки народа», после войны жила материально очень стесненно. Задача цензуры заключалась в том, чтобы не будоражить общественное сознание, не давать ему пищу для сомнений в правильности и непогрешимости «сталинского курса» и мудрого руководства.

В 1951 г. всем начальникам край–, обл–, гор–, райлитов разослали секретный циркуляр № 9с Главлита о задачах цензоров в связи с усилением политико–идеологического контроля над произведениями печати. Согласно документу цензоры обязывались, прежде всего, вникать в идейное содержание информации, представленной на контроль, рассматривать её с точки зрения требований охраны государственной тайны и политической направленности, вскрывать «всякие извращения линии партии». Каждый работник цензуры должен был осознавать, что он несет большую политическую ответственность за допущенные в печати идеологические ошибки наряду с авторами и редакторами. Поэтому задача цензоров заключалась не только в том, чтобы контролировать «порочные» работы, но и предотвращать их публикацию[14].

Обзор вычерков, произведенных цензорами дальневосточного региона после таких секретных циркуляров Главлита, иногда можно было отнести в разряд «черного юмора», Приведём один из примеров. В передовой статье «Достойную встречу 1 мая» (газета «Звезда Севера» за 31 марта 1953 г.) содержался текст: «Партийные и профсоюзные организации должны всеми силами поддержать политический подъем трудящихся, возникший в связи с кончиной И.В. Сталина». Цензор вовремя заменил это выражение (комментарий цензора: «по политическим соображениям»)[15]. Данный пример говорит о своеобразной реакции дальневосточников на всякого рода кампании – действовать, писать, говорить автоматически, не рассуждая. И таким образом приспосабливаться к реальности.

Деятельность работников цензуры не оставляла без внимания и произведения, касавшиеся науки, образования и культуры. Табл. 1 свидетельствует об усилении прессинга цензуры (за исключением 1950 г.). Это можно объяснить тем, что при явных признаках болезни Сталина обострилась тайная внутриаппаратная борьба, каждая группировка прощупывала возможность установления контроля над силовыми и идеологическими структурами, в том числе и цензурой.

Таблица 1

Объем работы Хабаровского крайлита в 1949–1952 гг.[16]

Форма изъятия	1949	1950	1951	1952
Изъятия из текстов	239	214	308	630
Изъятия из музеев	Нет данных	Нет данных	Нет данных	502
Итого изъято	239	214	308	1 132

В сталинские годы в работе цензоров технология вычерков являлась средством идеологического прессинга на общество с целью создания убежденности, что коммунистический строй несет с собою освобождение трудящихся от зол капитализма. Мировоззрение населения формировалось только на позитивных фактах, в основе которых лежали идеи Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, хотя реалии вносили свои коррективы.

После смерти И.В. Сталина начинается кризис советской идеологии, проявившийся в кампании по разоблачению его культа и борьбе между группировками Маленкова и Берии, с одной стороны, и Хрущёва – с другой. Были сделаны первые шаги по реабилитации жертв политических репрессий.

Пересмотр «ленинградского дела» подорвал позиции Г. Маленкова, на что быстро последовали действия работников органов цензуры при Хабаровском крайисполкоме, естественно, по указке сверху. Например, цензор исправил текст сообщения в газете «Амурский водник» от 9 февраля 1954 г. В оригинале значилось: «Хабаровск. В своей резолюции участники предвыборного совещания единодушно поддерживали выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета и обратились с просьбой к товарищам: Г.М. Маленкову, В.М. Молотову, Н.С. Хрущеву, К.Е. Ворошилову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, М.З. Сабурову, М.Г. Первухину, а также к Н.П. Чернояровой и Р.Я. Малиновскому дать свое согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР». Цензором же было разрешено к печати: «Хабаровск. В своей резолюции участники предвыборного совещания единодушно поддержали выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР и обратились с просьбой к тов. Н.П. Чернояровой и Р.Я. Малиновскому дать свое согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР»[17].

С приходом к власти Хрущева наступил период, который оценивается современными историками как период временной поверхностной либерализации, продлившийся до 1966 г. Продвижение новых линий в идеологии потребовало и увеличения персонала цензоров, что и было сделано. Так, в Хабаровском крайисполкоме в 1954 г., согласно новому штатному расписанию, спущенному Главлитом, в органах цензуры стали работать 37 штатных и 25 нештатных сотрудников, всего 62 чел.[18]

Внутрипартийная борьба, проходившая в центре страны, отразилась и на смене номенклатурных кадров в регионах. Так, после визита представителя центра был снят с должности первого секретаря Приморского крайкома КПСС Д.И. Мельник. Резкой критике подверглись председатель крайисполкома Умняшкин, его заместители Рябов и Повха, редактор краевой партийной газеты «Красное знамя» Федюшов, председатель краевых профсоюзов Лисенков[19].

Судя по документам, цензуре в этом процессе отводилось далеко не последнее место. Сводки и отчеты этого органа, по сути, были компроматом на того или иного редактора и его газету. В конце 1953 г. в печати стала появляться критика работы издательств, она становилась предметом разбирательств на высоком уровне. Так, 18 января 1954 г. Приморский крайисполком рассмотрел на заседании статью «Издательство без изданий», опубликованную в «Известиях» 9 декабря 1953 г., и отметил, что «статья совершенно правильно вскрывает недостатки в деятельности Приморского книжного издательства. В издательстве нет настойчивой повседневной борьбы за повышение идейно-художественного уровня выпускаемой литературы»[20].

В феврале 1955 г. крайисполком организовал семинар «О состоянии чистоты книжных фондов школьных библиотек и мерах по устранению имеющихся недостатков», где говорилось, что при контрольных проверках профсоюзных библиотек ряда предприятий и организаций Хабаровска и Петропавловска–Камчатского в 1954–1955 гг. было изъято 103 экземпляра «политически вредной» литературы, в том числе книги Грибанова «Сталин: к 60–летию со дня рождения», Попова «Сталь и шлак», Орджоникидзе «Путь большевика», Борисова «В.И. Ленин и И.В. Сталин о реакционной сущности американского империализма», Аварина «Великое сооружение Сталинской эпохи»[21]. В 1955 – начале 1961 гг. из библиотек и книготорговой сети продолжала изыматься литература, отражающая смещение политических лидеров и переход к «партийному авторитаризму». Партаппарат контролировал и творческие, и организационные вопросы, четко направляя «литературную идеологию» по курсу, которому следовал центр.

Постсталинскую эпоху можно охарактеризовать как «заигрывание с обществом», когда достижения науки хлынули в идеологию, стала доступной западная философия и культура. Однако это не исключало продолжения контроля над СМИ. Так, озабоченность контрольных органов вызывали постоянно работавшие зарубежные радиостанции «Голос Америки», «Свободная Европа», «Свобода» и многие другие, которые распространяли «нежелательную» информацию. В целях борьбы с антисоветской пропагандой СМ СССР и ЦК КПСС вынесли постановление об усилении защиты радиоэфира, заглушении в 1954–1958 гг. враждебных передач в 64 крупнейших городах страны, в т.ч. Хабаровске, Комсомольске, Владивостоке и др. Вводились в строй дополнительные советские передатчики, которые не только глушили «враждебные голоса», но и вели свою пропаганду на территории других стран. В 1956 г. их число достигло 3000. Органы цензуры внимательно просматривали материал радиовещания с территории СССР на Корею, Вьетнам, Китай и др. В руководящих документах среди его недостатков отмечались малое количество разоблачающих передач о государственных деятелях капиталистических стран, губительных последствиях американской «помощи» Южной Кореи и другим странам и т.д.

Как и ранее, сохранялся жесткий контроль над деятельностью культурных учреждений, музеев, выставок. В 1954–1964 гг. в изъятой цензорами из экспонирования материалов большая их часть относилась к социально–экономическому развитию региона, в т.ч. информации о добывающих отраслях, атомной энергетике и т.п.

В 1950-е гг. общественные настроения, которые создавались при помощи цензоров, несли веру в успех всех политических мероприятий, в сознание населения внедрялась информация о массовом трудовом героизме людей, добровольно идущих на трудности и материальные лишения во имя счастливого будущего советского общества. Цензоры играли немаловажную роль в работе, направленной на патриотическое воспитание советских людей и разоблачение идеологии «космополитизма». Со второй половины 1960-х гг. применяемые в Советском Союзе цензорами технологии и методы были нацелены в основном на усиление роли партийной и государственной бюрократии, создание условий для складывания и поддержания обществом нового правящего класса.

---

1 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р–803. Оп. 2. Д. 19. Л. 69.
2 Там же. Ф. П–35. Оп. 41. Д. 33. Л. 64.
3 Там же. Л. 68.
4 Там же. Ф. Р–803. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
5 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–68. Оп. 34. Д. 409. Л. 20.
6 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 23. Д. 165. Л. 77.
7 Там же. Оп. 18. Д. 56. Л. 70.
8 Там же. Оп. 1. Д. 1894–1895, 1897, 1905, 2010, 2010а, 2011, 2013, 2014, 2016–2018, 2018а, 2021; Оп. 23. Д. 7. Л. 73–77; Д. 180. Л. 120–124; Оп. 46. Д. 30 и др.
9 ГАПК. Ф. П–68. Оп. 36. Д. 484. Л. 8.
10 Там же. Оп. 34. Д. 408. Л. 25.
11 Там же. Л. 25.
12 Там же. Л. 20.
13 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 18. Д. 34. Л. 14.
14 Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. С. 364.
15 ГАХК. Ф П–35. Оп. 24. Д. 35. Л. 262.
16 Таблица составлена по: ГАХК. Ф. П–35. Оп. 18. Д. 35. Л. 262; Оп. 23. Д. 7. Л. 73–77; Д. 235. Л. 131, 132; Д. 180. Л. 120–124; Оп. 38. Д. 35; Оп. 41. Д. 33. Л. 85; Оп. 46. Д. 30.
17 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 46. Д. 30. Л. 20.
18 Там же. Ф. Р–803. Оп. 2. Д. 31. Л. 48–51.
19 ГАПК. Ф. П–68.Оп. 36. Д. 950. Л. 16.
20 Там же. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 262. Л. 105.
21 ГАХК. Ф. П–35. Оп. 41. Д. 29. Л. 17–22.

Н.В. КАМАРДИНА

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» 1953 г. В ВОСПРИЯТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

В статье рассмотрена проблема восприятия дальневосточниками сфабрикованного в начале 1950-х гг. «дела врачей». Общество, оказавшееся под влиянием разоблачительной антиеврейской кампании, порой порождало нелепые слухи, фобии и немотивированную ненависть к окружающим. Советская власть прилагала значительные усилия, чтобы повлиять на общественное мнение и сгладить негативные эффекты пропагандистской кампании.

Ключевые слова: сталинизм, «дело врачей», общественное сознание, антисемитизм, Дальний Восток.

Эпоха сталинизма в истории нашей страны занимает не более 30 лет, однако ее влияние на российское общество не следует ограничивать хронологическими рамками нахождения И.В. Сталина у власти. Отдельные черты сформировавшейся в СССР политический системы и соответствовавшего ему общественного сознания продолжают существовать и сегодня. Неудивительно, что перед историками стоит важная задача анализа общественных процессов в этот период. При этом существенно возрастает научная значимость исследования событий, происходивших на периферии, поскольку именно там общие черты системы конкретизируются, обусловливая их реальное содержание[1].

Важнейшей формой взаимодействия власти и общества в этот период являлись политические кампании, которые разворачивались всегда по одному сценарию. Сначала письменное обращение «простого» человека в вышестоящие партийные и государственные органы (читай – донос). Затем появлялась статья в газете «Правда», которая тиражировалась в местной прессе. Вслед за этим начиналась организация митингов трудящихся, горячо осуждавших «врагов» и поддерживавших политику партии. Обязательная часть кампании – обсуждение поднятого вопроса в трудовых коллективах и сбор подписей под всевозможными обращениями и заявлениями. Региональные партийные органы проводили пленумы, совещания, вырабатывали решения и новые директивные документы. Выявленные «враги» исключались из партии, увольнялись с работы, отправлялись в исправительные учреждения. Типична в этом ряду кампания по борьбе с «врагами в области медицины».

«Дело врачей», имевшее и антисемитские черты, было развёрнуто ещё в июле 1952 г. и приобрело законченные черты в конце того же года после обвинения начальника Лечебно–санитарного управления Кремля П.И. Егорова и профессоров медицины В.Н. Виноградова, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Когана в намеренном нанесении вреда высшему руководству страны. 4 декабря 1952 г. было принято постановление ЦК КПСС, в котором вина за деятельность «вра-

чей–отравителей» возлагалась на В.С. Абакумова, бывшего министра государственной безопасности. 9 января 1953 г. бюро Президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей–вредителей», а 13 января в газетах появилась «хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящей своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников террористической группы назвали 9 чел., трое из которых были русскими, шестеро – евреями[2]. После публикации данного сообщения среди советских людей «поднялась волна негодования», ведь в опасности оказались самые уважаемые и достойные люди страны. На предприятиях и организациях Советского Союза прошли собрания и митинги, где осуждались действия этих «извергов человеческого рода». Не стал исключением и Дальний Восток.

Трудовые коллективы Приморья выражали своё отношение к происходившим в Москве событиям уже апробированными методами. Горный мастер Липовецкого шахтоуправления г. Ворошилова (совр. Уссурийск) Титаев заявил на митинге, что с большим возмущением услышал о новых происках и злодеяниях врагов советской родины. В ответ на эти чудовищные действия он «встал на стахановскую вахту и взял обязательства до конца января 1953 г. выдать 250 т угля сверх плана». Проходчики шахты №1 г. Артёма Кузьменков и Комбаров обязались в ответ «на происки врагов» работать больше и лучше[3]. В колхозе им. А.А. Жданова Хорольского района агитатор Анпилогов, ветеринарный фельдшер, обратился к колхозникам со словами: «В ответ на неслыханные злодеяния извергов рода человеческого, которые злодейски умертвили того, чьё славное имя носит наш колхоз, мы приложим все силы, чтобы добиться высокого урожая, роста поголовья скота. Я призываю колхозников не жалеть сил для того, чтобы выполнить взятые социалистические обязательства. Дадим родине больше сельскохозяйственных продуктов!»[4] Агитатор Хорольского райкома партии потребовал «в ответ на вылазки врагов усилить бдительность и партийно–политическую работу в массах»[5].

Такая реакция в целом соответствовала духу времени, когда подозрительность и бдительность вообще являлись нормой. При этом превращение любого негодования в трудовой энтузиазм тоже объяснимо: ведь именно ударным трудом советский человек мог и должен был ответить на происки врагов. Понятным является и то, что такие призывы исходили, в первую очередь, от политических работников. Однако имели место и более радикальные высказывания.

«Дело врачей» стоит в общем ряду послевоенных политических кампаний, которые строились на мифе о врагах. Таким врагом в этот раз стал «врач-еврей», что включило в круг неблагонадёжных одновременно и представителей профессионального сообщества, и представителей конкретной этнической группы. Кампания приобрела черты антисемитизма, который будучи официально осуждаемым, всегда имел место на бытовом уровне. В результате поток обращений, заявлений, писем, слухов о «подлых шпионах и убийцах под маской врачей» захлестнул дальневосточников. Например, механик Ворошиловского шахтоуправления Емельянов заявил секретарю партийной организации о том, что ему назначена операция, но он в больницу не пойдёт, т.к. в больнице много врачей-евреев. В различных населённых пунктах Приморского края распространилось мнение, что евреев нужно снять с руководящих постов и выселить из всех больших городов. В средней школе

№14 г. Ворошилова 15 января 1953 г. некоторые ученики демонстративно покинули занятия, заявив, что не хотят учиться у евреев.

По сообщениям Владивостокского горкома партии, в городе распространился слух о готовящемся в ближайшее время судебном процессе над 14 врачами города. Они, якобы, занимались вредительской деятельностью, заражали здоровых людей разными болезнями, ловили детей и использовали их кровь. Вера в эти слухи оказалась так велика, что не было собрания или лекции, на которых бы агитаторов горкома не спрашивали о правдоподобности этого[6]. Пересуды на тему вредительства евреев приобрели масштаб психических расстройств – всевозможных фобий. Привычные действия людей – поход в магазин, больницу, места общественного питания – сопровождались опасениями за свою жизнь: «Сейчас ходить опасно в пивную, а то жиды отравят!», «Я похоронила сына, ребёнка, его всего искололи!», «То были враги в медицине, а она (продавщица) – враг торговли»[7].

17 января 1953 г. в Приморский крайком КПСС поступил документ из Хасанского районного комитета партии, содержавший предложения от жителей района: «Нужно создать специальную комиссию по пересмотру всех врачей в нашем районе и 50% евреев из нашего района выселить». «Нужно органам МГБ немедленно проверить работу зубного кабинета, так как больные больше носят зубы не во рту, а в карманах»[8]. «Нужно в нашем райздравотделе проверить всех врачей, особенно евреев, так как их у нас 80%, и смертность в 1952 г. была большая»[9]. «Коллектив МТС возмущён предательством этой кучки врачей. В нашей больнице нужно разобраться с врачами, так как они оказывают медицинскую помощь по знакомству, в первую очередь работникам торговли»[10]. В г. Ворошилове комендант бронедивизиона, подполковник, выражая недовольство поведением евреев, заявил, что «правильно фашисты их уничтожали»[11]. Из Хасанского района поступали просьбы о применении к «врачам–изуверам» самой жестокой кары – казни через повешение – и даже предлагали казнить их жён, так как те точно знали о готовящихся беззакониях, но никому не сообщили. В Ханкайском районе на собрании в колхозе им. Ильича присутствовавшие высказали мнение, что «евреев следует всех повесить или выселить на Колыму, так как они не ограничат свою подлую деятельность»[12].

Отслеживая настроения людей, секретари Приморского крайкома КПСС владели достаточно полной информацией об общественных настроениях в городах и посёлках края. С сожалением констатировалось, что антисемитские настроения поразили все слои дальневосточного общества. Люди, опасаясь преследований, порою сами отказывались занимать руководящие должности. Так, Гительман, зам. председателя Гродековского райисполкома, пришёл в крайком партии и заявил, что «врачей опорочили, я понимаю, что теперь не могу быть на выборной работе, прошу послать меня на хозяйственные работы»[13]. Справедливости ради, нужно отметить, что в докладных записках зафиксированы и случаи противоположного отношения людей к проблеме антисемитизма. Имелись сведения о не подписавших коллективные обращения в органы власти. 16 января 1953 г. в 8 часов утра преподаватель окружных курсов усовершенствования офицерского состава Приморского военного округа полковник Игашин на тротуаре обнаружил и собрал 16 листовок с текстом, защищавшим евреев, а также с враждебными выпадами в адрес советского правительства и партийных руководителей[14].

Общественное мнение оказалось под влиянием разоблачительной антиеврейской кампании. В этих условиях Приморский крайком партии обязал все нижестоящие партийные организации провести разъяснительную работу среди населения, но главным образом среди членов партии: «…Не все евреи способны на эту подлость, …нельзя разжигать чувство ненависти ко всем евреям»[15]. Хочется обратить внимание, что выдвинутые обвинения базировались, в первую очередь, на неудовлетворённости людей повседневной жизнью. Недостаточный уровень медицинского, бытового обслуживания порождал всплески немотивированной ненависти к окружающим. Предположить, что виновником всех народных бед являлась государственная система, было немыслимо. Поэтому произошло смещение акцентов: начался поиск врагов среди людей, живущих рядом, но не похожих на основную массу, ведущих иной образ жизни, поднявшихся по своему положению выше, чем остальные, но главное – людей другой национальности. Опасность состояла еще и в том, что социальное недовольство могло принять более опасные формы, вылиться в протест против «торгашей», «чиновников», «начальников» без этнических различий. Вероятно, именно поэтому при первой же возможности кампания была свернута.

Представленный материал не претендует на полноту охвата проблемы, однако выявляет ряд тенденций, характеризующих общественное сознание дальневосточников в период сталинизма. Современное российское общество, опираясь на полученный исторический опыт, не должно забывать о хрупкости системы социальных отношений. Любая попытка развертывания кампаний по поиску «врагов» должна пресекаться. Люди не снабжены изначально тормозными механизмами для поиска корней своих проблем в среде себе подобных. Такой механизм может быть выработан только в процессе духовного развития общества, в том числе и в результате исторического анализа пути, пройденного нашей страной.

---

1 Материал по теме освещается в работах: Кимерлинг А.С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции, 1953 год: на материалах Молотовской и Свердловской областей: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000; Костырченко Г.В. Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения (1936–1953): дис. … д–ра ист. наук. М., 2008.
2 Правда. 1953.13 янв.
3 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–68. Оп. 35. Д. 246. Л. 220, 221.
4 Там же. Л. 219.
5 Там же. Л. 220.
6 Там же. Л.2 23.
7 Там же. Д. 252. Л. 7.
8 Там же. Оп. 34. Д. 636. Л. 1.
9 Там же. Л. 2.
10 Там же. Л. 3.
11 Там же. Оп. 35. Д. 252. Л. 8.
12 Там же. Д. 246. Л. 219.
13 Там же. Л. 228об.
14 Там же. Д. 252. Л. 8.
15 Там же. Д. 246. Л. 223.

Л.Е. ФЕТИСОВА

ФОЛЬКЛОРНАЯ КУЛЬТУРА ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР 1920–1930-Х ГГ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье рассматриваются особенности исторического периода 1920–1930-х гг., получившие отражение в фольклорной культуре юга Дальнего Востока СССР. Показана неоднозначность восприятия народным художественным мышлением коренных перемен в жизни общества.

Ключевые слова: фольклорная культура, жанровый состав, сфера бытования, революционная риторика, коренные изменения, идеологические мифологемы.

Сложение единого пространства фольклорной культуры на юге Дальнего Востока России способствовало адаптации и закрепляемости мигрантов. Сельский уклад, основанный на традиционной хозяйственной деятельности, дольше опирался на глубинные, стержневые явления народно–бытовой культуры, включая её фольклорную составляющую. Увеличение численности горожан, урбанизация образа жизни в целом вели к изменению прежней парадигмы функционирования устной традиции в домашнем и общественном быту. К началу XX в. традиционные этнически маркированные произведения, прочно связанные с архаическим мышлением и древними общественными институтами, сохранялись преимущественно на семейном или земляческом уровне, тогда как в сфере внешнего общения наибольшей востребованностью отличались жанры позднего происхождения, близкие по форме литературным образцам: городской романс, новая баллада, частушка[1].

Основным источником при написании данной статьи послужили записи автора во время фольклорно–этнографических экспедиций 1960–1970-х гг. Информантами являлись люди, родившиеся на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Особую важность для исследования представляют также материалы, опубликованные в 1929 г. профессором Дальневосточного государственного университета А.П. Георгиевским[2]. Большинство из его корреспондентов были рабфаковцами, жившими в сельской местности. Записанные ими тексты поистине бесценны, поскольку, в отличие от традиционного фольклора, им не была суждена долгая жизнь. Замечательную информацию о фольклорно–этнографическом быте приморской глубинки содержат воспоминания учителей из Дальнереченска Е.А. Ляховой и Е.Н. Сыстеровой[3]. Таким образом, современные исследователи располагают материалами, которые не подвергались фальсификации, являются научно достоверными и дают возможность сделать объективные выводы.

Слом старой государственной машины в 1917 г. и последующие коренные изменения в жизни страны оказали влияние на общественное сознание россиян и получили отражение в их художественном творчестве, включая фольклорный репертуар. Новации коснулись прежде всего продуктивных жанров фольклора, но затронули также и традиционный культурный слой, даже такой консервативный жанр, как причитание. Например, записанный в 1925 г. в приморском селе Черниговке плач по сыну–партизану, убитому японцами, имел следующую концовку:

Сожгли вороги нас, всё разграбили
И тебя, молодого, со свету сгубили…
Не дали они тебе свободы дождаться,
Да не дали они тебе с новой жизнью спознаться[4].

Революционная риторика, воспринятая молодёжью, но не свойственная старшему поколению, видна в идеях борьбы за свободу и стремлении к новой жизни.

Укрепление власти всегда связано с созданием идеологических мифологем. Становление советской государственности сопровождалось внедрением культа вождей революции. Известно, что в 1924 г. было сложено множество плачей на смерть Ленина, и далеко не все они должны рассматриваться как социальный заказ. «Народный быт требует выполнения обряда «плача» по умершим», — так прокомментировал Н. Хандзинский «покойнишный вой по Ленине», записанный от комсомолки Е. Перетолчиной из сибирского села Кимильтей[5]. Заслуживает внимания факт, что в качестве преемника вождя комсомолка Перетолчина называла Троцкого, причём не официально – по фамилии, а по имени–отчеству – Лев Давыдович. Поминальные причитания по Ленину записывались и в других областях страны, в том числе на юге Дальнего Востока[6].

После окончательной победы советской власти началось формирование идеологического мифа о всенародной поддержке идей Октября. При этом немаловажная роль отводилась народному творчеству. Однако уже в середине 1920-х гг. одним из собирателей фольклора было высказано мнение, что «последующие события совершенно вытеснили партизанскую песню и частушки»[7]. В действительности, революционный пафос изначально являлся достоянием творчества определённого круга сторонников новой власти; лишь со временем произошёл отбор произведений, которые вошли в народный репертуар и воспроизводились впоследствии как своеобразный «документ эпохи». Этому в значительной степени способствовала активная пропагандистская работа, направляемая партийным аппаратом.

Накануне 20–летия Октябрьской революции Далькрайком ВКП(б) издал постановление об организации в крае сбора послеоктябрьского фольклора. К работе привлекались бывшие партизаны, журналисты, сельские учителя. В связи с 15–й годовщиной освобождения Приамурья и Приморья от интервентов и белогвардейцев на страницах местных периодических изданий публиковались образцы партизанской поэзии[8]. Несмотря на жесткую идеологическую заданность, в наши дни объективный анализ этих материалов позволяет почувствовать характер эпохи, однако необходимо отсечь множество подделок под фольклор, которые издавались под видом народного творчества.

С утверждением большевистской идеологии новое поколение приняло официальную версию о «триумфальном шествии советской власти». В этой версии важное место отводилось партизанской поэзии. В 1930-е гг. всесоюзную известность получил партизанский гимн П. Парфёнова в редакторской обработке С. Алымова — «По долинам и по взгорьям». Но в обыденном репертуаре исполнители чаще обращались к произведениям, представляющим собой переработку популярных песен и романсов. «Классикой» периода Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке стали партизанская «Чайка» и баллада «Знаю, ворон, твой обычай». В Приморье особенно любили творчество уроженца Сучанской долины К. Рослого, использовавшего местные варианты распространённых песен. Наибольшей известностью пользовалась его песня «Дуют холодные ветры», созданная на основе песни о гибели «Варяга» – «Плещут холодные волны». Именно такие произведения составили ядро историко–героического репертуара первых лет советской власти[9].

В те годы повсеместное распространение имели четверостишия–припевки. Частушечный репертуар связал воедино множество локальных традиций и способствовал сложению общего пространства фольклорной культуры не только в дальневосточном регионе, но и по всей стране. Не удивительно, что этот продуктивный жанр активно использовался в пропагандистских целях, ему отводилось ведущее место в репертуаре агитаторов–»синеблузников» и политико–просветительной работе в целом. Одним из песенных символов революционной эпохи справедливо считается частушечный цикл «Яблочко». «Яблочко–песню» исполняли и жители нашего края:

Эх, яблочко,
Не катись в воду.
Бери, солдат, пулемёт,
Защищай свободу.

Эх, яблочко
Покатилося,
А советская власть
Укрепилася[10].

Победа в Гражданской войне не означала одномоментного решения ни внутренних, ни внешних проблем. Советское правительство было озабочено состоянием дел в зоне КВЖД. Благодаря периодической печати политическая ситуация в Китае нашла отражение в массовом сознании: неизвестные авторы сочинили четверостишие о некоей Алине, которая «любила Чжан Цзолина», но «сбежала с У Пэйфу»[11]. В наши дни эти имена известны лишь узкому кругу специалистов, но в 1920-х гг., в период политического господства в Китае «бэйянских милитаристов», их деятельность широко обсуждалась. Позиция генерала У Пэйфу положительно оценивалась в СССР. Известно, что первый советско–китайский договор и соглашения о КВЖД в 1924 г. были подписаны пекинским правительством под давлением У Пэйфу, понимавшего важность сотрудничества с СССР для защиты национальных интересов Китая. Немаловажным фактором являлось и сближение политика с китайскими коммунистами, которые помогли ему одержать победу над Чжан Цзолинем[12].

Тексты частушек отражают достаточно высокий уровень политизированности всех слоёв общества и одновременно дают реальную картину расстановки политических сил в 1920-х гг.:

У моёго дорогого,
У моёго милого
Кари глазки, чуб волной,
Как у Ворошилова.

Я в своей красоте
Очнно уверена.
Если Троцкий не возьмет,
Выйду за Чичерина[13].

В некоторых сельских домах рядом с иконами помещались портреты Ленина, Рыкова, Ворошилова, Луначарского, других видных деятелей партии[14]. Вместе с тем политические оппоненты советской власти давали собственную оценку большевистским лидерам:

Сидит Троцкий на берёзе,
Плетёт лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком[15].

Имя Сталина в те годы почти не упоминалось, но после убийства С.М. Кирова общесоюзную известность получило следующее четверостишие:

Эх, огурчики
Да помидорчики,
Сталин Кирова убил
Да в коридорчике[16].

Смерть Ленина положила начало мифологизации личности основателя первой страны социализма. О его заслугах продолжали говорить и впоследствии, называя судьбоносные мероприятия советской власти «ленинскими»:

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку,
Вывел он меня на свет,
Тёмную крестьяночку[17].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. окончательно сложился «пантеон» героев Октябрьской революции и Гражданской войны. Для дальневосточников это, безусловно, принявший мученическую смерть Сергей Лазо, а также успешные руководители местных партизанских отрядов, например, «хитрый наш Петров–Тетерин» и «партизан лихой Шевчук»[18].

Женское песенное творчество, оставаясь в основе лирическим, обращалось к историческим событиям как к фону, на котором развивались традиционные любовные и семейные коллизии. Сквозь призму личного восприятия, в зависимости от политических пристрастий одни и те же явления получали разную оценку:

Комсомол, комсомол,
Куда ты шагаешь?
На деревню за налогом.
Разве ты не знаешь?[19]

Не хочу я чаю пить
Из большого чайника.
Захотелось полюбить
Из ГПУ начальника[20].

Столь же личностный подход обнаруживается в частушках, посвящённых коллективизации:

Ты колхоз, ты колхоз,
Колхозная заимочка,
Не пошла бы я в колхоз,
В колхозе ягодиночка[21].

Чёрну курочку купила,
Чёрна курочка не ест.
Коллективная работа
Никогда не надоест[22].

Рассказы–воспоминания старожилов, с которыми фольклористы работали в 1960–1970-х гг., свидетельствуют о том, что энтузиазм первых комсомольцев был заразителен. Когда рано утром молодые люди с песнями отправлялись работать на колхозное поле, на них с завистью смотрели сверстники, остававшиеся с родителями-единоличниками. Не случайно, профессор А.П. Георгиевский писал в 1929 г.: «Особую роль... играет в деревне молодежь, и, где актив деревенской молодежи работает сильнее, где он сам по себе крепче, там чувствуется заметное движение вперед по сравнению с селами и деревнями, не владеющими таким активом и расположенными где–либо вдали от города и железной дороги»[23].

Непримиримое отношение к любым мероприятиям советской власти высказали старообрядцы и даже пытались оказать вооружённое сопротивление. Самым крупным было Кхуцинское выступление 1932 г. После разгрома восстания его участникам предъявили обвинение в «контрреволюционной пропаганде против колхозного строя». Согласно изысканиям В.В. Кобко, приморский старовер П.Ф. Поносов был приговорён к высшей мере за четверостишие:

Были царь и царица –
Была мука и пшеница,
А пришла советска власть –
Нечё стало в глотку класть[24].

Частушка остро реагировала на все перемены в жизни общества: коллективизацию, борьбу с религией, поиск «врагов народа», нарастание угрозы извне. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. особое место занимали произведения с антирелигиозной тематикой. В связи с этим следует напомнить, что религиозная ситуация в России никогда не была однозначной. Не случайно публицисты новой волны рассматривали идеологию марксизма–ленинизма как своеобразное замещение религиозного мышления. Н.П. Милюков отметил эту особенность мировоззрения радикальной русской интеллигенции ещё в 1905 г.[25] Однако поляризация общественного сознания началась гораздо раньше: развитие рационалистического мышления и успехи естественных наук способствовали распространению религиозного нигилизма.

Антирелигиозные куплеты чаще исполнялись мужчинами, имевшими достаточно высокий уровень грамотности и подверженными влиянию средств массовой информации. Не удивительно, что отход от традиционных духовно–нравственных ориентиров, предлагаемых православием, более всего затронул урбанизированное общество, оказав серьёзное влияние на сознание городских низов. В городах и рабочих посёлках, где демографический баланс был нарушен в сторону преобладания мужской части населения, дух отрицания ощущался сильнее, чем в сельской местности. Крестьянское сословие оказалось вовлечённым в этот процесс прежде всего через отходников, т.е. опять–таки через мужчин.

Вместе с тем далеко не все приходили к полному атеизму. Критические оценки касались, главным образом, поведения священнослужителей:

Ой, топы, топы, топы,
Собрались одни попы,
Сели на завалинке
И пропили валенки[26].

Как повадился дьячок
У вдовы снимать крючок,
Только парни разгадали,
Получил дьячок щелчок[27].

И здесь не последнюю роль играл тот факт, что завышенные требования к сильным мира сего, ориентация на некий абстрактный идеал, составляли существенную черту ментальности русского человека. Следует признать, что антиклерикальная тема издавна занимала заметное место в фольклорной культуре, не являясь в большинстве случаев ни антирелигиозной, ни даже антицерковной. Атеистическая направленность фольклорных текстов усилилась уже в советское время. Антирелигиозные куплеты пользовались особой популярностью среди молодых активистов, воспитанных новой властью. Они легко воспринимали формальную логику вульгарно–материалистических аргументов:

В облаках Илья–пророк
На коне катается.
Интересно знать, друзья,
Чем там конь питается?[28]

Автор четверостишия использовал приём буквализации священного текста и доведение его до абсурда. Когда духовенство было отнесено к категории классово–чуждых элементов, содержание сатирических произведений, санкционированных властью, приобрело агрессивный уклон:

Как у нашего попа,
У попа у Паши
Отощала попадья
От советской каши.

Ой, ты поп, ты наш поп,
Батюшка ты Савва,
Не боишься никого,
Кроме комиссара[29].

С этого времени религиозная жизнь ушла «в тень». Однако старшее поколение, особенно женщины, сохранили фольклорно–обрядовый комплекс, основанный на православном календаре, и продолжали отправлять соответствующие ритуалы вне церкви в домашних условиях.

Расцвет нэпа воспринимался значительной частью населения как явление временное и негативное. Устное творчество этого периода имело ярко выраженную сатирическую направленность. Одна из песен, сложенная, по–видимому, во второй половине 1920-х гг., знакомит с нэпманом из Владивостока – неким «славным Сёмой», который «имел всего три дома (отобрали у него дома)»:

А сам он, тихий, смирный,
Открывает ювелирный
На Светланке свой он магазин.

Местная специфика видна в составе гостей, среди которых «директор из Рыббанка», «инспектор из Рыбтреста», а также «бакалейщик Лёвка Цукерман». Перечень блюд заслуживает особого внимания:

Там было угощенье,
Печенье и варенье,
А шампанское из Марселя привезли.

Котлетки из индейки,
Мозги из кенарейки,
Из алжирских ягод был компот…

Песня заканчивается описанием пьяного дебоша, в котором принял участие цвет «новой буржуазии»[30]. Естественно, подобные произведения являлись достоянием узкого круга исполнителей, но для исследователя они остаются ценным историческим источником и дают возможность избежать излишней идеализации новой экономической политики.

По мере утверждения новой идеологии противостояние «белых» и «красных» получало отражение не только в творчестве профессиональных литераторов–коммунистов, выполнявших «социальный заказ», но и в произведениях устного творчества, например, в популярной балладе 1930-х гг. об идеологическом конфликте между братьями, закончившемся трагедией. Новая версия сюжета «Авель и Каин» сделала героем старшего брата, сторонника советской власти.

Старший молвил: «Ты, брат, белогвардеец,
Ваш девиз есть насилье, расстрел,
Не назову же тебя больше братом».
И винтовку он взял на прицел.
Но курок нажимал он несмело,
Младший быстро винтовку схватил,
Совершилось кровавое дело –
Младший старшего брата убил[31].

Приведённый текст был записан в 1972 г. в с. Ариадное (Дальнереченский район) от Е.Х. Иващенко, 1915 г. р. Примечательно, что наша исполнительница не воспринимала конфликт как версию библейского сюжета, поэтому её герой «долго–долго стоял, точно воин», а не «точно Каин». Как видим, пробелы в религиозном воспитании сказывались и в восприятии литературного творчества. Данная баллада, не являясь высокохудожественным произведением, заслуживает внимания как одна из ранних попыток определить расстановку сил и сделать более привлекательным образ красноармейца.

В те годы рядом с официально признанной моностилистической культурой существовало потаённое художественное творчество, создававшееся противниками советского строя. В этом ряду не только такие произведения, как стихотворение О. Мандельштама «Кремлёвский горец» (Мы живём, / Под собою не чуя страны), известное узкому кругу литераторов, но и анонимные тексты, имевшие широкую аудиторию. К ним, в частности, относится челюскинская «Мурка». Песня бытовала по всей стране во множестве вариантов[32]. Записывалась она и в Приморье:

Капитан Воронин
«Челюскин» проворонил
И за это орден получил…[33]

Не следует считать, что все исполнители (подчеркнём: исполнители, не автор) были скрытыми диссидентами и «врагами народа». Вернее сказать: в общесоюзном масштабе перед нами явление не столько политической, сколько смеховой культуры, которую во второй половине XX в. пополнили анекдоты о Чапаеве.

С конца 1920-х гг. в общее пространство бытовой культуры начали активно внедряться государственные праздники, которые находили поддержку прежде всего у молодого поколения. Главными советскими праздниками являлись годовщина Октябрьской революции и Первое мая — День международной солидарности трудящихся, освященный традициями пролетарских маёвок. Примечательно, что Первое мая стало одним из любимых молодёжных праздников (Подруженька, Первомай! / Бело платье надевай…[34]).

Е.Н. Систерова вспоминала: «С каким восторгом, не чуя земли под ногами, шагали мы, пионеры далёкого села, по улицам в день Первого мая. Как спорили, кому нести флаг! Как задорно пели «Во–ку, да во кузнице» или «Взвейся выше, наше знамя!» И как смотрели на нас наши родители, соседи, толпящиеся вдоль дороги!»[35]

Советские праздники вошли в систему памятных дат молодого государства вместе с новой атрибутикой: красными знамёнами и транспарантами, портретами вождей, изображениями красной звезды, серпа и молота. Демонстрации трудящихся стали непременным компонентом таких празднеств. Для значительной части молодежи участие в подобных мероприятиях означало выход за тесные семейные рамки и включение в общественную жизнь. Отчётливо видно, что распространение новых традиций инициировалось «сверху» и шло от города к селу, однако по мере принятия новых ритуалов обыденным сознанием они вводились в действующую систему народной обрядности. Революционная символика постепенно входила в повседневный обиход. Например, пятиконечная звезда стала одним из популярных мотивов декоративного искусства: ее можно было видеть на оконных карнизах и ставнях, а также в вышитых и вязаных узорах. Даже в похоронной обрядности, наиболее консервативной области быта, наблюдалось расширение семантического поля красного, «кумачёвого», цвета; пятиконечная звезда теперь увенчивала большинство надгробных памятников.

Периодическая печать 1920—1930-х гг., общеобразовательная школа и клубные учреждения активно включились в борьбу с «засильем старого быта». В дальнейшем организацию празднования знаменательных дат возложили на культурно–просветительные учреждения, которые стали проводниками новой идеологии. В начале 1930-х гг. многие из них заняли церковные здания.

Отмечая в 1920—1930-е гг. сужение сферы бытования традиционного фольклора, наблюдая его вытеснение на периферию духовной жизни — в область семейного или соседского досуга, надо сказать, что и новообразования оказались недолговечными. Большинство из них было утрачено уже в послевоенный период. Повышение образовательного уровня населения, особенно молодежи, способствовало ориентации на творчество профессионалов. В 1920-е гг. получает распространение пионерское движение. В этой среде популярны свои песни, и среди них, конечно, «Марш юных пионеров» («Взвейтесь кострами, синие ночи») А. Безыменского. Этот текст находим уже в сборнике «Песни борьбы», изданном на Дальнем Востоке в 1924 г.[36] С середины 1930-х гг. начинается расцвет советской массовой песни. Таким образом, уже в предвоенный период наметилось активное замещение фольклорного песенного наследия творчеством профессионалов, которое впоследствии стало основной формой художественного осмысления действительности не только в городе, но и в сельской местности.

1 Фетисова Л.Е. Народная культура Дальнего Востока России в XX веке // Вестник ДВО РАН. 1997. № 6. С. 38–48.

2 Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно–диалектологический очерк. Владивосток, 1929. Вып. 4: Фольклор Приморья.
3 Фольклор Дальнеречья, собранный Е.А. Ляховой и Е.Н. Сыстеровой: сб. / Сост., коммент. и вступит. статья Л.М. Свиридовой. Владивосток: Изд–во Дальневост. ун–та, 1986. С. 76 – 78, 169 – 180.
4 Соколова А. Материалы для изучения партизанской поэзии. (Песни и причитания) // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып.1. С. 161.
5 Хандзинский Н. Покойнишный вой по Ленине // Там же. 1925. Вып. 3–4. С. 55.
6 Соколова А. Материалы для изучения партизанской поэзии.
7 Попова А. Партизанские песни // Сибирская живая старина. 1926. Вып.1. С. 32.
8 Фольклор Нижнего Амура // Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1936. 4 июля; Сучанцы пели (1919–1920) // На рубеже. 1937. №5. С. 88; Партизанские частушки // Амурская правда. Благовещенск. 1937. 12 февр.
9 Тропами таежными: Песни и частушки Гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск: Хабаровское кн. изд–во, 1969.
10 Фольклор Дальнеречья… С. 194.
11 Записано от Покаева К.К., 1918 г.р., г. Владивосток // Личный архив автора.
12 Каретина Г.С. Идейно–политическая ориентация представителей китайского милитаризма 10–20-х годов XX в. // Вестник ДВО РАН. 2011. №1. С. 46 – 53.
13 Георгиевский А.П. Частушка Приморья. Владивосток, 1929. С. 268.
14 Соколова А. Материалы для изучения партизанской поэзии. С. 40.
15 Записано от Покаева К.К., 1918 г.р., г. Владивосток // Личный архив автора.
16 Там же.
17 Фольклор Дальнеречья… С. 195.
18 Там же. С. 193.
19 Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. С. 268.
20 Полевой отчёт Л.Е. Фетисовой за 1973 г. // Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 47.
21 Фольклор Дальнеречья… С. 199.
22 Там же. С. 199 – 200.
23 Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. С. 11.
24 Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 1930 гг. XX в.). Владивосток, 2004. С. 79.
25 Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т.1. С. 273.
26 Полевой отчёт Л.Е. Фетисовой за 1973 г. // Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 50.
27 Фольклор Дальнеречья… С. 198.
28 Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и поэтики жанра. Владивосток, 1982. Дис. … канд. филол. наук. Рукопись. Л. 51.
29 Полевой отчёт Л.Е. Фетисовой за 1973 г. // Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 43, 52.
30 Записано от Покаевой М.Г., 1895 г.р., г. Владивосток // Личный архив автора.
31 Полевой отчёт Л.Е. Фетисовой за 1972 г. // Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 122 – 123.
32 Жиганец Ф. Шмидт сидит на льдине, как шухер на малине. URL: http://www.proza.ru/2009/04/13/389/ (дата обращения: 20.01.2014).
33 Записано от Покаева К.К., 1918 г.р., г. Владивосток // Личный архив автора.
34 Фольклор Дальнеречья… С. 200.
35 Там же. С. 174.
36 Песни борьбы. Хабаровск; Владивосток: Дальневосточно–Сибирское изд–во «Книжное дело», 1924.

Э.В. ОСИПОВА

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ТЕАТРА: 1920–1980-е гг.

В статье на основе дальневосточных материалов исследована политика советского государства в области театра, сделан вывод о ее поэтапной преемственности, когда театр сохранял присущие ему ценности, но приобретал определенные характеристики, соответствовавшие политическому режиму. Показано, что функционирование советского театра находилось под влиянием как социально–экономических, так и политико–идеологических факторов. Власть настойчиво вмешивалась в дела театра, что отражалось на его творческом состоянии и репертуарной политике. Эта линия оставалась неизменной, менялись лишь обстоятельства времени.

Ключевые слова: культурная политика, театральное дело, власть, театр, этапы, спектакль, драматургия.

Театр, будучи погруженным в социум, с ним взаимодействует, получая от него «социальный заказ» и, в свою очередь, вовлекается в современную ему социальную действительность. «Социальный заказ» являл собой результат советской культурной политики, субъектами которой являлись все участники культурной жизни: население, художники, общественные структуры и, наконец, государство, преследующее собственные цели и навязывающее другим субъектам художественной жизни державную волю. Как известно, большевистская культурная политика, отличавшаяся чрезвычайно жестким характером, заметно доминировала над внутренними законами функционирования искусства, направляя его развитие. Это концептуальное положение легло с основу периодизации истории советского театра, разработанной В.С. Жидковым в частичном соавторстве с А.С. Ахиезером[1]. Мы считаем возможным опереться на эту периодизацию, рассматривая историю дальневосточного театра, учитывая при этом региональную специфику.

Первый этап (1917–1918), характеризуемый авторами как «борьба за выживание традиционной театральной культуры в надежде на скорый крах большевизма», на Дальнем Востоке в принципе не случился, так как к 1918 г. в регионе только закладывались основы русской профессиональной театральной школы, проявившейся через деятельность многочисленных частных антреприз и гастролирующих трупп из центральных городов России и приграничного Китая[2]. То же самое можно утверждать и в отношении второго этапа (1918–1921) – господства «раннего авторитаризма» с постепенным уничтожением оппозиции, введением цензуры и т.д. На Дальнем Востоке существова-

ние буферного государства (ДВР) значительно задержало этот процесс, а специфика театральной жизни заключалась в стихийном смешении изобилующих в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Чите стационарных и бездомных коммерческих антреприз, снующих из приграничной зоны КВЖД, Сибири и Центральной России, а также коллективов государственных театров, целиком и полностью отданных в подчинение власти большевиков[3].

На третьем этапе (1921–1927) дальневосточный театр всецело включается в процесс советизации искусства. Стремление новой власти захватить контроль над деятельностью театральных коллективов и окончательно вытеснить антрепренёров, работа которых не отвечала задачам культурной революции, вынуждает её предпринять ряд радикальных шагов в организационном устройстве. К 1925 г. ГубОНО Дальнего Востока инициируют создание Краевого театрального объединения (КрайТЕО), в функции которого входила организация театральных сезонов: подбор трупп, обмен ими между городами, ремонт зданий, контроль над репертуаром. Однако вскоре деятельность КрайТЕО была признана ГубОНО неудачной, что привело к его расформированию и затормозило процесс централизации руководства театральной сферой в границах ДВК.

Параллельно Дальревком занялся национализацией театров. ГубОНО всячески поощряло развитие самодеятельных драматических кружков при клубах, народных домах, избах–читальнях, направляло деятельность союза работников искусств (Рабис) по организации культурного шефства над частями Красной Армии. Так, наряду с профессиональными театрами появились любительские театральные студии молодежи в Чите и во Владивостоке, рабочий театр Дорпрофсожа на Уссурийской железной дороге, рабочий театральный коллектив «Синяя блуза» и др. В итоге совместных усилий государства и общественности в ДВК работало 9 профессиональных театров.

Власти были последовательны в проведении политики общедоступности искусства для трудящихся масс. В ряде случаев, когда театр ставил пьесы с ярко выраженным агитационным содержанием, для него сокращались налоговые отчисления. На этом этапе как раз и утверждается диктатура партии в виде культурной политики, превращающей искусство в подручное средство партийно–государственного аппарата. При таком подходе деятель культуры должен был стать либо инструментом партийной политики, либо приравненным к отжившему «хламу». Предложение Ленина прогнать всех «истеричных интеллигентов» и «индивидуалистов» из советского искусства было подхвачено Сталиным. Со временем разогнали и местных «попутчиков» Пролеткульта[4].

Четвёртый этап (1927–1953) определяется как «господство крайнего авторитаризма» и состоит из подэтапов. На 1927–1935 гг. выпадает становление политического и эстетического единомыслия. Всецело побеждает социалистический реализм. Складывается централизованная партийно–государственная система управления культурной жизнью. Происходит массовое стационирование театральных площадок с использованием методов национализации уже существующих. На волне наступившего в искусстве размежевания по классовому признаку на Дальнем Востоке получили распространение театры рабочей молодежи – ТРАМы (первые из них открылись в 1930-е гг. во Владивостоке и Чите[5]) и театры «Синей блузы».

Формирование государственной системы руководства театрами страны закончилось созданием Всесоюзного комитета по делам искусств в 1936 г. Одновременно усилился идеологический диктат. В театральную сферу введена система планирования по пятилеткам, которая затронула все стороны деятельности театров – их создание и закрытие, репертуарные планы, финансово-хозяйственные вопросы, учебную работу, гастроли и т.д. В обязанности театров в 1930-е гг. включались также военно–шефская и учебно–воспитательная работа, помощь самодеятельным кружкам, выезд театральных бригад на посевную и уборочную кампании. Как верно замечено исследователем С.Ю. Гамалей, «…упрочение тоталитарного режима, репрессии в отношении деятелей искусств, утверждение плановости, способствовали окончательному превращению театра в средство идеологического воспитания на всем пространстве СССР»[6].

На Дальнем Востоке развитие театрального искусства проходило в соответствии с задачами пятилеток. Главную роль в планировании играло Краевое управление зрелищными предприятиями (КрайУЗП), в дальнейшем реорганизованное в Краевой комитет по делам искусств. В задачи последнего входило: увеличение количества театров, внедрение в их репертуар пьес советских драматургов, организация военно–шефской работы над частями ОКДВ, сокращение дефицитности театральных предприятий, активное привлечение зрителей. Все театры края вели активную общественную работу по обслуживанию военных гарнизонов. Однако постоянной проблемой являлось их недостаточное финансирование, в результате материально–техническое состояние зданий было неудовлетворительным, отсутствие жилья для актеров препятствовало заключению долгосрочных трудовых договоров. Весьма показательна в этом отношении статья, напечатанная в газете «Тихоокеанская Звезда», руководителя Хабаровского краевого драматического театра И. Волчека, подробно осветившего финансовые проблемы театра[7].

Концепцию «партийности» искусства Ленина Сталин заменил понятием «государственности». Сталин объяснил это просто: «Надо понимать две разные позиции: когда мы были в оппозиции и когда находимся у власти»[8]. Когда не удалось всех загнать в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей), появилась блестящая альтернатива – горьковский Союз советских писателей, туда же зачислили театральных драматургов. Предельно ясна литературно–сценическая тематика: «успехи и достижения» социализма и «преодоление пережитков капитализма» в сознании людей. Материал художественных произведений – жизнь и опыт людей Днепростроя, Магнитогорска, героев–челюскинцев, основные типы и герои литературы и театральной сцены – комсомольцы, пионеры, партийцы, рабочие и колхозники. Такой «социальный заказ» должны были выполнять советские литераторы, драматурги и театры.

Появились директивы, которые довольно конкретно определяли культурную жизнь государства. Так, на Всесоюзном партийном совещании по вопросам театрального дела при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. была сформулирована официальная концепция театра исключительно как орудия политического воздействия. Критерием оценки работы театра утверждалась социально–политическая значимость и соответствие его деятельно-

сти официальной идеологии[9]. 13 апреля 1928 г. вышло постановление СНК РСФСР об организации в составе Наркомпроса особого органа – Главискусства, которому надлежало осуществлять идеологический контроль в области литературы, кино, театра и пр.

Майский Пленум Дальбюро ВКП(б) 1928 г. поддержал линию центра. Партийные органы включились в работу по созданию художественных советов, ставших своего рода партийной цензурой[10]. Получили распространение издаваемые в центре единые «репертуарные бюллетени», рекомендовавшие к постановке «идеологически выдержанные пьесы». В январе 1935 г. в Хабаровске состоялось краевое театральное совещание бюро крайкома ВКП(б), первоочередной задачей которого писатель А. Фадеев определил «вопросы создания и воспитания художественной интеллигенции рабочего класса и колхозного крестьянства, ...так как искусство театра проникает в глубокие толщи народа»[11].

На следующем подэтапе (1936–1941), когда в основу государственной политики легли массовые необоснованные репрессии, руководящую силу обрели указания Сталина о необходимости перехода искусства к «методу социалистического реализма», принятого на уровне всех регионов, в том числе и Дальнего Востока[12]. В годы Большого террора в театральных коллективах, как и во всех других слоях общества, прошла репрессивная «чистка», были арестованы многие талантливые актеры, режиссеры, руководители[13]. Осенью 1937 г. в газетах «Тихоокеанская звезда», «Тихоокеанский комсомолец» появились «разоблачающие» статьи о «проклятых врагах социализма..., пролезших на подмостки сцен, закопавшихся в театральных коллективах»[14]. Репрессии способствовали окончательному становлению «однородности» театрального дела в СССР. В результате репертуар и режиссура везде были одинаковы и определялись не самим творческим коллективом, а общегосударственной политикой. Даже в проходивших ежегодно соревнованиях на лучший спектакль разными коллективами выставлялись одни и те же пьесы.

Реализация указа Всесоюзного комитета по делам искусств «О стационировании» (1938) привела к закреплению творческих кадров в театрах региона, что лишний раз свидетельствовало об усилении контроля со стороны государства. Театральная инфраструктура стремительно развивалась «вширь». Открывались новые театры (пик их роста пришелся на две первые пятилетки), выделялись специализированные – детские, колхозно–совхозные, угольщиков, армейские, национальные (китайский, корейский, нанайский, еврейский) и др.[15] Правда, корейские и китайские театры вскоре прекратили свою деятельность на Дальнем Востоке в связи с депортацией этих этнических групп[16].

Советская классика заняла прочные позиции в театральном искусстве. Непременной составляющей репертуара дальневосточных театров были пьесы отечественных драматургов, поднявшихся на волне революционного искусства 1920-х гг. (А. Афиногенова, В. Иванова, В. Маяковского, Б. Лавренева, К. Тренева, В. Билль–Белоцерковского и др.), а также вошедших в историю советского театра в конце 1920-х – 1930-е гг. (А. Корнейчука, Н. Погодина, В. Вишневского и др.).

Литература Дальнего Востока, оплодотворенная идеей патриотизма, осваивала оборонную, историко–революционную, производственную тематику, историю освоения ДВК и социалистического строительства[17]. Уже в 1936 г. Хабаровская краевая драма берёт к постановке пьесы местных авторов – «Радость» Федотова, созданную на материалах Дальлага и БАМа, повествующую о том, «…как происходит процесс перековки и приобщения правонарушителей к творческому созидательному труду»[18], и пьесу «Сергей Лазо» о дальневосточных партизанах.

Во второй половине 1930-х гг. расширилась сеть контроля и ужесточилась цензура. Помимо разного рода литературных отделов (литов) и контрольных комиссий Агитпропа на основании постановления Президиума ДКИК от 15 июня 1938 г. «Об организации контроля за репертуаром и зрелищами» создавались специальные репертуарные комиссии, имевшие статус политических контролеров[19]. Были запрещены и изъяты из репертуара долгое время с успехом шедшие в дальневосточных театрах «Тетушка Чарли» Б. Томаса, «Похищение Елены» Л. Вернейля, «Дни нашей жизни» Л. Андреева, национальные классические пьесы в китайском театре «Красный вал» во Владивостоке и еврейском в Биробиджане («Бойтре», «Магодов», «Пурим Штель» Кульбака и др.)[20].

Государственная сеть дальневосточных театров сложилась в основном в первой половине 1930-х гг., но Управление по делам искусств СНК РСФСР планировало создать новые в 1939 – начале 1940-х гг. Только в Приморье за два года число профессиональных театров выросло с двух до девяти (краевой им. М. Горького, краевой ТЮЗ, кукольный во Владивостоке, угольщиков в Сучане, драматический в Ворошилове (совр. Уссурийск) (Спасский колхозно–совхозный театр уже влился к тому времени в его состав), Первой Краснознамённой армии, ТОФ, Приморской железной дороги…

Следующий подэтап (1941–1945) совпадает с годами войны. На фоне заметного ослабления диктатуры происходит возвращение традиционных ценностей, Лёгкая «оттепель» сыграла свою положительную роль в годы Великой Отечественной войны, и только патриотизм на театральных сценах доходил порой до великодержавного шовинизма. Число дальневосточных театров заметно сократилась (из 22 осталось 12) за счёт их укрупнения. Отсутствие военных действий на Дальнем Востоке в период ВОВ позволило открыть летом 1944 г. театр для детей и юношества в Хабаровске, а на Сахалине в 1945 г. Охинский театр рабочей молодёжи был преобразован в областной драматический театр.

Репертуару придавалось огромное значение, так как основной творческой задачей театров в годы войны являлось поднятие боевого духа личного состава ТОФ и Красной Армии. В те годы появилось немало горячих, живых пьес о людях на войне. Возможно, их художественные особенности оказались не столь велики, но написаны они были с душой и доходили до зрителя основным своим замыслом. Учитывая, что среди призывников процент малограмотных и неграмотных был достаточно высок[21], театральные представления не должны были отягощаться излишним психологизмом и философствованием. Когда на Дальнем Востоке в 1945 г. начались военные действия против милитаристской Японии, потребовались новые формы театральной работы[22]. Актёры двинулись вслед за своими зрителями – на

фронт. В регионе работал и гулаговский театр, который выполнял свою миссию – содействовать выполнению и перевыполнению заключенными производственных планов.

Последний подэтап (1946–1953) в рамках сталинской эпохи проходит под метафоричным делением художников на патриотов и «безродных космополитов». Отдельной вехой можно выделить Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. В театрах страны начались повсеместные проверки. На Дальний Восток направили корреспондента газеты «Гудок» с инспекцией театров двух железных дорог – Амурской и Приморской. Заключение инспектора безапелляционно утверждало, что эти театры «не являются пропагандистами советской идеологии и морали»[23]. В феврале 1947 г. в Приморье состоялось краевое совещание работников искусств по итогам выполнения репертуарного постановления, которое, как и следовало ожидать, «вскрыло ряд существенных недостатков»[24].

Не ограничиваясь идеологическими решениями, партийно–государственные органы использовали и экономические аргументы. 4 марта 1948 г. было принято Постановление СМ СССР «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансово-хозяйственной деятельности». С 15 марта 1948 г. на полную самоокупаемость перевели 646 театров страны, что очень скоро привело к снижению качества спектаклей. Под данное постановление легко подвели ликвидацию в 1949 г. еврейского театра им. Л. Кагановича в Биробиджане – «по причине нерентабельности»[25]. На ниве борьбы с «безродным космополитизмом» закрыли японские и корейские театры на Сахалине[26].

Активнее прежнего на сценах дальневосточных театров поднимается местная тема: в Хабаровском краевом театре ставят пьесы хабаровчанина Н.М. Рогаля «…о том, как трудящиеся Дальнего Востока под руководством компартии в годы Гражданской войны героически боролись против американо–японских интервентов и белогвардейцев»[27], Н.Е. Шундика («Таёжная быль»), В.Н. Иванова («Порт–Артур») и др.

Пятый этап (1954–1963) характеризуется как «господство позднего идеала всеобщего согласия». Это период, с которым связывают т.н. оттепель, рождение «шестидесятничества» и диссидентства. Дальневосточным театрам, творившим на периферии, не суждено было включиться в это общекультурное течение центра. Известен всё же один любопытный факт творческой смелости: на сцене Хабаровского театра драмы в 1955 г. поставили сатирическую комедию Назыма Хикмета «А был ли Иван Иванович?», «…вскрывающую сущность культа личности и многих других недостатков в нашем обществе»[28].

Пребывая в вечной рутине производственных задач[29] (обслуживание планового количества зрителей, прокат определённого числа спектаклей и постановка новых, гастрольные выступления с непременным охватом сельского жителя и т.д.), коллективы театров не могли победоносно завершить всё намеченное, время от времени инспектирующие органы подвергали их жёсткой критике за «крупные недостатки в формировании высококачественного репертуара», а именно за «отсутствие в репертуаре спектаклей на генеральную тему современности – о героическом труде советских людей и

их борьбе за строительство коммунизма». В справке по приморским театрам за 1959 г. объясняется, что причина этого – «недооценка роли художественных советов»[30].

Производственные планы многих театров содержали обязательный пункт об усилении работы по созданию репертуара на современную тему. На сценах дальневосточных театров в эти годы шли «Время любить» Б. Ласкина, «Цветы живые» Н. Погодина, «Таня» и «Иркутская история» А. Арбузова, «Суровая любовь» А. Чаковского, «Мать своих детей» А. Афиногенова, «Опасный возраст» С. Нариньяни, «Пять вечеров» Володина и др.

Завершающий этап истории советского театра (1964–1985) авторы периодизации определили как «господство позднего умеренного авторитаризма». Дальневосточный театр фактически всегда шёл «по стопам» центральных городов Союза, правда, с некоторым отставанием. В середине 1960-х гг. многие из театральных коллективов региона удостоились чести показаться на столичных сценах, что, безусловно, сыграло большую роль в творческом продвижении периферийных театров. На наш взгляд, в рамках данного этапа можно выделить три подэтапа.

Характеризуя театральную жизнь страны в середине 1960-х гг., В. Жидков пишет о диссидентстве не только в искусстве, но и в самой жизни. На сценах Москвы и Ленинграда ещё звучат некоторые отголоски хрущёвской «оттепели» – поэтически–романтические мотивы, но творческое инакомыслие как таковое отсутствует. Дальневосточники в эти годы ставили С. Алёшина («Палата»), А. Афиногенова («Машенька»), А. Арбузова («Мой бедный Марат», «Иркутская история») и др. Неоднократно инсценировались произведения хабаровского артиста В. Шаврина, написанные в духе героической романтики 1960-х гг. («Кто друг?», «Разбуженная совесть», «Чудесное превращение», «Семья Плахова», «Девушки с улицы Надежды»). Из зарубежной драматургии театры берут ранее неизвестные дальневосточным зрителям пьесы «Костёр епископа» Ш. О'Кейси, «Мамаша Кураж» Б. Брехта и др.

В 1970-е гг. трансформируются настроения общества – изменяется и тема спектаклей, и форма выражения этих настроений. Происходит дальнейшая эволюция советской культуры, проявляются новые черты, направления, жанры искусства, рождаются новые талантливые имена (В. Распутин, В. Астафьев, В. Шукшин, Ю. Бондарев, В. Быков и др.). В советской литературе впервые напишут пронзительную правду о деревне, о прошедшей войне, отдавая дань «простому человеку».

Театральное искусство в 1970-е гг. развивается в русле импульса, заданного в предыдущие годы. Одной из самых «модных» в первой половине 1970-х остаётся т.н. производственная тема, намечен интерес к социальным вопросам, проблеме человека, его нравственным исканиям. На сцене хабаровского ТЮЗа инсценирована повесть В. Распутина «Последний срок» «о смысле существования человека на земле»[31]. Тема молодёжной романтики («Иркутская история» А. Арбузова) берётся Камчатским областным театром к постановке в качестве подарка к XXIV съезду партии, что само по себе непривычно[32]. Зональные совещания Всероссийского театрального общества обходятся уже без кричащего политического пафоса. Например, в рамках такого форума, проводившегося в Петропавловске–Камчатском в 1975 г., в котором приняли участие режиссеры театров Владивостока, Хабаровска,

Благовещенска, Комсомольска–на–Амуре, Магадана, Южно–Сахалинска и театральные критики, главной для обсуждения стала проблема взаимоотношений театра и зрителя.

В центральных городах страны рождается новое для советского театра явление – камерные студийные театры, отличающиеся по творческим целям, эстетике, взглядам на репертуар. Сам факт их появления – предтеча грядущей творческой свободы, которая придет в театральное искусство страны в конце 1980-х гг.

Скрытые резервы шестидесятников обнаруживаются как раз в середине 1980-х гг. – в творчестве таких авторов, как А. Рыбаков, А. Жигулин, М. Шатров. Их произведения брались к постановке театрами всей страны, включая дальневосточные. 1980-е гг. связывают с началом плюрализма в культуре и искусстве, когда партийно–государственная система уже не могла остановить развитие новых явлений в советском искусстве.

Завершая краткий обзор истории советского театра на Дальнем Востоке, важно отметить: искусство в основном было послушно, но тоталитарная власть натыкалась и на противодействие. Несмотря на отсутствие каких–либо иллюзий относительно большевистского социального эксперимента (особенно в эпоху Сталина), нелепо отрицать, что и в эти годы искусство жило своей жизнью, пополняясь достойными работами, созданными как благодаря, так и (чаще) вопреки «заботе партии и правительства».

---

1 Жидков В.С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». М.: Алетейа, 2003.

2 Шавгарова А.В. Становление и развитие театральной культуры на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс… канд. ист. наук. Владивосток, 2002.

3 См.: Осипова Э.В.Театральная жизнь Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 48 – 55.

4 Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в. Очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 129.

5 Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции. 1928–1937 гг. Томск, 1971. С. 355 – 358.

6 Гамалей С.Ю. Государственная политика в области театрального дела на советском Дальнем Востоке: 20-е – 30-е гг. XX века: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2005.

7 Поправка. Покончить с безобразным отношением к театру. (Письмо режиссера) // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1933. 10 окт.

8 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: Изд–во АПН, 1989. С. 146.

9 Культурная жизнь в СССР. 1928–1941. Хроника. М., 1976. С. 32.

10 Цит. по: Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России… С. 134.

11 Фадеев А. Заметки о театре. К краевому театральному совещанию // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1935, 12 янв.

12 Бронский В.Е. Краевой драматический театр перед новым сезоном // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1936. 16 сент.
13 См.: Козлов А.Г. Театр на северной земле. Очерки по истории магаданского музыкально–драматического театра им. М. Горького (1933–1953 гг.). Магадан: Магаданская обл. типография, 1992.
14 Дьяков Б. Под вывеской музыкальной комедии // Тихоокеанская звезда. 1937. 13 сент.; Воробьёв Н. О делах в музкомедии // Тихоокеанский комсомолец. 1937. 12 окт.
15 См.: Осипова Э.В. Театральная культура Приморья в период государственного стационирования // Владивосток: история и современность: материалы науч.–практ. конф. Владивосток, 2011. С. 93–100.
16 См.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-е – 1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 228 – 233. 262 – 269; Королёва В.А. Корейский театр на Дальнем Востоке России // Вестник центра корееведческих исследований ДВГУ. Владивосток, 2001. №1. С. 164 – 170; Её же. Художественная культура Приморья (музыка, театр). Этнический аспект и особенности динамики // Гуманитарные исследования: Альманах. Уссурийск: Изд–во УГПИ, 2002. С. 125–140.
17 Цит. по: На рубеже. Хабаровск. 1934. № 2. С. 123.
18 Бронский В.Е. Краевой драматический театр перед новым сезоном // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1936. 16 сент.
19 РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 3710. Оп. 1. Д. 1. Л. 15; Ф. 2444. Оп. 1. Д. 290. Л. 113.
20 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 1291. Оп. 1. Д. 4. Л. 32–33.
21 Ткачёва Г.А. Оборонно–экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 63.
22 См.: Осипова Э.В. Дальневосточные театры накануне, в годы войны и в послевоенное время // Россия и АТР. Владивосток. 2005, № 3. С. 25–38.
23 Григорьев О. О репертуаре двух транспортных театров // Гудок. М., 1946. 11 окт.
24 Ширяев К. Важные задачи приморских театров // Красное знамя. Владивосток, 1947. 26 февр.
25 ГАЕАО (Гос. арх. Еврейской автономной области). Ф. 148. Оп.1. Д. 28. Л. 3.
26 Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.4). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 374–375.
27 Наши планы // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1952. 26 окт.
28 Бенкендорф С. В новом сезоне // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1955. 20 окт.
29 Плисецкая С. Творческий опыт одного театра // Советская культура. 1954. 31 авг.; Павлов А. Без знания дела // Там же. 1955. 16 нояб.
30 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 1259. Оп.1. Д. 66. Л. 126, 138, 139.
31 Ангарская Н. Настоящий, верный друг // Биробиджанская звезда. 1979. 23 дек.
32 Левиков А. Страстный рупор // Камчатская правда. Петропавловск–Камчатский, 1971. 27 марта.

О.П. ФЕДИРКО

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР В 1930–50-х гг – ПРОВОДНИКИ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ АГИТАЦИИ

Статья посвящена истории советских общественных организаций, занимавшихся антирелигиозной пропагандой, среди них: Союз воинствующих безбожников, Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР, Всесоюзное общества по распространению политических и научных знаний, Всесоюзное общество «Знание».

Ключевые слова: религия, антирелигиозная пропаганда, идеология, общественные организации.

В СССР история общественных организаций, занимавшихся пропагандой знаний, в т.ч. и идеологических, тесно связана с политикой большевиков, стремившихся построить новое советское государство. С первых дней своего существования советская власть воспринималась населением России неоднозначно, поэтому власть всегда уделяла большое внимание агитации и пропаганде своей политики. Это проявилось, прежде всего, в массовых идеологических кампаниях в годы Гражданской войны и новой экономической политики (НЭП). Но серьезным препятствием этому стал низкий уровень грамотности широких масс населения, в связи с чем в конце 1920-х гг. в СССР начинается массовая борьба с безграмотностью, которая позволила, во–первых, повысить образовательный уровень населения страны, а во–вторых, подготовить его для вовлечения в намеченные партией преобразования. Большое место в идеологической обработке масс отводилось борьбе с религией.

27–29 апреля 1926 г. в Москве состоялось первое организованное ЦК ВКП(б) совещание по антирелигиозной пропаганде с участием ответственных работников ЦК партии, членов антирелигиозной комиссии ЦК, представителей Главполитпросвета, ЦК ВЛКСМ, Центрального совета безбожников, центральных издательств, видных пропагандистов Москвы и партийных работников из разных районов страны. На нем были определены «содержание, формы и методы пропаганды атеизма в условиях социалистического строительства». Решения совещания были утверждены секретариатом ЦК ВКП(б). Из опубликованных тезисов совещания следовало, что «антирелигиозная пропаганда должна строиться на точном учете и научном марксистском понимании всех особенностей переживаемого момента, на фоне которых возможны такие противоположные явления, как рост безбожия и усиление религиозности»[1].

Осуществление антирелигиозной пропаганды возлагалось на образовательные учреждения, партийные и комсомольские органы и лишь частично на общественные организации, самой известной из которых был Союз безбожников (позже – Союз воинствующих безбожников). Его возникновению предшествовал ряд общественных организаций и кружков. В 1924 г. образуются кружки «Безбожник», «Атеист», ячейки Союза безбожников и общество друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). В марте 1924 г. при горкоме РКП(б) в г. Чите успешно работало, научное объединение безбожников, которое собрало вокруг себя всех лекторов–атеистов[2].

В апреле 1925 г. был созван первый всероссийский съезд корреспондентов газеты «Безбожник» и общества друзей газеты «Безбожник». Можно считать, что это первый антирелигиозный съезд, который положил начало Союзу безбожников[3]. На съезде была утверждена организационная структура СБ: избираемый ЦК (40 чел.), Исполнительное бюро (Исполбюро – 11 чел.), рабочий президиум с отделами: организационным, агитационным, иностранным, научно–методическим, национальным[4].

Партийные и советские органы признавали весьма эффективным метод использования в целях атеистического воспитания трудящихся самих трудящихся. Однако то, как они это делали, ожидаемых положительных результатов принести не могло. СБ, впрочем, как и любая другая общественная организация, был несамостоятельным и функционировал под строгим партийным и административным контролем. Этого не скрывали и сами «безбожники»[5]. Любое принципиальное решение СБ принимал только с согласия партийных органов.

В 1924 г. агитпроп Далькрайкома дал указания местным ячейкам РЛКСМ организовывать Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ)[6]. В том же году они и начали создаваться[7]. Существуют две точки зрения на то, где и когда на Дальнем Востоке впервые созданы ячейки СБ и ОДГБ. В.С. Флеров утверждает, что в 1925 г. на базе Общества друзей газеты «Безбожник», а также естественнонаучных и антирелигиозных кружков первые ячейки СБ появились в селах Овсянка, Ивановка и Каменка Амурской области, с. Бусево Приморской области[8]. По мнению И. Узкова, Владивостокский окрсовет СБ начал работу 6 февраля 1926 г., а марте того же года подключились Владивостокский городской совет СБ и семинария для подготовки антирелигиозного актива[9].

Нам представляется, что вторая точка зрения имеет больше оснований, т.к. 2 сентября 1926 г. по инициативе Дальбюро ЦК ВКП(б) состоялось первое заседание Временного краевого совета союза безбожников в г. Хабаровске. В него вошли Мартынов (председатель), Стадниченко (секретарь), Колпакова, Довгаль и Сизых. На заседании оговаривались вопросы финансирования. Средства на антирелигиозную пропаганду планировалось получить от Политпросвета и из членских взносов СВБ, получаемых ячейками. Главной задачей краевого совета объявлялась организация ячеек Союза в Хабаровске. Через месяц Совет вновь собрался для обсуждения информации с мест о наличии ячеек СБ в крае. Из Николаевского окружкома ВКП(б), Камчатского и Амурского Окрбюро сообщалось, что ячеек безбожников в этих округах нет. И только в протоколе №3 временного краевого совета СБ появляется информация Владивостокского и Амурского окрсоветов о создании ячеек СБ соответственно 9 и 26 октября 1926 г.[10]

При непосредственном участии краевого совета СБ возникают Амурский (26.10.1926), Хабаровский (17.12.1926), Сретенский (2.09.1926), Сахалинский (24.01.1927), Читинский (9.09.1927), Камчатский (30.10.1927), Николаевский (27.10.1927) и Зейский советы СБ. Активно начали работу оформившиеся через созыв конференций (Амурская – март 1927 г., Владивостокская – январь 1928 г.) организации, они становятся самыми крепкими в крае. Другие же, как Хабаровский, Читинский, Камчатский, СБ работали без особых успехов. Третьи (Сретенск, Николаевск, Зея) несколько раз разваливаются и создаются снова[11]. Временный окружной совет союза безбожников в октябре 1927 г. был создан и в Петропавловске–Камчатском[12]. В 1926 г. при сахалинском окружкоме ВКП(б) образовалась инициативная группа и возникла первая ячейка СВБ, объединявшая 35 чел.[13]

До 1929 г. работа, однако, велась вяло, многие ячейки существовали лишь на бумаге. Антирелигиозное движение в это время оживлялось лишь в дни ударных кампаний: антипасхальной, антирождественской и т.п. В составе ячеек преобладали партийцы и комсомольцы, беспартийные вовлекались мало. На наш взгляд, деятельность Временного краевого совета союза безбожников носила номинальный характер. Несмотря на декларацию многих идей, практического результата краевой совет союза не достиг. Процесс создания ячеек СБ на этом этапе был связан с инициативой отдельных лиц, веривших в идеалы советского строя.

В 1927 г. Сталин, выступая на XV съезде ВКП(б), заявил, что партия ослабила антирелигиозную борьбу. Заявление, по сути, являлось программным. Партия уже приступила к осуществлению «триединой» задачи построения социализма и в тот момент разворачивала борьбу за коллективизацию крестьян, и определяла в ней своих союзников и противников. Место духовенства в этой диспозиции находилось в лагере врагов – «кулаков» и «нэпманов».

Изменение курса партии в антирелигиозной борьбе повлекли за собой преобразования в общественной сфере. Учитывая масштабность и характер задач, поставленных государством, общественное объединение на II съезде в 1929 г. изменило название и стало «Союзом воинствующих безбожников» (СВБ)[14]. Фактически СВБ становится не просто общественной организацией, а проводником государственной политики в области религии.

По мнению Е. Ярославского, «чтобы выполнить по–настоящему свои задачи, СБ должен связать свою работу с общими задачами классовой борьбы. Отсюда сама собой вытекает и постановка задач агитации и пропаганды. СВБ не является узко пропагандистским обществом. Это массовая организация для практической борьбы с религией». В организационном плане был взят курс на резкое увеличение числа воинствующих безбожников: «не сотни тысяч рабочих, крестьян и красноармейцев должны быть вовлечены в «Союз безбожников», а миллионы»[15]. Изменилась структура СВБ, созданы отделы: агитационно–массовый, межрабсвязи, инфорсектор, национальный, школьно–пионерский[16].

В 1931 г. на исполкоме ЦС СВБ в докладе Е. Ярославского звучит фраза «религиозный фронт». Для наступления на религию требовались специально подготовленные кадры, которые предстояло обучить, и Ярославский вновь ставит такую задачу перед СВБ, особенно перед низовым активом[17].

В этом контексте у высшего руководства в СССР появилась идея неофициально начать в 1932 г. «безбожную пятилетку». Были выдвинуты лозунги: «Пятилеткой по религии», «Религия – тормоз пятилетки», «Пятилетка – ступень к безрелигиозному обществу», «Борьбой с религией поможем выполнить пятилетку»[18]. В результате «безбожной пятилетки» планировалось в 1936 г. закрыть последнюю церковь, а к 1937 г. – «добиться того, чтобы имя Божие в России вообще перестало упоминаться»[19].

Антирелигиозная пропаганда не была целиком отдана только массам трудящихся. Ее обеспечивали коммунистические академии, институты, курсы, семинары. В январе 1929 г. на историческом отделении факультета языкознания и материальной культуры в Ленинградском государственном университете открылись двухгодичные курсы антирелигиозников[20]. В декабре 1930 г. состоялся первый выпуск специалистов – 14 человек. Одного выпускника направили для работы в Хабаровский государственный педагогический институт[21]. В 1930 г. при Коммунистической академии было образовано «Общество педагогов–марксистов», целью которого стало распространение марксистско–ленинского понимания сущности антирелигиозной политики государства среди населения. Общество имело филиал в г. Благовещенске[22].

В 1935 г. Е. Ярославский, подводя итоги десятилетия существования СВБ, заявил, что в «результате систематической антирелигиозной пропаганды ОВБ на основе программы ВКП(б) и решений партии по вопросам антирелигиозной пропаганды достигнуты громадные успехи…, число безбожников в СССР стало исчисляться миллионами, а теперь по крайней мере около 1/2 населения полностью или частично порвало с религией». Но при этом отмечалось, что религия сохранила свои позиции, преимущественно в сельской местности, и объяснение этому Ярославский искал в трудах Ленина. «Подтверждается правильность ленинского положения, что в современном обществе (Ленин писал о капиталистическом обществе) корни религии главным образом социальные. В социалистическом обществе, в СССР, где еще не ликвидированы полностью капиталистические элементы – кулачество, единоличники – социальные корни религии значительно подрезаны, обессилены. Религия вынуждена цепляться за остатки капиталистических элементов, но она цепляется еще за отсталость, за быт, в котором не везде еще произошла коренная революция и т.п. Ленин имел в виду и бессилие крестьянина перед стихийными силами природы». В связи с этим Ярославский задается вопросом, на который сам и пытается ответить: «Понадобится ли еще одно только десятилетие этой борьбы, чтобы мы могли сказать, что в СССР с религией покончено? Мы уверены, мы знаем, что это десятилетие будет еще более мощным, победным шествием социализма по пути окончательной победы»[23].

В этой программной статье Ярославский ставит задачи перед Союзом на следующее десятилетие. «СВБ предстоит большая работа: поднять качество антирелигиозной пропаганды, сделать ее глубже, основательнее, привлечь к аргументации более серьезные научные материалы». «Выработать кадры пропагандистов. Создать высококачественную массовую литературу. Привлечь новые силы – из среды отличников, стахановцев, знатных, лучших людей страны. Обратить внимание в антирелигиозной пропаганде особен-

но на новые, нетронутые еще пропагандой слои, особенно в более отсталых национальных районах. Качеству устной пропаганды, качеству литературы, качеству и глубине содержания наших выставок и музеев надо уделить больше всего внимания. Надо следить внимательно за всеми приемами приспособления церкви и религии. Надо выбивать врага из последних убежищ. Ни на одну минуту мы не забываем, что борьба наша за атеизм есть только одно из проявлений борьбы за полную и окончательную победу социализма»[24].

Однако чуть позже в 1937 г. Далькрайком ВКП(б), оценивая антирелигиозную пропаганду, констатировал: «Антирелигиозная работа в крае отсутствует. Обкомы, горкомы и райкомы партии недооценивают политического значения антирелигиозной работы. Церковники, сектанты усилили свою реакционную деятельность, особенно в районах: Иман, г. Ворошилов, Биробиджан и др.»[25]

Начавшаяся Великая Отечественная война заставила государство пересмотреть свое отношение к религии. Последний номер «Безбожника» вышел в июле 1941 г. В 1943 г. Сталин обращается к Русской православной церкви с призывом к примирению. В этих условиях агрессивная деятельность СВБ вступила в диссонанс с государственной политикой и постепенно утратила свое значение. И хотя формально Союз воинствующих безбожников был распущен в 1947 г., фактически его деятельность прекратилась с началом Великой Отечественной войны.

Однако необходимость в идеологическом просвещении сохранялась и в военных условиях. Работа эта проводилась на фронтах как армейскими политработниками, так и выездными бригадами тыла. Особое внимание уделялось пропаганде и агитации в тылу, направленным на мобилизацию трудовых ресурсов для победы. К началу второго периода Великой Отечественной войны возникла необходимость скоординировать эту работу, и постановлением СНК от 31 июля 1943 г. было создано Лекционное бюро (ЛБ) при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. Задача ЛБ формулировалась следующим образом: «...организация публичных платных лекций в г. Москве и по всей стране о международном положении, текущих военно–политических событиях, по историческим, военно–историческим и другим вопросам»[26].

Для конкретизации задач, поставленных перед Лекционным бюро, ЦК ВКП(б) 27 сентября 1944 г. принимает Постановление «Об организации научно–просветительской пропаганды». Среди причин, вызвавших его появление, указывалось слудующее: «В годы войны много партийных организаций, направляя все силы на обеспечение победы над фашизмом, уменьшили внимание к делу научно–просветительской пропаганды среди населения. В стране усилилась деятельность церкви, религиозные пережитки расширились среди части населения, особенно в районах, которые были оккупированы». «С целью коренного улучшения постановки научно–просветительской пропаганды среди населения ЦК ВКП(б) постановляет: ...Среди населения, особенно на селе, надо широко практиковать организацию лекций, проведение бесед и читку вслух популярных брошюр и статей про устройство вселенной, про происхождение Солнца и Земли, про основные астрономические явления, ... о происхождении и жизни растений и животных, ... об энергии и ее использовании и т.д.»[27]

Распоряжением СНК СССР от 2 сентября 1945 г. ЛБ было переименовано во Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. В 1946 г. оно перешло в ведение Министерства высшего образования СССР.

В связи с созданием Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (ВОРПНЗ) 7 июля 1947 г. Всесоюзное лекционное бюро прекратило свое существование. Новой структуре были переданы имущество, оборудование, фонды и функции Всесоюзного лекционного бюро и Союза воинствующих безбожников, Московский политехнический музей, Политехническая библиотека[28].

В январе 1948 года в Москве состоялся первый съезд ВОРПНЗ. В Уставе было записано, что членам общества могли быть лица, читающие лекции по тематике (и текстам), одобренной руководством общества, участвующие в устройстве научных опытов, выставок, а также оказывающие Обществу другие виды помощи. В последующих уставах этот важный пункт исчез. Съезд одобрил мероприятия по изданию журнала «Наука и жизнь» и подготовку издания общедоступной энциклопедии. Вскоре одно за другим возникли 14 республиканских обществ по распространению политических и научных знаний, а в 1957 г. и 15-е общество – всесоюзное. И хотя среди задач специальный пункт об антирелигиозной пропаганде не был обозначен, она подразумевалась авторами данного документа.

На Дальнем Востоке отделения ВОРПНЗ начинают создаваться с 1947 г., первые – в Приморском и Хабаровском краях, Якутии и на Колыме. История Амурского областного отделения начинается с апреля 1948 г., когда в Благовещенске было создано Амурское областное общество краеведов. В мае того же года вышел в свет первый номер «Блокнота агитатора» (издание отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б)). И только в октябре 1949 г. создано Амурское областное отделение ВОРПНЗ. Последним в 1954 г. на смену Колымскому появилось Магаданское областное отделение.

В отчетах региональных отделений ЛБ содержался интересный материал, освещающий тематику антирелигиозных лекций, и рецензии. Так, силами Сахалинского областного ЛБ были прочитаны лекции «Было ли начало и будет ли конец мира» (1947 г. – 6 раз), «Наука и религия о происхождении человека» (1949 г. – 17 раз)[29]. В Петропавловске–Камчатском в 1950 г. состоялась 21 лекция на научно–атеистические темы, а в 1953 г. антирелигиозная лекция была представлена публике 511 раз[30].

После принятия Постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно–атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. антирелигиозная пропаганда выходит на новый уровень с тем обоснованием, что «борьба против религиозных предрассудков в настоящее время должна рассматриваться как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучного, религиозного мировоззрения...»[31].

В секретном Постановлении ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно–атеистической пропаганды»« от 4 октября 1958 г. отмечалось, что ВОРПНЗ, министерства культуры СССР, высшего образования СССР, просвещения союзных республик, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «...неудовлетворительно выполняют поста-

новление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г., в котором были определены конкретные задачи этих организаций в деле атеистического воспитания населения страны. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний еще не добилось коренного улучшения в организации лекций на научно–атеистические темы. Госполитиздат, издательство Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, как и другие центральные издательства, совершенно недостаточно выпускают популярной дешевой научно–атеистической литературы. Печатный орган Общества – журнал «Наука и жизнь» – слабо занимается пропагандой естественно–научных и атеистических знаний; мало уделяют внимания пропаганде атеизма журналы «Коммунист», «В помощь политическому самообразованию», «Вопросы философии» и др. центральные и республиканские общественно–политические журналы, а также центральные, республиканские, краевые и областные газеты»[32].

В постановлениях 1954 и 1958 гг. определялись новые задачи, методы и средства антирелигиозной пропаганды, которые должна была реализовать новая общественная организация. В 1956 г. 21 марта состоялся учредительный съезд общества «Знание» РСФСР. Первым председателем Правления был избран академик И.И. Артоболевский. В 1963 г. ВОРПНЗ переименовали во всесоюзное общество «Знание». Постановления и деятельность «Знания» сыграли важную роль в разработке научных методов просвещения и воспитания населения страны.

За короткий временной промежуток в СССР были опробованы различные средства и методы антирелигиозной пропаганды, к реализации которой привлекались партийные и комсомольские работники, профессиональные лекторы. В результате этого поиска наиболее оптимальным проводником идеологической борьбы с религиозными предрассудками становятся общественные организации. Однако прежние довоенные традиции оказались достаточно устойчивыми. За небольшой срок практически невозможно подготовить специалистов в области религиоведения для многомиллионной массы населения. В постсталинский период началась либерализация политического режима, в 1960-е гг. сделана попытка экономических реформ, улучшилось материальное положение населения, вместе с тем в психологии некоторых социальных групп стали развиваться частнособственнические тенденции, а с ними – и соответствующая им религиозная идеология.

---

1 Задачи и методы антирелигиозной пропаганды: Тезисы партийного совещания при ЦК ВКП(б) по антирелигиозной пропаганде// Антирелигиозник. М., 1926. № 8. С. 63.

2 Создано Научное объединение безбожников // Забайкальский рабочий. Чита. 1924. 4 дек. С. 2.

3 Ярославский Е. Десять лет на антирелигиозном фронте. М.: Акц. изд–во «Безбожник», 1927. С. 12.

4 Оленщук Ф. Год работы Союза безбожников // Антирелигиозник. 1926. №4. С. 61.

5 Оленищук Ф. 10 лет работы СВБ // Безбожник. М., 1936. № 1. С. 6.
6 ГААО (Гос. арх. Амурской области). Ф. П–9. Оп. 2. Д. 323. Л. 17.
7 Безбожник. 1924. 23 нояб. С. 2; Красный молодняк. Владивосток. 1925. 22 мая. С. 2; Забайкальский рабочий. Чита, 1925. 17 сент. С. 3.
8 Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск: Том. гос. ун–т им. В. В. Куйбышева. 1964. С. 149.
9 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–67. Оп. 1. Д. 282. Л. 3, 8.
10 ГАКК (Гос. арх. Камчатского края). Ф. П–45. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–3, 7.
11 ГАПК Ф. П–67. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.
12 Полярная звезда. Петропавловск Камчатский, 1928. №3 (544). С. 2.
13 Урсынович С. Религиозные и антирелигиозные движения на Сахалине // Антирелигиозник. 1931. №11. С. 24.
14 Ярославский Е. На одном из боевых участков // Антирелигиозник. 1929. №7. С. 13.
15 Там же. С. 13, 14.
16 ГАРФ (Гос. арх. РФ). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 87. Л.31.
17 Там же. Д. 20. Л. 20, 48.
18 Там же. Оп. 2. Д. 350. Л. 9.
19 Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Изд–во «Царское дело», 1995. С. 315–316.
20 Маторин Н. Кузница безбожников // Антирелигиозник. 1929. №1. С. 32.
21 Покровский А. На пороге третьего года (Антирелигиозное отделение Ленинградского историко–лингвистического института) // Там же. 1931. №4. С. 55.
22 Маторин Н. Кузница безбожников… С. 32.
23 Ярославский Е. К десятилетию СВБ // Антирелигиозник. 1935. №6. С. 2, 3.
24 Там же. С. 4, 5
25 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 1183. Л. 185.
26 Андреев А.В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь–Т, 2003. С. 292.
27 Спутник агитатора. М., 1944. №19–20. С. 28, 29.
28 URL: http://interznanie.ru/files/magazine_pdf/9.pdf (дата обращения: 15.05.2013).
29 ГАСО Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 44.
30 ГАКК Ф. 551. Оп. 1 Д. 4. Л. 34; Д. 8. Л. 7.
31 Спутник атеиста. М.: Госполитиздат, 1961. С. 461.
32 URL: http://www.rusoir.ru/03print/02/239/ (дата обращения: 06.06.2013).

С.М. ДУДАРЕНОК

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ БАПТИСТЫ В ГОДЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

В статье рассматриваются причины и следствия массовых репрессий дальневосточных баптистов в 1930-е гг., дается характеристика инкриминируемого им состава преступлений, особое внимание уделяется широкомасштабным акциям Большого террора против баптистов в Приморье.

Ключевые слова: верующие, баптисты, антисоветская деятельность, репрессии, террор, шпионаж.

С установлением советской власти стали проводиться репрессии священнослужителей и верующих. Однако характер и интенсивность этой политики были неравномерными и менялись в зависимости от политических задач власти. Все это напрямую относилось и к баптистам на Дальнем Востоке. Ощутимое государственное давление на них началось после принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., регулировавшего церковно–государственные отношения. Основные его положения заключались в том, что для регистрации религиозного общества требовалось заявление 20 учредителей, меньшее их число имело право на регистрацию группы. Церковными зданиями и имуществом, которые объявлялись собственностью государства, верующие могли пользоваться на условиях аренды[1].

Дальневосточные баптисты открыто высказали свое недовольство «новой» вероисповедной политикой государства. Так как текст постановления был для них практически недоступен, то баптисты посчитали, что местные власти, вмешиваясь во внутреннюю жизнь религиозных общин и групп, нарушают общесоюзное законодательство, в частности, Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», о чем и следует поставить в известность центральное руководство. Поэтому 27 апреля 1930 г. Дальневосточный союз баптистов (ДВ СБ) обратился с жалобой на имя прокурора республики на «неправомерные» действия дальневосточных органов власти. Отмечалось также, что у многих общин отобраны молитвенные дома, построенные на средства верующих: в г. Александровске, селах Андреевка, Антоновка, Райчиха, Смирновка Амурского округа, г. Свободном и пос. Ново–Охочи Зейского округа, селах Александро–Михайловка и Константиновка Хабаровского округа; под угрозой этого находились общины с. Куропаткино Амурского округа и г. Благовещенска. Лишились арендованных помещений хабаровская и владивостокская общины. Пытаясь объяснить причины, по которым они не могли руководствоваться постановлением, верующие приложили к своей жалобе брошюру «Правила для баптистских общин».

В ответ на это юрисконсульт Далькрайисполкома Харевич составил заключение, в котором вежливая просьба баптистов была представлена не только как нарушение закона, но и как одна из форм антисоветской деятельности[2]. Секретарь ДКИК Евсюков, считая жалобу безосновательной, т.к. «приводимые в ней ограничения в деятельности Союза баптистов … находятся в полном соответствии с существующим законодательством», выразил «недоумение» по поводу того, «как мог Крайлит дать разрешение на печатание и распространение» приложенных к жалобе «Правил для баптистских общин», которые «являются переводом из заграничных церковных изданий 1906 г.» По мнению Евсюкова, «указанные Правила для органов власти необязательны и никакого юридического значения иметь не могут, но, … учитывая наличие целой сети баптистских организаций в сельских районах ДВК и изощряемость баптистских проповедников…», секретариат ДКИК попросил «проверить, не выдавались ли Крайлитом еще разрешения на печатание подобного рода изданий»[3].

В марте 1930 г. ДКИК разослал циркуляр «О соблюдении установленного порядка разрешения вопросов о закрытии церквей». В документе высказывалось недовольство краевых властей антирелигиозной пропагандой на местах. Недовольство было особого рода, ДКИК требовал продолжать эту работу так, чтобы от верующих шло меньше жалоб, особенно в центральные партийные и советские органы[4]. Тем самым оформился метод двойных стандартов: официально декларировать уважение чувств верующих, а по факту требовать от местных органов усиления и ужесточения антирелигиозной работы, особенно по отношению к «сектантам».

Эффективность антирелигиозной работы на Дальнем Востоке оказалась невысокой. В 1930 г. Далькрайком ВКП(б) принял решение снять руководство дальневосточного совета «Союза воинствующих безбожников» (СВБ), а также предупредило райкомы партии, что в случае дальнейшего игнорирования ими антирелигиозной пропаганды к ним будут приняты меры партвоздействия[5]. В 1930–1931 гг. на Дальнем Востоке произошла смена руководства и в ряде местных организаций СВБ[6]. Однако эти действия не принесли ожидаемых результатов.

Открытое выступление против постановления «О религиозных объединениях» привело к тому, что именно баптистские общины и группы российского Дальнего Востока в целом и Приморья в частности, как наиболее организованные, первыми попали под пресс государства. Об этом свидетельствуют следующие цифры: на 1 января 1930 г. на Дальнем Востоке СССР действовало 192 баптистских общин и групп, работали 227 служителей культа, 1 января 1931 г. – соответственно 139 и 97, 1 июля 1931 г. – 102 и 72, 1 января 1932 г. – 44 и 34[7]. Значительная часть баптистских пресвитеров и проповедников была привлечена к уголовной ответственности.

Арест и осуждение руководителей религиозных объединений и активных верующих происходили, как правило, на основании ст. 58УК РСФСР, чаще всего по примечаниям 10 и 11: шпионаж, активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные при царском строе или при контрреволюционных правительствах в период Гражданской войны. Они предусматривали наказания в виде лишения свободы от трех лет и более, вплоть до высшей меры.

Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 15 февраля 1930 г. предписывало местным органам власти усилить контроль над руководителями общин, а «враждебных советскому строю» лиц исключить из актива религиозных объединений. На этом основании Дальневосточное полпредство ОГПУ сформулировало основные причины, по которым можно было выносить обвинительный приговор. К ним относились: антисоветская деятельность церковников и «сектантов», сектантская пропаганда среди населения, проникновение их в советские учреждения, распространение «контрреволюционных провокационных» слухов, противодействие политическим мероприятиям партии и государства, агитация против налоговой политики государства, связь с зарубежными эмигрантскими организациями и зарубежными контрреволюционными белоэмигрантскими центрами и иностранными разведками[8].

В период с 1931 по 1939 г. были арестованы, осуждены или высланы практически все члены Дальневосточного союза баптистов*. Одновременно конфисковывалось принадлежавшее им имущество, в т.ч. дома и библиотеки. Членов их семей лишали работы, продуктовых карточек, ссылали, детей помещали в детские дома для воспитания в «атеистическом духе». Обезглавленные общины закрывались, большинство их на Дальнем Востоке официально прекратили свое существование к 1932 г., а Дальневосточный союз баптистов – в 1933 г.

Размах репрессий можно наглядно представить на примере Приморья. Здесь в начале 1930-х гг. баптистские общины оставались активными и жизнеспособными. В феврале 1930 г. подали документы на перерегистрацию 55 учредителей второй владивостокской общины баптистов во главе с М.В. Петровым, а 31 августа 1931 г. – 36 учредителей первой владивостокской общины во главе с П.Д. Скворцовым[9].

Выполняя постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами…», приморские органы власти стали активно выискивать среди руководителей религиозных организаций лиц, «враждебных советскому строю». 25 января 1930 г. был арестован М.В. Петров[10]. В заключении он провел 1 год и 3,5 мес., после чего отпущен, через некоторое время ему удалось бежать в Маньчжурию. Вероятно, именно его арест и обвинение по ст. 58–10 (шпионаж) привели к тому, что вторую владивостокскую общину сняли с регистрации и с середины 1930 г. она больше не фигурировала в официальных документах. Часть верующих присоединилась к первой общине, другая проводила молитвенные собрания самостоятельно.

---

* Винс П.Я., пресвитер общины г. Благовещенска, первый заместитель председателя ДВСБ, первый арест – в 1930 г., второй – в 1936 г., третий – в 1937 г., расстрелян в 1937 г.; Коныгин И.Н., благовестник ДСБ, арестован в 1934 г., умер в заключении; Косицын В.В., проповедник и дьякон благовещенской общины, арестован в 1932 г., умер в заключении; Мартыненко А.П., пресвитер общины г. Уссурийска, первый арест – в 1931 г., второй – в 1933 г., третий – в 1937 г., расстрелян в 1937 г.; Шипков Г.И., пресвитер благовещенской общины, сослан в 1936 г. в Омск, где был арестован и умер в 1939 г. в заключении; и др.

Осенью 1929 г. первая владивостокская община лишилась арендованного молитвенного помещения, зачисленного в муниципальный жилищный фонд. Верующие были вынуждены проводить молитвенные собрания в частных домах и на квартирах, постоянно обращаясь в милицию за разрешением[11]. Однако такая ситуация совершенно не устраивала власти, т.к. не давала возможности отслеживать процессы, происходившие внутри общины. Периодически делались попытки запретить молитвенное общение даже на дому. Показательно в этом отношении распоряжение начальника Владивостокской городской милиции Егорова: «В виду того, что владивостокская община баптистов не имеет постоянного помещения для совершения молитвенных собраний, соответствующего как емкостью для посетителей, так и в технико–пожарном и санитарном отношении, мною на 9 марта сего года в ПОСЛЕДНИЙ раз разрешается молитвенное собрание: в 10 час. утра по ул. Слуцкого в д. №5 и в 6 час. вечера по Трамвайной ул. в д. №42. На основании изложенного предлагаю установить наблюдение»[12]. Однако ничего противоправного в такой деятельности верующих в 1930 г. властям выявить не удалось, и начальник Окружного административного отдела «приказал не возражать против устройств молитвенных собраний баптистов…. (явочным порядком)»[13].

Первую владивостокскую общину баптистов ликвидировали 1 января 1931 г. Её вновь зарегистрировали 20 мая того же года (86 чел.) во главе с Е.М. Захарченко. Община тогда располагала солидной библиотекой, в которой имелось более 280 книг и 365 экз. журналов «Баптист» и «Баптист Украины»[14].

Бывший же глава общины П.Д. Скворцов 4 февраля 1931 г. был арестован. Ему инкриминировали ст. 58–10, но через полтора месяца отпустили за недоказанностью обвинения и выслали в тайгу. В 1934 г. его вновь арестовали и лишили права переписки. Дальнейшая судьба главы общины неизвестна. Репрессиям подвергли и ряд других его единоверцев. 3 февраля 1931 г. по той же статье арестовали Ч.В. Пелка, и также дело прекратили из–за недостаточности улик. В 1931 г. попал в тюрьму пресвитер Уссурийской общины А.П. Мартыненко. В 1933 г. он был повторно арестован и выслан в Омск, в 1936 г. арестован вновь и в 1937 г. расстрелян по одному делу с П.Я. Винсом. 8 апреля 1933 г. арестовали и обвинили в антисоветской агитации Е.М. Захарченко. Дело закрыли в связи со смертью подследственного через 3,5 месяца заключения. И т.д.[15] Но до массовых репрессий тогда еще не дошло.

В январе 1932 г. в Приморском крае состоялась перерегистрация религиозных организаций. Беспрепятственно эту процедуру прошла Первая баптистская община Владивостока во главе с И.А. Волосомоевым. В документах регистрации указывалось, что она состоит из 43 чел.[16] Однако, по мнению властей, реальное число верующих баптистами скрывалось. Секретарь Владивостокского горсовета Корягин отмечал, что «…в действительности община… имеет массовое членство и распространяет свое влияние в большинстве на элемент бывших рабочих и крестьян»[17].

В крае перерегистрацию прошли только две баптистские общины –Даниловская (36 чел.) и в с. Сергеевка (37 чел.)[18]. Многим другим объединениям этого сделать не удалось, религиозная жизнь там протекала в семейном кругу втайне от органов власти.

Таким образом, уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. к священнослужителям и верующим государство применяло репрессивные методы воз-

действия. Однако актуализация проблемы борьбы с религиозными организациями произошла в ходе принятия Конституции 1936 г. и подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Отмена ограничений на участие в выборах, в т.ч. для служителей культа, а также декларации о «расширении советской демократии» привели к тому, что среди части населения возникла надежда, что государство откажется от гонений на религию. Во всех регионах выдвигались требования вернуть верующим церкви и молитвенные дома, разрешить отправление религиозных культов. Реакция руководителей партии и государства последовала незамедлительно.

В январе 1937 г. зам. заведующего отделом культуры и образования ЦК ВКП(б) С.М. Тамаркин сообщил секретарям ЦК Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву и Н.И. Ежову о плачевном состоянии антирелигиозной пропаганды в СССР и усилившейся активности «церковников» всех исповеданий. По его данным, в стране функционировали 20 тыс. церквей и мечетей, 24 тыс. служителей культа и 600 тыс. церковных активистов вели «подрывную деятельность», антирелигиозная работа была повсюду свернута. О провале последней свидетельствовали и результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г.: 56,7% населения старше 16 лет (55,3 млн чел.) заявили о принадлежности к тому или иному вероисповеданию[19].

Эта ситуация стала залогом того, что «церковникам» и «сектантам» предстояло оказаться в числе жертв массовых репрессий, получивших «идеологическое обоснование» на февральско–мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Участники пленума живо откликнулись на призыв Сталина к усилению бдительности в связи «с происками различного рода вредителей, саботажников, диверсантов». Антирелигиозную направленность задал доклад А.А. Жданова о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами. Докладчик назвал потенциальных противников в избирательной борьбе, готовых активно использовать представившиеся «легальные возможности» – «попы всех рангов и мастей». Тему поддержал и развил ряд партийных функционеров. Особенно акцентировал внимание на «религиозной проблеме» видный чекист, секретарь Азово–Черноморского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов. Подвергнутый критике руководитель Союза воинствующих безбожников (СВБ) Е. Ярославский также призвал не ослаблять борьбу с религиозными объединениями. По его данным, в тот период существовало около 39 тыс. зарегистрированных общин и групп, включавших около миллиона только «религиозного актива», а также несколько тысяч «сектантских организаций, не зарегистрированных, подпольных, тайных». Последние, на его взгляд, были особенно опасны, так как «собирают в этом религиозном подполье самых оголтелых людей, устраивают антисоветские организации»[20].

27 марта 1937 г. последовал циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно–оперативной работы по «церковникам и сектантам». В полном соответствии с духом только что окончившегося пленума в преамбуле документа утверждалось, что «церковники и сектанты» ведут подготовку к выборам в советы, «ставя своей задачей проникновение в низовые советские органы». Органам НКВД предписывались меры, направленные на выявление и быстрый разгром очагов нелегальной работы церковников и сектантов, в первую очередь – на внесение между ними раскола, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т.д.[21]

О том, что выделение «церковников» и «сектантов» в особую группу террора было инициативой высших партийных функционеров, свидетельствует и записка, направленная 20 мая 1937 г. Г.М. Маленковым И.В. Сталину. Речь в ней шла об отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., которое, по мнению Маленкова, сыграло негативную роль «в создании организационной основы для оформления наиболее активной части церковников и сектантов». «Уже сам порядок регистрации, – считал автор, – требует организационного оформления двадцати наиболее активных церковников. В деревне эти люди широко известны под названием «двадцатки». На Украине […] требуется не двадцать, а пятьдесят учредителей [...]. Мне кажется, что надо ликвидировать «двадцатки» и установить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Точно так же следует покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников. Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти легальную организацию. Всего по СССР лиц, входящих в «двадцатки», насчитывается около 600 тыс.» С запиской были ознакомлены члены и кандидаты в члены Политбюро: Андреев, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Петровский, Постышев, Чубарь, Эйхе. Сугубо положительное отношение к инициативе Маленкова высказал Ежов, указав, что «из практики борьбы с церковной контрреволюцией в прошлые годы и в настоящее время нам известны многочисленные факты, когда антисоветский церковный актив использует в интересах проводимой антисоветской работы легально существующие «церковные двадцатки», как готовые организованные формы и как прикрытия». Вместе с постановлением от 8 апреля 1929 г. Ежов предлагал отменить также инструкцию Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», которая, по его мнению, ставила «религиозные объединения на положение едва ли не равное с советскими общественными организациями, в частности, п. 16 и 27 инструкции, которыми допускаются религиозные уличные шествия, церемонии и созыв религиозных съездов»[22].

Несмотря на столь однозначную позицию Ежова и Маленкова, Сталин принял решение передать вопрос на обсуждение П.А. Красикову и М.И. Калинину, которые высказали негативное отношение к этой инициативе. Красиков главный аргумент видел в том, что благодаря имевшемуся законодательству церковные активисты действуют под контролем, а не в подполье, «что всегда хуже, когда имеешь дело с религией». Перегибы и форсирование «ликвидации религии» привели, по его мнению, к тому, что «во многих местностях союза загоняли в подполье секты и немалое количество верующих и делали их враждебными или контрреволюционными» (документ от 16 августа 1937 г.)[23]. В результате постановление от 8 апреля 1929 г. осталось в силе.

Следующими после февральско–мартовского пленума шагами в эскалации государственного насилия стали печально известные Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г. и изданный на этом основании приказ НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г. по проведению массовых репрессий (т.н. кулацкой операции) с целью уничтожения последних «несоциалистических элементов» и ликвидации «повстанческой базы» в СССР на случай войны.

Период с августа 1937 по ноябрь 1938 г. вошел в историю как Большой террор, охвативший практически все население страны. Одной из его целевых групп стали верующие. В приказе Ежова прямо говорилось, что «церковники» и «сектанты» должны быть уничтожены как одни из «главных зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». Репрессии распространялись также на «наиболее активных» «сектантских активистов» и «церковников», которые к моменту начала операции содержались в тюрьмах, концлагерях, трудовых поселках и колониях[24].

Упоминание о необходимости репрессировать дополнительное число «сектантов» регулярно встречается в ходатайствах с мест в центр об увеличении лимитов по «кулацкой операции». Партийные функционеры на пленуме ЦК ВКП(б) 11–12 октября 1937 г. также убедительно продемонстрировали, кого они считают наиболее опасными врагами в связи с предстоящими выборами. Выступления секретарей обкомов и крайкомов в основном посвящались вылазкам врагов народа, возглавляемых «церковниками» и «сектантами»[25]. Все первые секретари были членами «троек» и прекрасно знали о размахе репрессий НКВД. Из статистического отчета о работе органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. известны общие цифры «церковников и сектантов», репрессированных в ходе операции по приказу № 00447: 1937 г. – 37 331, 1938 г.– 13 438, всего – 50 769 чел.[26]

Не вызывает сомнения, что дальневосточные партийные функционеры, уяснив, что верующие являются одними из наиболее опасных противников на выборах в Верховный Совет СССР, вернувшись с февральско–мартовского пленума 1937 г., предприняли соответствующие действия: гонения на верующих развернулись с новой силой. Этому способствовал ряд факторов. Во–первых, большинство «церковников» и «сектантских активистов» находилось на оперативном учете, в их отношении велись агентурные разработки, производилась перлюстрация переписки (многие из них переписывались с родственниками и знакомыми, проживавшими в Харбине, Франции и США), в результате чего у органов НКВД имелись компрометирующие материалы. Во–вторых, значительное число священнослужителей были лишены избирательных прав, многие были ранее судимы, высланы либо раскулачены. Оставалось только изобличить «церковников» и «сектантов» в том, что они «активно занимаются антисоветской деятельностью»[27] и притом организованно.

Власти вновь стали расценивать баптистские церкви как наиболее опасные из–за возможности в силу особенностей вероисповедания отправлять культ без наличия церковной организации и рукоположенных священнослужителей, невзирая на отсутствие официальной регистрации. Существенно укрепило общины, в т.ч. и приморские, возвращение из заключения верующих, осужденных в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Широкое распространение получили т.н. домовые церкви, которые, как правило, функционировали нелегально.

В 1937 г. в Приморском крае было арестовано и впоследствии приговорено к высшей мере наказания 25 баптистов: Н.И. Буравов, Д.С. Ерошин, П.А. Мильтин, Е.Ф. Пустовалов (г. Владивосток), Е.А. Бражник, Т.К. Гайдук, Я.И. Твердохлеб (г. Уссурийск), А.М. Шугалей, А.Ф. Верченко, П.И. Миненко (с. Телянза Анученского района), И.Е. Мусиенко, К.А. Рябов (г. Спасск), Я.В. Гончаров, А.Т. Забродский, Д.Е. Колтунов, Н.Я. Овчинников, П.Я. Чепур (г. Сучан) и др.

В 1938 г. этот скорбный список пополнили еще 35 чел., в т.ч. А.Д. Людвиг, Н.Т. Безкровный, С.А. Бражник, Я.Т. Усов (с. Телянза), К.В. Гуйда, С.Е. Прошка, С.Г. Стрижачаенко, Д.Ф. Тимошенко, Н.А. Храмцов (с. Новопокровка Анучинского района), М.П. Горбенко, Н.А. Свинтицкий (ст. Евгеньевка Спасского района), Г.С. Афанасенко, З.Я. Колесников, М.А. Колесников, С.С. Сиротюк (г. Сучан) и др.

Формулировки приговоров по расстрельной статье были однотипными: «обвинен в религиозной деятельности (баптист)» или «обвинен в антисоветской агитации». Места захоронения расстрелянных находятся в Уссурийске, Владивостоке и Хабаровске. Лишь незначительное число приморских баптистов избежало этой участи. Так, в отношении членов Владивостокской баптистской общины У.А. Гущиной (арестована 23 июля 1938 г.) и В.Е. Захарченко (15 февраля 1938 г.), обвиненных по ст. 58–10, а также А.С. Платова (24 июня 1938 г., ст. 58–6) дела были прекращены. Еще одного члена этой общины К.П. Платова (26 февраля 1938 г.) за связь с немецким баптистским проповедником приговорили к 10 годам лагерей[28].

Таким образом, к концу 1930-х гг. легальная деятельность баптистских общин Дальнего Востока в целом и Приморья в частности была полностью прекращена. Но ни закрытия церквей, ни аресты руководителей и мирян не смогли уничтожить религиозную жизнь. Она ушла в подполье. Баптистские общины продолжали жить и действовать, но на нелегальных условиях.

---

1 Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». Ст. 3. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787 (дата обращения 15.01.2013).

2 РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 443. Л. 370–372, 368–368об.

3 Там же. Л. 375.

4 Там же. Л. 110.

5 Подольский И. Об антирелигиозной работе в ДВК // Антирелигиозник. 1931. №1.С. 39–40.

6 Вайнштейн С. Сектантское движение в городе Владивостоке // Там же. 1932. №7–8. С. 43.

7 РГИА ДВ. Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 1581. Л. 274 об.

8 Дементьев А. АВЕН-еЗЕР: Евангельское движение в Приморье. 1898–1990 годы. Владивосток: Русский Остров, 2011. С. 96.

9 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 86. Оп.5. Д. 17. Л. 20–22 об, 42–45.

10 Списки жертв политических репрессий. URL: List.memo.ru/index (дата обращения 07.10.2011).

11 ГАПК. Ф. 86. Оп. 5. Д. 3. Л. 12, 33, 35, 37, 75.

12 Там же. Д. 17. Л. 12 об.

13 Там же. Л. 36.

14 Там же. Л. 14–16; РГИА ДВ. Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 1675. Л. 258.

15 Списки жертв политических репрессий…

16 РГИА ДВ. Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 1675. Л. 314–315; ГАПК. Ф. 86. Оп. 5. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 1–6.

17 ГАПК. Ф. 86. Оп.5. Д. 16. Л. 17.

18 РГИА ДВ. Ф. Р–2413. Оп. 4. Д. 1675. Л. 43, 153,159.
19 Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 4–5.
20 Вопросы истории. 1993. № 5. С. 4–5, 14–15; 1993. № 7. С. 10.
21 Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. URL: www. memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения 15.01.2013).
22 Игумен Дамаскин (Орловский). Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id= 374&menu_parent_id=358&show_date=1&category_id=14&article_page_content=0&show_preview_img=0&show_file_list=0&flag=ajax&page=1&regime=site&content_id=48 (дата обращения: 15.01.2013). Автор ссылается на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 36–37.
23 Этноконфессии в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии: документы и материалы / сост. и науч. ред. А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009. С. 35–36.
24 Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. 30 июля 1937 г. URL: www.Ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКВД_ №_00447 (дата обращения 15.01.2013).
25 Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 480–484.
26 Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-хХ, 2003. С. 337, 341.
27 ГАПК. Ф. 1588. Оп.2. Д. 30850. Л. 2.
28 Списки жертв политических репрессий…

Н.В. ПОТАПОВА

ЕВАНГЕЛЬСКО–БАПТИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВЛАСТЬ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследуется эволюция отношений между евангельско–баптистским сообществом Дальнего Востока и властью в период между двумя мировыми войнами. Анализируется влияние политических, геополитических и идеологических факторов на развитие этих отношений, выявляется преемственность религиозной политики советского государства и Российской империи в отношении исследуемых деноминаций.

Ключевые слова: евангельское христианство, баптизм, государственная религиозная политика, Дальний Восток, репрессии.

Для российского государства конфессиональные вопросы всегда были связаны с проблемами сохранения национальной идентичности, обеспечения государственной безопасности. Православие в течение многих столетий являлось краеугольным камнем традиционного российского геополитического видения мира, именно с ним связана отечественная мессианская идея[1]. Деятельность протестантских течений западного происхождения, появившихся во второй половине XIX в. на территории России[2], рассматривалась как нарушение порядка и угроза национальной безопасности. Предполагавшаяся ими евангелизация страны представляла собой развитие альтернативной мессианской идеи на русской почве, в основе её лежали западные представления и ценности, что не могло приветствоваться российским государством. Особенно явно опасения по отношению к евангельским христианам и баптистам со стороны российского государства и общества обозначились в период Первой мировой войны, когда противосектантскими миссионерами РПЦ распространялся миф о германской угрозе, исходящей от сектантов, за которым последовали репрессии со стороны государства[3].

После провозглашения Временным правительством свободы совести, подтвержденной затем законодательными актами Советского правительства, ДВР[4], временными буржуазными правительствами Дальнего Востока (за исключением периода М.К. Дитерихса), в годы Гражданской войны и иностранной интервенции на территории Дальнего Востока, несмотря на весь трагизм ситуации в России, впервые возникли условия для свободной деятельности российских евангельских христиан и баптистов. В первое время после Октябрьской революции большевики сочувственно и доброжела-

тельно относились к сектантам как к претерпевшим гонения со стороны старой власти. В 1917–1922 гг. наблюдается увеличение числа приверженцев исследуемых деноминаций и количества общин в России. На российском Дальнем Востоке дополнительным фактором, способствовавшим их росту, стала иностранная интервенция и активная деятельность зарубежных миссий. Советская власть на Дальнем Востоке России была окончательно установлена в ноябре 1922 г. До 1929 г. отношение государства к религиозным организациям можно в целом охарактеризовать как терпимое. По мнению большинства исследователей, 1920-е гг. стали для русских протестантов если и не «золотым десятилетием»[5], то самым светлым отрезком из всей советской истории[6].

Постепенно власть осознала, что сектанты как любые сторонники иной, некоммунистической идеологии, – внутренние враги, мало того, –симпатизирующие западным общественно–политическим и социально–экономическим традициям. Даже ищущие компромисса с властью сектанты не устраивали новое государство. Особенно явным стало несоответствие геополитической концепции большевиков и идеи «христианской глобализации», предлагаемой в этот период евангельско–баптистским сообществом, т.е. после провала идеи «мировой революции», когда была сформулирована новая концепция выживания в отдельно взятой стране в условиях вражеского окружения.

Марксистские политики, историки, антирелигиозники в 1920–1930 гг. в борьбе с идеологическими конкурентами с успехом использовали арсенал православных миссионеров: обличительную стилистику, терминологию, «разоблачающие» штампы и пр. С помощью пропаганды, теперь уже в атеистическом варианте, через призму классового подхода и позднее – тезиса об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, умело конструировался миф об опасности этих течений теперь социалистического государства. С начала 1920-х гг. в документах советской власти и публикациях в прессе развивается мысль об ангажированности этих конфессий американским или японским капиталом, их контрреволюционности, шпионско–диверсионной деятельности[7].

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» введён Дальревкомом в действие в ноябре 1922 г.[8] В наследство от периода Гражданской войны и интервенции новой власти достались численно окрепшие баптизм и евангельское христианство, имевшие тесные связи с «заграницей», в т.ч. с белыми эмигрантами в Северо–Восточном Китае. В годы интервенции здесь образовалось два центра баптизма: во Владивостоке и Благовещенске, возглавляемые соответственно Р.А. Фетлером и Я.Я. Винсом. Дальневосточный отдел Всероссийского союза баптистов, созданный в 1913 г., в 1921 г. преобразован в самостоятельный Дальневосточный союз евангельских христиан–баптистов (ДВСБ)[9]. Возглавил его Я.Я. Винс. В этот период в Приморье активно действовали и евангельские христиане, в 1920 г. во Владивостоке образован Дальневосточный отдел Всероссийского Совета евангельских христиан (ДО ВСЕХ)[10], председателем Совета ДО ВСЕХ был Н.Н. Красев.

Уже к концу 1922 г. в центральных органах, прежде всего в ОГПУ, возникают идеи необходимости борьбы с сектантством, начинается работа по его «разложению»[11]. На местах не редки были случаи нарушения законодательства со стороны органов власти (аресты, изъятие литературы, закрытие молитвенных домов и т.п.). При этом характерной чертой 1920-х гг. является масса партийных и государственных документов, осуждавших ошибки в антирелигиозной работе[12].

Формы и методы работы дальневосточных органов власти ничем не отличались от тех, которые использовались в центре. Принцип «разделяй и властвуй», широко использовавшийся для стимулирования расколов в религиозных организациях в первой половине 1920-х гг. на общероссийском уровне, применялся и на Дальнем Востоке. В секретном докладе спецчасти ОГПУ от 1 марта 1925 г.[13] содержится информация о том, как велась «работа» по владивостокской общине баптистов: «...В феврале месяце 1923 г. через Губернский отдел народного образования были закрыты все баптистские издательства, библейский институт и миссионерские курсы, изъято большое количество религиозных журналов и литературы со складов издательства. Параллельно с этим через комхоз были предприняты шаги по закрытию молитвенных домов. ...Из совучреждений были удалены под разными предлогами служащие баптисты. Разъездные проповедники были взяты на учёт и всякая попытка выехать в губернию нами пресекалась. После применённых со стороны ГО ОГПУ репрессий ...уезжает и Фетлер с рядом активных работников»[14]. В последующее время органы госбезопасности использовали для раскола общины «национальное чувство» (т.е. стремились противопоставить «немцев»–руководителей русским), а также отношение к воинской повинности («милитаристы» – «антимилитаристы»)[15].

В Приамурье «черным пятном» на баптизме стало Зазейское восстание (январь 1924 г.), вспыхнувшее как реакция местного крестьянства на налоговую политику советского государства и поддержанное белогвардейскими формированиями из–за границы. Инициаторами его стали братья Петр и Родион Чешевы – баптисты. Было создано временное Амурское правительство с резиденцией в с. Гильчин. Главой этого правительства стал Р. Чешев, в нём участвовали также баптисты М.Н. Аистов, А.А. Чуриков, М. Чешев, И.Ф. Чешев и др. Правительство объявило о подготовке выборов в Учредительное собрание Дальнего Востока и обратилось с посланием к иностранным державам, обещая им низвергнуть советскую власть. К концу января 1924 г. восстание было ликвидировано, его организаторов, не успевших бежать за Амур, отдали под суд[16]. В материалах процесса по делу о восстании нет упоминаний о его религиозных мотивах. Даже Н.М. Балалаева, много внимания уделившая разоблачению «кулацко–сектантской» контрреволюции, признавала, что «противодействие советизации именно в сектантских районах происходило не столько потому, что эти районы были сектантскими, сколько вследствие того, что это были районы с засильем кулачества»[17]. Участие амурских баптистов в этом восстании давало власти дополнительный аргумент в недалёком будущем в пользу того, что от сектантов – кулаков и контрреволюционеров – нужно избавляться, они чужды советской власти и обществу.

Дальневосточное сообщество баптистов вплоть до конца 1920-х гг. не только продолжало поддерживать непосредственные связи с единоверцами в Харбине[18], но и выступало как субъект международного баптистского движения. В 1927 г. приверженцы этой конфессии в регионе, уже вошедшие в состав Федеративного союза баптистов СССР, добились независимости в международных контактах, заявив, что кроме И.В. Непраша, представлявшего баптистов СССР в международном союзе, ДВСБ имеет «своих представителей за границей – …Винса Я.Я. и Линдстедта А.А.». Поэтому на Всемирном конгрессе баптистов в Торонто (1928 г.) ДВСБ был представлен Я.Я. Винсом и Г.И. Шипковым[19].

На протяжении первых лет советской власти, следуя указаниям центральных органов, местные партийные и советские органы неоднократно призывали сотрудников своего аппарата к осторожности и деликатности в решении религиозных вопросов[20]. Особых тревог деятельность сектантов до 1927 г. у властей не вызывала. «Доклад Амурского окружного отдела ОГПУ по сектам» по состоянию на 1925 г. отмечал отсутствие влияния баптистов на население и сообщал: «…Что касается отношения к Соввласти, то баптисты считают себя обязанными повиноваться её законам и за властью признают божественное установление. От отбывания воинской повинности не отказываются... К ВКП(б) и ВЛКСМ относятся отрицательно, считают заблуждением отрицание бога, с остальной же программой вполне соглашаются»[21]. Аналогично описывается и ситуация на «религиозном фронте» в Приморье в 1925 г.[22]

На протяжении 1920-х гг. баптисты стремились приспособиться к новой власти. Показательным стал Дальневосточный съезд евангельских христиан баптистов, проходивший в г. Хабаровске в июле 1925 г. На съезде было решено войти на федеративных началах в Союз баптистов СССР. Этот шаг, с одной стороны, давал возможность надеяться на более доброжелательное отношение к ним властей (т.к. теперь формально они подчинялись не «загранице», а российском центру), но с другой, – усилил обеспокоенность органов власти их консолидацией и укреплением легальности. Острые споры, развернувшиеся на съезде по ряду принципиальных вопросов – об отношении к власти, о воинской повинности др. – трактовалось властями как проявление «нелояльности». Съезд принял резолюцию о признании советского государства и необходимости военной службы[23]. В 1926 г. на XXVI Всесоюзном съезде баптистов Я.Я. Винс выступил с аналогичными заявлениями[24]. В дальневосточном баптизме после съезда 1925 г. возникло несколько оппозиционных решениям съезда течений[25]. IX съезд ВСЕХ 1923 г., подготовленный чекистами, также принял решение о признании советской власти и воинской повинности, в результате чего во ВСЕХ произошёл раскол[26]. Среди евангельских христиан Дальнего Востока тоже не все руководители подчинились решениям их съезда[27].

Перелом в отношениях государства и сектантов был предопределён в период подготовки и работы Всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде (апрель 1926 г.), на котором проанализировали сложившуюся ситуацию и признанали опасность роста сектантства. По результатам

работы совещания к 1927 г. ОГПУ и ЦК ВКП(б) выработали «практические предложения», которые в целом определили курс на борьбу с сектантством. В 1927–1928 гг. была проведена большая работа на местах по детальному изучению сектантства. Анализ собранных материалов шел в русле, заданном «Всесоюзным совещанием».

В 1927 г. Владивостокский окружком ВКП(б) отмечал, что «за 4 года Соввласти на Дальнем Востоке, … религиозные группировки всех оттенков сумели окрепнуть, развиться и сейчас начинают влиять в противовес нам на рабочие и особенно крестьянские массы»[28]. В 1928 г. в «Сводке о движении церковников за 1925–1927 гг.» отмечалось, что «…большинство сектантов к соввласти, её мероприятиям весьма враждебно...; контрреволюционная деятельность …почти всегда выражается в антисовагитации и злостной (под углом искажения фактов) критике совмероприятий…»[29]. Документы этого периода, акцентируя внимание на «реакционной, а иногда открыто антисоветской роли сектантства, во главе которого стоит …кулацко–нэпманское руководство», предлагали, однако, «не допускать административных перегибов в отношении сектантов…»[30].

Процессы, происходившие внутри сектантства во второй половине 1920-х гг. по–прежнему инспирировались ОГПУ. В 1929 г. ОГПУ отмечало следующие достижения в «работе по сектантству» на Дальнем Востоке: «1. Очищение края от контрреволюционного элемента (выселены за 1927 г. 22 чел.). 2. Принятие всеми сектами решения об обязательной военной службе в рядах Красной Армии с оружием в руках и признание необходимым… исполнение всех государственных повинностей. …6. Путём использования неэтичных и преступных действий среди сектантов достигнуто значительное внутреннее брожение в их среде... 7. Под разными предлогами достигнуто значительное ограничение организационной работы руководителей общин… 8. Путём дробления основных сект на враждебные группы достигнуто значительное ослабление сектантов…»[31].

Взаимоотношения дальневосточного сектантства с советской властью эволюционировали за годы «религиозного нэпа» от взаимной терпимости и попыток поиска компромиссов в сторону непримиримой борьбы, инициатива в развязывании этой борьбы шла со стороны государственной власти, что было связано с изменением политической и социально–экономической ситуации в стране к концу 1920-х гг. В 1929 г. последовало правовое оформление нового курса государства в отношении религиозных организаций, начался следующий этап истории евангельского христианства и баптизма в СССР.

Постановление ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. отрицало все права религиозных организаций как юридического лица, вводило обязательную регистрацию религиозных объединений в местных органах власти. Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи и заниматься благотворительностью, организовывать кружки, группы и собрания по обучению религии и т.д.[32]. Постановление было дополнено инструкцией НКВД от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений»[33]. В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была

произведена редакция ст. 4 Конституции РСФСР. Теперь вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» признавалась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»[34]. Позднее эту статью включили и в Конституцию СССР 1936 г. Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 15 февраля 1930 г. предписывало местным органам власти усилить контроль над руководителями общин[35].

Репрессии среди верующих евангельско–баптистского направления начинаются на рубеже 1920–1930-х гг. Подсчитать число верующих, репрессированных за религиозные убеждения непросто, т.к. не во всех приговорах отмечался религиозный аспект деятельности фигурантов. Первая волна репрессий против верующих относится к началу 1930-х гг. На этом этапе приговоры к высшей мере наказания практиковались исключительно редко. В 1937–1938 гг. государство развернуло по всей стране Большой террор, под маховик которого попали практически все группы населения. Именно на эти годы пришелся пик репрессий евангельских христиан и баптистов на Дальнем Востоке. В справке УГБ УНКВД по ДВК за 1937 г. были сформулированы основные пункты, по которым можно выносить обвинительный приговор: «Церковники и сектанты за последнее время распространяют злостные контрреволюционные, провокационные слухи…, ведут усиленную агитацию за отказ от службы в Красной Армии…, поддерживают организационные связи с зарубежными контрреволюционными белоэмигрантскими организациями…, проводят на территории ДВК антисоветскую деятельность и распространяют японофильские настроения»[36].

Из 15 служителей ДВСБ (на 1927 г.) репрессии пережили трое, один из них – уехавший из СССР Я.Я. Винс[37]. Руководитель ДВСБ П.Я. Винс, сын Я.Я. Винса, приехавший из США на Дальний Восток в 1926 г., ставший гражданином СССР, в 1930 г. был приговорён к трем годам лишения свободы по ст. 58–10 УК. Его обвинили кроме прочего в «поддерживании регулярной связи с заграничными сектантскими кругами» и, в частности, со своим отцом, не возвратившимся в СССР после поездки на международный баптистский конгресс в 1928 г.[38] Второй раз он был арестован в 1936 г. и обвинён в том, что «систематически в течение 1935–1936 гг. вёл контрреволюционную пораженческую пропаганду среди баптистов»[39]. По групповому делу вместе с Винсом проходили ещё 10 верующих, в материалах обязательно отмечалось, если они имели родственников за границей[40]. П.Я. Винс и А.П. Мартыненко были приговорены в августе 1937 г. к высшей мере наказания, остальные – к 10 годам лишения свободы[41]. П.М. Жарикова, одного из деятелей Благовещенской общины баптистов, арестовали и приговорили тройкой УНКВД по ДВК в октябре 1938 г. к расстрелу за то, что он являлся «активным участником контрреволюционной сектантской организации и занимался шпионажем в пользу немецкой и японской разведок»[42]. В разгар репрессий хабаровский «Пропагандист–агитатор» сообщал: «…Во Владивостоке слушалось дело Владивостокской общины евангелистов, …было установлено, что председатель дальневосточного отделения евангелистов и его заместитель имели связь с японскими разведчиками в Харбине, передавали «руководителю»

харбинской общины евангелистов сведения об СССР…»[43]

На Сахалине в 1937–1938 гг. сектанты в основном проходили по групповым делам, приговаривались в высшей мере наказания либо к 10 годам лишения свободы. Из обвинительного заключения по делу И.Г. Тимочкина, И.Ф. Миронова, А.Л. Юртаева (март 1938 г.) следовало, что, «проживая в Пильво, указанные выше лица организовали секту евангелистов, занимались контрреволюционной, пораженческой и антисоветской агитацией»[44]. Согласно свидетельским показаниям, Тимочкин говорил: «…Весной придёт в Пильво японец…, установит нам власть такую, которая нам нужна…»[45] Тройка УНКВД 16 марта 1938 г. приговорила данную группу лиц к расстрелу «за организацию секты евангелистов и пораженческую контрреволюционную агитацию»[46]. В деле по обвинению Д.В. Овчарова, Н.М. Сухоруковой, Е.И. Никитиной, П.Ф. Хаценко, В.М. Авериной приводились такие слова свидетеля: «Как–то в июне 1937 г. на собрании баптистов в пос. Дамир Овчаров …восхвалял фашистскую Германию…»[47] Аналогичные показания были записаны и в отношении других обвиняемых. Всех их также приговорили к высшей мере наказания по постановлению тройки УНКВД по ДВК от 31 марта 1938 г.[48]

Типичным оказалось дело по обвинению немцев–меннонитов* Ф.Ф. Валла, Г.Б. Фризена и др. (всего 23 чел.). В 1938 г. Сахалинским управлением НКВД в порядке т.н. немецкой операции была «вскрыта контрреволюционная шпионско–диверсионно–повстанческая организация, ставившая своей целью шпионаж в пользу Японии, распространение среди населения пораженческих настроений в предвоенный период, диверсионные акты на промышленных предприятиях острова, а в момент возникновения войны Японии с СССР – вооружённое восстание с целью оказания помощи японцам в захвате советского Сахалина»[49]. Немцы (из Сибири и Дальнего Востока) приехали на Сахалин на рубеже 1920–1930-х гг., по версии следственных органов, после неудачной попытки перейти границу в Амурской области[50]. Из 23 подследственных четверых приговорили к расстрелу, остальных к 10 годам лишения свободы[51].

В целом в исследуемый период государственная политика по отношению к сектантам эволюционировала от лояльности в сторону репрессий. Изучаемые деноминации, пережив бурное развитие в годы Гражданской войны и интервенции, на протяжении последующих лет предпринимали попытки поиска компромисса с властью, адаптации к требованиям советского общества и государства, что, однако, не смогло предотвратить репрессии по отношению к ним. Проводя борьбу с евангельскими христианами и баптистами, советская власть использовала обвинения в контрреволюционности и шпионаже, весь арсенал «антисектантских» средств и методов, созданных в дореволюционный период РПЦ.

* Меннониты – этноконфессиональное евангельское течение.

1 См.: Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010; Бачинин В.А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма: очерки исторической социологии религиозно–гражданской жизни. СПб., 2003; Duncan P.J.S. Russian Messianism: Third Rome, revolution, Communism and after. London, NY: Routledge, 2000.

2 Кале В. Евангельские христиане в России и Советском Союзе / пер. П.И. Скворцова с издания изд–ва «Онекен», «Вуперталь», «Кассель», 1978. С. 81. URL: http://www.ecbarchive.org/content/books/#Монографии (дата обращения: 15.03.2012); Пузынин А. Традиция евангельских христиан: Изучение самоидентификации и богословия от момента её зарождения до наших дней. М., 2010. С. 195–197, 231.

3 Азовский И. Пангерманизм и баптизм. Пг., 1915. С. 3; Восторгов И.И.. Вражеский духовный авангард // «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантсва. М., 1914. С. 16; и др.

4 Декларация Временного правительства о его составе и задачах. 3 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта; Обращение к гражданам. 5 марта 1917 г. // Там же. 1917. 7 марта; Об отмене вероисповедных и национальных ограничений. 20 марта 1917 г. // Там же. 1917. 22 марта; О свободе совести. 14 июля 1917 г. // Там же. 1917. 20 июля; Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах. 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т.1. М.: Политиздат, 1957. С. 373–374; Конституция РСФСР 1918 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm. (дата обращения: 20.04.2012.); Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики // Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток, 1955. С. 562–565.

5 История евангельских христиан–баптистов в СССР. М, 1989. С. 58, 181; Митрохин Л.Н. Баптизм: История и современность (философ.–социологич. очерки). СПб., 1997. С. 364–365.

6 Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х гг.). СПб, 2003. С. 83.

7 Атеист. 1922. № 1. С. 9–10; Речи М.И. Калинина на Дальнем Востоке. Чита, 1958. С. 118; Безбожник. Сектанты в Дальне–Восточном крае // Антирелигиозник. 1927. № 8. С. 27; Урсынович С. Религиозные и антирелигиозное движения на Советском Сахалине // Там же. 1931. №11. С. 15; Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция. М., 1930. С. 73–74; Его же. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932. С. 44.

8 Дальсовнарком (1917–1918 гг.): сб. документов. Хабаровск, 1969. С. 86; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р–2422. Оп. 1. Д. 1092. Л. 1–3.

9 История евангельских христиан–баптистов… С. 186.

10 3–й Дальневосточный съезд евангельских христиан во Владивостоке // Слово и жизнь. 1922. № 3–4. Сент.–окт. С. 8–11.

11 РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально–политической истории). Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 87–99.

12 Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви. М., 1959. С. 45–50; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 12, 40–41, 59–62, 103–107; О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма–ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1981. С. 119–122.

13 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–61. Оп. 1. Д. 685. Л. 1–21.

14 ГАПК. Ф. П–61. Оп. 1. Д. 685. Л. 10.

15 Там же. Л. 12.

16 Грузд. Процесс 59–ти //Амурская правда. 1924. 26 апр. №1220. С. 3; К процессу над белобандитами // Там же. 1924. 24 апр. №1218. С. 2; Начало процесса над белобандитами // Там же. 1924. 25 апр. №1219. С. 3; Процесс зазейских белобандитов // Там же. 1924. 1 мая. №1223. С. 3–4; 6 мая. №1224. С. 3; 7 мая. №1225. С. 3; 8 мая. №1226. С. 4; 9 мая. №1227. С. 3; 10 мая, №1228. С. 3.
17 Балалаева Н.М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859–1936): дисс. … докт. ист. наук. М., 1970. С. 510.
18 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П–2. Оп. 2. Д. 168. Л. 4.
19 Балалаева Н.М. История религиозного сектантства… С. 701.
20 ГАПК. Ф. П–61. Оп. 1. Д. 685. Л. 17; Ф. 119. Оп. 1. Д. 13. Л. 39–40; ГАХК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 20. Л. 318.
21 ГАХК. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 168. Л. 4–6.
22 ГАПК. Ф. П–61. Оп. 1. Д. 685. Л. 16, 21.
23 Протокол Дальневосточного областного съезда евангельских христиан баптистов, состоявшегося в городе Хабаровске с 15 по 19 июля 1925 г. Хабаровск, 1925. С. 8, 12
24 26–й Всесоюзный съезд баптистов СССР (Протоколы и материалы). М., 1927. С. 122–137.
25 Дударёнок С.М. Баптизм и евангельское христианство на российском Дальнем Востоке (1917–1930 гг.) // 105 лет легализации русского баптизма: материалы междунар. науч.–практ. конф. М., 2011. С. 155.
26 Записи заседаний 10–го Всесоюзного съезда евангельских христиан в Ленинграде с 30 ноября по 6 декабря 1926 г. Л., 1927. С. 18.
27 ГАХК. Ф. 424. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
28 ГАПК. Ф. П–67. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–7.
29 ГАХК. Ф.П–2. Оп.1. Д. 66. Л. 122–123.
30 ГАПК. Ф. П–67. Оп. 1. Д. 147. Л. 173; Д. 178. Л. 82–87; Религия и власть на Дальнем Востоке России: сб. документов ГАХК. Хабаровск, 2001. С. 141–142.
31 ГАХК. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 66. Л. 125–126.
32 Русская православная церковь и коммунистическое государство… С. 250–261.
33 Бюллетень НКВД. 1929. №37. С. 1–5.
34 Русская православная церковь и право: комментарий. М., 1999. С. 35.
35 ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. Р–5263. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
36 Религия и власть на Дальнем Востоке… С. 200–201; ГАХК. Ф. Р–137. Оп. 10. Д. 253. Л. 104–107.
37 Подсчитано по: Винс Г. Тропою верности. 3-е изд. СПб., 1997. С. 301.
38 Из материалов дела Р–33960. Заключение // Винс Г. Тропою верности. 3-е изд. СПб, 1997. С. 277.
39 Обвинительное заключение // Там же. С. 284–285.
40 Там же. С. 287.
41 Протест (в порядке надзора). По делу Винса П.Я., Мартыненко А.П., Масленка П.И. // Там же. С. 291.
42 Ответ Федеральной службы безопасности на имя Базанян (Жариковой) Виргинии Петровны // Там же. С. 293–294.
43 Чуткерашвили Е. Церковники и сектанты на службе иностранных разведок // Пропагандист–агитатор. Хабаровск. 1938. № 1. С. 40–45.
44 ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области). Ф. 1174. Оп. 2. Д. 1938. Л. 31.
45 Там же. Л. 2, 3об.
46 Там же. Л. 35–40.
47 Там же. Д. 2331. Л. 4–5, 7.
48 Там же. Л. 55–64.
49 Там же. Д. 2425. Л. 1.
50 Там же. Л. 47.
51 Там же. Л. 32–43, 154.

Т.С. ШУГАЙЛО

ОБРАЗ СТАЛИНА НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ГАЗЕТ В США В 1940–1970-е гг.

В статье анализируется восприятие российской эмигрантской печатью в США личности Сталина как персонифицированного образа советской политической системы. В основу исследования положены публикации американских русскоязычных газет «Новое русское слово», «Русская жизнь», «Россия». Показаны изменения в оценках советского вождя и тональности газетных материалов, происходившие под влиянием общемировых событий (Вторая мировая война, холодная война, подавление Пражской весны) и смены внутриполитических курсов СССР (борьба за власть «наследников» Сталина, правление Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева).

Ключевые слова: русская эмигрантская пресса, образ Сталина, СССР, США.

Сложная и неоднозначная личность И.В. Сталина, одного из наиболее ярких политических деятелей XX в., на протяжении длительного времени приковывала к себе внимание общественности всего мира. Отношение к нему накладывало отпечаток на восприятие всего Советского Союза, причем не только в период правления «вождя народов», но и после его смерти. В этом плане особый интерес вызывает анализ позиций русской эмигрантской среды в США касательно политической системы и событий в СССР, персонализированных в лице советского лидера.

В данной статье на примере американских русскоязычных СМИ мы попытаемся проследить, как менялся образ И.В. Сталина в зависимости от событий, происходящих на международной арене и во внутриполитической жизни СССР в период со второй половины 1940-х до середины 1970-х гг. В фокусе нашего внимания будут крупнейшие эмигрантские антикоммунистические газеты: «Новое русское слово» (издание либерально–демократического направления, во многом отражавшее позицию Вашингтона), «Россия» (имела монархическую ориентацию) и «Русская жизнь» (позиционировала себя как внепартийное и русское национальное издание). Журналисты и читатели «Нового русского слова» и «Русской жизни» представляли собой три поколения, или волны, эмигрантов из России: послереволюционное, послевоенное и 1960–1970-х гг. Большинство из них было настроено антикоммунистически. Монархической «России» симпатизировали в основном эмигранты первых двух волн.

В 1940-е гг. в данных изданиях главной темой, связанной с СССР, стала Великая Отечественная война. Она приковала внимание русской диаспоры США к Советскому Союзу, разделив ее на два лагеря: т.н. «оборонцев» и «пораженцев». На позициях пораженчества стояло большинство правоконсер-

вативных организаций, считавших главным врагом России советскую власть и надеявшихся, что Гитлер уничтожит большевизм. «Оборонцы», напротив, поддерживали родину в борьбе с завоевателями вне зависимости от того, какой политический режим находился у власти[1]. Русские эмигрантские газеты, такие как «Новое русское слово» и «Русская жизнь», сочувствовали СССР и выступали в его поддержку в борьбе против фашистских захватчиков. Такие материалы в определенной степени были созвучны публикациям в американской прессе, которая во время Второй мировой войны благосклонно писала о победах Советского Союза[2]. Обе газеты рисовали позитивные образы советских военных.

«Новое русское слово» цитировало речи Сталина о продвижении войск СССР, перепечатывало из «Правды» и «Известий» патриотические произведения о подвигах Красной Армии, в которых советский вождь также воспевался как «отец победы»[3]. Издание в 1945 г. связывало имя Сталина с важнейшим событием в истории – победой над гитлеровской Германией.

Газета «Русская жизнь» в своих материалах 1945 г. основной акцент делала на заслугах русского народа и армии, о Сталине же отзывалась нейтрально или вовсе не упоминала о нем, но восхваляла маршала Жукова, «опытного фронтовика» и «покорителя Берлина»[4]. В отличие от «Нового русского слова», не критиковавшего на данном этапе политику советского руководства и идеологию коммунизма, «Русская жизнь» периодически негативно высказывалась в адрес советской системы. Так, во время проведения Ялтинской конференции газета надеялась, что президент Рузвельт не забудет о миллионах узников советских концлагерей[5]. В другом материале, сравнивая СССР и США, журналист обвинял Советскую Россию в отсутствии демократических свобод и судебном произволе[6].

Монархическая газета «Россия» печатала материалы в духе лагеря «пораженцев»[7]. После завершения войны издание сожалело, что русской эмиграции так и не удалось свергнуть большевиков. Как считала «Россия», генералу Власову не следовало полагаться на немцев, а надо было самостоятельно организовать выступление против СССР и тем самым привлечь на свою сторону армию Жукова[8].

Негативную оценку издание давало деятельности Сталина. Во всех публикациях 1945 г. и в дальнейшем его авторы ставили знак равенства между коммунистической политикой советского вождя и нацистским тоталитаризмом Гитлера, обоих лидеров называя самыми страшными врагами России[9]. Газета не могла простить СССР заключенного с Германией в 1939 г. договора о ненападении и считала, что именно этот шаг привел к началу Великой Отечественной войны. Как заявляли главный редактор Н. Рыбаков и журналисты, Сталин рассчитывал вместе с Гитлером разделить господство над миром[10]. Аналогичная идея, что договор Сталина с Германией спровоцировал начало ВОВ, встречалась и на страницах «Русской жизни»[11].

Восприятие Советского Союза и его политического лидера авторами «Нового русского слова» и «Русской жизни» изменилось уже в 1946 г. с началом идеологической конфронтации СССР и США. Материалы изданий теперь отражали перемену настроений в американских политических кругах

по отношению к Советскому Союзу. Ведь со второй половины 1940-х гг. в Соединенных Штатах развернулось антикоммунистическое движение, пик которого пришелся на начало 1950-х гг. и был связан с кампанией сенатора Дж. Маккарти[12].

В одной из публикаций «Русской жизни» Сталин представал на Тегеранской конференции как коварный и расчетливый политик, «волк в овечьей шкуре», перехитривший Рузвельта, пообещав ему изменить свою политику на демократическую[13]. В данном случае позиция автора перекликалась с суждениями противников Рузвельта в западной прессе, обвинявших СССР в «возобновлении своих усилий по экспорту коммунизма»[14]. В это время газета нередко сообщала о том, что в Советском Союзе после войны выросло число протестов населения из–за усилившегося социального контроля и политического давления, что порой люди «гибли… от случайно сказанного слова, подмеченного в дружеской беседе за рюмкой водки и доведенного до сведения Сталина»[15].

Газета «Россия» в 1946 г. продолжала линию враждебного отношения к СССР, называя власть Сталина «коммунистическим самодержавием», а самого советского лидера сравнивая с завоевателем Руси Чингисханом, «готовым снести голову всему христианскому цивилизованному миру»[16]. Советский вождь часто характеризовался как безбожник, решивший уничтожить православие. С иронией издание отнеслось к «потеплению» отношений между руководством СССР и Русской православной церковью и избранию 2 февраля 1945 г. патриархом РПЦ Алексия I. «Россия» подозревала, что «яростный гонитель церкви» Сталин решил провозгласить себя императором, а «помазание на царство» придало бы власти этого «самозванца» священный авторитет[17]. В сфере международной политики, по мнению газеты, Сталин использовал излюбленные методы шантажа, вымогательства и террора. «Россия» обвиняла советского лидера в порабощении стран Восточной Европы, где им насаждалась коммунистическая идеология[18].

Определенный переломный момент в отношении к СССР со стороны русских эмигрантских газет в Америке наступил после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. Западная общественность пристально наблюдала за разразившейся борьбой за власть между преемниками вождя – Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым. Но, по словам одного из авторов «Нового русской слова» Н. Иргизова, эти советские политики по сравнению с мертвым диктатором воспринимались как безликая масса. Журналист считал, что «кремлевская империя падет», если в стране не появится новый лидер, наделенный сталинскими качествами – хитростью, расчетливостью и упрямством[19].

На страницах эмигрантских СМИ Сталин и после смерти олицетворял собой тоталитарный режим, построенный на угнетении миллионов людей. Это устойчивое представление попыталась поменять журналистка Е. Кускова, отметившая, что именно Сталину удалось создать сильный государственный аппарат, провести индустриализацию, воплотить ряд других грандиозных проектов, к числу которых она относила и строительство московского метрополитена. Правда, как писала Кускова, все эти деяния осуществлялись ценой бесчисленных человеческих жизней[20].

«Новое русское слово», «Русская жизнь» и «Россия» называли представителей коллективного руководства СССР «наследниками Сталина», подчеркивая факт преемственности прежних установок и методов в политике. «Русская жизнь», хотя и признавала ряд перемен в жизни Советского Союза, в частности амнистию, но предполагала, что в будущем Маленков также начнет «по–сталински диктовать условия свободным странам»[21].

Еще одним поворотным пунктом, всколыхнувшим русскую эмигрантскую общественность во всем мире, стало выступление Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с секретным докладом, к которому эмигрантские издания отнеслись с недоверием. «Русская жизнь» объясняла свержение авторитета Сталина желанием советского руководства предотвратить социальный взрыв в стране, свалив свою вину за неудачи на внутреннем фронте на недостатки системы сталинизма. Авторы «Русской жизни» и «России» считали, что представители коллективного руководства не имели морального права обвинять Сталина, поскольку являлись его сообщниками во многих преступлениях[22]. Помимо вполне логичных объяснений действий Хрущева издания печатали поистине фантастические истории. В одной из статей «Русской жизни» предполагалось, что Хрущев решил уничтожить миф о «великом Сталине» после того, как к нему попали доказательства предательства вождя, являвшегося агентом царской полиции[23].

Всех последующих политических лидеров СССР после смерти Сталина эмигрантские газеты в той или иной мере сравнивали с «вождем народов». По их мнению, именно Н.С. Хрущев стремился к возрождению диктатуры, утверждению своего культа и использовал в реформах многие методы сталинизма. Как писала «Русская жизнь», Хрущев вел «двойственную кампанию за мирное сосуществование»: старался быть Сталиным внутри СССР и Маленковым перед свободным миром[24].

Газета «Новое русское слово» отмечала сходство заявления советского лидера на пленуме ЦК, в котором он давал уничтожающую характеристику «антихрущевской группе», с речами Сталина против «врагов народа». Молотова, Маленкова, Кагановича и других Хрущев называл «презренной группой осколков, выкорчеванных ЦК»[25]. «Россия» предполагала, что «кукурузный лидер» Хрущев возобновит практику сталинских «чисток», ведь он уже сумел уничтожить Л. Берию[26]. Но в следующем 1957 г. газеты не могли не отметить отказ преемника Сталина от расстрелов и его решение отправить бывших соратников всего лишь в «почетную ссылку»[27].

Вновь довольно часто имя «вождя народов» стало появляться в эмигрантской периодической печати в США во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., когда руководство СССР во главе с Л.И. Брежневым попыталось реабилитировать имя Сталина. В этот период в русских газетах в Америке фигурировали две противоположные точки зрения. Ряд авторов констатировал постепенное установление «неосталинизма» в СССР к 1970 г. Другие же, сравнивая происходившие в советском обществе процессы с эпохой сталинизма, отмечали, что все–таки «дышать стало легче» и времена массовых репрессий постепенно уходят.

Главный редактор «России» Г.Б. Александровский в 1966 г. сделал вывод о невозможности возврата в СССР к культу личности и установлению сталинских порядков. Существовавший политический строй в Советском Союзе Александровский определял как «секретаредержавие». По его мнению, генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев по своим личным качествам не представлял никакой опасности, занимал в советской политике лидирующие позиции временно и никогда не стал бы «новым Сталиным»[28]. Другой автор «России», сравнивая судебный процесс над поэтами А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем с судом над А.И. Рыковым и Н.И. Бухариным при Сталине, отмечал существенную разницу в положениях обвиняемых: первые смогли свободно выдвигать аргументы в свою защиту[29].

Опасения, что «оттепель» закончилась и веяния сталинизма вновь возрождаются в СССР, охватили западное сообщество после ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.[30] Главный редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум в своих статьях утверждал, что вторжение повлекло за собой раскол в кремлевском руководстве и Брежнев использовал реабилитацию Сталина для укрепления пошатнувшейся власти. Как писал редактор, при Брежневе, которого советская интеллигенция называла «человеком со сталинскими бровями», в СССР были восстановлены старые приемы административного давления, цензура и террор. «Страшно подумать, что повторение сталинщины возможно», – заключал Вейнбаум[31].

Во второй половине 1960-х – 1970-е гг. русские эмигрантские издания в США посвящали отдельные публикации критике поведения Сталина в период Великой Отечественной войны. Они снова «вытащили на свет» пакт Молотова–Риббентропа, а также упрекали Сталина за серию поражений русской армии после внезапного нападения Германии в 1941 г.[32] Советский вождь опять представал как кровожадный деспот, с годами все более склонный к мнительности и подозрительности[33]. «Россия» часто вспоминала сталинскую коллективизацию, унесшую огромное число крестьянских жизней. Применительно к современности газета заключала, что дело «жестокого садиста» Сталина в СССР продолжает жить[34].

Итак, на страницах русскоязычных американских изданий в 1940–1970-е гг. имя советского государственного деятеля Сталина звучало во многих публикациях, тональность которых менялась под влиянием событий внешней и внутренней политики СССР, а также в зависимости от взаимоотношений Советского Союза и США. В годы ВОВ на эмигрантские газеты в определенной степени влияло наличие союзнических контактов между двумя странами, сражавшимися против общего врага. Так же, как и американские СМИ, газеты «Новое русское слово» и «Русская жизнь» благосклонно воспринимали военные успехи Советского Союза и рисовали позитивные образы Красной Армии. На страницах «Нового русского слова» Сталин символизировал победу над гитлеровским фашизмом. «Русская жизнь» критиковала советский строй и к Сталину относилась нейтрально, без пиетета. Монархическая «Россия» отражала взгляды правоконсервативных кругов русской эмиграции и в этот период стояла на позициях «пораженчества».

С переходом к идеологии холодной войны между СССР и США не только «Россия», но и такие газеты, как «Новое русское слово» и «Русская жизнь», выступали с критикой советской системы и идеологии коммунизма. Наибольшее количество публикаций, в которых фигурировало имя Сталина, появлялось в период с 1946 по 1953 г., затем – в 1956 г. после выступления Хрущева на XX съезде КПСС, а также во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., что было связано с попытками Л.И. Брежнева реабилитировать имя «вождя народов».

Во многих материалах, содержавших критику И.В. Сталина, благодатную почву находили идеи американской антисоветской пропаганды холодной войны. Абстрактный «образ врага» в лице СССР персонифицировался и воплощался в Сталине. Издания представляли советского лидера жестоким деспотом в отношении своих соратников и всего русского народа, безбожником, с годами становившимся все более мнительным и подозрительным, а на международной арене – коварным и расчетливым политиком, который руководствовался методами шантажа, обмана и террора. Особенно агрессивными нападками в адрес советского вождя отличалась монархическая «Россия», называвшая коммунистический строй в СССР «красным фашизмом» и сравнивавшая Сталина с Гитлером. Во всех упомянутых нами газетах Советский Союз характеризовался как тоталитарное государство, склонное к репрессиям и стремившееся к мировому засилью коммунизма. Отдельной темой для эмигрантских журналистов становилась критика действий Сталина в период и накануне Великой Отечественной войны. Издания голословно обвиняли советского лидера в её развязывании.

После смерти советского вождя русские эмигрантские газеты всех последующих руководителей СССР называли «наследниками Сталина», подчеркивая их приверженность прежней политической линии и наделяя отрицательными «сталинскими» качествами. Особенное сходство с установками Сталина русские эмигранты в США видели в политике Н.С. Хрущева, не замечая начавшихся процессов либерализации. Л.И. Брежнева же они считали относительно «безопасным», по личным качествам не «дотягивавшим» до Сталина. Некоторые авторы доказывали, что в Советском Союзе при Брежневе наблюдалась некоторая «оттепель». Однако в русских эмигрантских изданиях в США с именем Брежнева связывали и попытки «ресталинизации», особенно после событий Пражской весны 1968 г.

---

1 Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / отв. ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2004. С. 12, 13.

2 Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. С. 207, 208.

3 Леонов Л. После победы // Новое русское слово. Нью–Йорк. 1945. № 12152. 5 авг. С. 3.

4 Маршал Жуков – покоритель Берлина // Русская жизнь. Сан–Франциско. 1945. № 81. 28 апр. С. 2.

5 А.В. Встреча Великой Тройки // Там же. 1945. № 27. 9 февр. С. 1.

6 Красивая мечта // Там же. 1945. № 93. 17 мая. С. 1.

7 Коненков С.Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 306.

8 Мельников Н.А. О борьбе за Россию // Россия. Нью–Йорк. 1950. № 4411. 28 июня. С. 2.

9 Рыбаков Н. Плановое истребление русского народа // Там же. 1945. № 3063. 6 февр. С. 2.

10 Его же. Преступление германо–большевизма! // Там же. 1945. № 3065. 8 февр. С. 2.

11 Россия будет воевать с Японией // Русская жизнь. Сан–Франциско. 1945. № 34. 17 февр. С. 1.

12 Нитобург Э.Л. Русские в США…С. 13.

13 Изнанка советской политики // Русская жизнь. Сан–Франциско. 1946. № 149. 8 авг. С. 1.

14 Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. С. 97.

15 Изнанка советской политики…

16 Рыбаков Н. Плановое истребление русского народа…

17 Мельников Н. Зачем Сталину нужен патриарх? // Россия. Нью–Йорк. 1945. № 3065. 8 февр. С. 2.

18 Остановите разбой Сталина! // Там же. 1946. № 3447. 28 авг. С. 2; Рыбаков Н. Сталин «заговорил», угрожая демократии // Россия. Нью–Йорк. 1951. № 4568. 20 февр. С. 2.

19 Иргизов Н. Коммунизм без Сталина // Новое русское слово. Нью–Йорк. 1953. № 14939. 22 мар. С. 2.

20 Кускова Е. Обездушенный аппарат // Там же. № 14932. 1953. 15 мар. С. 2.

21 Демидов И. Последние дни Сталина // Русская жизнь. Сан–Франциско. 1953. № 2892. 19 июня. С. 2.

22 Где собака зарыта? // Там же. 1956. № 3584. 30 марта. С. 3; Дела, а не слова! // Там же. 1956. № 3585. 31 мар. С. 1.

23 О чем молчали мертвецы… // Там же. 1956№ 3603. 26 апр. С. 1.

24 Где собака зарыта?..; Это–большевизм // Новое русское слово. Нью–Йорк. 1958. № 16715. 24 дек. С. 2.

25 Подготовка партсъезда // Там же. 1958. № 16710. 19 дек. С. 2.

26 Загорский А. Крокодиловы слезы // Россия. Нью–Йорк. 1956. № 5827. 31 мар. С. 2.

27 Молотов – посол во вн. Монголии // Там же. 1957. № 6178. 4 сент. С. 2.

28 Секретаредержавие // Там же. 1966. № 7695. 15 апр.С. 1.

29 Горбунов А. Сопротивление // Россия. Нью–Йорк. 1966. № 7695. 15 апр. С. 2.

30 Рукавишников В.О. Холодная война…С. 322, 323.

31 Вейнбаум М. Наследники Сталина // Новое русское слово. Нью–Йорк. 1969. № 20484. 9 апр. С. 3.

32 Тридцатая годовщина начала Второй мировой войны // Там же. 1969. № 21630. 2 сент. С. 1; Авторханов А. «Верховный» дезертир // Русская жизнь. Сан–Франциско. 1976. № 8449. 9 июня. С. 3, 5.

33 Там же. С. 3.

34 Дудин А. Обреченная затея // Россия. Нью–Йорк. 1972. № 8325. 3 мая. С. 2, 3.

Ю.Н. КОВАЛЕВСКАЯ

«НЕОСТАЛИНИЗМ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

«Неосталинизм» является частью нескольких современных идеологий: коммунистической, национал–большевистской, неоязыческой и модернизационной. Причиной переоценки сталинизма и советского наследия стал протест против результатов неолиберальных реформ в России: социального расслоения, маргинализации широких слоев населения, деградации экономической и социальной среды, отсутствия «государства развития».

Ключевые слова: неосталинизм, неолиберальные реформы, социальный протест.

В современной России наблюдается определенный «советский ренессанс», очередная переоценка советского наследия в целом и сталинской эпохи в частности. Период 1985–1990-х гг. связан с резкой критикой «совка» как «империи зла», олицетворением которой был И.В. Сталин, а также с завышенными ожиданиями от приобщения к «мировому сообществу». Тяжелые последствия рыночных реформ для большинства населения заставили по–иному оценить реальные преимущества советского строя, которые ранее воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Распад СССР, этнические конфликты на постсоветском пространстве, рост преступности и терроризма, реалии «дикого капитализма», а более всего повседневная необходимость выживания вызвали общее отрезвление и разочарование многих россиян в неолиберальных ценностях.

Можно выделить несколько направлений современного «неосталинизма», представленных в российских СМИ и публичном пространстве. Прежде всего, это «традиционный» сталинизм как идеология ортодоксальных коммунистов (КПРФ и др. коммунистических партий). Эти партии имеют значительное число сторонников, в основном среди представителей старшего поколения и жителей российской провинции, которые проиграли в ходе рыночных реформ. КПРФ вновь позиционирует себя как «революционную партию», защищающую интересы простого народа. Критика власти опирается главным образом на противопоставление советского благополучия и сегодняшнего развала. В качестве примера можно привести несколько отрывков из материалов партийной прессы приморских коммунистов.

«Накануне Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне в течение недели я побывал в Дальнереченске, Лесозаводске, Дальнереченском, Красноармейском и Пожарском районах. Скажу предельно откровенно: картина повсюду просто удручающая – везде запустение, дороги раз-

битые, бывшие колхозные поля заросли бурьяном и молодыми деревцами, практически не строится никаких новых производств, социальных объектов и жилья... Муниципалитеты, лишённые полновесного финансирования, влачат жалкое существование. Уныние царит среди населения и молодёжи приморской глубинки, которая в поисках рабочих мест стремится как можно скорее выехать за пределы края. Пришлось здесь встретиться и с участниками Великой Отечественной войны. И кое–кто из них с обидой и горечью задавал мне прямые вопросы: неужели мы сражались за то, чтобы видеть сейчас в нашей стране разруху и нищету? Что я мог ответить этим заслуженным ветеранам?! Разве что оставалось сказать: один Верховный главнокомандующий и руководитель страны 70 лет назад созидал, а нынешний – всё разрушает...»[1]

«На встречах с горожанами, жителями отдалённых сёл не раз звучали слова о том, что пришедший на смену социализму капитализм «с человеческим лицом» не только не сделал их более богатыми и счастливыми, но, напротив, отнял у многих последнее, оставил без работы и средств к существованию, лишил льгот и тех форм социальной поддержки, которые были при советской власти. Тогда мы считали их чем–то само собой разумеющимся, как бесплатное жильё, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, а потеряв, спохватились: как жить дальше? Вопрос отнюдь не риторический, особенно в свете последних решений депутатов-единороссов с подачи администрации края об изменениях в законе о продовольственной корзине, которые приводил на своих встречах В.В. Гришуков. Согласно расчётам представителей партии власти, для нормальной жизни среднестатистического приморца его месячный продовольственный паёк не должен превышать количество продуктов, установленное в 1941 г. для немецких военнопленных, а вот быть меньше не возбраняется. Отличный подарок землякам к 68–й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне!»[2].

Идеологический, более–менее рациональный сталинизм тесно смыкается с мифологическим неосталинизмом, где фигура Сталина выступает в роли предводителя светлых сил, творца и демиурга нового мира. Типологически эти представления соответствуют архаическому, магическому мировосприятию, где Сталин выполняет роль Божественного правителя, как фараон Древнего Египта или дэва–раджа в Древней Индии. Мифологизация образа Сталина произошла еще в период его жизни, однако масштаб современного мифотворчества впечатляет как массовостью (сотни книг, сайтов и миллионы сторонников), так и крайне низким уровнем аргументации и полемики. Этот раздел неосталинизма отличается принципиальной всеядностью – современный сталинист является зачастую революционером и государственником, православным и язычником одновременно. Он верит в инопланетян и погибшие цивилизации, гиперборейцев и жидомасонов и т.п.

Один из популярных гуру неосталинизма Г. Сидоров является одновременно лидером русского неоязычества. Аннотация его книги «Тайный проект вождя или Неосталинизм» выглядит так: «Впервые личность И.В. Сталина как главной фигуры в истории советского государства предстаёт в свете тайных жреческих знаний о Золотом Веке человечества, идущих из глубины веков и противостоящих силам тьмы, которые уже более тысячи лет ведут тайную и явную войну с потомками гипербореев – славянами и ариями»[3].

На сайте неосталинистов даются инструкции о том, как следует отвечать на обвинения в преступлениях сталинизма, например в необоснованных репрессиях: «1937 год. Год победы русской национально–освободительной революции под руководством товарища Сталина над масонской бандой глобалистов, представленных в то время в значительной степени еврейскими большевиками (троцкистами). Борьба Сталина с масонами–глобалистами уходит корнями еще во времена дореволюционной ссылки, где Сталин имел первое столкновение с Яковом Свердловым–Янкелем, масоном, впоследствии главным виновником уничтожения русского царя»[4].

Часть неосталинистов является сторонниками возрождения России в духе традиционного черносотенства, т.е. исповедуют идею «православия, самодержавия и народности», где роль царя (по сути, и Бога) выполняет Сталин и его нынешние сторонники: «Именно в деятельности Ленина и Сталина мы находим сущностную диалектику национального (цивилизационного) и классового, опору на исконные ценности русской цивилизации в строительстве социализма с учетом исторических особенностей России. Нам нужен второй сталинский прорыв, прорыв миллионов, одухотворенных идеей социализма, который, связываясь с духовными основаниями, в России неизбежно становится русским, цивилизационным социализмом. Русская (советская, евразийская) цивилизация, сильное государство, мобилизованный на созидание союз народов должны стать и обязательно станут основным фактором строительства социализма XXI века»[5].

Удивительной разновидностью неосталинизма являются просталинские и просоветские симпатии бывших диссидентов и антисоветчиков, для которых критика социалистического строя была главным содержанием жизни (и, что немаловажно, годами и десятилетиями их основной профессией и средством заработка). Кратко перемену их убеждений можно выразить фразой известного писателя–диссидента, главы эмигрантского издательства «Континент» Максимова: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». Кроме того, реальный Запад не мог оправдать ожиданий советских диссидентов, т.к. не являлся осуществленной утопией. Здесь показательной может служить фигура Э. Лимонова, и фраза из его автобиографического романа «Это я, Эдичка»: «Народ поверил обещаниям большевиков, но оказалось, что после революции все равно нужно работать». Превращение Э. Лимонова из эстета и либертарианца в крайнего националиста, большевика и лидера запрещенной экстремистской партии – один из ярчайших примеров «советского поворота» в мозгах российской интеллигенции.

Характерна также позиция А. Кончаловского. Мастер кино убежден, что «государство в жидком виде сливается со стола. Его надо подморозить. Оно должно жить всегда в подмороженном состоянии. Россия требует авторитарного режима. Другой вопрос – как это произойдет и для чего этот режим? Это случится не потому, хотите вы этого или нет, а потому, что иначе все развалится». Об этом Андрон Сергеевич заявил на заседании элитного интеллектуального «Никитского клуба» в Москве[6].

Не менее интересна эволюция взглядов А.А. Зиновьева, который стал убежденным антисталинистом уже в 17 лет. Он сделал себе имя как чрезвычайно талантливый социолог – критик социализма[7]. За антикоммунизм был выслан на Запад, там выпустил 12 книг, в которых раскрывал сущность со-

ветского строя и его угрозу для мировой цивилизации. И вдруг после распада СССР и перехода к рынку он возвращается в Россию и выступает с жесточайшей критикой «западнизма» и новых российских порядков, совершенно пересмотрев свои взгляды на советское общество и Сталина. Причем даже его злейшие враги не подозревают его в продажности или конъюнктурности: он известен честностью и несгибаемым характером, который всегда приводил его в стан оппозиции. Каковы же его аргументы?

Прежде всего, А. Зиновьев не принимает постсоветской действительности. Для него она откат на более низкий уровень развития, деградация и распад. «Альтернатива сталинизму не есть нечто хорошее. Она может быть столь же гнусной, как и то, альтернативой чему она является. Это лишь две крайности в рамках одного и того же социального феномена. Помните сталинские доклады по принципу «у нас раньше не было того–то (имелись в виду конкретные отрасли индустрии, культура, образование и т.п.), теперь это есть у нас»? В наше постсоветское время новым вождям пора делать доклады наоборот: у нас было то–то и то–то (в смысле достижений), теперь этого нет у нас, зато у нас не было нищеты, теперь она есть у нас; у нас не было безработицы, у нас она есть теперь; у нас не было массовой наркомании, у нас она есть теперь и т.д. Идеологический беспредел в России означает не свободу слова, культуры, самовыражения и т.п., а засилье шарлатанов, проходимцев, дилетантов, невежд, бездарностей, бандитских групп, организованной преступности, идейных и культурных воров, грабителей, налетчиков, погромщиков»[8].

После распада СССР Зиновьев увидел унижение России и по–иному оценил личность Сталина и отношение к нему на Западе: «И как бы мы не относились к коммунизму и к Сталину, бесспорным остается тот факт, что никакой другой политический деятель в истории не добивался такого успеха, как Сталин. И ненависть к нему до сих пор не угасает не столько из–за причиненного им зла (многие в этом отношении превзошли его), сколько из–за этого его беспримерного личного успеха»[9].

Трагические стороны советской эпохи А.А. Зиновьев считает не результатом личных преступлений Сталина или идейного догматизма большевиков, а следствием объективных обстоятельств того времени и качеств советского народа. «…Имело место историческое творчество в полном смысле слова. Строители нового общества имели перед собой конкретные задачи установления общественного порядка, борьбы с преступностью, борьбы с беспризорностью, обеспечения людей продуктами питания и жильем, создания школ и больниц, создания средств транспорта, строительства заводов для производства необходимых предметов потребления и т.д. Они поступали в силу жизненной необходимости, в силу наличных средств и условий, в силу объективных социальных законов, о которых не имели ни малейшего понятия, но с которыми вынуждены были считаться на деле, действуя по принципу проб и ошибок. Они не думали о том, что тем самым создавали ячейки нового общественного организма с их закономерной структурой и объективными, независящими от их воли социальными отношениями. Их деятельность была успешной в той мере, в какой они, так или иначе, считались с объективными условиями и законами социальной организации. В общем и целом Сталин и его соратники действовали в соответствии с жиз-

ненной необходимостью и объективными тенденциями реального бытия, а не с какими–то идеологическими догмами, как им приписывают фальсификаторы советской истории»[10].

А.А. Зиновьев считает главным достижением сталинизма создание такой социальной организации, в которой образование было реально доступно для всех и выполняло роль социального лифта.

«Общепринято думать, будто западная экономика является более эффективной, чем советская. Это мнение просто бессмысленно с научной точки зрения. Надо различать экономические и социальные критерии оценки эффективности экономики. Социальная эффективность экономики характеризуется способностью существовать без безработицы и без разорения нерентабельных предприятий, более легкими условиями труда, способностью сосредоточивать большие средства и силы на решение задач большого масштаба и другими признаками. С этой точки зрения, как раз сталинская экономика оказалась максимально эффективной, что стало одним из факторов побед эпохального и глобального масштаба.

В решении этой проблемы новое общество продемонстрировало свое преимущество перед всеми прочими типами социальных систем. Самым легкодоступным для него оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории,– образование и культура. Оказалось, что легче дать людям хорошее образование, открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду, пищу. Доступ к образованию и культуре был самой мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что её не могла остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как самая страшная угроза этому завоеванию революции. Быт при этом играл роль второстепенную. Надо было лично пережить это время, чтобы оценить это состояние. Потом, когда образование и культура стали чем–то само собой разумеющимся, привычным и будничным, это состояние исчезло и забылось. Но оно было и сыграло свою историческую роль»[11].

Среди экспертного сообщества – экономистов, социологов, политологов также замечается переоценка советского прошлого и роли Сталина, вызванная разочарованием в неолиберальных реформах. Отечественные неолибералы, сторонники т.н. вашингтонского консенсуса отделяют инновационную политику от индустриализации, возведя ее в ранг самостоятельного культа: «Денег никому не давай, экономическую политику самостоятельную не проводи, «неинновационным» отраслям создавай неблагоприятные условия, реформы проводи жесткие и непопулярные, но всеобщие, промышленность не поддерживай». При этом, говоря весьма сурово о том, что государство не должно вмешиваться в экономику, в деятельность отраслей и отдельных предприятий, вся реальная практика реформаторов строится «на вмешательстве во все и вся, в каждую хозяйственную дырку, только с целью не поддержать, а выковырять кого–нибудь из этой дырки и задушить»[12].

Как заявила вице–премьер О. Голодец, в России «48 млн чел. работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»[13]. Академик И. Ивантер считает, что это в значительной

мере жители малых городов и сел, которые живут натуральным хозяйством – собственными огородами, собирательством. То есть значительная часть России уже живет в доиндустриальном обществе. По мнению И. Ивантера, неолиберальная парадигма, по сути, отказывает властям собственной страны в праве осуществлять экономическую политику развития[14].

Известный российский ученый М. Делягин считает, что «оптимальная программа российской модернизации должна состоять в своего рода «неосталинизме» – концентрации ресурсов при государственном стимулировании, с одной стороны, возможно более массовой интеллектуальной деятельности, а с другой – максимально быстрого и широкого применения ее результатов. Он предлагает следующую программу модернизации России: «Стратегические, на поколение, то есть четверть века, цели модернизации просты: 1. Модернизироваться как социально, так и технологически, обновить себя и страну. Старая модель существования, основанная на проедании советского наследия, исчерпана почти полностью. 2. Сохранить Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток: при численности населения 2% от общемировой, мы сохраним за собой почти 20% мировых ресурсов, лишь будучи умными, умелыми и энергичными. 3. Восстановить внутреннее единство России по региональному, национальному и социальному признакам. 4. Повысить не только уровень, но и качество жизни так, чтобы жить в самом дальнем уголке нашей страны было приятно и уютно»[15].

Таким образом, «неосталинизм» или переоценка сталинизма в современной России связаны со следующими факторами.

1) Издержки слабого государства для населения сравнимы с издержками сильного. Например, сталинские репрессии по уровню потерь сравнимы с потерями современной России от преступности (по официальным данным, в РФ 120 тыс. пропавших без вести, по уровню убийств РФ опережает Францию в 16 раз, от ДТП в год гибнет около 50 тыс. чел. и т.п.). Рабский труд применялся не только в сталинском ГУЛАГе. Он активно применяется в современной рыночной России, только не на благо государства, а в интересах частных лиц. На кирпичных заводах в Дагестане, на полях в станице Кущевская, в подпольных цехах, шахтах, на стройках и в магазинах, где работают нелегальные мигранты, в зонах, где заключенные работают по 14 часов в день, – по сути, применяется рабский труд. Сейчас нет принудительных депортаций целых народов, однако ослабление государства привело к этническим конфликтам, сепаратизму, национализму, вплоть до полномасштабных войн, от которых погибло и гибнет множество людей.

2) Реформы 1985–2000 гг. для большинства людей можно кратко охарактеризовать в двух словах: мегазатраты – нанорезультаты.

3) В разных слоях общества растет запрос на «государство развития», т.е. на реиндустриализацию, демократизацию, совершенствование правовой и финансовой системы.

4) В обществе существует ностальгия о социальном государстве советского типа, где предоставлялось бесплатное жилье, образование и медицинские услуги, существовало единое культурное пространство, интернационализм, равенство возможностей, идея общего блага.

1 Егоров Ю. За Родину! За Сталина! // Правда Приморья. Владивосток, 2013. № 19 (619). С. 2.
2 Ахматов Ш. Нам с этой властью не по пути // Правда Приморья. 2013. № 19 (619). С. 3.
3 Сидоров Г. Тайный проект вождя или Неосталинизм. М.: Родович, 2012. URL: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4139749/ (дата обращения: 20.05. 2013).
4 Неосталинизм. URL: // http://newzz.in.ua/politic/1148824951–neostalinizm.html (дата обращения: 15.06.2013).
5 Лагутин М., Богачев А. Какая Россия нужна русским православным людям? Ч. 3. URL: http://ekklezia.ru/blogi/1394–kakaya–rossiya–nuzhna–russkim–pravoslavnyim–lyudyam–chast–3.html (дата обращения: 20.05. 2013).
6 Тимошенко В. Неосталинизм России. Crescendo. URL: http://www.politua.ru/polit/1348.html (дата обращения: 15.06.2013).
7 Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М., 1993; и др.
8 Его же. Русская трагедия (Гибель утопии). М., 2000. С. 22–26. URL: http://croquis.ru/3595.html. (дата обращения: 20.05. 2013).
9 Зиновьев А.А. Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм. URL: zino/stalin.htm (дата обращения: 20.06.2013).
10 Там же.
11 Там же.
12 Ананьев О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15–27.
13 Вице–премьер: 38 миллионов россиян заняты непонятно чем // РБК: весь мир. 03 апреля 2013 г. URL: http://top.rbc.ru/economics/03/04/2013/852256.shtml (дата обращения 29.04.2013).
14 Ивантер И. и др. Консенсус не достигнут: Господствующая в России экономическая школа теоретически не способна обосновать промышленный рост. URL: http://expert.ru/expert/2013/25/konsensus–ne–dostignut/(дата обращения: 16.06.2013).
15 Делягин М. Китайский путь для России. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya–povestka/Kitajskij–put–dlya–Rossii–neostalinizm/ (дата обращения: 16.06.2013).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕТОВА Анна Валинуровна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и архивоведения, Комсомольский–на–Амуре государственный технический университет (КнАГТУ), Комсомольск–на–Амуре. E–mail: angel496814@mail.ru

БУЯНОВ Евгений Валентинович – д–р ист. наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Амурский государственный университет (АмГУ), Благовещенск. E–mail: professor_bl@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток. E–mail: evasileva12@yandex.ru

ВАЩУК Ангелина Сергеевна – д–р ист. наук, профессор, зав. отделом социально–политической истории, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН), Владивосток. E–mail: va_lina@mail.ru

ВЛАСОВ Сергей Александрович – канд. ист. наук, ст. н. с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail:vlasov54@bk.ru

ГАЛЕНКО Елена Васильевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры сервиса и туризма, ДВФУ. E–mail: galenko_tgey@mail.ru

ГЕРАСИМЕНКО Александр Павлович – канд. ист. наук, зав. отделом информационных технологий, ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: ihaefe@yandex.ru

ДРУЗЯКА Андрей Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ), Благовещенск. E–mail:druzyaka12@mail.ru

ДУДАРЕНОК Светлана Михайловна – д–р ист., наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории и архивоведения, ДВФУ. E–mail: dudarenoksv@gmail.com

ДУДАРЬ Лариса Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения, ДВФУ. E–mail: dudar–1966@mail.ru

ДУДЧЕНКО Герман Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики, Невский институт языка и культуры, Санкт–Петербург. E–mail: gdudchenko@rambler.ru

ЖУРАВЛЕВ Павел Владимирович – аспирант, ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru

ИВАНОВ Александр Валериевич – д–р ист. наук, профессор кафедры истории России, БГПУ. E–mail: blagovalex@yandex.ru

ИВАНОВА Алина Павловна – канд. архитектуры, доцент кафедры дизайна, Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ), Хабаровск. E–mail: iva.nova@mail.ru

ИВАЩЕНКО Вадим Александрович – ст. преподаватель кафедры истории отечества, государства и права, ТОГУ. E–mail: Piter.2013@rambler.ru

КАМАРДИНА Наталья Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (КамГУ), Петропавловск–Камчатский. E–mail: nata_kamardina@mail.ru

КИРЕЕВ Сергей Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории отечества, государства и права, ТОГУ. E–mail: sergej–kereev@yandex.ru

КИРИЛЛОВА Алина Игоревна – ассистент кафедры истории России и зарубежных стран, КамГУ. E–mail: astra1155@yandex.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна – канд. ист. наук, ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: tupa67@mail.ru

КОВАЛЕНКО Светлана Геннадьевна – канд. ист. наук, н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: ostina@list.ru

КОНЯХИНА Анастасия Петровна – м.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: kap1@rbcmail.ru

КРУШАНОВА Лариса Александровна – канд. ист. наук, н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: larrie@list.ru

ЛОМОВА Татьяна Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения, ДВФУ. E–mail: lomova69@mail.ru

ЛЮШИЛИН Евгений Леонидович – аспирант, КнАГТУ. E–mail: lushilinel@mail.ru

МАКАРЕНКО Василий Геннадьевич – канд. ист. наук, ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: vasgen@bk.ru

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович – аспирант ДВФУ. E–mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

МОИСЕЕВА Любовь Андреевна – д–р ист. наук, профессор, зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин, Дальневосточная государственная академия искусств, Владивосток. E–mail: 1977edward@mail.ru

МОТРЕВИЧ Владимир Павлович – д–р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург. E–mail: vladimir.motrevich@mail.ru

ОСИПОВА Эрика Викторовна – канд. ист. наук, н.с., ИИАЭ ДВО РАН.E–mail: eossipova@yandex.ru

ПОЛУТОВ Андрей Вадимович – канд. ист. наук, зав. центром японоведения ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: pol@vtc.ru

ПОТАПОВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории, Сахалинский государственный университет (СахГУ), г. Южно–Сахалинск. E–mail:napotapova@yandex.ru

РОМАНОВА Галина Николаевна – канд. ист. наук, ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail:galnikrom@yandex.ru

РЯБЧЕНКО Николай Павлович – канд. ист. наук, ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: ranaut@mail.ru

САВЧЕНКО Анатолий Евгеньевич – канд. ист. наук, н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: savich21@mail.ru

СЕЛЕЗНЕВА Елена Юрьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, ДВФУ. E–mail: SeleznevaEY@yandex.ru

СИНИЦЫН Фёдор Леонидович – канд. ист. наук, докторант, Институт российской истории РАН, Москва. E–mail: permcavt@gmail.com

СЛИВКО Станислав Вадимович – ассистент кафедры отечественной истории, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск. E–mail: tov.slivko@mail.ru

СУКОРКИНА Екатерина Сергеевна – студентка, специальность «историко–архивоведение», КнАГТУ. E–mail: angel496814@mail.ru

ТУРАЕВ Вадим Анатольевич – канд. ист. наук, вед.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: v_turaev@mail.ru

ФЕДИРКО Оксана Петровна – д–р ист. наук, профессор, ДВФУ. E–mail: fedenka.67@mail.ru

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна– канд. филол. наук, вед.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail:lefet@yandex.ru

ЧЕРНОЛУЦКАЯ Елена Николаевна – д–р ист. наук, вед.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E–mail: chvalery@mail.ru

ШУГАЙЛО Татьяна Сергеевна – н.с. отдела исследований, Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева, Владивосток. E–mail: randy–t@rambler.ru

ЯСЕНЕВА Екатерина Викторовна – ст. преподаватель кафедры российской и всеобщей истории, СахГУ. E–mail:napotapova@yandex.ru

SUMMARIES

STALIN'S POLICY OF COMPREHENSIVE DEVELOPMENT OF THE FAR EAST (1938 – JUNE 1941): SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY.

Lyubov Moiseyeva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department ofgeneral humanitarian disciplines, Far Eastern State Academy of Arts, Vladivostok. E–mail: 1977edward@mail.ru

The article shows a historical breakthrough in the development of heavy industry of the Far East of the USSR in the second half of the 1930s – the early 1940s, which resulted from the implementation of the plans for a third five–year plan, based on the principles of structural–branch complexity, large–scale of capital investments, resource mobilization. The author came to the conclusion about the importance of the historical experience of the comprehensive approach of the state to the development of the Far East at the present stage.

Keywords: complex development, heavy industry, capital expenditures, resource mobilization, the Far East of Russia.

THE ENERGY CONSTRUCTION IN THE FAR EAST IN THE YEARS OF RECONSTRUCTION OF THE NATIONAL ECONOMY (THE FIRST FIVE–YEAR PLAN, 1928–1932).

Alexey Maklyukov – postgraduate student, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok. E–mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

The article deals with main aspects and problems of electric power in the Soviet Far East in the years of implementation of the first five–year plan (1928–1932). The author concludes that the regional economy under conditions of a severe energy deficit.

Keywords: energy basis, power system, industrial area, power generation, the Soviet Far East.

GROSS AGRICULTURAL PRODUCTION OF THE FAR EAST IN THE 1940s–THE EARLY 1950s.

Vladimir Motrevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of history, Ural State Agrarian University, Ekaterinburg. E–mail: vladimir.motrevich@mail.ru

The dynamics of gross production of agriculture of the USSR, the contribution of the republics and regions, including the Far East,to the food balance of the country in 1940–1952 are studied.The author concludes that the difference in the reduction of agricultural production, caused by war, between the regions, which were occupied, and the rest ones was often insignificant.Agriculture of Amur region was fastestrestored on the Far East in the postwar period. It is proved that

the farm sector developed most quickly in that time. Agricultural production has increased also in the public sector as well as in the households of workers and employees. However, the peasant farms stagnated due to the peculiarities of the agrarian policy of those years, the tax system in the first place.

Keywords: gross production of agriculture, the Far East, cost indicators, comparable rates, agricultural production, agricultural policy, farms, Great Patriotic war, postwar years.

STALIN'S RESETTLEMENT POLICY TO THE FAR EAST OF RUSSIA IN 1925–1953.

Alexander Ivanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian history, Blagoveshchensk State Pedagogical University (BSPU), Blagoveshchensk.E–mail: blagovalex@yandex.ru

The article analyses the dynamics of planned resettlements to the Far East of the USSR, which were mostly agricultural, organized by the Soviet state in the Stalin period. The author gives statistics on arrival, outflow and effectiveness of this form of migrations. Their role in the development of agriculture in the Far East is shown.

Keywords: migration, agricultural resettlement, Far East of the USSR.

EVOLUTION OF THE FORMS OF LABOR–PROVIDING IN THE SOVIET FAR EAST: COERCION, MOBILIZATION, LABOUR MARKET.

Elena Chernolutskaya – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IHAE FEB RAS), Vladivostok. E–mail: chvalery@mail.ru

The author makes comparative analysis of the three basic methods of labor–providing and closely related forms of migration (voluntary, schedule–organized and penitentiary) in the Soviet Far East in Stalin and post–Stalin periods. It is shown that this system which had highly centralized, mobilization–coercive character in the 1930–1940s became a little bit softer in the 1950s. Later partial decentralization and liberalization occurred especially in penitentiary segment. Value of organized and forced forms steadily fell but authority attempted to modify themconsidering the realities of the time.

Keywords: migration, providing the labour resources, the Far East, Stalin period, post–Stalinperiod.

COMMERCIAL AND EXEMPLARY TRADE IN THE SOVIET FAR EAST IN THE 1930–1940s.

Larisa Dudar – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of Russian history and archival studies, FEFU. E–mail:dudar–1966@mail.ru

Article is devoted to the history of the Far Eastern trade in the late 1920s – 1940s. Most of this period there was a system of rationing goods on the cards in the USSR. At the same time, there appeared a network of state–owned commercial and "exemplary" shops that sold goods at higher prices. The issues of organization of trade, pricing, forming the product mix in commercial trade as well as its role in the system of supply of various categories of the population in the Far East are analyzed on the basis of archival materials.

Keywords: rationing, commercial trade, "exemplary" trade, commercial prices.

GOVERNANCE IN THE FAR EAST IN 1945–1965: PECULIARITIES AND RESULTS

Svetlana Kovalenko – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: ostina@list.ru

The article is devoted to the governance reforms in the region in 1945–1965. The peculiarities of the control system in the Far East are described. Its post–war transformation at the regional level, the creation of the councils of national economy and a return to Ministerial system are presented as a natural stage of the state management policy.

Keywords: governance, management policy, Ministries, the councils of national economy, the Far East of the USSR.

TAXES AS PART OF THE FISCAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE FAR EAST (THE MID–1940s – THE EARLY 1960s).

Elena Selezneva – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of accounting, analysis and audit, FEFU. E–mail: SeleznevaEY@yandex.ru

During the postwar years, the Soviet government regulated the redistribution of national income by means of taxes in accordance with the existing distribution model. The article considers the features of this process at the level of the Far Eastern region. Studying this aspect of the relations between the state and societyin the historical contextis one of the ways to find the correct approaches to the solution of many modern financial and social economic problems.

Keywords: fiscal policy, financial system, financial administration, budget, taxes, distribution, population.

THE FORMATION OF POLYCENTRIC GOVERNANCE SYSTEMOFTHE FAR EASTERN REGION OFRUSSIA (1938–1956).

Pavel Zhuravlyov – postgraduate student, IHAE FEB RAS. E–mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru

The article discusses the history of administrative–territorial dividing the Far Eastern region on number of territories and regions, equallysubordinate to the Center, in the 1930–1950s.The reasons and consequences of these transformations are analyzed.

Keywords: governance, administrative–territorial division, administrative–territorial reform, RussianFar East

THE PHENOMENON OF MARTIAL BROTHERHOODS AS A FACTOR OF EVOLUTION OF THE SOVIET MILITARY ELITE IN 1918–1938.

Evgeniy Lyushilin – postgraduate student, Komsomolsk–on–Amur State Technical University (KASTU), Komsomolsk–on–Amur. E–mail: lushilinel@mail.ru

The article considers the process of the origin of martial brotherhoods during the Civil war as one of the types of informal social structures. The author analyzes the competitive struggle among their leaders during the centralization of the army control, entryof some of them into the military elite of the country. The influence groups formed based on combat brotherhoods in peace, and their place in a repressive campaign 1937–1938 are studied.

Keywords: martial brotherhoods, informal connections, Civil war, influence groups, military elite, repressions.

CAMPAIGN AGAINST "WRECKERS" IN THE FAR EAST IN THE LATE 1920s – THE EARLY 1930s AS A WAY TO KEEP THE REGION IN A COMMON POLITICAL SPACE OF THE STALINIST USSR.

Vadim Ivashchenko – senior lecturer, Department of Fatherland history, state and law, Pacific State University (PSU), Khabarovsk. E–mail: Piter.2013@rambler.ru

The article provides data about the participation of the Plenipotentiary of the OGPU on the Far Eastern kray in the state repressive actions against the engineering–technical workers of the region, accused of counter–revolutionary wrecking activity, at the turn of the 1920s and 1930s.

Keywords: Stalin's repressions, the special services, engineering and technical employees, the Soviet Far East.

THE JAPANESE SPECIAL SERVICES ASSESSMENT OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE USSR, 1937–1938.

Andrey Polutov – Candidate of Historical Sciences, Head of Center for Japanese studies, IHAE FEB RAS. E–mail: pol@vtc.ru

Based on materials from the funds of Japanese archives, the author discloses the process of gatheringinformation about political repression in the USSR in the late 1930s by the various agencies of Japan, including the diplomatic agencies, military, intelligence, gendarme services etc. The sources of information and methods of their analysis are shown.It was revealed that the main goal of the Japanese leadership in this work was to evaluate the effect of political repression on domestic policy, economy and military potential of the USSR in order to timely adjust its diplomatic and military strategy.

Keywords: political repression in the USSR, the Stalinist leadership, the Red Army, the NKVD, diplomatic, military and gendarmerie services of Japan, gathering an information.

COAST BATTERY №908 OF SOVETSKAYA GAVAN NAVAL BASE (FIELD STUDIES).

Sergei Kireev – Candidate of Historical Science, associate Professor, Department of Fatherland history, state and law, Pacific State University, Khabarovsk. E–mail: sergej–kereev@yandex.ru

Many historians consider relations between Russia and Japan in 1931–1945 as a state of undeclared war. Both countries were preparing for the forthcoming wide–scale war. Mass construction of the coast batteries in the Pacific region of the USSR was one of the aspects of this preparation. The coast batteries were primarily set up in the territory of naval bases including the bases in Sovetskaya Gavan. The first of them in this region was the battery №908. Although its guns cannons not had a chance to open fire on the enemy during the war of short duration in 1945, but it played a certain part in controlling Japanese militarists.

Keywords: military confrontation between USSR and Japan, 1931–1945, Sovetskaya Gavan naval base, coast battery.

THE FAR EAST OF THE RUSSIA IN THE CONTEXT OF SOCIO–POLITICAL SECURITY (1946 – THE MID–1960s).

Angelina Vashchuk – Doctor of Historical Sciences,Professor, Head of Department of socio–political research, IHAE FEB RAS. E–mail: va_lina@mail.ru

Anatoliy Savchenko – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: savich21@mail.ru

The control system of the Far Eastern territory and the society during the period 1946 to mid–1960s is presented as a state strategy for socio–political security of the Soviet type.The common for the USSR features of this strategy and its “hot spots” in the Far Eastern region are revealed through the prism of the views of the Stalinist leadership and Khrushchev’s team of political reformersas well as with consideration of the limits of socio–political changes and the real consequences of the control that had the aim to preserve the Soviet system. Historical material is compared in the formats of the late–Stalin period and the first decade after Stalin’s epoch.

Keywords: the Russian Far East, threats, state security, socio–political security, state borderline, Dal’story, social relations, social control.

THE PARTY–STATE NOMENCLATURE OF THE AMUR REGION IN 1953: BEFORE AND AFTER THE DEATH OF STALIN.

Evgeniy Buyanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of world history and international relations, Amur State University, Blagoveshchensk.E–mail: professor_bl@mail.ru

Political situation in Amur region in 1953 is analyzed in this article. It is noted that attitude to Stalin among regional party–state nomenklatura was quite discreet and was of a nature of veneration of the leader. All public manifestation of Stalin’s cult of personality was significantly curtailed immediately after his death. It was important for local nomenklatura to know who will be the next leader in the near future. The struggle for power on the regional level is revealed based on the analysis of archive documents. It’s concluded that external discreet loyalty of the local elites hid long–lasting discontent by the Stalin’s policy. This circumstance significantly helped Khrushchev to eliminate his opponents who considered as followers of Stalin’s cult of personality.

Keywords: Stalin’s cult of personality, L.P. Beria, G.M. Malenkov, N.S. Khrushchev, party–state nomenklatura, regional elite, struggle for power in high echelons of USSR’s government.

IMPLEMENTATION OF THE GOVERNMENT HOUSING POLICY AND SOLUTION OF THE HOUSING PROBLEM IN THE FAR EAST IN STALIN AND POST–STALIN PERIODS.

Sergey Vlasov – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAE FEB RAS. E–mail:vlasov54@bk.ru

The housing policy and the housing problems in the USSR in the years of Stalin and a subsequent age are investigated. It is revealed that the housing policy in the years of Stalin was differentiated in relation to different socio–professional groups, solution of housing problem was subordinated to the conduct of industrialization – housing was provided primarily party and economic managers, some representatives of engineering and technical intelligentsia and working class. Since the late 1950s, the course on large–scale housing construction was embarked. The state assumed the obligation to provide housing for every Soviet family, regardless of social status and occupation of its members.

Keywords: housing policy, housing, the housing problem, departmental and municipal housing, large–panel construction.

SOCIAL FEARS AS A FACTOR IN THE CONDUCT OF RESEARCH WORKERS OF THE FAR EAST IN THE 1920–1980s.

Elena Vasilieva – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of social sciences, FEFU. E–mail: evasileva12@yandex.ru

Fear is the strongest emotional motivation of social behavior, makingno exception for any of the social groups. Scientists of the Far Eastof the Soviet period, being exposed to a different kind of social fears, depending on their nature have adjusted their professional behavior.

Keywords: social fears, scientific policy, academics, research, repression, basic science, applied science.

THE LAW "ON PARASITES", 1961, AND ITS REALIZATION IN THE FAR EAST.

Larisa Krushanova – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: larrie@list.ru

The article is devoted to the formation of the criminal legislationin the USSR in the 1950–1960s directed on fight against such phenomena as parasitism, beggary and vagrancy. The peculiarities of its realization in the Far East are considered.

Keywords: antisocial parasitic elements, fight against parasitism, beggary and vagrancy, Far East, law enforcement agencies.

INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST AS AN OBJECT OF IDEOLOGICAL MANIPULATION AND ECONOMIC RESOURCE.

Vadim Turaev – Candidate of Historical Sciences, leading researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: v_turaev@mail.ru

The article is devoted to the features and results of the state policy of the USSR in relation to indigenous peoples of the Far East in the post–Stalin period. The ideological and economic aspects of this policy are considered. The contradiction of the government's activities for ethnic development of indigenous peoples is shown.

Keywords: Far East, indigenous peoples, destruction of peasantry, ethno–linguistic and ethno–cultural processes.

IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF COLLECTIVIZATION IN THE NATIONAL DISTRICTS OF THE SOVIET FAR EAST.

Anna Akhmetova – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, of Department of history and archival studies, Komsomolsk–on–Amur State Technical University (KASTU). E–mail: angel496814@mail.ru

Ekaterina Sukorkina – student, KASTU.

With the establishment of Soviet power in the Russian Far East, the systematic assistance with food, hunting equipment, fishing gear and ammunition to indigenous peoples of the Far North–Eastbegan to be implemented. Uniting into associations (tovarishchestvo) was the first step. Dispossession (deculakization), experienced even by the poorpeasants, had a negative impact on people's lives. The weak associations were merged into more powerful and economically sustainable ones. This has facilitated the development of reindeer herding.

Keywords: association (tovarishchestvo), artel, cooperatives, dispossession (deculakization), collectivization, indigenous peoples of the Far North–East, Committee of the North.

THE PROBLEM OF CLOSING DOWN NATIONAL VILLAGES IN KAMCHATKA AREA IN 1950–1980s (ON BYSTRINSKI DISTRICT MATERIALS).

Alina Kirillova – assistant, Departmentof Russian and overseas history, Kamchatka State University named after Vitus Bering (KamSU), Petropavlovsk–Kamchatski. E–mail: astra1155@yandex.ru

The article is devoted to one of the aspects of the ethnic policy of the Soviet state in the Far East in post–Stalin period. The efficiency and profitability of collective farms and farmsteadscreated in the 1930–1950s were assessedin the frame of analysis of the Stalinism heritage.On the basis of archival materials on a history of Bystrinsky district (Kamchatka) the article describes stages, methods and resultsof the process of amalgamation of the national settlements and collective farms

Keywords: national village, national villages closing down, Bystrinski district, Kamchatka, the Evens.

DIPLOMACY OF D.T. SHEPILOV IN THE FAR EAST (1956–1957).

German Dudchenko – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Departmentof regional studies and economics, Nevsky Institute of Language and Culture, S. Petersburg. E–mail: gdudchenko@rambler.ru

The article is devoted to the short period in career of D.T. Shepilov, who headed the Ministry of foreign affairs of the USSR in 1956–1957. The author concludes that Shepilov’s appoint to this post has opened a new page of the national foreign policy, which has made a giant “turn towards the East”.

Keywords: D.T. Shepilov, Soviet diplomacy, the Eastern direction of the foreign policy of the USSR.

RECEPTION OF THE SOVIET LEGISLATION IN THE LEGAL SYSTEM OF CHINA.

Andrey Druzyaka – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of History of Russia, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E–mail: druzyaka12@mail.ru

Russia and China influenced each other considerably in many spheres of public life throughout the entire period of the bilateral relations including the “iron curtain” period. Dominating influence of the Soviet political and legal ideology, the legislation and legal institutes became the most important factor for the formation of legal system of the modern People’s Republic of China. The positive and negative Soviet experience in many respects influences the transformation process of the Chinese legislation system and judicial authoritieseven today. The article describes some common features and peculiarities of the USSR and PRC legal systems, allowing tracking this influence.

Keywords: legislation, People’s Republic of China, USSR, legal proceedings, legal system.

TRADE–ECONOMIC AND SCIENTIFIC–TECHNICAL CONNECTIONS OF THE USSR AND THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA IN THE 1950–1960s (INTERNATIONAL AND REGIONAL ASPECTS).

Galina Romanova – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: galnikrom@yandex.ru

The article analyzes the tendencies, nature andstagesof the trade–economic and scientific–technical connections between the USSR and the People’s Republic

of Chinain the 1950–1960s in view of their influence on the development of the Far East of Russia and political mutual relation of two countries.The periods of rise and decline of this process and their causes are shown.The role of the Soviet Union in industrialization of Northeast China is elucidated. Much attention is paid to a problem of cooperation in various spheres of science and technology. The estimates both from the Russian and Chinese historiography are given.

Keywords: Far East of Russia, Northeast China, trade–economic and scientific–technical connections, industrialization, cooperation, contract, agreement, Soviet specialists, mutual aid, Chinese leadership.

TO THE ORIGINS OF CIVIL SOCIETY ON THE RUSSIAN FAR EAST: FROM PERSON DISSATISFIED TO PERSON ACTING.

Anastasiya Konyakhina – associate researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: kap1@rbcmail.ru

The article analyzes the problems of origin of civil society on the Russian Far East on the example of the destinies and activities of the participants of informal public organizations in the periods of Khrushchev thaw and perestroika. Developments of infrastructure and protest forms (from individual moral act to social movement) are investigated.

Keywords: civil society, social protest, dissent, social movement.

SYSTEM TRENDS OF THE EVOLUTION OF SOVIET SOCIALISM.

Nikolay Ryabchenko – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: ranaut@mail.ru

System trends in the Soviet socialism are studied at three levels – global, regional and country – in relation with evolution of patriarchy as a common social system of humankind. Formation of socialist camp was a division of the world. Further existence of socialist camp as a closed system led to a split because of the Sino–Soviet conflict and, ultimately, to death. All major problems and contradictions of socialism also affected the USSR. Stalin's death was line after which the development of the Soviet Union became freer, but it could not cope with the arising problems.

Keywords: patriarchy, socialism, socialist camp, Stalin, Khrushchev, Sino–Soviet split.

PREPARATION OF SPECIALISTS WITH A HIGHER EDUCATION IN THE FAR EAST OF THE USSR IN THE 1920–1930s: SOCIAL ASPECTS.

Vasiliy Makarenko – Candidate of Historical Science, senior researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: vasgen@bk.ru

The article describes the process of establishment of the system of higher education in the Soviet Far East in the 1920–1930s. The stages of its reforms are shown. Special attention is paid to material and technical condition, the social infrastructure and staffing of higher educational institutions.

Keywords: Far East of USSR, higher education, preparation of specialists, social aspects, material–technical condition, staffing.

THE TRANSFORMATION OF THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN THE FAR EAST IN THE SECOND HALF OF THE 1930s.

Stanislav Slivko – lecturer, Department of national and world history, Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk. E–mail: tov.slivko@mail.ru

The article discusses the key issues of development of the Soviet historical science in the Far East in the second half of the 1930s. The author substantiatesthe

concept of its transformationincluding the causes, forms and content.The basic directions and features of the activity of the Dalistpart (Historical–party department of the Far Eastern Bureau of the CC RCP(b)) in the final period of its existenceare covered.Formation of the new centers of historical science is elucidated, their continuity to Dalistpart is revealed.

Keywords: Soviet historical science, Dalistpart, CPSU (b), Far Eastern kray (territory), the history of the Civil War and intervention.

THE LOCAL LORE STUDY AND THE SOVIET AUTHORITY IN THE 1930s (ON THE MATERIALS OF THE FAR EAST).

Ekaterina Yaseneva – senior lecturer, Department of the Russian and world history, Sakhalin State University, Uzhno–Sakhalinsk. E–mail: napotapova@yandex.ru

The article is devoted to relations between the local lore study and the Soviet authorities in the 1930s on the materials of the Far East. The author examinesthe process of the formation and development of the local lore movement in the conditionsof changingparty–state policy, the consequence of which became elimination of local lore societies and, ultimately, curtailing the local lore movement in the center and at local level.

Keywords: Soviet power, the Soviet Far East, local lore, Far Eastern society of local lore.

THE ETHNIC ASPECT OF THE SOVIET PROPAGANDA IN THE SOVIET–JAPANESE WAR (1945).

Fedor Sinitsyn – Candidate of Historical Science, doctoral candidate, Institute of the Russian History RAS, Moscow. E–mail: permcavt@gmail.com

The article is devoted to the issue of the ethnic aspect of the Soviet propaganda during the Soviet–Japanese War (1945). The author identifies its main forms, methods and “target groups” (citizens of the USSR, soldiers of the Red Army, indigenous population of Manchuria and Korea). It is shown that the Soviet propaganda used an appeal to the historical experience of the Russian–Japanese confrontation, defense of the Motherland, the punishment of Japanese aggressor and restoration of historical justice (revenge for the defeat in 1904–1905 and occupation during the Civil War). In the same time, it is necessary to underline that the Soviet propaganda did not use nationalistic and chauvinistic messages.

Keywords: Soviet–Japanese war, Soviet–Japanese relations, Soviet propaganda, ethnic policy, Far Eastern Front.

LOCUS OF POWER. REPRESENTATION OF THE STATE IDEA IN THE FAR EASTERN ARCHITECTURE.

Alina Ivanova – Candidate of architecture, associate Professor, Department of design, Pacific National University, Khabarovsk. E–mail: iva.nova@mail.ru

The origins ofrepresentative style of the Russian Federation are considered in historical sequences (the palace architecture of imperial and socialist Russia). Parallels between the artistic heritage of Langman, Trotsky and Stakenschneider are drawn. Theobjects ofFar Easternpost–Art Deco are treated asan example of the optimalstate aesthetics, the White house as a symbol of power, architecture as a way of constructing social reality. The cultural strategies of Russia in the Pacific region are shown in this context.

Keywords: classicism of the Far East, reduction of order.

EVERYDAY LIFE OF VLADIVOSTOK IN STALIN AND POST–STALIN PERIODS.

Tatyana Lomova – Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of art, culture and sport, FEFU. E–mail: lomova69@mail.ru

Everyday life of Vladivostok during Stalin and post–Stalin periods is described on the basis of oral history method. The author examines the influence of different factors on people's lives such as absence of hostilities, the availability of rich marine resources and "closed" character of the city.

Keywords: oral history, personal memories, collective memory, Vladivostok, Stalin, Khrushchev.

INFORMATION POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE SECOND HALF OF THE XX – THE EARLY XXI C.: THEORETICAL ASPECTS AND HISTORICAL STAGES.

Alexander Gerasimenko – Candidate of Historical Sciences, Head of Department of information technologies, IHAE FEBRAS. E–mail: ihaefe@yandex.ru

The article shows the evolution of the information policy of the Russian state in the last 50 years. The main stages are defined, the key moments and driving force of the transformation of the Russian information spaceare identified. The level of development of the information field in the Russian Far East is assessed.

Keywords: information policy, information space, global network, mass media, Internet, authority, society.

THE POLITICAL CENSORSHIP IN THE SOVIET FAR EAST IN THE STALIN'S AND POST–STALIN PERIODS.

Elena Galenko – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Department of service and tourism, FEFU. E–mail: galenko_tgey@mail.ru

Based on documents from the funds of the archives of the Primorsky and Khabarovsk krais, the author examines the activity and the specifics of the Soviet political censorship, which made the total ideological control in the post–war period. The article analyses the changes which took place in the system of censorship in the context of political thaw as well as the working methods of the censors in remote and border areas.The value of the censor documentation as a historical source is definedfor identifying the factors that influenced the social development of some groups of the population, living in the Soviet Far East in the Stalin's and post–Stalin periods.

Keywords: censorship, Stalinism, political thaw, the Soviet Far East.

THE CASE OF "DOCTORS' PLOT", 1953, IN THE PERCEPTION OF THE RESIDENTS OF THE SOVIET FAR EAST.

Natalya Kamardina – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of Russian and overseas history, KamSU. E–mail: nata_kamardina@mail.ru

This article is about the problem of perception by the Far Eastern residents of the case "Doctors' Plot" which was fabricated in the USSR in the early 1950s. Society was influenced by the anti–Jewish unmasking campaign and sometimes spawned an absurd rumors, phobias and unmotivated hatred towards the others. Soviet authorities made significant effort trying to manipulate public opinion and to smooth the negative effects of the propaganda campaign.

Keyword: Stalinism, "Doctors' Plot", public consciousness, anti–Semitism, the Far East.

FOLKLORE CULTURE OF THE SOVIET FAR EAST IN THE 1920–1930s: TRADITIONS AND INNOVATIONS.

Lidiya Fetisova – Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: lefet@yandex.ru

This article covers the specifics of the historical period of the 1920–1930s reflected in the folklore culture of the southern Far East of the USSR. The ambiguity of perception by people's imaginative thinking of drastic changes in their lives has been shown.

Keywords: folklore culture, genre structure, sphere of being, revolutionary rhetoric, drastic changes, ideological mythologems.

THE CONTINUITY OF THE CULTURAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE SPHERE OF THEATRE: THE 1920–1980s.

Erika Osipova – Candidate of Historical Science, researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: eossipova@yandex.ru

The article investigates the policy of the Soviet state in the sphere of theatre on the basis of materials of the Far East. The author reveals its gradual continuity when the theatre maintained its inherent values but acquired the certain characteristics correspond to the political regime. It is shown that the functioning of the Soviet theatre was under the influence of social and economic factors as well as political and ideological doctrines.The authorities persistently interfere in the theatrical management that was reflected in creative outcome and repertoire policy of theaters.This line remained unchanged and only the circumstances of time were changing.

Keywords: cultural policy, theater management, government, stage performance, dramaturgy, phases.

PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE USSR IN THE 1930–1950s AS THE BEARERS OF ANTIRELIGIOUS PROPAGANDA.

Oksana Fedirko – Doctor of Historical Sciences, Professor, FEFU. E–mail: fedenka@email.su

The article is devoted to the history of the Soviet publicorganizations involved in antireligious propaganda such as: the Union of militant atheists, the All–USSR lecturing bureau under the Committee for the higher school affairs of the Council of Peoples Commissars, the All–USSR society for propagation of the political and scientific knowledge, the All–USSR society "Znaniye".

Keywords: religion, antireligious propaganda, ideology, public organizations.

FAR EASTERN BAPTISTS IN THE YEARS OF STALIN'S REPRESSIONS.

Svetlana Dudarenok – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian history and archival studies, FEFU. E–mail: dudarenoksv@gmail.com

This article discusses the causes and consequences of mass repressions against the Far Eastern Baptists in the 1930s, describes the components of crime which were incriminated to believers, focuses on large–scale repressions actions against Baptists in Primorye in the years of Great terror.

Keywords: believers, Baptists, anti–Soviet activity, repression, terror, espionage.

EVANGELICAL BAPTIST COMMUNITY OF THE SOVIET FAR EAST AND POWER BETWEEN THE TWO WORLD WARS: THE EVOLUTION OF RELATIONS.

Natalia Potapova – Candidate of Historical Sciences, associated Professor, Department of Russian and world history, Sakhalin State University, Yuzhno–Sakhalinsk. E–mail: napotapova@yandex.ru

The article studies the evolution of relations between the Evangelical Baptist community of the Soviet Far East and the power in the period between the two world wars. The author analyzes the influence on the development of these relations of political, ideological and geopolitical factors, reveals the continuity of the religious policy of the Soviet state and the Russian Empire in respect of the studied denominations.

Key words: Evangelical Christianity, Baptism, state religious policy, the Far East, repressions.

IMAGE OF STALIN ON THE PAGES OF RUSSIAN EMIGRE NEWSPAPERS IN THE UNITED STATES IN THE 1940–1970s.

Tatiana Shugailo – researcher, Research Department, Arseniev State Museum of Primorsky region, Vladivostok. E–mail: randy–t@rambler.ru

The article analyzes the perception of Stalin's personality by Russian emigre press in the United States as a personified image of the Soviet political system. The study is based on the publication of American Russian–language newspapers *Novoe russkoe slovo* (*The New Russian Word*), *Russian Life*, *Russia*. The author shows the changes in the assessment of the Soviet ruler and the tone of newspaper materials which took place under the influence of global events (WWII, "cold war", suppression of the "Prague spring") and change of political courses in the USSR (the struggle for power of Stalin's "heirs", the reign of N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev).

Keywords: Russian emigration press, image of Stalin, USSR, USA.

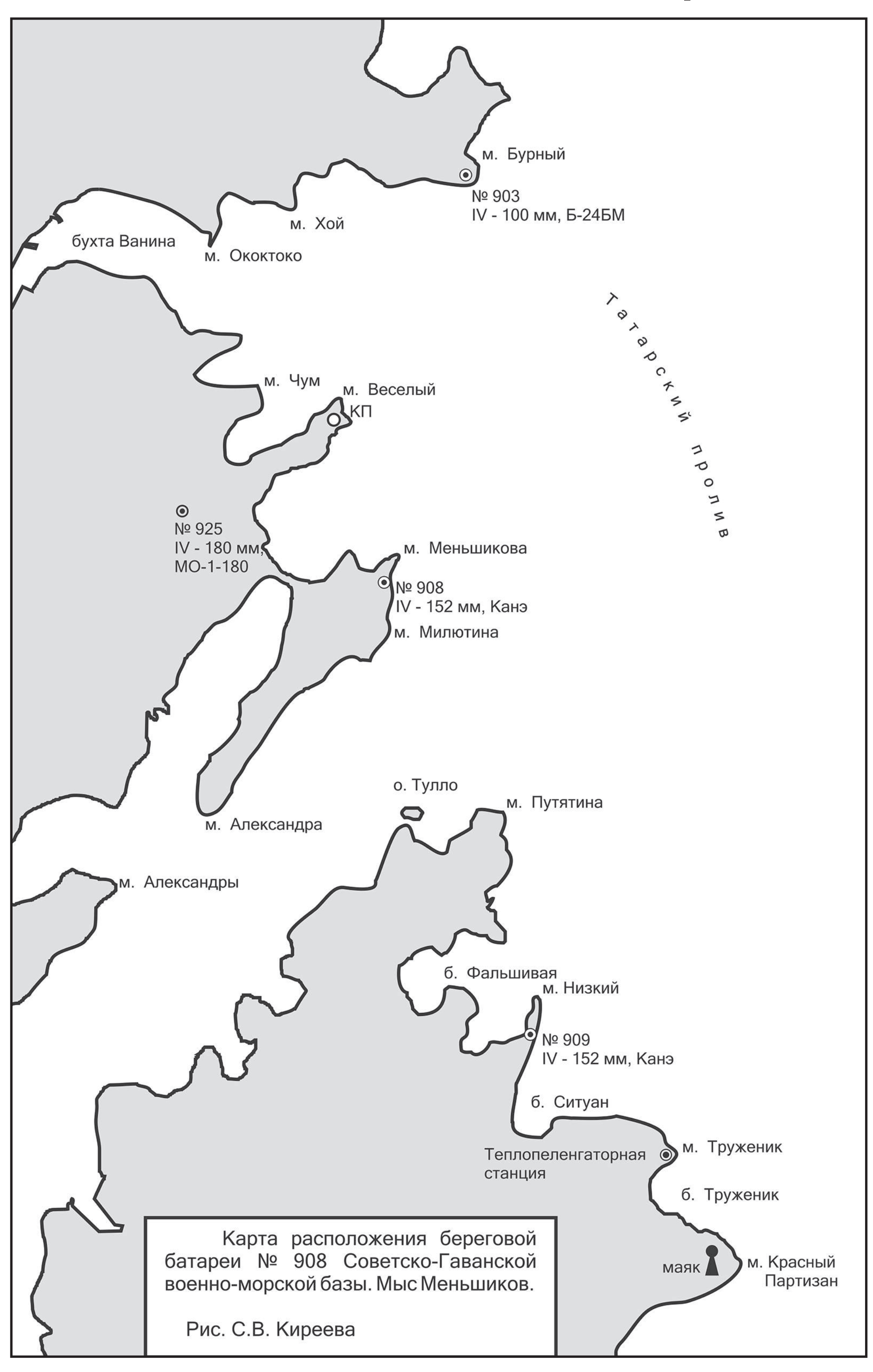
"NEOSTALINIZM" AS A MANIFESTATION OF PROTEST MOODS IN THE MODERN RUSSIA.

Yuliya Kovalevskaya – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAE FEB RAS. E–mail: tupa67@mail.ru

"Neo–Stalinism" is the part of several modern ideologies: communism, National Bolshevism, neopaganism and modernization. Stalinism and Soviet legacy became popular as the protest against the results of neo–liberal reforms in Russia: hard social stratification, marginalization of the population, economic and social environment degradation, lack of the "state of development".

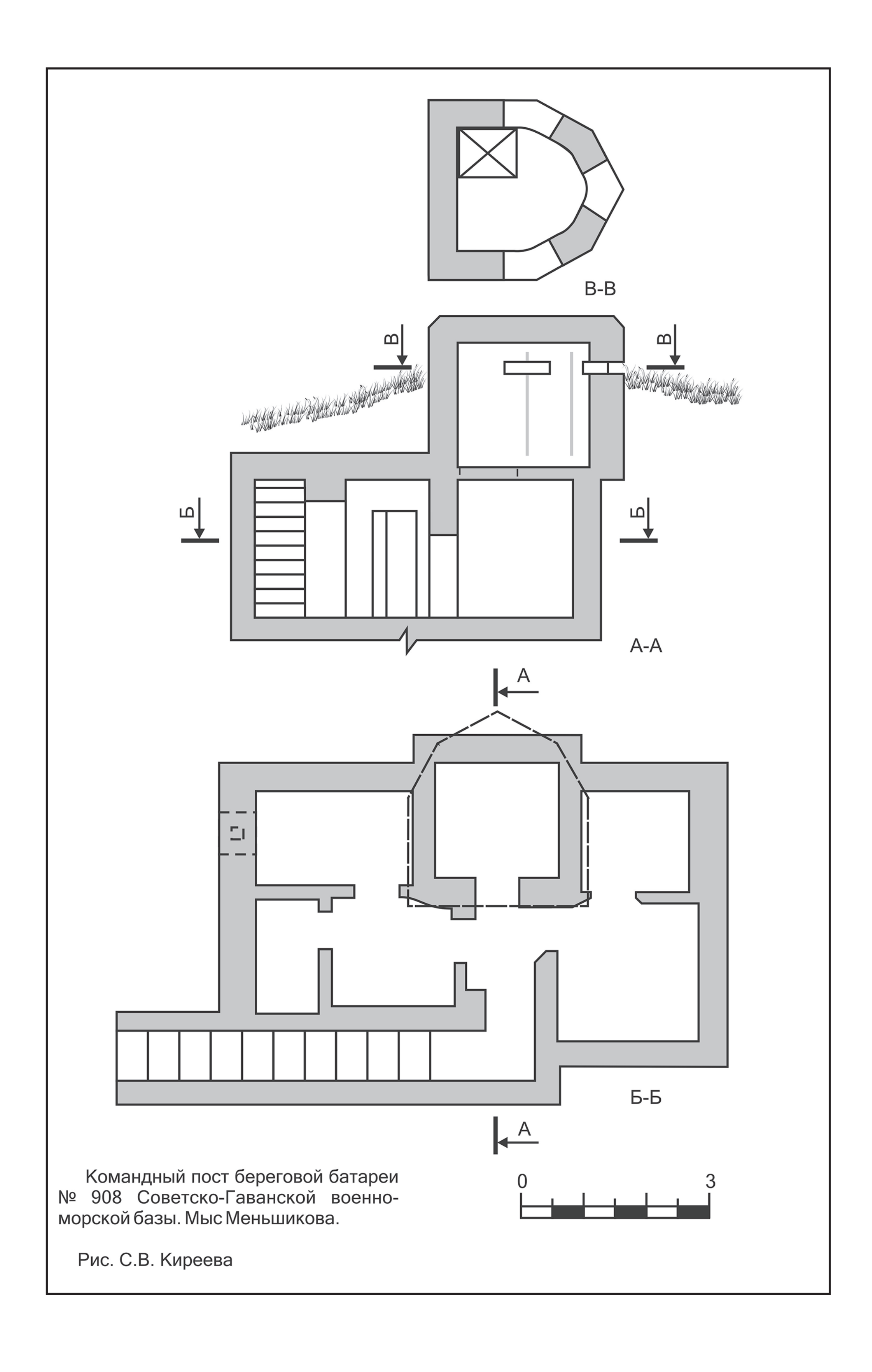
Key words: "Neo–Stalinism", neo–liberal reforms, social protest.

Приложение 1

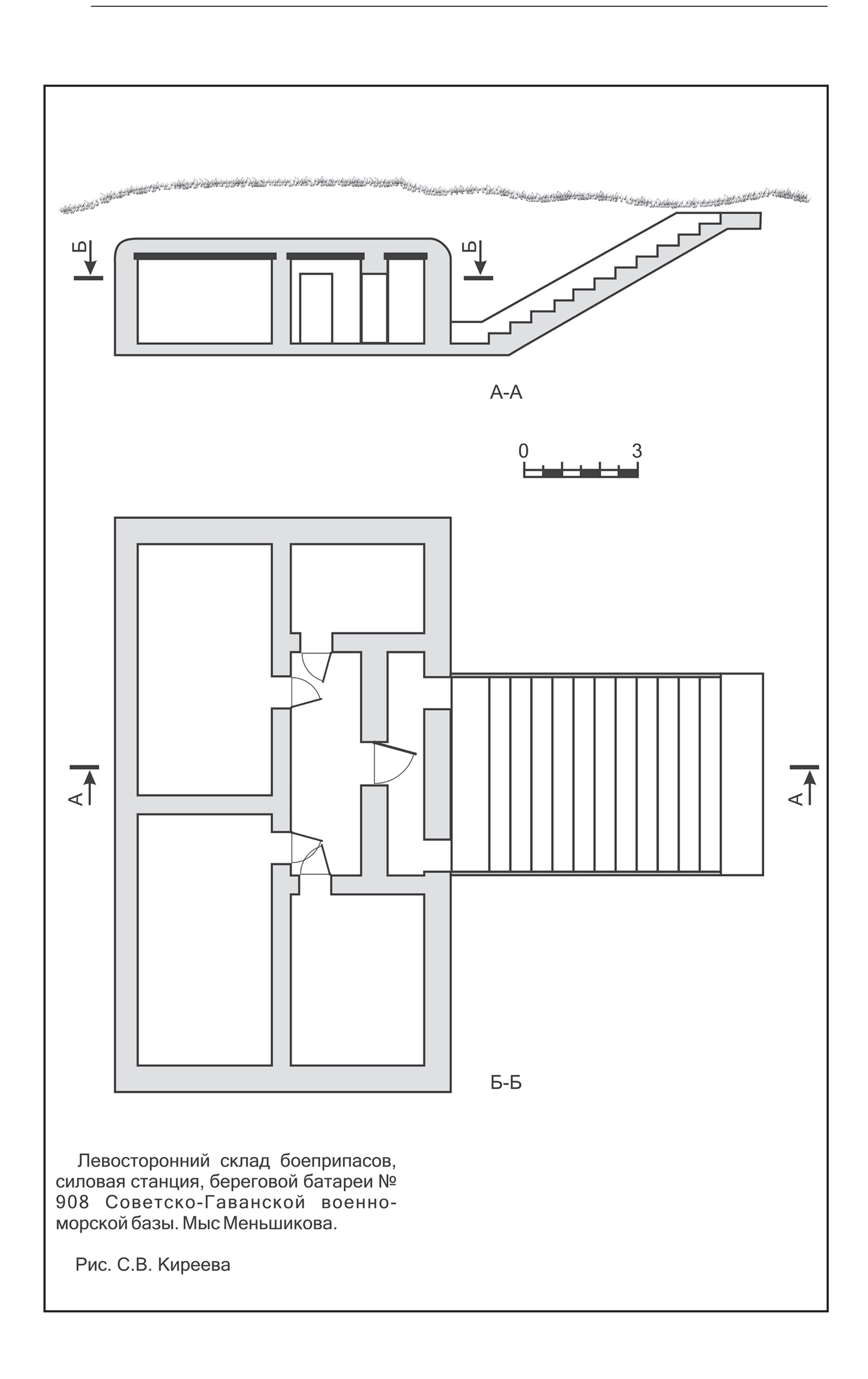
Карта расположения береговой батареи № 908 Советско-Гаванской военно-морской базы. Мыс Меньшиков.

Рис. С.В. Киреева

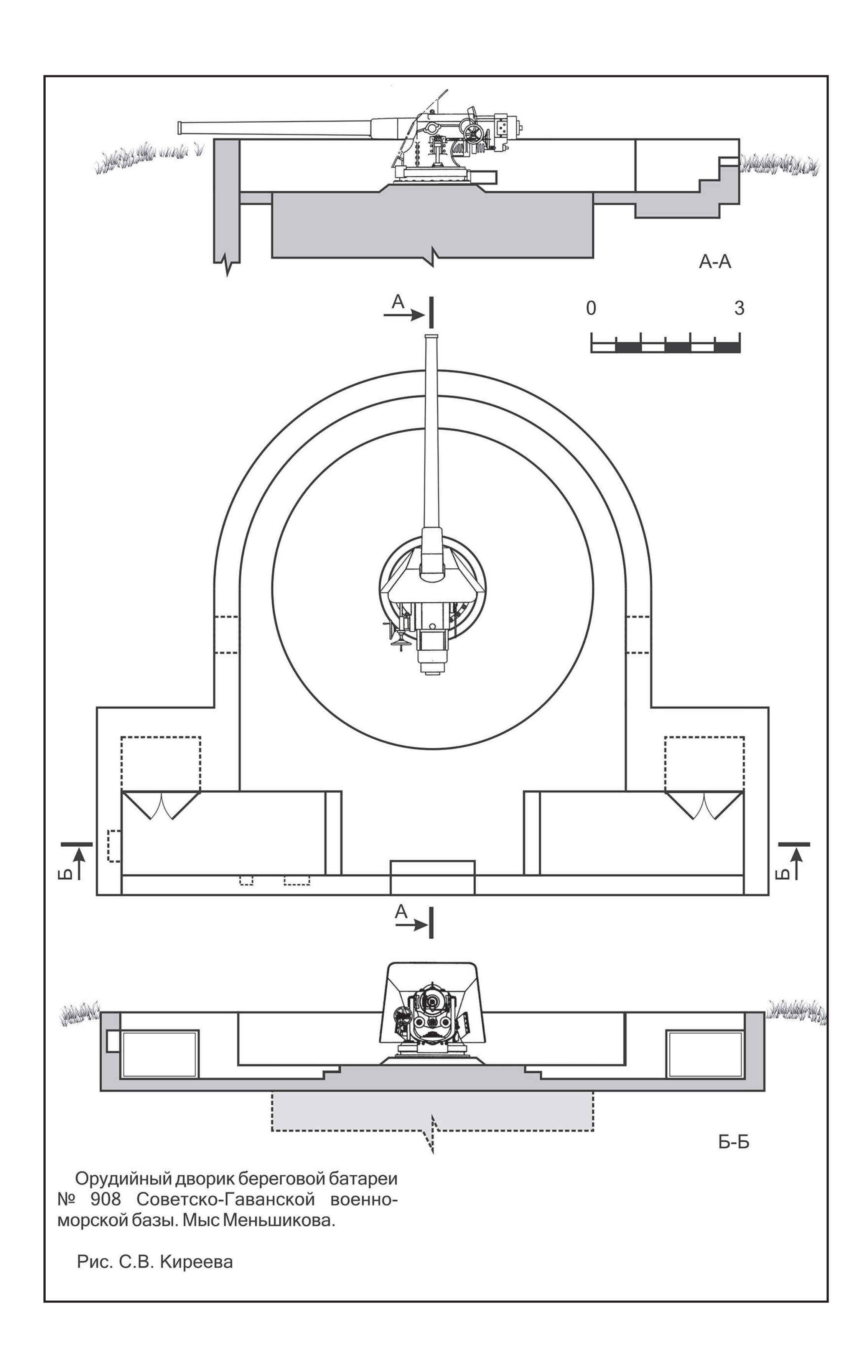
Командный пост береговой батареи № 908 Советско-Гаванской военно-морской базы. Мыс Меньшикова.

Рис. С.В. Киреева

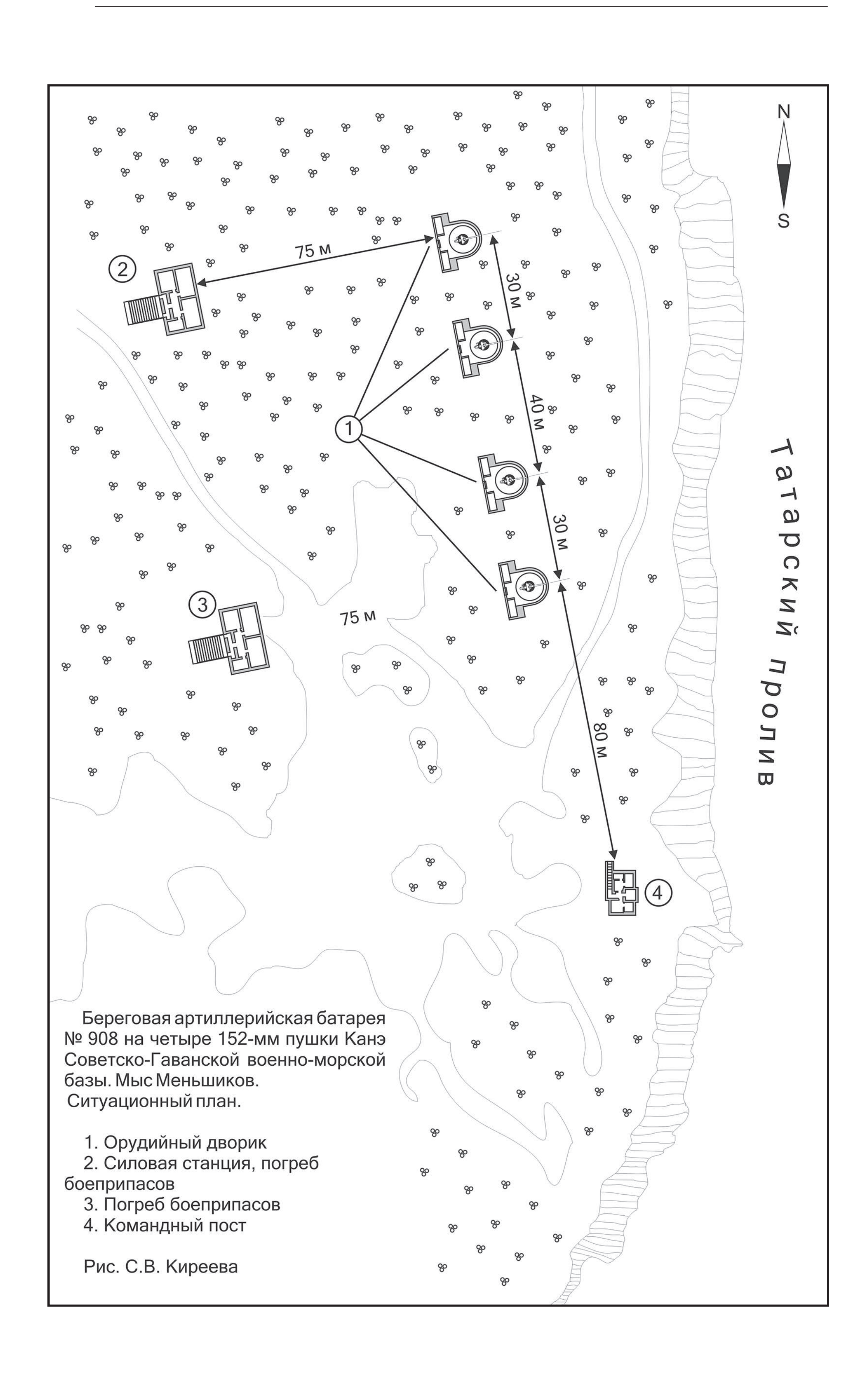
Левосторонний склад боеприпасов, силовая станция, береговой батареи № 908 Советско-Гаванской военно-морской базы. Мыс Меньшикова.

Рис. С.В. Киреева

Орудийный дворик береговой батареи № 908 Советско-Гаванской военно-морской базы. Мыс Меньшикова.

Рис. С.В. Киреева

Береговая артиллерийская батарея № 908 на четыре 152-мм пушки Канэ Советско-Гаванской военно-морской базы. Мыс Меньшиков.
Ситуационный план.

1. Орудийный дворик
2. Силовая станция, погреб боеприпасов
3. Погреб боеприпасов
4. Командный пост

Рис. С.В. Киреева

Орудийный дворик. Вид во фронт. Фото С.В. Киреева.

Орудийный дворик. Вид в тыл. Фото С.В. Киреева.

Орудийный дворик. Вид на левый фланг. Фото С.В. Киреева.

Орудийный дворик. Вид на правый фланг. Фото С.В. Киреева.

Вход в силовую станцию – орудийный погреб. Фото С.В. Киреева.

Командный пост. Рубка управляющего огнем. Фото С.В. Киреева.

Силовая станция. Оформление входа в виде сквозника. Фото С.В. Киреева.

Силовая станция. Выхлопная труба дизель–генератора. Фото С.В. Киреева.

Силовая станция. Двери внутренних помещений. Фото С.В. Киреева.

Командный пост. Рубка управляющего огнем – вид изнутри. Фото С.В. Киреева.

Командный пост. Лестница.
Фото С.В. Киреева.

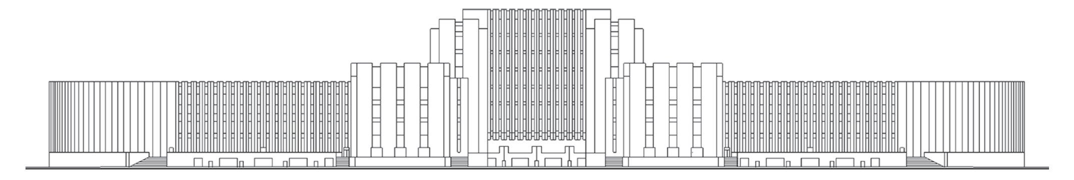

Командный пост. Тамбур.
Фото С.В. Киреева.

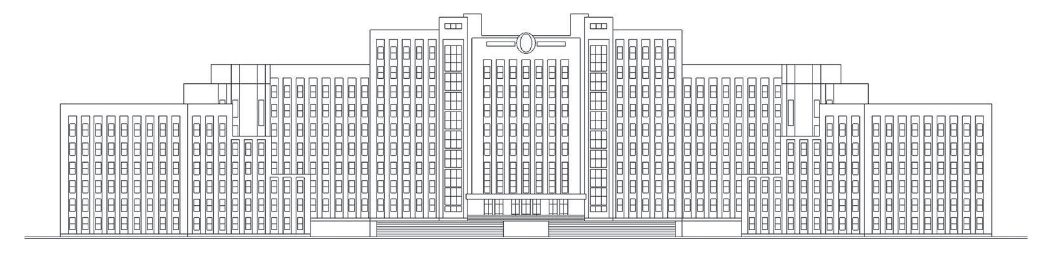
Приложение 2

Рисунок 1. Советская этатическая архитектура

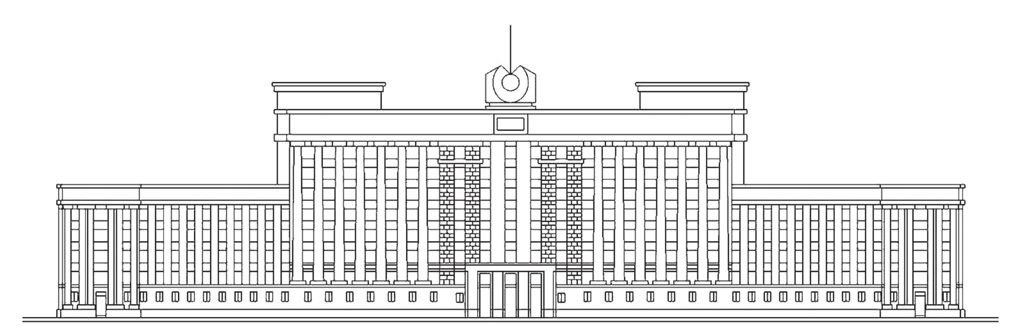
Гамильтон Г.О. САСШ. Проект. Дворец Советов. Высшая премия.
Всесоюзный конкурс, 1932 г.

Дом правительства БССР, Минск (арх. Лангбард И. Г., 1929 г.)

Дом Советов на Московском проспекте, Ленинград (арх. Ной Абрамович Троцкий, соавторы М.А. Шепилевский и Я.Н. Лукин, 1936–1941 гг.)

Здание Государственной Думы на Охотном ряду в Москве (изначально – здание Госплана СССР, арх. Александр Яковлевич Лангман, 1932—1935 гг.)

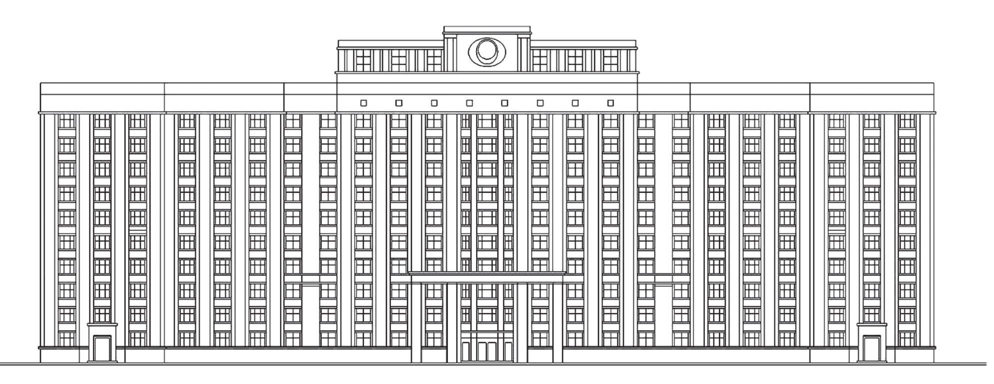
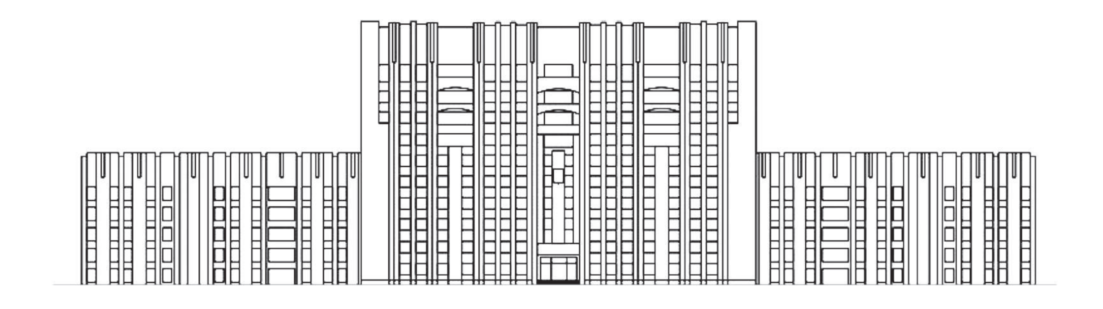
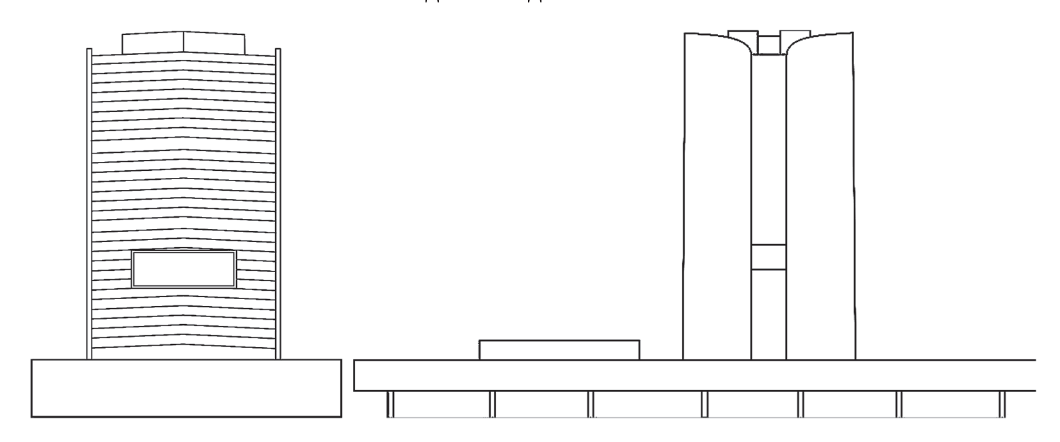

Рисунок 2. Архитектурная репрезентация региональной власти

Белый дом. Хабаровск. 1984–1986 гг.

Белый дом. Владивосток.1983 г.

Краевой суд. Хабаровск. 2010 г.

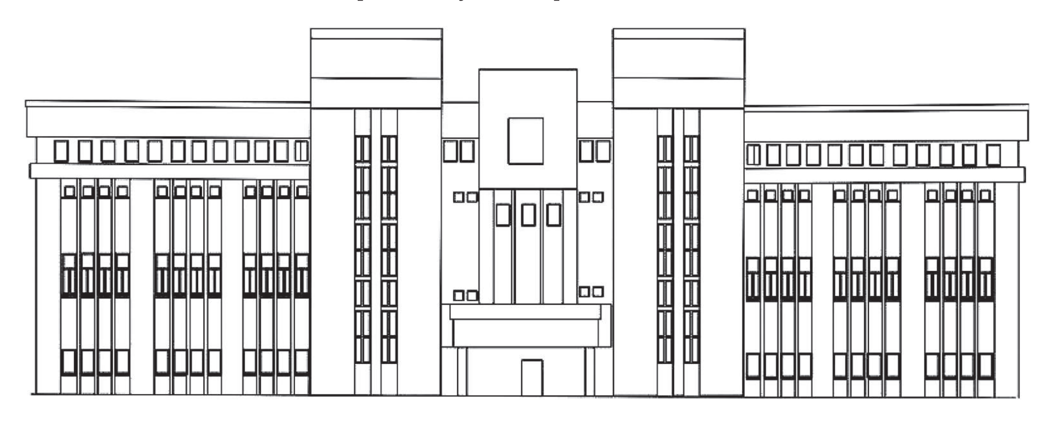
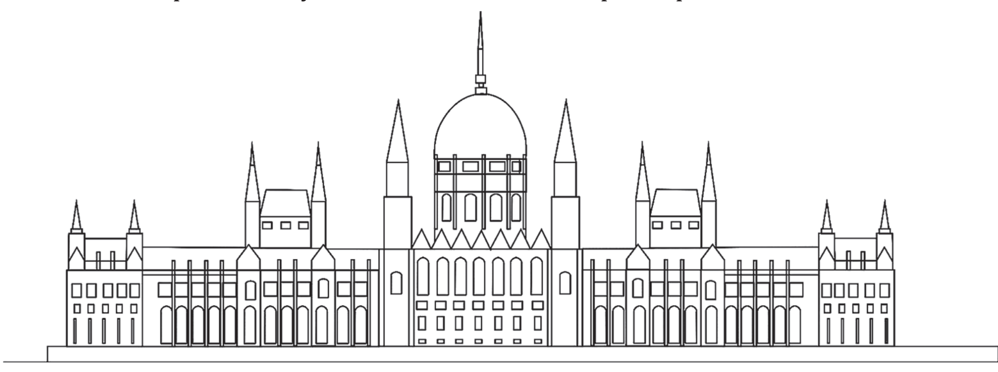

Рисунок 3. Объекты, символизирующие законодательную и судебные ветви власти. XIX в. Купольное завершение: сакрализация власти

Рейхстаг. Берлин. 1884–1894 гг. Арх. Пауль Валлот

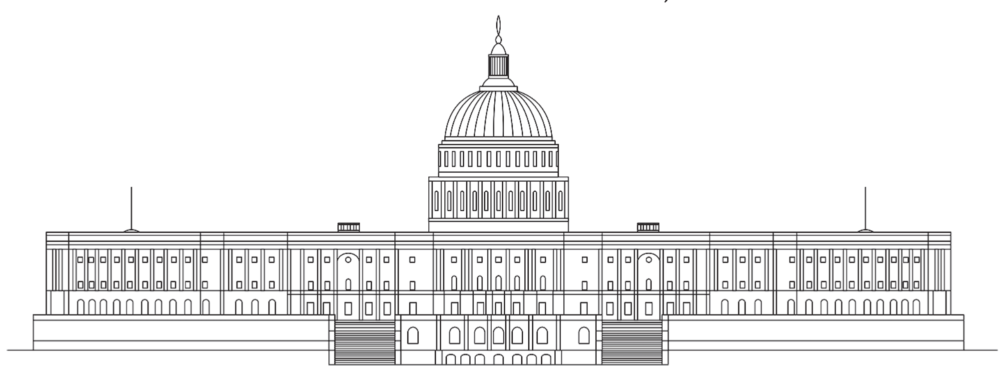
Парламент. Будапешт. 1884–1904 гг. Арх. Имре Штайндль

Дворец Юстиции. Брюссель. Жозеф Пуларт, 1866–1883 гг.

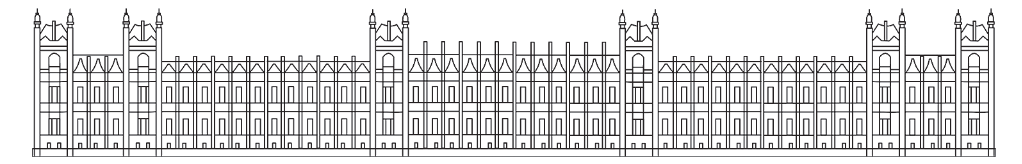

Капитолий. Вашингтон. William Thornton, 1793–1863 гг.

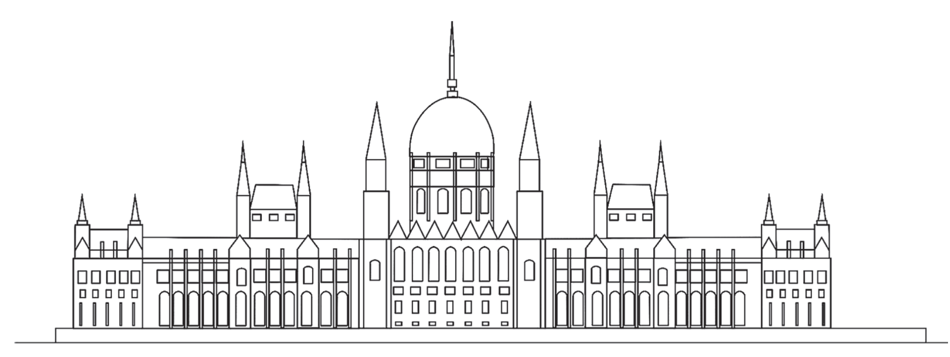

Объекты, символизирующие законодательную ветвь власти. XIX в.
Неоготика как способ национальной самоидентификации

Здание Парламента. Лондон. 1836–1870 гг. Арх. Ч. Бэрри, О. Пьюджин

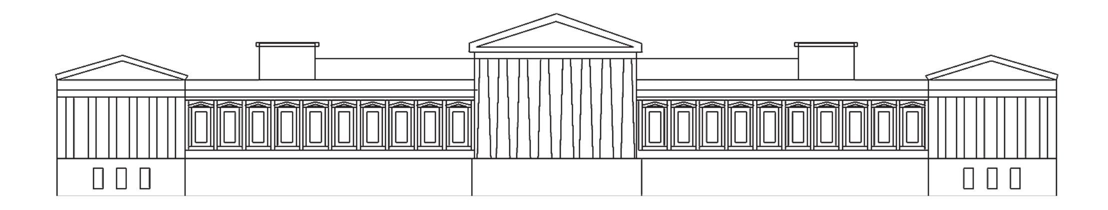

Парламент. Будапешт.

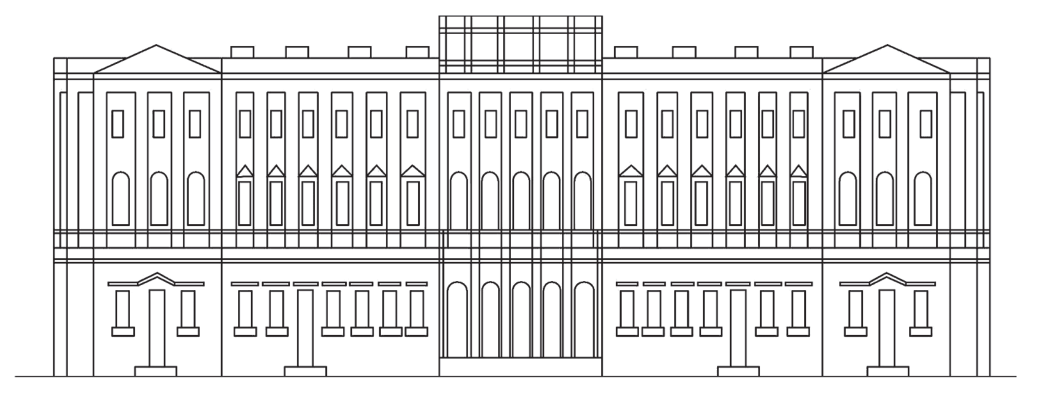

Объекты, символизирующие идею Империи. Россия. Санкт–Петербург. XIX в.
Иерархическое трехчастное деление фасада, ордерный декор

Михайловский дворец. 1839–1844 гг. Арх К. Росси.

Мариинский дворец. 1839–44 гг. Арх. А. И. Штакеншнейдер

Научное издание

Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи

Сборник научных статей

Редакторы
Л.Г. Вечерская
А.С. Селиверстова

Верстка
А.А. Казанцев

Подписано в печать 02.07.2014 г.
Печать офсетная. Формат 70x108/16
усл. печ. л. 25,23
Тираж 500 экз.

Издательство «48 часов» (ИП Ковальков А.Н.)
г. Владивосток, ул. Дальзаводская, 2, оф. 30 Б.
Тел.: +7(423) 246-48-54, e-mail: info@48chasov.com

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел: +7(423) 222-05-07; e-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Владивосток
2014